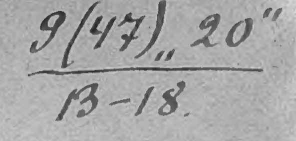
Мс
50
В18

Варшавский
Жизнь
и
труды
первой государ[illegible]
думы 5077407

8/гт 47 6460

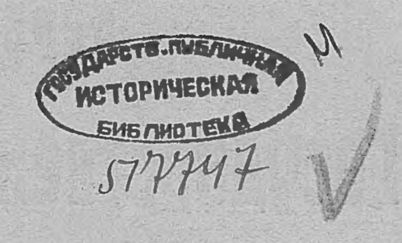

С. Варшавскій.

Жизнь и труды первой Государственной Думы.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА. — 1907.

Отъ автора.

Дума умерла, да здравствуетъ Дума!

Дума умерла... Учрежденіе, мыслями о которомъ жила и дышала великая страна, на которомъ было сосредоточено вниманіе всего міра, перестало существовать.

Пройдутъ мѣсяцы, пронесется тяжелое время «междудумья», и Дума возродится для новой жизни.

Придутъ опять люди, появятся новыя лица, и работа закипитъ снова.

Но исторія не забудетъ перваго парламента, рожденнаго въ мукахъ истерзанной страны. Каковы бы ни были судьбы нашей родины, первая Дума не умретъ въ памяти народа; ея работа впишется на страницы исторіи, и нѣтъ той силы, которая могла бы зачеркнуть или вырвать эту страницу.

Пройдутъ годы, страсти улягутся, многое предстанетъ въ иномъ свѣтѣ подъ историческимъ угломъ зрѣнія, матеріалы, относящіеся ко времени перваго русскаго парламента, будутъ собраны, систематизированы, связаны въ одно стройное историческое цѣлое. Но время для историческаго изслѣдованія еще не наступило. Слишкомъ близка къ намъ первая Дума, слишкомъ свѣжа ея утрата, и не историческій обзоръ является въ данную минуту нашей задачей, а рядъ систематизированныхъ очерковъ, посвященныхъ этому учрежденію, столь близкому, столь недавно утраченному, что оно рисуется воображенію еще полнымъ жизни, силъ, надеждъ и высокихъ стремленій.

Автору этой книги пришлось войти въ первую Думу въ день ея открытія, присутствовать на всѣхъ, безъ исключенія, засѣданіяхъ ея, наблюдать Думу и въ дни работы, и въ часы

отдыха, и въ минуты высокаго подъема, и въ минуты тяжелыхъ колебаній, познакомиться съ жизнью думскихъ кулуаровъ, близко узнать многихъ депутатовъ. Совокупность наблюденій даетъ матеріалъ для освѣщенія истинной физіономіи Думы. Наблюденія эти печатались на страницахъ «Русскаго Слова». По техническимъ условіямъ приходилось въ то время многое опускать, сокращать, комкать. Теперь есть возможность восполнить эти очерки, связать между собой и систематизировать.

Авторъ брошюры задался двоякаго рода цѣлью: 1) не становясь на точку зрѣнія какой-либо опредѣленной партіи, дать рядъ очерковъ изъ жизни Думы, освѣтить наиболѣе яркіе моменты, очертить физіономію наиболѣе видныхъ парламентскихъ дѣятелей и 2) дать въ то же время настолько полный фактическій матеріалъ, чтобы онъ могъ, до извѣстной степени, замѣнить обширныя несистематизированныя стенограммы.

Весь матеріалъ разбитъ на нѣсколько главъ, представляющихъ рядъ сжатыхъ очерковъ, охватывающихъ всю дѣятельность Думы и систематизированныхъ по вопросамъ, на разработкѣ которыхъ останавливалась Дума.

Движеніе каждаго вопроса, каждаго законопроекта изложено въ хронологическомъ порядкѣ и прослѣжено отъ начала до конца, отъ момента возникновенія даннаго законопроекта или вопроса въ Думѣ до того момента, въ который данный вопросъ былъ застигнутъ роспускомъ Думы.

Можетъ быть отмѣчена еще одна черта произведенной работы. Среди депутатовъ первой Государственной Думы автора особенно интересовали крестьяне—ихъ настроенія, взгляды и отношеніе къ различнымъ вопросамъ.

Итакъ, не протокольная, а живая Дума, Дума въ дѣйствіи—такова была задача; не исторія Думы, а изученіе фактическаго матеріала и рядъ наблюденій и впечатлѣній, собранныхъ по мѣрѣ силъ и умѣнія, въ видѣ матеріала для будущаго историка.

С. В.

I.

Государственная Дума въ день открытія.

Миновали дни перваго русскаго парламента.

Колесница исторіи совершаетъ свой бѣгъ, и минувшіе дни, какъ вѣхи, уходятъ въ даль.

Оглянемся назадъ и остановимся на недавнемъ прошломъ.

* * *

Утро 27-го апрѣля.

Съ вечера 26-го апрѣля корреспондентамъ газетъ заявили, что билеты для входа въ Зимній дворецъ будутъ выдаваться утромъ 27-го въ бюро печати, помѣщавшемся на Конногвардейскомъ бульварѣ.

Но Конногвардейскій бульваръ для конногвардейцевъ, и уже съ 9-ти часовъ утра къ помѣщенію бюро «не пущаютъ»: ни справа, ни слѣва, ни спереди, ни сзади, и злополучные корреспонденты нѣкоторое время мечутся, такъ сказать, въ пространствѣ.

Но вотъ черезъ боковые улицы и переулки мы попали въ бюро.

Билетовъ нѣтъ и когда будутъ—неизвѣстно.

Проходитъ часъ и два, а билетовъ все нѣтъ.

— Да вы бы пошли справились въ министерствѣ,—обращаются къ корреспонденту одной изъ петербургскихъ газетъ.

— Съ удовольствіемъ, да вѣдь назадъ не попадешь!

Приходится считаться со справедливостью этого замѣчанія и ждать.

Передъ самыми окнами бюро строются ряды конногвардейцевъ въ киверахъ и бѣлыхъ мундирахъ.

Музыка играетъ, и намъ начинаетъ казаться, что... билетовъ мы такъ и не получимъ.

Нѣкоторые настроены совсѣмъ пессимистически.

Но, наконецъ, принесли билеты.

Ихъ моментально расхватываютъ по рукамъ, и бюро быстро опустѣло.

Извозчики съ синими пропусками, прикрѣпленными къ шапкамъ (пропуски были присланы вмѣстѣ съ билетами), мчатся къ Дворцовой площади мимо рядовъ публики, старающейся разглядѣть проѣзжающихъ черезъ головы полицейскихъ и хвосты жандармскихъ лошадей.

А вотъ и площадь передъ Зимнимъ дворцомъ.

Полиція, жандармы, гвардейцы, конные и пѣшіе, синіе, бѣлые, красные, желтые, оранжевые—всѣхъ цвѣтовъ спектра и... кучки «союза русскаго народа» съ какими-то значками на груди.

Великолѣпная картина,—какъ пишутъ въ офиціозахъ,—картина, которой, согласно церемоніалу, радуется яркое весеннее солнце.

Представителей печати впускаютъ черезъ Малый Эрмитажный подъѣздъ.

Здѣсь, въ передней, на столѣ, разложены наши фотографическія карточки, и какіе-то обязательные молодые люди сличаютъ физіономіи входящихъ съ фотографіями.

Иногда по ихъ лицамъ пробѣгаетъ тѣнь сомнѣнія и недовѣрія.

Да это и понятно.

Для дворца потребовали сверхъ ранѣе представленныхъ еще по двѣ фотографическихъ карточки, которыхъ у большинства корреспондентовъ не оказалось, и мы наканунѣ ходили сниматься въ какую-то американскую электрическую моментальную фотографію. Физіономіи вышли у всѣхъ черныя, а глаза бѣлые, мигающіе и на выкатѣ.

Насъ набирается много, человѣкъ 70. Много иностранныхъ корреспондентовъ съ характерными, бритыми физіономіями.

Насъ довольно долго заставляютъ дожидаться въ передней. Вотъ привезли икону, передъ которой должно быть совершено молебствіе. Икону сопровождаетъ діаконъ и полковникъ, но у полковника не оказывается именного пропуска, и дежурный дворцовый офицеръ, человѣкъ молодой, въ высокомъ, остроконечномъ, скошенномъ сзади киверѣ, отказывается его впустить.

— Но у меня ключи отъ святыни.

— Простите, но не могу!

— Я—Дмитріевъ, полковникъ.

— Имѣю честь знать васъ лично, но не могу...

Офицеры щелкаютъ шпорами, вѣжливо другъ съ другомъ раскланиваются, но младшій такъ и не рѣшается впустить старшаго.

Появляется какой-то генералъ, и носителя ключей отъ святыни, наконецъ, впускаютъ.

Наконецъ, и насъ пригласили наверхъ. Мы поднимаемся по лѣстницѣ, быстро проносимся по амфиладѣ великолѣпныхъ комнатъ, вызывая неодобрительныя улыбки старой дворцовой прислуги въ золотыхъ кафтанахъ, усѣянныхъ гербами, и попадаемъ на хоры троннаго Георгіевскаго зала.

Великолѣпный залъ съ бѣлыми мраморными колоннами, съ инкрустированнымъ поломъ и золоченымъ потолкомъ.

Смотримъ внизъ. Тамъ еще пусто, и лишь время отъ времени по залу проходятъ церемонійместеры и лакеи.

Вотъ начинаютъ появляться сановники и генералы. Залитые золотомъ мундиры, съ ключами пониже поясницы и безъ ключей, ленты голубыя, синія, красныя съ широкой и узкой каймой и совсѣмъ безъ каймы, звѣзды, ордена, блескъ и сіяніе.

Особенно выдѣляются мундиры сенаторовъ. Вотъ, прихрамывая, медленной поступью проходитъ по залѣ старичокъ-сенаторъ, маленькій, сутулый, съ небольшой сѣдой головой. За нимъ другой, потолще, съ пергаментнымъ лицомъ, лишеннымъ усовъ, но окаймленнымъ бородой. Это—извѣстные ученые, юристы, которыхъ не разъ приходилось видѣть въ обыкновенной житейской обстановкѣ, въ скромныхъ сюртукахъ, на каѳедрѣ.

И такъ странно выглядятъ эти почтенные ученые въ своихъ бѣлыхъ панталонахъ и красныхъ мундирахъ!

Вотъ они подошли къ группѣ другихъ старцевъ въ такихъ же яркихъ костюмахъ...

Правая сторона отъ трона наполнилась, и черезъ входныя двери узкой, черной лентой потянулись они, непривычные гости этихъ чертоговъ.

И стали лицомъ къ лицу.

Представители старой, сановной Руси во всемъ блескѣ и сіяніи своихъ мундировъ и регалій и люди новой Россіи, первые представители русскаго народа.

Согласно церемоніалу, новые люди стали по *лѣвую* сторону отъ трона.

Такого размѣщенія требовалъ этикетъ, но въ ту минуту казалось, что въ этомъ размѣщеніи есть болѣе глубокій смыслъ.

Начался церемоніалъ Высочайшаго выхода.

Послѣ торжественнаго молебствія, Государь Императоръ взошелъ на тронъ и произнесъ тронную рѣчь.

Приводимъ ее буквально:

«Всевышнимъ Промысломъ врученное Мнѣ попеченіе о благѣ отечества побудило Меня призвать къ содѣйствію въ законодательной работѣ выборныхъ отъ народа.

Съ пламенной вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи, Я привѣтствую въ лицѣ вашемъ тѣхъ лучшихъ людей, которыхъ Я повелѣлъ возлюбленнымъ Моимъ подданнымъ выбрать отъ себя.

Трудная и сложная работа предстоитъ вамъ. Вѣрю, что любовь къ родинѣ и горячее желаніе послужить ей воодушевятъ и сплотятъ васъ.

Я же буду охранять непоколебимыми установленія, Мною дарованныя, съ твердой увѣренностью, что вы отдадите всѣ свои силы на самоотверженное служеніе отечеству для выясненія нуждъ столь близкаго Моему сердцу крестьянства, просвѣщенія народа и развитія его благосостоянія, памятуя, что для духовнаго величія и благоденствія государства необходима не одна свобода,—необходимъ порядокъ на основѣ права.

Да исполнится горячее Мое желаніе видѣть народъ Мой счастливымъ и передать Сыну Моему въ наслѣдіе государство крѣпкое, благоустроенное и просвѣщенное.

Господь да благословитъ труды, предстоящіе Мнѣ въ единеніи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой, и да знаменуется день сей отнынѣ днемъ обновленія нравственнаго облика земли Русской, днемъ возрожденія ея лучшихъ силъ.

Приступите съ благоговѣніемъ къ работѣ, на которую Я васъ призвалъ, и оправдайте достойно довѣріе Царя и народа. Богъ въ помощь Мнѣ и вамъ».

Тронная рѣчь была встрѣчена громовымъ «ура».

Государь сошелъ съ трона, и шествіе, согласно церемоніалу, направилось къ выходу изъ зала подъ звуки гимна оркестра, размѣщеннаго на хорахъ.

По оставленіи зала Высочайшими Особами всѣ поспѣшили къ выходу, и золотые мундиры слились съ мужицкими армяками,—старая Русь слилась съ новою въ одинъ потокъ.

Государь Императоръ, слѣдуя къ выходу изъ троннаго зала, пристально всматривался въ лица депутатовъ. Сановники, согласно придворному этикету, склонялись.

Ряды депутатовъ неподвижно и безмолвно провожали глазами Государя.

Изъ роскошныхъ палатъ Зимняго дворца представители народа направились на мѣсто своего высокаго служенія.

На улицахъ ихъ ждалъ народъ. Стиснутый полиціей и жандармами, онъ неудержимой лавой течетъ по пути слѣдованія депутатовъ и привѣтствуетъ ихъ восторженными кликами. Тысячи рукъ тянутся къ избранникамъ народа. Шапки мелькаютъ въ воздухѣ. Душа просилась на волю. Тысячи голосовъ слились въ одинъ кликъ: «Привѣтъ! Да здравствуетъ Дума! Слава избранникамъ народа!» А они, избранники народа, шли и ѣхали между его рядами, обнаживъ головы и отвѣчая на привѣтствія. Но вотъ и Таврическій дворецъ. Толпа совершенно запрудила улицу и, вытянувшись шпалерами, образовавъ изъ высоко поднятыхъ рукъ галлерею, пропускала народныхъ представителей. Они шли какъ бы подъ покровомъ и благословеніемъ народа. И новые крики со всѣхъ сторонъ. Крики измученной души народной, мощные и властные—свободы и амнистіи!

Депутаты проходили съ обнаженными головами. Я никогда не забуду одного момента. Крестьянинъ-депутатъ, коренастый, сильный, съ большой черной бородой, вдругъ обратился къ своему спутнику, тоже депутату, и закричалъ:—«Прохоръ Степанычъ, видалъ ты этакое?!.»—Онъ не договорилъ, но лицо его сіяло такою радостью, какой мнѣ никогда не приходилось встрѣчать на лицахъ пожилыхъ крестьянъ... Да, это былъ день высокаго, могучаго подъема. Трудно и тяжело вспомнить о немъ теперь, въ наши черные, страшные дни... Такой радости, такого подъема придется ждать долго. Вѣра разрушена, и такіе моменты не скоро повторяются. На память сама собой напрашивается одна параллель. Въ исторіи Петербурга былъ еще одинъ великій, свѣтлый день—5-го марта, день объявленія манифеста отъ 19-го февраля. Но этотъ день, по воспоминаніямъ современниковъ, прошелъ въ Петербургѣ почти безслѣдно въ смыслѣ внѣшнихъ проявленій. Историки того времени объясняютъ этотъ фактъ «робостью, забитостью и неувѣренностью народа, издавна привыкшаго быть объектомъ безцеремонной расправы со стороны начальства» (см.

Джаншіевъ. «Эпоха великихъ реформъ»). Прошли десятки лѣтъ, народъ продолжалъ оставаться объектомъ всякаго рода расправъ, но всесильный духъ времени сдѣлалъ свое могучее дѣло, и 27-го апрѣля былъ уже другой народъ. Это были ужъ не рабы, а граждане, встрѣчающіе своихъ избранниковъ...

Но вотъ и Таврическій дворецъ. Обширный, длинный, овальный аванзалъ со своей двойной бѣлой колоннадой и чуднымъ, расписнымъ потолкомъ полонъ оживленною толпой новыхъ хозяевъ. Идетъ торжественное молебствіе.

Въ 5 часовъ дня, послѣ окончанія молебствія, члены Думы собрались въ залѣ засѣданія. Полукруглый, сіяющій бронзой своихъ тяжелыхъ люстръ и свѣжей бѣлизной стѣнъ, сверкающій новой, свѣтло-сиреневой кожаной обивкой депутатскихъ мѣстъ, залъ, казалось, съ трудомъ вмѣстилъ этихъ людей, притекшихъ на великое дѣло со всѣхъ концовъ земли русской. Депутаты занимаютъ мѣста. Ложи полны бюрократической знати. Въ правой ложѣ отъ предсѣдательской трибуны весь кабинетъ, съ Горемыкинымъ во главѣ. На предсѣдательской трибунѣ появляется небольшого роста, сѣдой какъ лунь, старикъ, въ блескѣ своихъ лентъ и орденовъ. Это—статсъ-секретарь Фришъ, на котораго возложено порученіе открыть первое засѣданіе Государственной Думы. Г. Фришъ произноситъ привѣтственную рѣчь. Это первое слово, съ которымъ старый бюрократическій міръ обратился къ народнымъ представителямъ, и мы приводимъ эту рѣчь цѣликомъ.

«Исполняя волю Государя Императора, я счастливъ, что въ настоящій великій и торжественный для всей Россіи день мнѣ предоставлена высокая честь привѣтствовать васъ, господъ избранниковъ русскаго народа, созванныхъ Монархомъ для предстоящихъ вамъ важныхъ и отвѣтственныхъ трудовъ на поприщѣ совершенствованія и обновленія нашего законодательства. Вамъ, господа, предстоитъ историческая задача, и вы благостью всемилостивѣйшаго Государя въ силу основного закона объ учрежденіи Государственной Думы получили полную возможность работать и работать усиленно для установленія въ нашемъ дорогомъ отечествѣ законности и устоевъ незыблемаго законопорядка. Вы призваны къ широкому участію въ законодательной дѣятельности, вамъ выпала счастливая доля работать въ полномъ свѣтѣ публичности и гласности и при полной свободѣ слова. Каждый шагъ, вами сдѣланный по новому пути, каждая возникшая или высказанная среди васъ мысль немедленно сдѣлается достояніемъ

всего народа, который при помощи печати будетъ зорко слѣдить за всѣми вашими дѣйствіями и начинаніями. Да воодушевитъ васъ Господь любовью къ русскому народу, дабы вы поняли сердцемъ вашимъ всѣ многообразныя нужды обширной нашей родины. Да просвѣтитъ Онъ васъ мудростью своею, дабы вы могли совмѣстно съ Государственнымъ Совѣтомъ разрѣшить всѣ законодательные вопросы, которые будутъ подлежать вашему разсмотрѣнію. Отъ всей души желаю вамъ, господа члены Думы, успѣшнаго веденія вашихъ сложныхъ трудовъ въ плодотворной дѣятельности на пользу Россіи. Объявляю засѣданіе открытымъ и предлагаю господамъ членамъ Думы, на точномъ основаніи 34-й статьи учрежденія Думы, выслушать текстъ торжественнаго обѣщанія членовъ Думы, подписать его и послѣ этого приступить къ избранію предсѣдателя Думы».

Рѣчь кончена,—гробовое молчаніе.

Г. Фришъ предлагаетъ избрать предсѣдателя Государственной Думы.

Депутаты опускаютъ въ ящики записки. Начинается подсчетъ. Имена выставленныхъ на запискахъ кандидатовъ выкликаютъ.

«Муромцевъ... Муромцевъ... Муромцевъ...»—только и слышится въ залѣ. Изрѣдка оглашается какое-нибудь другое имя, и потомъ опять: «Муромцевъ... Муромцевъ... Муромцевъ...» Муромцевъ получаетъ 426 голосовъ изъ 436—результатъ прямо поразительный.

Предсѣдатель перваго русскаго парламента избранъ, и на возвышеніи появляется изящная, величественная фигура г. Муромцева, облеченная во фракъ—костюмъ гражданина. Г. Фришъ пожимаетъ ему руку и уступаетъ предсѣдательское мѣсто. С. А. Муромцевъ, не отвѣчая на рѣчь г. Фриша, предоставляетъ слово И. И. Петрункевичу.

На каѳедрѣ русскаго парламента впервые появляется ораторъ изъ числа избранниковъ народа. И его первое слово—объ амнистіи!

— Долгъ обязываетъ насъ, всѣхъ здѣсь собравшихся, первое наше свободное слово посвятить тѣмъ, кто своими страданіями, своею неволею, своими годами тюремныхъ сидѣній проложилъ намъ путь къ свободѣ. Наше первое слово о нихъ, о борцахъ за свободу, о мученикахъ за нее. Мы требуемъ амнистіи для нихъ.

Къ намъ, избранникамъ народной воли и первымъ охранителямъ ея, тянутся изъ тюремъ, изъ каторги, изъ сибирскихъ изгнаній тысячи рукъ и требуютъ:

— Амнистіи, амнистіи! Вы—тамъ, въ народной Думѣ, цѣною нашей борьбы и нашихъ страданій. Помните насъ.

Мы помнимъ ихъ. Мы не можемъ, не смѣемъ, не должны ихъ забыть. И мы говоримъ:

— Амнистія!

— Амнистія всѣмъ борцамъ и мученикамъ за свободу!

Послѣ, въ отвѣтъ на тронную рѣчь, мы особо будемъ говорить объ амнистіи, но и сейчасъ, въ своемъ первомъ словѣ въ первомъ засѣданіи народной Думы, мы говоримъ:

— Амнистія!

Рѣчь Петрункевича покрывается бурными аплодисментами. Онъ покидаетъ каѳедру. Только послѣ этого С. А. Муромцевъ обращается къ собранію съ привѣтственнымъ словомъ.

— Благодарю за высокую честь избранія, но теперь, конечно, не время для личныхъ благодарностей. Предстоитъ великое дѣло. Воля народа впервые получила возможность дѣятельно участвовать въ законодательномъ устроеніи Россіи. Впереди великій подвигъ. Дай Богъ, чтобы у членовъ Думы хватило силъ. Мы будемъ работать. Наша задача: во-первыхъ, подобающее уваженіе къ прерогативамъ *конституціоннаго Монарха.*

Залъ дрогнулъ отъ аплодисментовъ: завѣтныя слова произнесены передъ лицомъ всего міра съ трибуны перваго русскаго парламента.

Г. Муромцевъ продолжаетъ:

— Во-вторыхъ, осуществленіе правъ, вытекающихъ изъ самой природы народнаго представительства.

Первый актъ великаго дѣла законченъ. Въ двухъ фразахъ намѣчены лозунги, которые должны были лечь въ основу предстоящей дѣятельности первой Государственной Думы.

Намѣчается время слѣдующаго собранія.

Въ виду того, что вновь избранный предсѣдатель обязанъ явиться къ Государю, второе засѣданіе Думы назначено на субботу: въ пятницу предсѣдатель народнаго собранія представляется Государю.

Засѣданіе закрыто.

Депутаты волной хлынули изъ Таврическаго дворца

Ихъ ждали толпы восторженно настроеннаго народа. Снова привѣтствія, клики, несмолкаемое «ура», восторженныя, исполненныя энтузіазма, рѣчи среди мостовой, передъ народною толпой—эта яркая радость и незабвенный подъемъ великаго историческаго дня.

Свершилось! Россійская имперія вступила въ среду конституціонныхъ государствъ.

Въ тѣ дни кипѣла жизнь, тогда рождались надежды, смѣлыя мысли, свободное слово, чуялась великая мощь тѣхъ незримыхъ милліоновъ людей, которые стояли за этими немногими избранными.

II.

Амнистіи, амнистіи!

Минулъ день открытія, прошелъ слѣдующій день, въ который С. А. Муромцевъ являлся съ докладомъ къ Государю Императору объ открытіи Думы, и 29-го апрѣля, въ 11 час. 30 мин., Государственная Дума приступила къ очереднымъ своимъ дѣламъ. Часть дня посвящена дебатамъ о выборахъ президіума Думы. Дума сознаетъ великую важность предстоящихъ ей задачъ и прилагаетъ всѣ усилія, чтобы сократить формальную процедуру. Къ половинѣ дня уже были извѣстны результаты выборовъ.

Оказались избранными: товарищами предсѣдателя: кн. П. Д. Долгоруковъ (382 изб.), проф. Н. А. Гредескулъ (372), секретаремъ—кн. Д. И. Шаховской (380), помощниками секретаря: Г. Н. Шапошниковъ (385), Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ (374,) С. М. Рыжковъ (368), Г. Ф. Шершеневичъ (362) и Ш. А. Понятовскій (330). Президіумъ избранъ. Предсѣдатель обращается къ собранію: Ѳ. И. Родичевымъ внесено предложеніе, которое гласитъ слѣдующее:

— Предлагаю членамъ Государственной Думы, во-первыхъ, обратиться къ Его Императорскому Величеству Государю Императору со всеподданнѣйшимъ адресомъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь; во-вторыхъ, избрать комиссію изъ 33-хъ лицъ для составленія адреса; въ-третьихъ, не предрѣшая вопроса о содержаніи адреса, возложить на обязанность комиссіи включить въ адресъ заявленіе о безусловной необходимости нынѣ же объявить полную амнистію *(аплодисменты)* по всѣмъ дѣламъ религіознымъ, аграрнымъ и политическимъ, разумѣя подъ послѣдними всѣ преступленія и проступки, вытекающіе изъ политическихъ побужденій. Я спрашиваю Государственную Думу, желаетъ-ли она, чтобы на первую очередь было поставлено предложеніе Родичева? Когда угодно приступить къ его обсужденію? Сегодня же?

Дума ждала этого предложенія. Еще когда въ началѣ засѣданія предсѣдатель читалъ привѣтствіе, присланное группой заключенныхъ, залъ потрясся отъ кликовъ: «Амнистія, амнистія»!

И предложеніе Родичева было встрѣчено взрывомъ единодушныхъ аплодисментовъ. Дума потребовала его немедленнаго обсужденія.

На каѳедрѣ появляется г. Родичевъ.

— Господа, предложеніе, которое я внесъ, не партійно, это дѣло не одной партіи, это дѣло всенародное, дѣло великое, дѣло національное. Партій въ этомъ великомъ дѣлѣ не должно быть. Не судьбы закона мы теперь рѣшаемъ. Амнистія, помилованіе—прерогативы Монарха, и наше заявленіе есть заявленіе всего страдающаго народа, обращенное къ Монарху. То слово, которое мы должны сказать, не истекаетъ изъ нашего желанія: это мольбы, требованія и желанія всего русскаго народа, и слава Богу, что есть еще время высказывать желанія. Во время избирательной кампаніи всюду высказывалось одно желаніе, раздавалось одно слово: «Амнистія». И это требованіе всего народа, не только потерпѣвшихъ, не только близкихъ имъ. За это ужасное время пострадали не всѣ, но всѣ рѣшительно претерпѣли отъ кровавыхъ событій, истомившихъ родину. Теперь ужъ кровь не такъ часто льется, но еще въ апрѣлѣ было 99 смертныхъ казней, и это въ странѣ, которая гордилась отсутствіемъ смертной казни, о чемъ намъ твердили съ учительской каѳедры. Будемъ же требовать измѣненія этихъ условій, потребуемъ созданія такихъ условій существованія, при которыхъ былъ бы возможенъ миръ, была бы возможна созидательная работа. Здѣсь, гдѣ мы собрались по волѣ пославшаго насъ народа, эти кровавые призраки витаютъ въ этомъ залѣ, и ихъ нужно убрать, чтобы мы были въ состояніи работать. *(Громъ рукоплесканій).* Если кто думаетъ, что амнистія явится санкціей преступленія, тотъ глубоко заблуждается. Но, вѣдь, помилованные, они не перестанутъ совершать преступленій,—возражаютъ противники амнистіи. Неправда. Казни и расправы—вотъ что рождаетъ преступленія. Если вы дѣйствительно желаете уничтожить преступленія, возьмите на себя починъ и требуйте всепрощенія: вы совершите актъ высшей политической мудрости. Когда вся страна трепещетъ въ порывѣ обновленія, не портите радости народной скупостью, ограниченіями, торгомъ. Дайте милость широко: забудьте вину многихъ, и вамъ забудутъ многое. Не совершайте ошибки, роковой ошибки 21-го октября. Чтобы

воскреснуть вновь, вы должны требовать всепрощенія, и именно теперь наступилъ рѣдкій моментъ для власти. Верховная власть, въ сущности, теперь въ счастливомъ положеніи: исторія сама дается въ руки, и нужно только не отталкивать раскрытую душу народа, какъ отталкивали ее много разъ. Новое оскорбленіе будетъ тяжелѣе тѣхъ, которыя вызвали глубокую ненависть, охватившую теперь всю страну. Будемъ единодушны. Спорить не будемъ о границахъ милости: амнистія должна быть всеобщая, безо всякихъ ограниченій, за всѣ преступленія, мотивомъ которыхъ служило заблужденіе. Амнистію для всѣхъ. Противъ людей, которые жертвуютъ своей жизнью изъ-за идеи, нѣтъ казни: наказать ихъ можно только прощеніемъ. Если можно, прошу васъ рѣшить этотъ вопросъ единогласно во имя родины, во имя любви.

Громъ аплодисментовъ покрываетъ слова оратора.

На каѳедру всходитъ Аникинъ.

— Вы слышали, господа, блестящую рѣчь, горячій призывъ къ милости. Я не такъ буду говорить. Я буду говорить не о милости, а о справедливости. Ѳ. И. Родичевъ говорилъ о необходимости простить заблуждающихся, я же скажу: необходимо освободить невинныхъ. Да, десятки тысячъ невинныхъ людей, схваченныхъ на улицахъ, разлученныхъ съ близкими, упрятаны въ тюрьмы, гдѣ они умираютъ, гдѣ они испытываютъ ужасы, гдѣ они разбиваютъ себѣ головы о стѣны. Господа! Я взываю къ справедливости: не должно быть неправды. Десятки тысячъ крестьянъ сидятъ въ тюрьмѣ, гдѣ ихъ содержатъ хуже каторжниковъ: кормятъ ужасно, оскорбляютъ, мучатъ, во имя чего,—неизвѣстно. Этихъ крестьянъ называютъ грабителями. Но развѣ это преступники? Это изголодавшійся темный народъ, лишенный возможности и самъ сказать и выслушать разумное, сознательное слово. Нельзя судить крестьянство: я требую справедливости къ аграрникамъ. Какъ крестьянинъ, могу сказать, что этой болью болѣетъ все русское крестьянство и требуетъ свободы, какъ акта справедливости.

Аникина смѣняетъ Аладьинъ.

— Господа! Не о всепрощеніи, не о справедливости намѣренъ я говорить: я обращаюсь не къ вамъ, среди которыхъ, я увѣренъ, не найдется ни одного, кто осмѣлился бы даже подумать, что можно не дать амнистіи или что ее можно ограничить. Я обращаюсь къ тѣмъ, которые должны знать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло.

Ораторъ гнѣвно ударяетъ кулакомъ по каѳедрѣ.

Вызовъ брошенъ. Но аудиторія такъ еще полна вѣры и надежды, что рѣзкій тонъ оратора вызываетъ взрывъ протеста. Крики: «Не надо, довольно!»

Аладьинъ нѣсколько смущенъ и сокращаетъ свою рѣчь.

— Я обращаюсь къ тѣмъ, кто можетъ; обращаюсь съ простыми, ясными словами: пощадите родину, возьмите дѣло въ свои руки и не заставляйте насъ взять его въ свои собственныя руки.

Послѣднія слова покрываются аплодисментами.

Слово предоставляется Жилкину.

— Мнѣ стыдно говорить здѣсь объ амнистіи; много нужды, много страданій и ужасовъ въ нашей странѣ: крестьяне, мѣщане, рабочіе, интеллигенція, вся Россія измучилась, но говоритъ только объ амнистіи—это вездѣ и у всѣхъ на первомъ планѣ. И мы, народные представители, не можемъ не сказать этого слова, которое намъ приказали выразить, какъ требованіе, а не какъ просьбу. Я мирный человѣкъ, и могу дѣйствовать только мирными путями, но чувствую, что время просьбъ прошло, народъ требуетъ и ждетъ. Зачѣмъ мы обращаемся другъ къ другу, когда для насъ ясно, что мы должны исполнить волю народа: пусть народъ узнаетъ, что первое слово, которое мы сказали, было то слово, которое онъ же намъ наказалъ, и это будетъ прекрасный залогъ нашего будущаго. Народъ будетъ увѣренъ, что мы скажемъ и остальныя слова. Мы медлимъ, мы мучимся въ нашей медлительности, мы хотимъ планомѣрно провести нашъ планъ, наши требованія; но если мы ничего не достигнемъ, мы должны будемъ уйти, стать въ сторонѣ, и народъ самъ станетъ лицомъ къ лицу съ тѣми, кто не удовлетворилъ его требованій.

Такимъ образомъ, въ первый же день парламентской работы, по важному и больному вопросу пришлось высказаться, одному за другимъ, тремъ лидерамъ, тремъ руководителямъ «трудовой» группы, которой суждено было сыграть столь видную роль въ жизни нашего перваго парламента.

И въ первыхъ же рѣчахъ сказывалась разница въ темпераментахъ этихъ трехъ людей: сказался Аникинъ, съ его глубокимъ пониманіемъ мужицкаго горя, глубокій и серьезный Жилкинъ, и рѣзкій, вызывающій Аладьинъ. Послѣ лидеровъ говорилъ еще рядъ ораторовъ.

Приводимъ in extenso наиболѣе яркія рѣчи.

Говорили, главнымъ образомъ, представители рабочаго, трудового класса.

Говорилъ Ершовъ:

— Какъ депутату отъ рабочихъ, позвольте мнѣ сказать свое мнѣніе.

Въ недалекомъ будущемъ, наступаетъ первое мая, и я желалъ бы, чтобы этотъ день прошелъ какъ истинный національный праздникъ. Не откладывайте, господа, святое дѣло амнистіи въ долгій ящикъ. Вы должны его скорѣе рѣшить. Поддержите вѣру въ пролетаріатѣ, вѣру въ то, что вы—истинные народные представители, и васъ поддержитъ народъ, поддержитъ и пролетаріатъ.

Его смѣняетъ Овчинниковъ.

— Господа! Мой долгъ, какъ крестьянина Курской губерніи, сказать о сотняхъ моихъ братьевъ, которые до сихъ поръ томятся въ тюрьмахъ. Крестьянство боролось за свободу и землю, и дало мнѣ наказъ добыть и то, и другое. Война, повидимому, прекратилась, мы, кажется, наканунѣ серьезнаго перемирія. Возвратите же нашихъ заложниковъ, пусть они войдутъ въ свои семьи, пусть борцы будутъ на свободѣ.

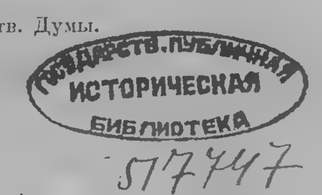
— Милосердіе или справедливость,—говоритъ слѣдующій ораторъ, г. Сѣдельниковъ, представитель уральскихъ казаковъ.—Просить или требовать? Нѣтъ, въ данномъ случаѣ это необходимость. Преступленія, совершенныя народомъ, не его преступленія,—его привела къ нимъ исторія. Весь нашъ старый строй, роскошь столицъ и городовъ, брильянты и палаты,—все добывается потомъ и кровью темнаго народа. Онъ уже просыпается и пойметъ все. Необходимо во-время сдѣлать шагъ. Говорятъ о перемиріи... Да изъ-за такой цѣли и хлопотать нечего: намъ нуженъ миръ, и долженъ быть миръ...

Кратко и ярко говоритъ рабочій Рукавишниковъ.

— Выпустите мучениковъ, помните: мы сюда пришли по трупамъ!

Слова проситъ г. Гредескулъ. Въ своей рѣчи онъ отчасти резюмируетъ то, что было сказано по поводу амнистіи и старается примирить различныя точки зрѣнія.

— Господа! Повидимому, собраніе старалось выработать истинную мотивировку амнистіи, хотя мотивировка была самая разнообразная. Я могу сказать, что теперь это дѣло не всепрощенія, не справедливости, не необходимости, а дѣло отчаянія, если хотите. Аладьинъ болѣе всѣхъ правъ. Можетъ-быть, слишкомъ рѣзка его форма, можетъ-быть, онъ не сумѣлъ найти надлежащую форму, но вникните глубже, и вы убѣдитесь, что его мнѣніе самое справедливое. Да, господа, если не послѣдуетъ освобожденія

въ порядкѣ справедливости, то оно послѣдуетъ въ порядкѣ отчаянія. Форма Аладьина неудобная,—это форма вызова, а наше положеніе слишкомъ серьезно, чтобы мы могли дѣлать вызовы и прибѣгать къ угрозамъ. *(Единодушное одобреніе).* Нужна правда, настоящая правда. Кому нужно нынѣшнее положеніе? Ничтожной кучкѣ людей, а не Монарху. Положеніе народа таково, что онъ или долженъ добиться освобожденія, или долженъ погибнуть. Мнѣ кажется, что онъ непобѣдимъ. Но если возникнетъ новое столкновеніе, развѣ у насъ есть увѣренность, что побѣдитъ не грубая физическая сила? Господа, необходимо единогласіе. Если даже облечь это святое дѣло въ форму просьбы, я и тогда присоединю свой голосъ, и думаю, что такъ долженъ поступить всякій изъ насъ.

Деп. Галецкій предлагаетъ закрыть пренія.

На голосованіе ставится предложеніе Родичева.

Оно принято единогласно.

Залъ оглашается бурными аплодисментами. Всѣ стоятъ.

Родичевъ проситъ закончить засѣданіе, чтобы разойтись подъ прекраснымъ впечатлѣніемъ содѣяннаго..

Засѣданіе закрыто.

———

Но въ слѣдующемъ засѣданіи пренія объ амнистіи возгораются съ новой силой въ связи съ вопросомъ о выборахъ комиссіи для составленія отвѣта на тронную рѣчь.

Всѣ сознаютъ громадную важность этого момента, и въ кулуарахъ царитъ необычайное оживленіе.

Что должно быть поставлено на первомъ планѣ—амнистія, земля и воля? Вотъ три великихъ вопроса, которыхъ долженъ коснуться отвѣтъ на тронную рѣчь. Объ амнистіи спора нѣтъ, о ней должна итти рѣчь впереди всѣхъ вопросовъ.

— Что ужъ говорить,—слышится въ группѣ крестьянъ-депутатовъ.—Довольно. Поглумились всласть! Пора кончить. Это первое дѣло.

Но относительно другихъ двухъ вопросовъ между собесѣдниками возникаетъ споръ.

— Впередъ надо о землѣ,—говоритъ приземистый крестьянинъ съ большой черной бородой и съ пробивающейся сѣдиной въ головѣ.—Потому въ деревнѣ скажутъ: уѣхали, молъ, по десяти цѣлковыхъ получаете, а дѣла не дѣлаете.

— Что жъ они думаютъ?—возражаетъ депутатъ помоложе.— 27-го собрались, а 28-ю имъ отвѣтъ подать. Бери, получай, молъ, землю. Нѣтъ, первое дѣло—свобода, потому что безъ свободы и землю отобрать назадъ не долго.

— Нѣтъ, впередъ всего о землѣ надо сказать,—вмѣшивается третій депутатъ-крестьянинъ, представитель отъ Екатеринославской губ.—А то крестьяне сами пойдутъ, и тюрьмы снова наполнятся.

Звонокъ призываетъ въ залъ засѣданія.

Снова начинается рѣчь объ амнистіи. Принципіально вопросъ рѣшенъ, и рѣшенъ единогласно, но нѣкоторые жаждутъ скорѣйшаго осуществленія народныхъ желаній и предлагаютъ мѣры къ ускоренію дѣла.

Вотъ рабочій-депутатъ Чурюковъ предлагаетъ послать немедленно телеграмму Государю съ указаніемъ на необходимость амнистіи и пріостановки смертныхъ казней. Крестьянинъ Корнильевъ предлагаетъ послать депутацію.

Выдѣлять-ли или не выдѣлять вопроса объ амнистіи—вотъ къ чему сводится споръ ораторовъ.

Проф. Шершеневичъ полагаетъ, что вопроса выдѣлять нельзя. Отвѣтъ на тронную рѣчь долженъ коснуться всѣхъ насущныхъ нуждъ переживаемаго момента, и изъ-за одной амнистіи не слѣдуетъ вступать въ конфликтъ съ правительствомъ. Надо сказать ему обо всѣхъ нуждахъ, чтобы не раздалось упрека, что избранники народа рано бросили работу.

На каѳедрѣ появляется ксендзъ Трасунъ. Онъ призываетъ къ спокойствію. Спокойный тонъ покажетъ, что за нами сила. Онъ требуетъ включить въ отвѣтъ требованіе объ отозваніи карательныхъ отрядовъ и снятіи военнаго положенія.

Происходитъ характерный инцидентъ. Слово «требовать» рѣжетъ ухо предсѣдателя.

— Я прошу не употреблять этого слова.

— Почему?—раздаются десятки протестующихъ голосовъ.

«Просить», «требовать»,—борются между собой возгласы справа и слѣва. Но крикъ «требовать» побѣждаетъ и покрывается громомъ аплодисментовъ.

Ксендза смѣняетъ Савельевъ, представитель рабочихъ г. Москвы. Онъ въ сапогахъ и въ синей блузѣ, и его фигура рѣзко выдѣляется на высокой каѳедрѣ. Онъ говоритъ отъ имени рабочихъ о приближающемся праздникѣ рабочаго люда. Онъ говоритъ, что, несмотря ни на какія «вывѣски» градоначальниковъ, первое

мая будетъ отпраздновано рабочими. И амнистія нужна немедленно, ибо иначе прольется кровь. Будутъ жертвы.

Проф. Гредескулъ, уже показавшій, что онъ умѣетъ примирять крайнія теченія съ настроеніемъ спокойнаго большинства, вноситъ примирительную ноту. Онъ вѣритъ въ могучую силу народа. Онъ вѣритъ въ то, что тотъ возьметъ свое, но тѣмъ, кто вступаетъ съ нимъ во вражду, надо дать нѣсколько дней для выработки желательнаго отвѣта.

Старикъ гр. Гейденъ, не желающій считаться съ настроеніемъ аудиторіи, говоритъ, что надо просить, просить и ждать, ждать и вѣрить, что дадутъ. Жидкіе аплодисменты нѣсколькихъ депутатовъ на правыхъ скамьяхъ были отвѣтомъ на его рѣчь.

Г. Кокошкинъ предостерегаетъ палату, чтобы она не роняла своего авторитета и не дѣлала нервно-торопливыхъ усилій, чтобы повторять въ третій и четвертый разъ то, о чемъ уже высказались единогласно.

Слова проситъ г. Жилкинъ.

— Товарищи рабочіе! Товарищи крестьяне!—въ первый разъ раздается въ русскомъ парламентѣ и вызываетъ громъ аплодисментовъ на лѣвыхъ скамьяхъ. И онъ призываетъ къ спокойствію.—Мы меньше всего боимся конфликта, но надо вступить въ него въ тотъ моментъ, когда вся крестьянская и рабочая Русь будетъ за насъ.

Вопросъ, видимо, исчерпанъ. Палата сознаетъ, что, несмотря на пламенное желаніе ускорить рѣшеніе вопроса объ амнистіи, нѣтъ возможности избѣжать нѣкотораго замедленія, нѣтъ средствъ.

Предсѣдатель предлагаетъ прекратить пренія по этому вопросу. Тогда Максимъ Ковалевскій предлагаетъ новое средство ускорить рѣшеніе наболѣвшаго, жгучаго вопроса—просить предсѣдателя явиться къ Царю и передать Ему голосъ измученной родины.

Обсужденіе предложенія Ковалевскаго откладывается на нѣкоторое время, и Дума приступаетъ къ выборамъ 33-хъ членовъ комиссіи. Подавшіе свои записки члены покидаютъ залъ, и кулуары постепенно наполняются. Здѣсь и тамъ кучки оживленно бесѣдующихъ депутатовъ. Особенно привлекаютъ вниманіе группы крестьянъ; молчаливые въ первые дни, когда они не успѣли оріентироваться въ совершенно новой, непривычной обстановкѣ, они становятся общительнѣе и рѣшительнѣе, громко и свободно высказываютъ свои мысли.

О чемъ говорятъ? Конечно, о вопросахъ, которые, такъ сказать, висятъ въ воздухѣ: о землѣ, о свободѣ, объ амнистіи. Кулуары являются отраженіемъ царящаго въ залѣ засѣданій Думы. Даже болѣе того: въ кулуарахъ можно подмѣтить нѣкоторыя черты того настроенія, которое, сидя въ залѣ, приходится только угадывать.

Вотъ, напримѣръ, группа крестьянъ оживленно бесѣдуетъ объ амнистіи. Въ замѣчаніяхъ и репликахъ слышится, что въ этихъ людяхъ еще велика вѣра въ отзывчивость верховной власти и въ желаніе итти мирнымъ путемъ.

— Надо сначала *просить*,—говоритъ одинъ изъ бесѣдующихъ крестьянъ.—Только мы должны просить, какъ честные люди, а не то, чтобы съ кулаками да съ угрозами. Ежели, къ примѣру, человѣкъ на возу ѣдетъ, а я прошу его подвезти, такъ не стану я на него кулаками махать...

— Вѣрно,—подхватываетъ собесѣдникъ,—надо погодить. А то рабочіе ужъ больно грозятся да приступаютъ. А что жъ выйдетъ?.. Опять бюрократы намъ на шею сядутъ. Имъ же на пользу это пойдетъ.

— Отчего не погодить,—вмѣшивается въ разговоръ подошедшій крестьянинъ пожилыхъ лѣтъ.—Ждали мы время—подождемъ и часы. Только вотъ тѣ, кто послалъ насъ, станутъ-ли ждать.

Вотъ другая группа. Въ ней выдѣляется коренастая фигура малоросса въ сѣрой свиткѣ.

— И сколько народу попало у насъ у тюрьмы. У насъ вотъ странника на дорогѣ убили, такъ и суду не було, а якъ чоловікъ хоче другимъ світъ показать, такъ его заразъ хватаютъ...

Звонокъ предсѣдателя призываетъ всѣхъ въ залъ.

Оглашается списокъ избранныхъ членовъ въ комиссію, которая должна составить отвѣтъ на тронную рѣчь. Списокъ составленъ очень удачно: всѣ парламентскія группы, поскольку онѣ успѣли обрисоваться, провели въ комиссію своихъ представителей.

Палата переходитъ къ обсужденію предложенія М. Ковалевскаго.

Когда предложеніе было выдвинуто, оно было встрѣчено аплодисментами многихъ скамей. Мысль, высказанная М. Ковалевскимъ, казалась многимъ правильной. Но Е. Щепкину удалось выяснить несостоятельность предложенія М. Ковалевскаго.

— Я долженъ говорить противъ предложенія проф. Ковалевскаго,—начинаетъ г. Щепкинъ.—По моему глубокому убѣжденію, мы должны стремиться установить искреннія отношенія между нами и верховной властью. Мы должны, прежде всего, вполнѣ искренно и ясно сказать, почему мы просимъ объ амнистіи. Неужели мы просимъ амнистіи только потому, что считаемъ день открытія Думы торжественнымъ праздникомъ? Мы просимъ не простой милости для уголовныхъ преступниковъ, мы просимъ только принципіально. Мы просимъ амнистіи, прежде всего, потому, что мы не считаемъ болѣе такъ-называемыхъ политическихъ преступниковъ преступниками. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они стремились ниспровергнуть существующій строй, призывали, будто бы, къ вооруженному возстанію. Но этотъ строй болѣе не существуетъ. *(Аплодисменты)*. Мы не можемъ считать преступниками борцовъ противъ строя, фактически ниспровергнутаго. Мы не можемъ точно такъ же не просить амнистіи принципіально, потому что мы нравственно раздѣляемъ, въ извѣстной степени, отвѣтственность этихъ людей, заключенныхъ и ссыльныхъ. Каждый изъ насъ въ той или иной мѣрѣ, въ той или иной формѣ принималъ участіе въ этой борьбѣ, и если наши единомышленники попали въ тюрьму или ссылку, мы же попали въ Государственную Думу, то мы этимъ обязаны, главнымъ образомъ, случайности. Правда, мы не раздѣляемъ программы революціонныхъ партій, мы идемъ своимъ собственнымъ, самостоятельнымъ путемъ, тѣмъ не менѣе, мы нравственно солидарны съ ними, мы связаны со всѣми демократическими партіями четырехчленной формулой. Мысли революціонеровъ мы не считаемъ преступными. Предложеніе профессора Ковалевскаго грозитъ затемнить смыслъ амнистіи. Прежде всего, г. Ковалевскій исходитъ изъ другой точки зрѣнія. Для насъ личность Монарха является безотвѣтственной, но тронная рѣчь связана съ отвѣтственностью министровъ. Если бы министры были не согласны съ тронною рѣчью, они вышли бы въ отставку. Нашъ отвѣтъ на тронную рѣчь—не личное обращеніе къ сердцу Монарха, это—программа, которую мы готовимъ для каждаго момента. Предложеніе профессора Ковалевскаго совершенно ясное—юридически конституціонное отношеніе замѣнитъ туманнымъ, мистичнымъ, таинственнымъ обращеніемъ Думы. Между верховною властью и народомъ мы являемся электрическими проводами. Если бы Дума была направленія исключительно консервативнаго и реакціоннаго, она также могла бы просить въ этомъ смыслѣ амнистіи.

Мы ближе къ тѣмъ, которыхъ карали наши тюремщики. Если наша задача встрѣтитъ препятствія, то зачѣмъ намъ было бы освобождать заключенныхъ изъ тюремъ. Неужели для того, чтобы готовить мѣсто для новыхъ заключенныхъ и, можетъ-быть, для насъ самихъ. Не будемъ обманывать верховной власти, прикрывая все значеніе нашихъ задачъ слащавой улыбкой нашихъ изстрадавшихся лицъ.

Щепкинъ освѣтилъ обсуждаемый вопросъ такъ ярко, что послѣ 2—3-хъ замѣчаній слѣдующихъ ораторовъ Дума подавляющимъ большинствомъ отвергаетъ предложеніе Ковалевскаго.

Русскій парламентъ не проситъ милости, подачки. Онъ говоритъ со своимъ Монархомъ языкомъ свободныхъ людей, сознающихъ свое значеніе и достоинство.

Нельзя не признать, что Государственная Дума, такъ ярко выдвинувъ и такъ всесторонне освѣтивъ вопросъ объ амнистіи, сдѣлала большое дѣло.

Одни говорили объ амнистіи во имя прощенія, другіе—во имя забвенія, третьи—во имя необходимости, а представители земли сказали всѣхъ сильнѣе: они потребовали амнистіи во имя справедливости.

Были разнорѣчія относительно того, въ какую форму должно вылиться указаніе на необходимость амнистіи.

Просить,—говорили «кадеты».

Почтительнѣйше просить и ждать,—вкрадчиво присовокупляли «октябристы».

Требовать,—опредѣленно и твердо сказали крестьяне и рабочіе.

Одни называли людей, претерпѣвшихъ за политическіе убѣжденія, «заблудшими во имя любви».

Другіе называли ихъ «борцами».

А представители рабочей Россіи устами депутата Рукавишникова нарекли ихъ «мучениками».

Всѣ оттѣнки настроеній, царящихъ въ Думѣ, сказались въ рѣчахъ ораторовъ, смѣнявшихъ другъ друга, но въ русскомъ парламентѣ не нашлось *ни одного человѣка*, который бы подалъ голосъ противъ амнистіи.

Это фактъ большой исторической важности.

Дума потребовала амнистіи *принципіальной.*

Она познала свое достоинство и не стала «со слащавой улыбкой» на лицѣ просить подачки.

Парламентъ понялъ истинное значеніе амнистіи.

Намъ вспоминаются слова, приведенныя депутатомъ Овчинниковымъ, представителемъ крестьянъ Курской губ.

Говоря о необходимости амнистіи для борцовъ за землю и волю, онъ прочелъ одну строчку изъ письма крестьянина, находящагося въ тюрьмѣ.

Арестованные крестьяне просятъ *«развязать ихъ съ царствомъ конца»*.

«Царство конца»—какія яркія слова, сколько въ нихъ силы и смысла!

Они опредѣляютъ все значеніе переходнаго момента великаго перелома.

«Царство конца» передъ началомъ новой жизни!

И тѣ, къ кому были обращены эти слова, поняли свою задачу.

Несомнѣнно, что эта разработка принципіальной стороны вопроса объ амнистіи составляетъ крупную историческую заслугу нашего народнаго представительства.

Отвѣтъ власти на этотъ вопросъ въ значительной степени опредѣлилъ характеръ дальнѣйшей дѣятельности Государственной Думы.

III.

Отвѣтъ Государственной Думы на тронную рѣчь.

Обсужденіе отвѣта на тронную рѣчь—критическій моментъ въ жизни Государственной Думы. Русскій парламентъ, посылая свой отвѣтъ, получаетъ возможность впервые стать лицомъ къ лицу съ Монархомъ и повѣдать отъ имени народа о великихъ задачахъ, разрѣшенія которыхъ требуетъ истерзанная страна. Дума сознаетъ это. Сознаетъ, что она должна сдѣлать рѣшительный, безповоротный шагъ, послѣ котораго уже нѣтъ возврата къ прошлому, что она должна провозгласить основные принципы, опредѣляющіе всю ея дальнѣйшую дѣятельность. Этотъ рѣшительный шагъ пугаетъ косное, незначительное меньшинство палаты, которое дѣлаетъ попытку хоть на день-два оттянуть обсужденіе адреса.

Предлогъ для новой проволочки подыскать было нетрудно: это —старый, затасканный аргументъ о неподготовленности крестьянъ къ обсужденію политическихъ вопросовъ.

Этотъ аргументъ выдвигаетъ кучка правыхъ, внося заявленіе объ отсрочкѣ обсужденія адреса.

Заявленіе подписали 43 лица и въ ихъ числѣ г. Ерогинъ, извѣстный устроитель «удешевленныхъ» квартиръ для крестьянъ-депутатовъ.

При произнесеніи этой фамиліи ироническое: «ага!»—проносится по залѣ. Дума поняла значеніе заявленія.

Но все-таки внесенное предложеніе 43-хъ поддерживается крестьяниномъ Ильинымъ, однимъ священникомъ, графомъ Гейденомъ и княземъ Волконскимъ.

Казалось бы, для графа Гейдена и князя Волконскаго могла быть ясна та мысль, что если люди не подготовлены для разрѣшенія политическихъ вопросовъ, то отсрочка на одинъ-два дня имъ не поможетъ, если, конечно, имъ не придутъ на помощь болѣе опытные люди... въ родѣ гг. Ерогиныхъ. Но чего не могли или не хотѣли понять графъ Гейденъ и князь Волконскій, то оказалось яснымъ, какъ день, для представителя крестьянской Руси.

— Гробовецкій!—произноситъ предсѣдатель.

И на каѳедрѣ появился статный малороссъ въ свиткѣ, подпоясанной широкимъ зеленымъ кушакомъ.

— Нема чого откладывать. Кто теперь не понимае, тотъ и потомъ не разгадае!..

Вотъ и вся его «рѣчь».

Громъ аплодисментовъ, и... огромнымъ большинствомъ отвергается отсрочка преній.

Прежде чѣмъ перейти къ преніямъ, объявляется перерывъ. Кулуары быстро наполняются. Кругомъ Гробовецкаго цѣлая группа крестьянъ, слушающая его съ большимъ вниманіемъ. Въ своей рѣчи, дышащей своеобразнымъ хохлацкимъ юморомъ и часто пересыпанной импровизированными риѳмами, Гробовецкій проявляетъ большую проницательность.

— Бачили вы тіхъ заступныківъ за крестьянъ—графа Гейдена та піпа?—обращается онъ къ слушателямъ.

Въ группѣ смѣхъ...

— Піпъ казавъ, що мы не понимаемъ діла, що мы прійшлы видъ сохи та бороны. Винъ насъ жаліе. А я такъ соби думаю, що якъ бы да его воля, винъ бы не то що до сохи вернувъ, а до тачки бы приковавъ! Відъ той попівскій рѣчи якъ бы у насъ не облѣзли плечи!

Гробовецкій развиваетъ цѣлую политическую программу. «Дайте намъ волю,—говоритъ онъ,—мы землю сами возьмемъ. И не дубьемъ, не силой, а работой».

Въ другой группѣ собрались великороссы.

— Собственность священна!—говоритъ депутатъ съ широкой окладистой бородой.

— А позвольте васъ спросить: удѣльныя земли тоже священны?

Звонокъ, и кулуары быстро пустѣютъ.

Докладчикъ комиссіи 33-хъ, избранной Думой изъ представителей различныхъ парламентскихъ группъ, читаетъ текстъ отвѣтнаго адреса.

«Ваше Императорское Величество!

Вашему Величеству благоугодно было въ рѣчи, обращенной къ представителямъ народа, объявить о рѣшеніи Вашемъ охранять непоколебимыми установленія, коими народъ призванъ осуществлять законодательную власть въ единеніи со своимъ Монархомъ.

Государственная Дума видитъ въ этомъ торжественномъ обѣщаніи Монарха, данномъ народу, прочный залогъ укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія порядка законодательства, соотвѣтствующаго строго конституціоннымъ началамъ.

Государственная Дума, съ своей стороны, приложитъ усилія къ усовершенствованію началъ народнаго представительства и внесетъ на утвержденіе Вашего Величества законъ о народномъ представительствѣ, основанный, согласно единодушно проявляющейся волѣ народа, на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

Призывъ Вашего Императорскаго Величества къ сплоченію въ работѣ на пользу родины находитъ живой откликъ въ сердцахъ всѣхъ членовъ Думы.

Государственная Дума, имѣя въ своемъ составѣ представителей всѣхъ классовъ и всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, объединена общимъ горячимъ стремленіемъ обновить Россію и создать въ ней государственный порядокъ, основанный на мирномъ сожитіи всѣхъ классовъ и народностей и на прочныхъ устояхъ гражданской свободы.

Но Дума пріемлетъ долгъ указать, что условія, при которыхъ живетъ страна, дѣлаютъ невозможной истинно-плодотворную работу, направленную къ возрожденію лучшихъ силъ страны.

Страна сознала, что главной язвой всей нашей государственной жизни является самовластіе чиновниковъ, отдѣляющее Царя отъ народа, и, охваченная единодушнымъ порывомъ, страна громко заявила, что обновленіе жизни возможно лишь на основахъ свободы, самостоятельности и участія самого народа въ

осуществленіи власти законодательной и въ контролѣ надъ властью исполнительной.

Вашему Величеству благоугодно было въ манифестѣ 17-го октября 1905 года возвѣстить съ высоты престола твердую рѣшимость положить эти, именно, начала въ основу дальнѣйшаго устроенія земли русской. И весь русскій народъ единодушнымъ крикомъ восторга встрѣтилъ эту вѣсть.

Однако, уже первые дни свободы омрачились тяжелыми испытаніями, въ которыя ввергли страну тѣ, кто, все еще преграждая народу путь къ Царю и попирая всѣ основы Высочайшаго манифеста 17-го октября, покрылъ всю страну позоромъ безсудныхъ казней, погромомъ, разстрѣловъ и заточеній. Слѣдъ отъ этихъ дѣйствій администраціи за послѣдніе мѣсяцы такъ глубоко осѣлъ въ душѣ народа, что никакое умиротвореніе страны невозможно, доколѣ не станетъ ясно народу, что отнынѣ не дано властямъ творить насилія, прикрываясь именемъ Вашего Величества, доколѣ министры не будутъ отвѣтственны предъ народнымъ представительствомъ, и сообразно этому не будетъ обновлена администрація на всѣхъ ступеняхъ государственной службы.

Государь! Только перенесеніе отвѣтственности предъ народомъ на министерство укоренитъ въ умахъ мысль о полной безотвѣтственности Монарха; только министерство, пользующееся довѣріемъ большинства Думы, можетъ укрѣпить довѣріе къ правительству, и лишь при такомъ довѣріи возможна спокойная и правильная работа Государственной Думы.

Но прежде всего необходимо освободить Россію отъ тѣхъ чрезвычайныхъ законовъ, — усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія, — подъ прикрытіемъ которыхъ особенно развилось и продолжаетъ проявляться самовластіе безотвѣтственныхъ чиновниковъ.

Рядомъ съ укорененіемъ началъ отвѣтственности администраціи предъ избранниками народа, для плодотворной дѣятельности Государственной Думы необходимо проведеніе основныхъ началъ истиннаго народнаго представительства, состоящаго въ томъ, что только единеніе Монарха съ народомъ является источникомъ законодательной власти. Поэтому всѣ средостѣнія между Верховной властью и народомъ должны быть устранены.

Не можетъ также быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народныхъ представителей въ единеніи съ Монархомъ.

Государственная Дума считаетъ долгомъ совѣсти заявить Вашему Императорскому Величеству отъ имени народа, что весь народъ только тогда съ истинной силой и воодушевленіемъ и истинной вѣрой въ близкое преуспѣяніе родины будетъ выполнять творческое дѣло обновленія жизни, когда между нимъ и престоломъ не будетъ стоять Государственный Совѣтъ, составленный изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ населенія, и когда никакими особыми узаконеніями не будетъ положенъ предѣлъ законодательной компетенціи народнаго представительства.

Въ области предстоящей законодательной дѣятельности Государственная Дума, исполняя долгъ, опредѣленно возложенный на нее народомъ, почитаетъ неотложно необходимымъ обезпечить страну точнымъ закономъ о неприкосновенности личности, свободой совѣсти, свободой слова и печати, свободой союзовъ, собраній и стачекъ,—убѣжденная въ томъ, что безъ прочнаго и строгаго проведенія этихъ началъ, заложенныхъ уже въ манифестѣ 17-го октября 1905 г., никакая реформа общественныхъ отношеній неосуществима. Государственная Дума исходитъ, далѣе, изъ непреклоннаго убѣжденія, что ни свобода, ни порядокъ, основанный на правѣ, не могутъ быть прочно укрѣплены безъ установленія общихъ началъ равенства всѣхъ безъ исключенія гражданъ предъ закономъ и потому Государственная Дума выработаетъ законъ о полномъ уравненіи въ правахъ всѣхъ гражданъ съ отмѣной безъ ограниченія привилегій, обусловленныхъ сословіемъ, національностью или религіей. Стремясь къ освобожденію страны отъ связывающихъ ее путъ административной опеки и къ предоставленію ограниченія свободы гражданъ единственно лишь независимой судебной власти, Государственная Дума считаетъ, однако, недопустимымъ примѣненіе даже и по суду приговора наказанія смертью. Смертная казнь никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть назначаема. Государственная Дума считаетъ себя въ правѣ заявить, что она явится выразительницей единодушнаго стремленія всего населенія въ тотъ день, когда постановитъ законъ объ отмѣнѣ смертной казни навсегда.

Выясненіе нуждъ сельскаго населенія составитъ ближайшую задачу Государственной Думы. Наиболѣе многочисленная часть населенія страны—трудовое крестьянство—съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга,

если бы она не издала закона для удовлетворенія этой насущной потребности путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ.

Государственная Дума считаетъ также необходимымъ выработать законы, утверждающіе равноправіе крестьянъ и снимающіе съ нихъ гнетъ произвола и опеки.

Государственная Дума признаетъ столь же неотложнымъ удовлетвореніе нуждъ рабочаго класса. Первымъ шагомъ на этомъ пути должно явиться обезпеченіе наемнымъ рабочимъ во всѣхъ отрасляхъ труда свободы организаціи и самодѣятельности для поднятія ихъ матеріальнаго и духовнаго благосостоянія.

Государственная Дума сочтетъ также долгомъ употребить всѣ усилія для поднятія народнаго просвѣщенія и прежде всего озаботиться выработкой закона о всеобщемъ безплатномъ обученіи.

Рядомъ съ этими мѣрами, Государственная Дума считаетъ своей обязанностью обратить вниманіе на государственную роспись доходовъ и расходовъ, на справедливое распредѣленіе налоговой тяготы, неправильно возложенной нынѣ на болѣе бѣдные классы населенія.

Не менѣе существеннымъ законодательнымъ трудомъ явится коренное преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія путемъ привлеченія къ равному участію въ послѣднемъ всего населенія на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

Государственная Дума считаетъ, наконецъ, необходимымъ указать въ числѣ неотложныхъ задачъ своихъ и разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи давно назрѣвшихъ требованій отдѣльныхъ національностей. Россія представляетъ государство, населенное многими племенами и народностями. Духовное объединеніе всѣхъ племенъ этихъ возможно только при удовлетвореніи потребности каждаго изъ нихъ сохранять и развивать своеобразіе въ отдѣльныхъ сторонахъ быта. Дума озаботится широкимъ удовлетвореніемъ этихъ справедливыхъ нуждъ.

Ваше Величество!

Въ преддверіи всякой нашей работы стоитъ одинъ вопросъ, волнующій душу всего народа, волнующій и насъ, избранниковъ народа, лишающій насъ возможности спокойно приступить къ первымъ шагамъ нашей законодательной дѣятельности.

Первое слово, прозвучавшее въ стѣнахъ Думы и встрѣченное кликомъ сочувствія всей Думы, было слово «амнистія». Страна жаждетъ полной политической амнистіи,—она есть требованіе

народной совѣсти, въ которомъ нельзя отказывать, исполненіемъ котораго нельзя медлить.

Государь! Дума ждетъ отъ Васъ полной политической амнистіи, какъ перваго залога взаимнаго пониманія и взаимнаго согласія между Царемъ и народомъ».

Проектъ адреса прочитанъ. Вся Дума внимательно слушаетъ.

Этотъ адресъ рисуетъ политическую и соціальную программу перваго русскаго парламента и вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ собою среднюю равнодѣйствующую теченій и настроеній, существовавшихъ въ Думѣ, и указывалъ, говоря словами депутата Жилкина, «ту среднюю высоту, на которую могла подняться Дума». Трудовая группа полагала, что въ этомъ адресѣ сказано далеко не все то, что она хотѣла бы сказать.

Пренія по поводу адреса поглощаютъ все вниманіе Думы.

Одни изъ ораторовъ вносятъ поправки и дополненія, отмѣчаютъ дефекты, другіе стараются разъяснить всю важность вопросовъ, которыхъ касается адресъ, при этомъ,—увы!—многіе не могутъ отказаться отъ повторенія избитыхъ фразъ и пережовыванія того, что уже и безъ того ясно.

Г. Родичевъ взялъ на себя задачу нѣсколько витіеватый и расплывчатый языкъ адреса перевести на образный языкъ ораторской трибуны. Это была одна изъ наименѣе удачныхъ рѣчей г. Родичева, и мы не станемъ на ней останавливаться.

Слова проситъ представитель польскихъ аграріевъ, гр. І. Потоцкій. Это была первая и послѣдняя рѣчь этого депутата. Единственная за все время существованія Думы.

Прежде, чѣмъ выступить публично, гр. Потоцкій пробовалъ позондировать почву и заводилъ разговоры съ крестьянами-депутатами въ кулуарахъ.

Автору этихъ строкъ пришлось присутствовать при такой бесѣдѣ. Графъ среди группы крестьянъ старался проводить свою точку зрѣнія.

— Если у помѣщика взять земли,—говоритъ онъ,—такъ гдѣ же вы деньги зарабатывать станете? Легче-ли вамъ будетъ?

— Легче,—рѣшительнымъ тономъ отвѣчаетъ крестьянинъ.— Я лишнихъ 20 пудовъ хлѣба продамъ, тогда мнѣ и панскихъ денегъ не надо.

— Онъ самъ тогда паномъ будетъ,—подхватываетъ сосѣдъ, смѣривая помѣщика добродушнымъ, но насмѣшливымъ взглядомъ.

— Ну, возьмете вы землю, а вашимъ дѣтямъ опять не хватитъ...

— Э, что гадать! А теперь что я дамъ своимъ дѣтямъ изъ полутора десятинъ?..

Но отвѣтъ крестянъ не удовлетворилъ графа, и въ своей рѣчи передъ Думой онъ повторилъ свою мысль о томъ, что отчужденіе помѣщичьихъ земель недопустимо въ интересахъ крестьянъ, которые, дескать, лишаться заработка. Дума встрѣтила эту рѣчь гробовымъ молчаніемъ. Больше гр. Потоцкій не появлялся па каѳедрѣ.

Затѣмъ на каѳедрѣ появляется г. Способный.

Это была его знаменитая рѣчь о смертной казни, въ которой онъ подошелъ къ вопросу съ точки зрѣнія гастрономической. Онъ сѣтовалъ на то, что мы слишкомъ сентиментальны. Вѣдь ѣдимъ же мы кровавый ростбивъ, глотаемъ же мы устрицы, почему же мы противъ смертной казни?! Г. Способный довольно долго говорилъ на эту тему.

Аудиторія стала терять терпѣніе. Десятки людей стали кашлять, кряхтѣть: к-хм! гх!.. и, наконецъ, просто стали кричать: «довольно!».

И г. Способному, весьма обиженному, пришлось покинуть каѳедру.

Слова г. Способнаго прозвучали какимъ-то страннымъ дисонансомъ среди рѣчей длиннаго ряда ораторовъ, которые захватили трактуемые вопросы глубоко и серьезно.

Слово предоставляется проф. Е. Щепкину.

Это была обширная программная рѣчь, умная и искусная, лучшая изъ рѣчей г. Щепкина, наиболѣе ярко характеризующая и его ораторскія способности, и его политическую физіономію.

— Отвѣтъ на тронную рѣчь указываетъ одинъ опредѣленный путь, но прежде, чѣмъ вступить на тотъ путь, на который мы зовемъ и указываемъ, нужно разсмотрѣть другіе, боковые пути. Каждый долженъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, чего онъ хочетъ. Если вы никогда не тяготились старымъ самовластнымъ строемъ, столь быстро ускользающимъ изъ-подъ ногъ, если вы считаете этотъ строй единственно возможнымъ для Россійской имперіи, если вы совершенно равнодушны къ той половинѣ населенія имперіи, которая говоритъ не на великорусскомъ языкѣ, если вы хотите, чтобы всѣ народности жили подъ страхомъ вѣчныхъ погромовъ, карательныхъ нашествій съ ихъ безчисленными жертвами, тогда вы не должны принимать этотъ адресъ, вы должны составить новый, по указанію членовъ «Русскаго собранія». Если вамъ не надоѣли обыски, аресты безъ суда, высылки,

истязанія вашихъ дѣтей, если вы пришли сюда строить тюрьмы, заниматься колонизаціей мѣстъ отдаленныхъ и не столь отдаленныхъ,—вы не должны приниматься за этотъ адресъ, вы должны составить свой собственный адресъ на началахъ такъ-называемаго «правового порядка». Если вы давно примирились съ тѣми искусственно взвинченными цѣнами на чай и сахаръ, на сукно и ситецъ, которыя нужны исключительно для увеличенія доходовъ казны, если вы смотрите на Государственную Думу, какъ на торгово-промышленное предпріятіе, а не какъ на представительницу народныхъ интересовъ, если улучшеніе положенія рабочаго класса вы считаете соціальнымъ бредомъ,—то тогда вы не должны присоединяться къ этому адресу. Вы должны выработать вашъ собственный адресъ, который вамъ продиктуютъ интересы торгово-промышленной партіи. Если вы вѣрите, что хищная властная администрація способна вдругъ превратиться въ скромныхъ кроткихъ земскихъ овечекъ, если вы способны испытывать благоговѣніе на порогахъ великихъ міра сего, если вы каждую забастовку считаете преступленіемъ, если вы думаете, что достаточно одной головы безъ рукъ и ногъ, если вы не можете забастовать противъ того правительства, которое первое забастовало въ исполненіи своего долга передъ русскимъ народомъ. (*Продолжительные аплодисменты*). Если вы думаете, что для политической партіи достаточно имѣть программу и можно не имѣть тактики,—то вы не должны присоединяться къ нашему адресу, а должны выработать вашъ собственный адресъ со словъ «союза 17-го октября» и партіи демократическихъ реформъ. Если вы жаждете дѣйствительно свободы, свободы печати, слова, союзовъ, стачекъ, передвиженія, если вы, крестьяне, товарищи по Государственной Думѣ, пришли сюда за тѣмъ, чтобы не голодать больше, чтобы расширить ваши надѣлы и вспашку, если вы, рабочіе, товарищи по Государственной Думѣ, хотите обезпечить себя на случай болѣзни и старости, если вы, крестьяне и рабочіе, товарищи по Государственной Думѣ, добиваетесь того, чтобы ваши дѣти были сыты, чтобы ваши дѣти ходили въ гимназію и тамъ въ наукахъ обгоняли барчатъ, и такимъ образомъ, пролетаріатъ постепенно превращался бы въ интеллигенцію, а интеллигенція и торгово-промышленники постепенно нисходили на степень трудового пролетаріата, то вы должны принять этотъ адресъ. Сегодня вы дожили, наконецъ, до того дня, о которомъ вы мечтали раньше развѣ только въ бреду, и сами вы можете и должны повѣдать Верховной власти о всѣхъ вашихъ нуждахъ и надеждахъ

трудящагося народа. Такая минута дважды въ жизни не повторяется, и если вы хотите, чтобы вся ваша жизнь не пропадала даромъ, если вы хотите дожить до покойной и почтенной старости, если вы хотите, чтобы ваши дѣти не проклинали васъ за бездѣйствіе,—то вы должны присоединиться къ этому адресу. Мы, представители народной свободы, присоединяемся къ этому адресу, хотя не считаемъ, что онъ выражаетъ собою цѣликомъ всю нашу программу. Я знаю, что противъ нашей программы, будутъ бросать тѣ же упреки, какія ранѣе бросали намъ въ лицо, по обыкновенію, будутъ утверждать, что всѣ эти желанія — мечтанія, что разработка аграрнаго вопроса — бредъ. Но, господа, наша программа не представляетъ собою плана, искусственно созданнаго въ тиши кабинета: мы предлагаемъ въ общихъ чертахъ повтореніе той поземельной реформы, которая однажды была уже реально осуществлена въ Россіи въ 1861 году, и если тогда не было рѣчи о соціалистическихъ теченіяхъ, о нарушеніи частной собственности, то какія же основанія представляются для такихъ утвержденій теперь? Намъ будутъ бросать упрекъ въ томъ, что мы не столько партія народной свободы, сколько партія инородческая, партія иновѣрческая. Мы не скроемъ, что мы не враги инородцевъ и иновѣрцевъ. Каждая народность, входящая въ составъ населенія Россіи, имѣетъ свои способности, дарованія, и все дальнѣйшее развитіе русской мысли должно зиждиться на томъ, чтобы каждая отдѣльная народность, рука объ руку съ русскимъ народомъ, внесла и свою лепту въ общую сокровищницу русской культуры и образованности. Мы желаемъ, чтобы всѣ народности, рука объ руку съ русскимъ народомъ, вступили на ту высоту общечеловѣческой культуры и знанія, накоторой царитъ единеніе мысли, единеніе нравственной атмосферы. Намъ бросятъ послѣдній обычный упрекъ, что мы сѣемъ нашимъ адресомъ въ толпѣ опасныя сомнѣнія и исподтишка наталкиваемъ революціонное движеніе на правительство. Для выясненія нашего отношенія къ данному бюрократическому строю и къ революціонному движенію позвольте мнѣ закончить рѣчь слѣдующимъ сравненіемъ: передъ нами старая, запруда, ветхая плотина, въ которую изо-дня въ день ударяютъ волны; скоро онѣ смоютъ ее. У плотины стоятъ старички, которые глядятъ на волны, не вѣрятъ въ ихъ силу и думаютъ удержать ихъ движеніе, прикрывая ветхую плотину какимъ-то мусоромъ, а шаловливая рѣка поднимаетъ одинъ за другимъ творила и любуется, какъ каскады воды съ бѣшеной силой,

смывая другъ друга, съ неудержимой силой несутся черезъ плотину. Мы не способны любоваться водопадомъ изъ мертвыхъ тѣлъ и загубленныхъ жизней. Мы не вѣримъ также, что старую плотину можно починить ветхимъ мусоромъ,—мы хотимъ поставить мельничныя колеса и урегулировать движеніе воды. Если намъ не дадутъ возможности использовать народныя силы, если волненія пойдутъ черезъ плотину, прорвутъ и размоютъ ее, то мы въ правѣ сказать властелину: «Государь! Мы ихъ предупреждали».

Послѣ г. Щепкина, «кадета», говоритъ г. Бондаревъ, представитель трудовой группы.

— Отвѣтный адресъ, хотя въ немъ нѣтъ тона болѣе категорическаго и рѣшительнаго, все-таки будетъ благовѣстомъ для страны и для трудящихся классовъ... Нельзя сказать, чтобы тотъ строй, который недавно существовалъ, палъ. Нѣтъ, этотъ строй еще существуетъ попрежнему. Самовластіе, безотвѣтственное самовластіе желѣзнымъ кольцомъ окружило родину. Военное положеніе, чрезвычайная и усиленныя охраны старательно охраняютъ капиталистическій произволъ, пушки и пулеметы его поддерживаютъ; этимъ ставятся препятствія для осуществленія всѣхъ правъ страны. Произволъ наводнилъ родину, охватилъ ее, какъ паутиной, и до сихъ поръ хватается еще страна съ болью за сердце, и безъ того измучившееся и изстрадавшееся. Намъ говорили, что это самовластіе существуетъ во имя блага народа, но мы прекрасно знаемъ, что и благо, и счастіе народа не въ немъ. Этотъ произволъ, это самовластіе не случайнаго происхожденія, это нѣчто стройное, организованное, это не самовластіе небольшой кучки людей, захватившей власть, нѣтъ, это—историческое организованное господство меньшинства надъ громаднымъ большинствомъ. Это господство крупныхъ капиталистовъ, крупнаго землевладѣнія, и мнѣ кажется, что, наконецъ, трудящіеся классы поняли, что, не имѣя за собою политической власти, они не могутъ рѣшить ни одного вопроса. Трудящіеся классы использовали всѣ средства въ дѣлѣ борьбы, и теперь, использовавъ всѣ средства, трудящіеся классы возьмутся за послѣднее, которое можетъ, наконецъ, привести къ желанной цѣли, истинному благу и счастію самого народа. Самъ народъ выходитъ, наконецъ, на просторъ и борется, чтобы взять въ свои руки полную законодательную власть. Онъ, трудящійся народъ, употребитъ эту политическую власть для обезпеченія своего счастья и благосостоянія.

Далѣе идетъ рядъ другихъ ораторовъ.

Въ сущности, повторяются старыя рѣчи, но русскій парламентъ не устаетъ устами своихъ ораторовъ клеймить проклятое прошлое, стоившее такъ много крови и позора.

Затѣмъ каѳедру занимаетъ Кузьминъ-Караваевъ. Онъ говоритъ о смертной казни. Дума внимательно слушаетъ рѣчь криминалиста, проявившаго себя въ литературѣ ярымъ противникомъ смертной казни. Ораторъ просто и ясно ставитъ вопросъ: когда рѣчь идетъ о смертной казни, надо спрашивать «не за что, а зачѣмъ»? При такой постановкѣ вопроса падаютъ всѣ разсужденія сторонниковъ смертной казни.

Покойная, яркая рѣчь оратора покрывается дружными аплодисментами. Аплодируютъ слѣва, въ центрѣ и справа.

Ледницкій говоритъ по національному вопросу и передаетъ голосъ національнаго горя и обезличенія. Онъ говоритъ не только о полякахъ, къ которымъ онъ принадлежитъ, но и о другихъ національностяхъ, стонущихъ подъ игомъ стараго режима, онъ взываетъ къ объединенію во имя общихъ началъ свободы и къ уничтоженію международнаго «людоѣдства».

На каѳедрѣ появляется Михайличенко, представитель рабочихъ, представитель того класса, которому, по выраженію этого оратора, нечего терять, кромѣ цѣпей. Онъ не обладаетъ краснорѣчіемъ, онъ прибѣгаетъ къ выраженіямъ, недопустимымъ въ парламентахъ, и рѣзко говоритъ о «нахальствѣ нашей гнилой бюрократіи», за что получаетъ замѣчаніе предсѣдателя. Зато онъ говоритъ отъ души, отъ всего наболѣвшаго сердца. Это говоритъ человѣкъ, у котораго была «перебита голова и переломлены два ребра», и когда онъ требуетъ осторожности въ отношеніи къ правымъ и паразитамъ, питающимся чужимъ трудомъ, когда онъ заявляетъ, что «правду загнали налѣво», то искренность и задушевность его тона подкупаетъ аудиторію, и она награждаетъ его аплодисментами. Выработанный отвѣтный адресъ его не удовлетворяетъ, но онъ считаетъ возможнымъ съ нимъ мириться и полагаетъ излишнимъ развивать свою «соціалъ-демократическую программу, которую, все равно, знаетъ вся Россія».

Затѣмъ каѳедру занимаетъ проф. Максимъ Ковалевскій и произноситъ умную, сдержанную, умѣлую рѣчь, въ которой почувствовался старый ученый профессоръ, умѣющій овладѣвать аудиторіей. Онъ подвергаетъ адресъ критикѣ и отмѣчаетъ рядъ существенныхъ пробѣловъ, которые не были замѣчены при чтеніи его. Въ этомъ адресѣ нѣтъ указанія на необходимость спеціаль-

наго рабочаго законодательства. Въ немъ нѣтъ указанія также на право законодательнаго почина Думы и совершенно отсутствуетъ упоминаніе о внѣшней политикѣ. По мнѣнію оратора, русскій парламентъ долженъ былъ выставить требованіе международнаго мира вообще и покровительственнаго отношенія къ славянскимъ народностямъ въ частности.

Затѣмъ предсѣдатель объявляетъ, что записалось еще 40 ораторовъ. Это вызываетъ смущеніе, и Дума постановляетъ закрыть списокъ.

Передъ Думой проходитъ рядъ ораторовъ, которые подвергаютъ проектъ всесторонней критикѣ. Вообще большинство ораторовъ считаетъ адресъ вполнѣ удовлетворительнымъ. Споры касаются, главнымъ образомъ, отдѣльныхъ его частей. Какъ извѣстно, адресъ, говоря о системѣ выборовъ, требуетъ всеобщаго избирательнаго права. Нѣкоторые изъ ораторовъ находятъ необходимымъ раскрыть формулу путемъ добавленія требованія: прямыхъ, тайныхъ и равныхъ выборовъ. Другіе отстаиваютъ проектъ комиссіи, такъ какъ раскрытіе выдвинутой формулы можетъ вызвать возраженія справа. Сторонникамъ четырехчленной формулы нечего опасаться, ибо партія «народной свободы», господствующая въ Думѣ, выставляетъ это требованіе однимъ изъ своихъ лозунговъ. Дума соглашается съ этимъ положеніемъ и, такъ сказать, въ надеждѣ на законопроектъ, устанавливающій четырехчленную формулу, принимаетъ проектъ комиссіи.

Нѣкоторые ораторы указываютъ на отдѣльные дефекты адреса. Г. Алексинскій указываетъ на необходимость широкаго контроля надъ дѣятельностью военнаго вѣдомства, которое привело Россію къ величайшему позору.

Священникъ Гума сѣтуетъ на то, что въ адресѣ не упоминается имя Господне, а съ отсутствіемъ упоминанія о нуждахъ духовенства онъ уже согласенъ примириться.

Дума послѣ обсужденія адреса въ цѣломъ относится съ большимъ вниманіемъ даже къ отдѣльнымъ словамъ. Въ адресѣ имѣются, между прочимъ, такія слова: «Устроеніе судебъ земли русской». Проф. Карѣевъ предлагаетъ слова «земли русской» замѣнить словомъ «Россіи». Далѣе Карѣева смущаютъ слова адреса: «весь русскій народъ». Онъ предлагаетъ замѣнить эти слова фразой: «народности, населяющія Россію». Первое предложеніе Дума отвергаетъ, и слова «земли русской» остаются въ адресѣ. Что касается второго предложенія, то Дума находитъ необходимымъ съ нимъ считаться, и въ результатѣ голосованія слово

«русскій» вычеркивается, и такимъ образомъ остаются только слова «весь народъ».

Первая часть адреса принята. Читается слѣдующій абзацъ, гдѣ говорится, что «администрація покрыла страну позоромъ безсудныхъ казней». И тотъ абзацъ принимается цѣликомъ. Дума переходитъ къ обсужденію третьяго абзаца, трактующаго объ отвѣтственности министровъ передъ народными представителями.

Г. Стаховичъ противъ этой части адреса. Онъ полагаетъ, что министры должны отвѣчать только передъ Государемъ, хотя и допускаетъ расширеніе контроля надъ закономѣрностью ихъ дѣйствій.

Кн. Шаховской энергично возражаетъ. По его мнѣнію, добиться отвѣтственности министровъ—главная задача Думы.

Слово предоставляется депутату Шапошникову. Онъ въ простыхъ словахъ разбиваетъ мнѣніе г. Стаховича, упрекая его въ незнаніи элементарныхъ правилъ парламентаризма. Безотвѣтственность министровъ напоминаетъ ему басню «Поваръ и котъ». Поваръ ругаетъ кота, а Васька слушаетъ да ѣстъ. Брань на вороту не виснетъ.

Вопросъ рѣшенъ, и пунктъ адреса, устанавливающій отвѣтственность министровъ передъ народнымъ представительствомъ, принимается подавляющимъ большинствомъ.

Въ началѣ перваго часа ночи предсѣдатель объявляетъ засѣданіе закрытымъ.

«...Но прежде всего необходимо освободить Россію отъ дѣйствія чрезвычайныхъ законовъ,—усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія,—подъ прикрытіемъ которыхъ особенно развилось и продолжаетъ развиваться самовластіе безотвѣтственныхъ чиновниковъ».

Этими словами доклада думской комиссіи открывается слѣдующее засѣданіе.

По этому пункту нѣтъ разногласій, нѣтъ споровъ. Ни одинъ человѣкъ не поднялся въ защиту тѣхъ положеній, подъ гнетомъ которыхъ Россія живетъ цѣлыхъ четверть вѣка.

Нѣкоторые депутаты находятъ даже недостаточнымъ выраженіе протеста противъ этихъ положеній въ такой общей формѣ и указываютъ на необходимость внести въ адресъ опредѣленныя требованія о реорганизаціи полиціи и полномъ упраздненіи корпуса жандармовъ. Но Дума сознаетъ, что она обсужда-

етъ не законопроектъ, а адресъ и поэтому желаетъ избѣжать загроможденія его конкретными подробностями. Затѣмъ Дума переходитъ къ слѣдующему параграфу: «Между народомъ и престоломъ не долженъ стоять Государственный Совѣтъ, составленный изъ назначенныхъ сановниковъ и выборныхъ отъ высшихъ классовъ населенія». Вокругъ этого пункта возгорается споръ.

Рядъ ораторовъ посвящаетъ свои рѣчи характеристикѣ Государственнаго Совѣта. Ихъ можно распредѣлить на двѣ группы. Въ первой, по странной случайности, оказались титулованные дворяне-депутаты—кн. Шаховской, кн. Долгоруковъ, кн. Волконскій и гр. Гейденъ.

Кн. Шаховской рѣшительно противъ Государственнаго Совѣта, но полагаетъ, что включеніе въ адресъ опредѣленнаго указанія на необходимость одноплатной системы было бы неправильнымъ, ибо, по мнѣнію оратора, настоящая Дума не является истиннымъ представительствомъ и некомпетентна рѣшить окончательно вопросъ о томъ, быть-ли одной или двумъ законодательнымъ палатамъ.

Кн. Долгоруковъ называетъ Совѣтъ складочнымъ мѣстомъ для тайныхъ совѣтниковъ и бывшихъ министровъ, которымъ лучше дать усиленную пенсію, чѣмъ держать у дѣлъ.

И гр. Гейденъ противъ Государственнаго Совѣта, но онъ не хочетъ задѣвать его состава и требуетъ вѣжливой, корректной формы. Въ этомъ отношеніи онъ находитъ редакцію адреса неудовлетворительной.

Кн. Волконскій, такъ сказать, скрѣпя сердце, присоединяется къ мнѣнію гр. Гейдена, но ему бы хотѣлось, чтобы въ адресѣ совсѣмъ не было упоминанія о Государственномъ Совѣтѣ.

Такъ характеризовали Государственный Совѣтъ представители интеллигенціи.

Представители крестьянской и рабочей Руси были рѣзче въ своихъ характеристикахъ и положительно приводили въ смущеніе гр. Гейдена, который просилъ объ устраненіи рѣзкости и высказывалъ боязнь, что адресъ можетъ произвести дурное впечатлѣніе.

Депутатъ Заболотный называетъ Государственный Совѣтъ душителемъ народныхъ правъ. «Сколько хмеля ни подбавляй въ старое пиво, толку не будетъ».

Депутатъ Меркуловъ полагаетъ, что «чиновники—плохіе товарищи въ законодательной работѣ».

Онипко считаетъ Государственный Совѣтъ тормозомъ, который необходимо уничтожить.

Чурюковъ тоже требуетъ уничтоженія Государственнаго Совѣта, состоящаго изъ «старыхъ чиновниковъ и эксплоататоровъ трудящихся классовъ».

Назаренко говоритъ, что народъ возлагаетъ всѣ надежды только на Думу и ничего не ждетъ отъ Совѣта.

Гробовецкій просто рѣшаетъ вопросъ: «Цей Царскій Совітъ безъ нашего відома собрався, нехай безъ нашего відома и разойдется».

Онъ полагаетъ, что и реформа Совѣта бѣдѣ не поможетъ: «бо якъ въ старый мішокъ влытъ новое вино, то и мішокъ розпрвется и вино вытече».

Гробовецкаго поддерживаетъ Опацкій, который полагаетъ, что если «Совітъ не захочетъ расходиться, то нехай вінъ Думу слухае».

Въ рѣчахъ этихъ крестьянскихъ депутатовъ чувствуется, что они даже не понимаютъ, какъ это на пути между народомъ и Царемъ успѣлъ вырости этотъ старый бюрократическій грибъ. И въ то время, какъ представители интеллигенціи спорили о преимуществахъ и недостаткахъ двухпалатной системы, они, крестьяне, не могли ни на минуту допустить даже мысли о какой-то надстройкѣ надъ народнымъ представительствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ рѣчахъ чувствовалось сознаніе своего высокаго достоинства—депутатовъ, избранниковъ народа—и ироническое, полупрезрительное отношеніе къ старымъ совѣтникамъ, которыхъ народъ не хочетъ знать.

Рядъ ораторовъ, говорившихъ отъ имени крестьянства и рабочихъ, заключилъ депутатъ Псковской губ. Ильинъ, который отъ имени рабочихъ заявилъ, что рабочій классъ требуетъ учредительнаго собранія, и потому противъ адреса во всемъ его цѣломъ. Это неожиданное заявленіе встрѣчается недоумѣніемъ большинства палаты и аплодисментами на нѣкоторыхъ лѣвыхъ скамьяхъ.

Такимъ образомъ, всѣ ораторы, говорившіе о Государственномъ Совѣтѣ, отнеслись къ нему отрицательно. Одни полагали, что Государственный Совѣтъ подлежитъ полному упраздненію, что вообще не должно существовать верхней палаты, но всѣ сходились въ отрицательномъ отношеніи къ Государственному Совѣту въ теперешнемъ его составѣ. Случайно въ это время въ ложѣ были многіе представители Государственнаго Совѣта, которые вни-

мательно выслушивали всѣ эти комплименты и характеристики. И только одинъ голосъ раздался въ защиту нынѣшняго Государственнаго Совѣта. Это былъ голосъ депутата-священника, который полагалъ, что Дума должна радоваться, что «старыя головы могутъ исправлять ея рѣшенія своею мудростью». Его слова были встрѣчены гробовымъ молчаніемъ.

Отъ общихъ характеристикъ Дума переходитъ къ практическимъ поправкамъ къ обсуждаемому параграфу адреса.

Рѣчи М. Ковалевскаго, Острогожскаго, Езерскаго выдвигаютъ необходимость подчеркнуть въ адресѣ бюджетное право палаты и право контроля надъ займами. Эта поправка принимается Думой, и въ текстъ адреса вносится соотвѣтствующее дополненіе.

Такимъ образомъ, вопросъ о Государственномъ Совѣтѣ принимается въ редакціи комиссіи. Вопросъ о свободахъ почти не возбуждаетъ споровъ. Дума дополняетъ редакцію комиссіи принятіемъ предложенія М. Ковалевскаго о включеніи въ адресъ права петицій.

Послѣ перерыва Дума переходитъ къ обсужденію той части адреса, которая касается аграрнаго вопроса. Обсужденія этого ждали съ нѣкоторой тревогой; думали, что около этого вопроса завяжутся горячіе споры и что онъ можетъ раздѣлить Думу на враждебные лагери. Но Дума благополучно миновала всѣ подводные камни и рифы и вышла изъ цѣлаго ряда затрудненій. Отдѣльные депутаты предлагали длинный рядъ поправокъ по аграрному вопросу. Если сопоставить отдѣльныя предложенія, то ихъ можно раздѣлить на нѣсколько группъ.

Какія именно группы населенія ждутъ удовлетворенія земельной нужды,—вотъ первый вопросъ, который вызываетъ рядъ поправокъ. Проектъ комиссіи опредѣляетъ совокупность этихъ группъ, словомъ «трудовое крестьянство». Этотъ терминъ не удовлетворяетъ нѣкоторыхъ депутатовъ, и они предлагаютъ замѣнить его другими терминами: «земледѣльцы», «малоземельные» и «безземельные земледѣльцы», «земледѣльческое населеніе» и т. д. Всѣ эти предложенія продиктованы опасеніемъ, какъ бы терминъ «трудовое крестьянство» не былъ истолкованъ слишкомъ узко, и какъ бы за бортомъ не оказались мѣщане и горожане, работающіе на землѣ.

Дума отвергаетъ всѣ эти предложенія.

Какія земли должны быть обращены на удовлетвореніе земельной нуждой,—вотъ второй спорный вопросъ. Относительно казенныхъ, кабинетскихъ, удѣльныхъ и монастырскихъ земель

нѣтъ двухъ мнѣній: онѣ должны пойти на образованіе земельнаго фонда.

Депутатъ Онипко предлагаетъ включить церковныя земли, и при громѣ аплодисментовъ это предложеніе принимается. Московскій Ильинъ также оказывается сторонникомъ широкой экспропріаціи и требуетъ экспропріаціи земель, принадлежащихъ ямскимъ обществамъ. Предложеніе отвергается. Нѣтъ спора и относительно необходимости отчужденія частновладѣльческихъ земель.

Какъ извѣстно, редакція комиссіи опредѣленно заявляетъ, что земельная нужда можетъ быть удовлетворена «путемъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель». Эта редакція комиссіи слишкомъ кажется радикальной представителямъ правой. Гр. Гейденъ проситъ добавить, что отчужденіе допустимо только какъ мѣра, обусловленная государственной нуждой.

— Только въ предѣлахъ необходимости,—добавляетъ кн. Волконскій.

— Только въ зависимости отъ мѣстныхъ нуждъ,—добавляютъ другіе ораторы.

Всѣ эти предложенія отвергаются, какъ равно отвергается и поправка представителя лѣвой Меркулова, который предлагаетъ провозгласить въ адресѣ принципъ принадлежности земли всему трудовому народу.

Какъ именно должны быть отчуждены земли,—вотъ третій вопросъ, вызывающій поправки. Редакція комиссіи говоритъ: «принудительнымъ путемъ». Во избѣжаніе недоразумѣній депутатъ Ярцевъ предлагаетъ добавить: «по справедливой оцѣнкѣ». Дума сознаетъ, что эта поправка вовлечетъ ее въ детальное разсмотрѣніе аграрнаго вопроса, и тогда обсужденіе адреса можетъ затянуться на неопредѣленное время. А страна ждетъ отвѣта. И предложеніе Ярцева отвергается.

Далѣе Дума отвергаетъ всѣ предложенія о включеніи въ адресъ указанія на необходимость организаціи переселенческаго дѣла, немедленнаго урегулированія арендныхъ цѣнъ на землю и т. п., сознавая, что это—детали, которыя могутъ только загромоздить программный адресъ.

Такимъ образомъ, редакція комиссіи по вопросу о надѣленіи землей принимается цѣликомъ, и лишь включается требованіе объ отчужденіи церковныхъ земель.

Обсужденіе аграрнаго вопроса потребовало отъ Думы громадной затраты труда. Надо отдать справедливость нашему парла-

менту: тяжелый, безпрерывный трудъ въ теченіе многихъ часовъ его не пугалъ. Всѣ предложенія о перерывѣ, даже о короткомъ, отвергались.

Дума переходитъ къ рабочему вопросу. Эта часть адреса не возбуждаетъ большихъ споровъ. Конечно, редакція адреса, въ которой совершенно отсутствуетъ упоминаніе о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, не можетъ удовлетворить членовъ соціалъ-демократической партіи, которая уже въ то время имѣла въ Думѣ своихъ представителей. Но устами Михайличенко, они выражаютъ увѣренность, что Дума создастъ условія, когда рабочій классъ сумѣетъ взять въ свои руки свое дѣло, и тогда онъ самъ добьется осуществленія своихъ желаній. Редакція комиссіи по рабочему вопросу принимается.

Вопросъ о всеобщемъ безплатномъ обученіи принимается безъ измѣненій. Предложеніе включить требованіе объ обязательномъ обученіи отвергается.

По вопросу о бюджетномъ правѣ Дума принимаетъ измѣненіе, подчеркивающее исключительное право нижней палаты вотировать налоги.

Вопросъ о правѣ національностей Дума принимаетъ при громѣ аплодисментовъ. Только одинъ депутатъ, священникъ Концевичъ, высказался противъ этой части адреса. Онъ даже въ ироніческой формѣ предлагаетъ Думѣ позаботиться выработать законопроектъ, чтобы Россія утратила «свое своеобразіе и даже свое имя».

Депутатъ Петражицкій заявляетъ, что такое предложеніе является неуваженіемъ къ высокому собранію, и громъ аплодисментовъ покрываетъ эти слова оратора.

Дума подходитъ къ концу адреса, но проф. Ковалевскій выдвигаетъ вопросъ о необходимости провозглашенія въ адресѣ принципа справедливости и миролюбія въ области международныхъ отношеній. Дума сознаетъ огромную важность этого предложенія, но не считаетъ возможнымъ принести въ жертву этому вопросу неотложныя внутреннія нужды страны и отвергаетъ предложеніе Ковалевскаго.

Депутаты Онацкій и Щепкинъ выдвигаютъ вопросъ объ арміи. Дума постановляетъ включить въ адресъ слѣдующія строки: «Памятуя о тяжкомъ бремени, которое несетъ населеніе въ арміи и флотѣ, Дума озаботится внесеніемъ началъ справедливости и права въ условіи отбыванія воинской повинности».

Дума переходитъ къ заключительной части адреса—къ амнистіи. Комиссія дополнила адресъ указаніемъ на необходимость распространенія амнистіи на религіозныя и аграрныя преступленія.

Пренія по этому вопросу неожиданно возгораются. Рядъ ораторовъ открываетъ г. Стаховичъ. Онъ говоритъ въ повышенномъ тонѣ, языкомъ церковнаго проповѣдника.

Онъ требуетъ, чтобы Дума въ своемъ адресѣ высказала рѣшительное осужденіе политическимъ убійствамъ.

Г. Родичевъ сознаетъ важность вопроса, котораго коснулся г. Стаховичъ, и спѣшитъ отвѣтить на его рѣчь.

— Я съ увлеченіемъ выслушалъ слова предшествующаго оратора и вполнѣ понимаю его душевный порывъ. Только съ политическимъ мотивомъ этого душевнаго порыва я согласиться не могу. Если бы здѣсь была церковная каѳедра, то рѣчь, которую мы слушали здѣсь, была бы понятна, но мы законодатели; являясь свидѣтелями ежедневныхъ убійствъ, мы должны указать, почему такія явленія стали возможными. Мы, господа, не посредники между Государемъ и народомъ, мы—представители народа передъ Государемъ. На насъ падаетъ отвѣтственность, если повторится то, о чемъ говорилъ орловскій депутатъ. Мы должны раскрыть глаза и говорить правду, какъ бы она ни была тяжка, должны представлять ее во всей наготѣ. Росссія пережила то, чего не переживала со времени Батыя, и этому долженъ быть положенъ конецъ. Дружными усиліями вмѣстѣ съ народомъ представительная власть должна взяться за утвержденіе въ странѣ правды и прекратить убійства. Народъ открылъ свои объятія Царю. Верховная власть могла бы взять теперь въ руки судьбы исторіи и вмѣстѣ съ русскимъ народомъ приступить къ дѣлу обновленія. Въ Россіи только тогда наступило бы истинное торжество мира. Мы положимъ всѣ наши силы на это дѣло, но мы ихъ положимъ также и на борьбу съ торжествующимъ до сихъ поръ насиліемъ. Ничего другого мы сказать не можемъ. Вотъ почему я думаю, что теперь не время для нравственныхъ разсужденій. Наше дѣло указать политическія условія даннаго времени. Въ нашемъ адресѣ указанія эти сдѣланы. Этими указаніями мы снимемъ съ себя отвѣтственность за преступленія, совершающіяся вокругъ насъ. Съ той минуты, когда наше заявленіе будетъ передано верховной власти, мы за кровь, слезы и преступленія уже не будемъ повинны, и пусть верховная власть и рѣшитъ, продолжаться-ли старому насилію,

или должно наступить царство права. Только за это царство мы будемъ бороться. Одному только этому царству мы присягнемъ. *(Бурныя рукоплесканія)*.

Г. Родичева смѣняетъ черниговскій депутатъ г. Шрагъ.

Шрагъ говоритъ объ ужасахъ, которые творила власть; о герояхъ и страдальцахъ, которые не выдержали неслыханнаго гнета и отдали все за други своя.

Поправка Стаховича отвергнута.

Первый часъ ночи на исходѣ, а горячія, страстныя рѣчи слышатся еще въ русскомъ парламентѣ, который, кажется, не хочетъ знать устали.

Въ общихъ чертахъ адресъ принятъ.

Предсѣдатель спрашиваетъ членовъ комиссіи, сколько имъ потребуется времени для внесенія въ текстъ адреса всѣхъ принятыхъ поправокъ и окончательнаго редактированія этого текста. Комиссія отвѣчаетъ, что эта работа будетъ выполнена черезъ часъ.

Объявляется перерывъ.

Депутаты хлынули изъ душной залы. Аванзалъ быстро наполняется. Двери въ садъ открыты и оттуда глядитъ чудная, теплая ночь, бѣлая ночь, какія бываютъ только въ Петербургѣ.

Депутаты вышли въ садъ.

Тихо дремалъ старый Таврическій садъ, насажденный руками рабовъ.

Онъ никогда не видалъ еще такихъ гостей, и принялъ подъ свою сѣнь новыхъ людей, первыхъ народныхъ представителей земли русской.

Депутаты разбрелись по дорожкамъ, разбились на небольшія группы и ведутъ между собою тихую бесѣду.

На одной изъ скамеекъ во весь ростъ растянулся рослый, высокій депутатъ-крестьянинъ: сморила его напряженная, непривычная работа и скоро сонъ овладѣлъ имъ.

Но по звонку предсѣдателя онъ встрепенулся и пошелъ вмѣстѣ съ другими довершать начатое дѣло.

Третье чтеніе адреса.

Слова проситъ гр. Гейденъ.

— Я согласенъ вполнѣ съ тѣмъ, что крайне желательно единодушіе. Будучи во многомъ согласны съ текстомъ отвѣтнаго адреса, мы, тѣмъ не менѣе, не считаемъ въ правѣ поддерживать его цѣликомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая нарушать единогласія Думы, мы удалимся изъ залы засѣданія.

Гр. Гейденъ, г. Стаховичъ и еще четыре депутата правой покидаютъ залу.

Г. Муромцевъ обращается къ собранію.

— Я ставлю на баллотировку вопросъ: угодно-ли Думѣ принять отвѣтный адресъ на тронную рѣчь Его Величества. Предлагаю всѣмъ желающимъ принять этотъ отвѣтный адресъ оставаться совершенно спокойными, остальныхъ прошу встать.

Наступаетъ минута торжественной тишины. Депутаты нервно оглядываютъ ряды своихъ товарищей, но никто не всталъ со своего мѣста. Проходитъ нѣсколько секундъ.

Предсѣдатель, выдержавъ паузу, торжественно и громко:

— Отвѣтный адресъ принятъ!

Залъ оглашается громкими аплодисментами.

Засѣданіе закрыто. Депутаты направились по домамъ. Гигантскій городъ спалъ въ предразсвѣтномъ туманѣ. Разсвѣтало... Скоро покажется солнце.

И казалось, что скоро великое солнце, солнце правды и мира взойдетъ надъ истерзанной русской землей. Тогда такъ вѣрилось въ лучшіе дни, тогда самые хмурые люди становились оптимистами...

Это бодрое, свѣтлое настроеніе продолжалось недолго, даже не дни, а часы.

Уже на утро слѣдующаго дня въ атмосферѣ почуялись первые признаки надвигающейся непогоды, которая разрушила въ прахъ свѣтлыя мечты. Наступило тяжелое затишье. Послѣ кипучей, напряженной работы, парламентская жизнь вдругъ остановилась, точно замерла.

Замерла въ ожиданіи отвѣта.

Дума ждала его, а за нею ждала вся страна.

Наступилъ промежутокъ вынужденнаго перерыва парламентской дѣятельности. Напряженіе ожиданія было велико. Казалось, быть бурѣ: слишкомъ много накопилось электричества.

Адресъ Думы долженъ былъ произвести въ «сферахъ» огромное впечатлѣніе.

И не радикальностью выдвинутыхъ требованій, а именно тѣмъ, что по самой природѣ своей, по формѣ и характеру, онъ является шагомъ не революціоннымъ, а эволюціоннымъ.

Дума пошла мирнымъ путемъ.

Дума начала свою дѣятельность съ требованія уваженія къ прерогативамъ конституціоннаго Монарха.

Она облекла свои требованія въ форму адреса. Она заговорила языкомъ сильнымъ, но въ то же время сдержаннымъ и корректнымъ.

Она поставила Монарха на подобающую высоту и потребовала лишь контроля надъ его совѣтчиками-узурпаторами власти, насильниками и расхитителями народнаго достоянія и всѣми тѣми, къ чьимъ окровавленнымъ рукамъ прилипли трудовыя народныя деньги.

Дума показала, что она готова итти на уступки и помириться на minimum'ѣ.

Казалось, такая постановка вопроса ставила «средостѣніе» въ безвыходное положеніе.

Позднѣйшія событія показали, что это только такъ казалось.

IV.

Отказъ въ пріемѣ депутаціи.

Дума ждала отвѣта на свой адресъ. Она поручила особой депутаціи представить его.

Прошелъ день и два.

Въ воскресенье, 7-го мая, въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что депутація, которая должна была представить адресъ, не будетъ принята.

Отъ предсѣдателя совѣта министровъ на имя С. А. Муромцева было получено увѣдомленіе, въ которомъ предсѣдателю Думы предлагалось *послать* адресъ при докладной запискѣ.

Вѣсть объ отказѣ принять думскую депутацію быстро облетѣла весь городъ. Многіе видѣли въ этомъ отказѣ зловѣщій признакъ грядущихъ осложненій и конфликтовъ.

«Потрудитесь письменно при докладной запискѣ»,—гласилъ отвѣтъ предсѣдателя совѣта министровъ, и это звучало такъ: «Подайте прошеніе черезъ канцелярію».

Сколько разъ приходилось слышать эти слова, и сколько прошеній похоронено въ канцеляріяхъ всѣхъ вѣдомствъ и наименованій.

Но этого «прошенія», этой декларації перваго русскаго парламента, конечно, похоронить нельзя было. Депутація была только формой, только способомъ передачи, но не измѣняла сущности историческаго акта.

Но русскій народъ просилъ, русскій народъ хотѣлъ, чтобы его представителей выслушали лицомъ къ лицу, такъ сказать, изъ устъ въ уста.

Что же скажетъ Дума, какъ она будетъ реагировать на отвѣтъ министра, который вылилъ изрядный ушатъ холодной воды на довѣрчивыя головы.

Этотъ безпокойный вопросъ заставилъ ожидать съ особымъ интересомъ засѣданія Думы.

Шли толки о томъ, что отказъ въ пріемѣ депутаціи грозитъ серьезнымъ конфликтомъ. Высказывалось даже предположеніе, что Дума можетъ отказаться работать.

Эти предположенія, конечно, не оправдались, и люди посвященные знали это напередъ, ибо партія «народной свободы», составлявшая большинство въ Думѣ, еще наканунѣ въ своемъ засѣданіи рѣшила, что называется, не раздувать и не подчеркивать этого инцидента.

По открытіи засѣданія Думы и по докладу предсѣдателемъ объ отказѣ въ аудіенціи группа конституціоналистовъ-демократовъ предложила формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Дѣло не въ способѣ передачи адреса, а въ его содержаніи.

Такова была мотивировка формулы.

Проф. Новгородцевъ былъ правъ, когда, развивая этотъ тезисъ, передъ Думой, доказывалъ, что «великія историческія очередныя дѣла», которыя предстоятъ Думѣ, гораздо важнѣе разыгравшагося инцидента.

Правъ былъ и другой профессоръ М. Ковалевскій, который разсказывалъ въ Думѣ, что въ Англіи ранѣе соблюдались торжественные обряды при передачѣ монарху адреса палаты, а потомъ они были значительно упрощены.

Правъ былъ и г. Набоковъ, когда не безъ ироніи говорилъ о тѣхъ, которые всю сущность вопроса видятъ въ соблюденіи придворнаго этикета, и высказывалъ нелишенную язвительности догадку, что адресъ уже дошелъ по назначенію и что происшедшее скорѣй говоритъ за это, чѣмъ противъ.

Все это были совершенно справедливыя слова.

Но вотъ въ чемъ были неправы ораторы конституціонно-демократической партіи—это въ томъ, что они придавали отказу въ аудіенціи, говоря словами проф. Новгородцева, «безконечно малое значеніе».

Представителю трудовиковъ г. Аладьину удалось вѣрнѣе опредѣлить значеніе этого отказа.

Онъ говорилъ о моральномъ правѣ народныхъ представителей быть выслушанными.

— Когда вопросъ идетъ о мелкомъ этикетѣ, съ одной стороны, и о народѣ, заявляющемъ о своихъ нуждахъ —съ другой, не можетъ быть сомнѣнія насчетъ того, на какую сторону нужно стать. Я пользуюсь, въ данномъ случаѣ правомъ слова для того, чтобы сказанное здѣсь слово донеслось съ этой трибуны всюду, будетъ-ли это верховная власть, министерство или другое административное учрежденіе, и чтобы съ этой трибуны обратиться къ тѣмъ, которые послали насъ сюда. Я хочу обратить вниманіе на простой, ясный случай. Казалось, что мы добились, наконецъ, перваго реальнаго, дѣйствительнаго шага, когда можно будетъ, наконецъ, ясно и опредѣленно сказать свое слово. Въ этотъ самый моментъ мы слышимъ, что наша депутація не принята. Я не хочу сказать, что по нашему пути воздвигнуты непреодолимыя препятствія, лишающія насъ возможности продолжать нашу работу. Нѣтъ, я смотрю просто на дѣло. Препятствіе, несомнѣнно, крупное, но не вполнѣ достаточное для того, чтобы остановить насъ въ нашей законодательной работѣ. Съ другой стороны, я считаю долгомъ заявить, что администрація должна была употребить всѣ усилія къ тому, чтобы депутація была принята верховной властью. Я обращаюсь къ народу и говорю: смотрите, ваши представители будутъ работать, но такъ, что каждый шагъ ихъ будетъ встрѣчать препятствія, о которыя, наконецъ, можетъ разбиться наша энергія.

Дума почти единогласно приняла формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенную конституціонно-демократической партіей.

Казалось, вопросъ былъ исчерпанъ. Но въ сердцахъ крестьянъ этотъ отказъ въ пріемѣ депутаціи оставилъ глубокій слѣдъ. Уже Дума приняла рѣшеніе, а они все еще толпились въ кулуарахъ и не могли скрыть своего огорченія.

— Такъ, значитъ,—говоритъ депутатъ-крестьянинъ,—это называется отказать отъ дому. Пришли мы, просили хозяина, а намъ говорятъ: дома нѣтъ.

— Да,—вторитъ ему другой депутатъ-крестьянинъ,—дома просили, лобъ разбили, сюда пришли и здѣсь лобъ разобьемъ, кланяясь.

Третьяго депутата, помоложе, положительно безпокоитъ мысль, какой онъ дастъ отвѣтъ своимъ избирателямъ.

— Вѣдь они наказывали, чтобы непремѣнно самому Царю передать и вдругъ—поди ты!—и депутатъ безпомощно разводитъ руками.

— Что жъ,—отвѣчаютъ ему,—вѣдь Муромцевъ былъ во дворцѣ.

— Быть-то онъ былъ, да много-ли словъ онъ слышалъ...

А вотъ другая группа.

— Просили, значитъ, и отказали.

— На первый разъ.

— А на другой разъ, какъ о землѣ, къ примѣру, станемъ говорить, того же, думаешь, не будетъ?

И въ голосѣ слышится уже почти увѣренность, что и въ другой разъ «это» будетъ.

Эти люди вѣрили и надѣялись. Они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. И въ другой разъ они такъ легко уже не повѣрятъ.

Такъ отнеслись къ факту отказа въ аудіенціи депутаты-крестьяне.

Они не могли помириться съ тѣмъ, что этотъ отказъ якобы только требованіе придворнаго этикета.

Они словно чуяли, что въ немъ есть что-то бо́льшее. И если бы лидеры «кадетской» партіи внимательнѣе прислушались къ этимъ голосамъ крестьянской группы, то, быть-можетъ, они нашли бы иныя выраженія для своей формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Такимъ образомъ, инцидентъ съ отказомъ въ пріемѣ депутаціи оказывается исчерпаннымъ. Онъ прошелъ гладко, какъ нельзя болѣе.

V.

Первые шаги на поприщѣ практической законодательной работы.—Законопроектъ о неприкосновенности личности.

Провѣрка полномочій заняла много времени. Для удобства провѣрки Дума разбилась на 11 отдѣловъ, и пока шли работы по отдѣламъ, общія собранія Думы не назначались.

Большая часть выборовъ была признана правильной и утверждена. Утвержденіе же нѣкоторыхъ избирательныхъ производствъ отложено. Полномочія депутатовъ провѣрены, и Дума можетъ перейти къ законодательной работѣ.

На очереди законопроектъ объ обезпеченіи неприкосновенности личности. Самой ужасной болячкѣ нашего общественнаго строя приходится прежде всего и посвятить свое вниманіе.

Законопроектъ внесенъ при объяснительной запискѣ 31-го члена Думы. Законопроектъ говорить о *дѣйствительной* неприкосновенности личности.

На это слово «дѣйствительной» было обращено вниманіе однимъ изъ депутатовъ г. Миклашевскимъ, который предлагалъ его вычеркнуть, какъ совершенно излишнее.

Дѣйствительно лишнее.

Неприкосновенность личности или охраняется, или ея не существуетъ вовсе, но это прилагательное въ заголовкѣ законопроекта, чрезвычайно характерное для нашего времени, въ то же время характеризуетъ задачу, которую поставили передъ собой авторы законопроекта. Они хотѣли создать неприкосновенность личности, такъ сказать, самую дѣйствительную, т.-е. истинную, настоящую.

Они не ограничились провозглашеніемъ принциповъ, а задались цѣлью создать законопроекты сложные, испещренные цифрами и статьями закона, подлежащими отмѣнѣ, измѣненію, исправленію и дополненію. Они прошли по всему своду законовъ, внимательно приглядываясь, чтобы не осталась какая-нибудь зацѣпа и заноза, которая бы въ рукахъ изворотливыхъ бюрократовъ могла обратиться въ оружіе противъ неприкосновенности личности. Быть-можетъ, они были недостаточно бдительны и внимательны, обходя вороха законодательнаго хлама, который мы получили въ наслѣдіе отъ предшествовавшихъ законодателей. Быть-можетъ, они что-нибудь пропустили. Допущенные ими пробѣлы должна была восполнить комиссія, которой была поручена окончательная редакція законопроекта, ихъ ошибки исправила бы Дума. Авторы законопроекта знали цѣну провозглашеніямъ. Они не забыли, что въ прошломъ году тоже былъ провозглашенъ принципъ неприкосновенности личности. Но тѣ, для которыхъ не существуетъ принциповъ, почувствовали, что у нихъ руки не связаны опредѣленными, точными нормами закона. Послѣ провозглашенія этихъ принциповъ, они учинили неслыханное издѣвательство и глумленіе надъ личностью. Послѣ этого только точные, детальные законы могли внушить довѣріе. Авторы внесеннаго законопроекта, конечно, сознавали, что никакіе бумажные законы не могутъ гарантировать гражданскую свободу, если они не охраняются реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ, но

Думѣ пока ничего не оставалось дѣлать, какъ создавать эти бумажные законы. Общіе принципы своей соціальной и политической программы она начертала въ своемъ адресѣ. Теперь она должна была перейти къ органической работѣ. Такова общая характеристика внесеннаго законопроекта. Онъ ставилъ своей задачей огражденіе личности отъ посягательства на нее со стороны власти, какъ-то: отъ произвольнаго задержанія, отъ надзора за поведеніемъ и стѣсненіемъ выбора мѣстожительства, отъ вторженія въ жилища для производства обысковъ, отъ вскрытія писемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, законопроектъ устанавливалъ права гражданъ быть судимыми лишь въ общихъ судахъ, отмѣнялъ исключительные законы и устанавливалъ отвѣтственность должностныхъ лицъ за нарушеніе правилъ о неприкосновенности личности. Остановимся на тѣхъ замѣчаніяхъ, которыя были предпосланы его обсужденію въ Думѣ. Собственно, къ разсмотрѣнію проекта по существу Дума не приступала, а лишь обсудила вопросъ о томъ, какое направленіе дать проекту: направить-ли его въ общее собраніе или передать въ комиссію. Почти ни для кого не существовало сомнѣнія, что передать законопроектъ въ комиссію придется неизбѣжно, и поэтому ораторы въ своихъ замѣчаніяхъ обращались, главнымъ образомъ, по адресу будущей, имѣющей еще образоваться, думской комиссіи. Нѣкоторымъ депутатамъ внесенный законопроектъ казался неполнымъ. Въ этомъ спискѣ статей, подлежащихъ отмѣнѣ, постарались перечислить всѣ законодательные акты, созданные въ эпоху борьбы за освобожденіе и направленные противъ освобожденія. Но, оказывается, что сразу этихъ актовъ и не перечесть: слишкомъ много ихъ наиздавали.

Депутатъ Новодворскій обращаетъ вниманіе Думы на тѣ указы, которые, помимо всѣхъ прочихъ ограничительныхъ законовъ, сковывающихъ Россію, были спеціально изданы для Царства Польскаго. Онъ отмѣчаетъ указъ, предоставляющій администраціи право высылки гражданъ изъ предѣловъ Царства Польскаго, указъ, дающій возможность подъ предлогомъ обнаруженія тайныхъ школъ вторгаться въ жилища и т. д. На основаніи этихъ данныхъ, Новодворскій полагалъ, что въ комиссію, которая будетъ разсматривать законопроектъ, необходимо включить представителей окраинъ. Эта мысль встрѣчается сочувственно. Жителямъ окраинъ есть дѣйствительно чѣмъ дополнить картину нашего безправія и гражданской приниженности. Другихъ ораторовъ законопроектъ не удовлетворяетъ съ другой

стороны. Имъ бы хотѣлось сразу уврачевать всѣ болячки: вернуть слѣдователямъ и судьямъ былую самостоятельность, поднять суды на должную высоту, уничтожить наросты, которые покрыли судебные уставы.

Но до детальнаго обсужденія вопроса дѣло не дошло. Аладьинъ указалъ на то, что вѣдь проектъ только-что роздапъ, что надо еще съ нимъ ознакомиться. Аладьинъ оказался, вѣроятно, совершенно неожиданно для себя самого солидарнымъ съ гр. Гейденомъ, который заявилъ, что всѣ замѣчанія, высказываемыя по поводу законопроекта, совершенно безцѣльны. Но гр. Гейденъ пошелъ дальше Аладьина. Онъ полагалъ, что Дума настолько не подготовлена, что въ одномъ засѣданіи даже вопроса о назначеніи комиссіи рѣшить нельзя. Надо сначала дома подумать, хорошо обсудить, а потомъ только назначить засѣданіе для рѣшенія вопроса о передачѣ дѣла въ комиссію.

Гр. Гейденъ понималъ, что эта новая затяжка не по душѣ собранію, и поэтому «просилъ милости» у меньшинства. Авторы законопроекта изъявили согласіе отложить рѣшеніе вопроса.

Нѣкоторыя существенныя указанія сдѣлалъ Кузьминъ-Караваевъ. Онъ обратилъ вниманіе Думы на то, что законопроектъ, отмѣняя нѣкоторыя статьи въ интересахъ неприкосновенности личности, задѣваетъ сосѣднія области законодательства, которыя потребуютъ соотвѣтственной переработки. Онъ подчеркнулъ неизбѣжность затрудненій, которыя встрѣтитъ Дума при разборѣ отдѣльныхъ законопроектовъ. А тутъ крестьянинъ-депутатъ Жуковскій выдвинулъ новыя затрудненія: «Кто его знаетъ, что тутъ за статьи прописаны, мы не понимаемъ»... Дѣйствительно, трудно было что-нибудь понять въ этомъ пестрящемъ перечнѣ цифръ не только крестьянину, но и опытному юристу. Жуковскій подалъ мысль о необходимости, чтобы на будущее время печатались статьи, на которыя имѣются ссылки предлагаемыхъ законопроектовъ. Эта мысль встрѣчаетъ поддержку со стороны Кузьмина-Караваева и нѣкоторыхъ другихъ депутатовъ. Мысль казалась такой простой и ясной. Отчего, правда, и не напечатать въ видѣ приложеній къ законопроекту? Но... Это «но» выставилъ рядъ ораторовъ. Хорошо напечатать десятокъ-другой статей. Но если будетъ внесенъ проектъ объ уравненіи крестьянъ въ правахъ, то неужели перечислять всю необъятную массу законовъ, подлежащихъ отмѣнѣ. Это съ одной стороны. Но есть и другая, болѣе принципіальная сторона, которую отмѣчаетъ

депутатъ Винаверъ. Право законодательной иниціативы членовъ Думы и безъ того обставлено стѣснительными условіями. Если отъ депутатовъ, вносящихъ законопроекты, требовать подробнаго указанія статей въ законахъ—это еще больше стѣснитъ возможность законодательной иниціативы. Но Жуковскій стоитъ на своемъ и повторяетъ свою мысль, извиняясь, что безпокоитъ собраніе «неуклюжими словами». Всѣ понимаютъ, что къ этимъ «неуклюжимъ словамъ» необходимо прислушиваться, а то и законопроекты могутъ оказаться весьма неуклюжими, если часть депутатовъ не будетъ знать, о чемъ рѣчь идетъ. Дума окончательно не рѣшила этого вопроса. Но слѣдующіе ораторы указали на возможность выхода путемъ образованія библіотеки при Думѣ и печатаніи статей въ случаѣ необходимости.

Такъ прошли первые шаги Думы на поприщѣ практической законодательной работы.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Думѣ пришлось вернуться къ законопроекту о неприкосновенности личности. Длинной вереницей потянулись детальныя замѣчанія и дополненія.

Слово было предоставлено М. Ковалевскому.

Почтенный ученый напомнилъ собранію, что требованія, положенныя въ основу предложеннаго проекта о неприкосновенности личности, составляютъ неотъемлемое право англичанъ, начиная съ 1215 года... Почти черезъ 700 лѣтъ первому русскому парламенту приходится выставлять эти требованія, какъ нѣчто новое!

Собраніе оживилось, когда слова попросилъ министръ юстиціи г. Щегловитовъ. Г. Щегловитовъ—словоохотливый человѣкъ. Говоритъ мягко, округленно, ласково,—по выраженію крестьянскихъ депутатовъ. Послушайте его со стороны, и вы диву дадитесь, за что это только депутаты «разсердились» на гг. министровъ. Они очень либеральные и отзывчивые люди, эти гг. министры. По крайней мѣрѣ г. Щегловитовъ.

— Законопроектъ,—говоритъ министръ,—о неприкосновенности личности не исчерпываетъ всего того, что относится къ области гражданской свободы. Мало написать законъ, надо чтобы онъ исполнялся!..

Каково?!

— Исполненіе закона можетъ оградить только судъ.

Слушайте дальше:

— Только правильная постановка гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ можетъ обезпечить исполненіе закона!

Это еще не все.

— Эта отвѣтственность должна быть поставлена значительно шире...

Тихая рѣчь все журчитъ. Депутаты отвѣчали на рѣчь министра гробовымъ молчаніемъ. Нѣкоторые оказались и совсѣмъ неблагодарными и напомнили г. министру, что во главѣ отвѣтственности должностныхъ лицъ стоитъ отвѣтственность самихъ министровъ передъ народнымъ представительствомъ. А депутатъ Черносвитовъ, бывшій товарищъ предсѣдателя окружнаго суда, напомнилъ г. министру юстиціи нѣсколько непріятныхъ фактовъ изъ совсѣмъ недавняго прошлаго, — напомнилъ объ униженіи судейскаго званія, о кандидатахъ безправія, о бюрократизаціи суда, которая расцвѣла такимъ пышнымъ цвѣткомъ. Впрочемъ, г. Щегловитовъ этого уже не слышалъ, такъ какъ его уже не было въ ложѣ: гг. министры не любятъ дожидаться реплики, ибо отлично понимаютъ, что пріятнаго имъ придется слышать мало.

Послѣ рѣчи Щегловитова, въ кулуарахъ циркулировали слухи о томъ, что премьеръ не доволенъ словоохотливостью Щегловитова, что отставка его неминуема и что это вопросъ всего нѣсколькихъ дней.

Предварительныя замѣчанія по вопросу о неприкосновенности личности окончились.

Больше Думѣ не суждено было вернуться къ этому вопросу.

VI.

Историческій день 13-го мая. Отвѣтъ министерства. Требованіе отставки.

Насталъ историческій день.

Порядокъ засѣданій Государственной Думы былъ нарушенъ.

Министерство выступило со своимъ отвѣтомъ.

Отвѣтъ читалъ предсѣдатель совѣта министровъ г. Горемыкинъ.

Приводимъ буквально этотъ текстъ, впослѣдствіи волею начальства расклеенный на всѣхъ перекресткахъ.

«Совѣтъ министровъ, разсмотрѣвъ переданный Его Императорскому Величеству адресъ Государственной Думы на привѣтствен-

ныя слова, съ коими Государю Императору благоугодно было обратиться къ Государственному Совѣту и Государственной Думѣ, принялъ во вниманіе, что высказанныя въ этомъ адресѣ пожеланія и предположенія касаются одни предметовъ законодательства, а другія—государственнаго управленія.

Полагая въ основаніе своей дѣятельности соблюденіе строгой законности и обсудивъ въ связи съ этими началами высказанныя Государственной Думой соображенія, правительство выражаетъ, прежде всего, готовность оказать полное содѣйствіе разработкѣ всѣхъ вопросовъ, возбужденныхъ Государственной Думой, которые не выходятъ изъ предѣловъ предоставленнаго ей законодательнаго почина.

Такое содѣйствіе, вполнѣ отвѣчающее обязанностямъ правительства разъяснить Государственной Думѣ свой взглядъ по существу этихъ вопросовъ и отстаивать свои предположенія по каждому изъ нихъ,—оно окажетъ и въ измѣненіи избирательнаго права, хотя, съ своей стороны, и не считаетъ этотъ вопросъ подлежащимъ немедленному обсужденію, такъ какъ Государственная Дума только еще приступаетъ къ своей законодательной дѣятельности, а потому и не успѣла выяснить потребности въ измѣненіи способа ея составленія.

Съ особеннымъ вниманіемъ относится совѣтъ министровъ къ возбужденнымъ Государственною Думой вопросамъ о незамедлительномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ сельскаго населенія и изданіи закона, утверждающаго равноправіе крестьянъ съ лицами прочихъ сословій, объ удовлетвореніи нуждъ рабочаго класса, о выработкѣ закона о всеобщемъ начальномъ образованіи, объ изысканіи возможныхъ способовъ къ вящшему привлеченію къ тягостямъ налоговъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія и о преобразованіи мѣстнаго управленія и самоуправленія съ принятіемъ въ соображеніе особенностей окраинъ.

Не меньшее значеніе придаетъ совѣтъ министровъ и отмѣченному Государственной Думой вопросу объ изданіи новыхъ законовъ, обезпечивающихъ неприкосновенность личности, свободу совѣсти, слова и печати, собраній, союзовъ, вмѣсто дѣйствующихъ нынѣ временныхъ правилъ, замѣна коихъ правилами, изданными во вновь установленномъ законодательномъ порядкѣ, предусмотрѣна была при самомъ изданіи ихъ. При этомъ совѣтъ министровъ почитаетъ, однако, необходимымъ оговорить, что при выполненіи этихъ законодательныхъ работъ необходимо вооружить административныя власти дѣйствительными способами къ тому, чтобы

при дѣйствіи законовъ, разсчитанныхъ на мирное теченіе государственной жизни, правительство могло предотвращать злоупотребленія дарованными свободами и противодѣйствовать посягательствамъ, угрожающимъ обществу и государству.

Относительно разрѣшенія земельнаго крестьянскаго вопроса путемъ указаннаго Государственной Думой обращенія на этотъ предметъ земель удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ, къ которымъ принадлежатъ и земли крестьянъ-собственниковъ, пріобрѣвшихъ ихъ покупкою,—совѣтъ министровъ считаетъ своею обязанностью заявить, что разрѣшеніе этого вопроса на предложенныхъ Государственной Думой основаніяхъ безусловно недопустимо. Государственная власть не можетъ признавать право собственности на земли за одними и въ то же время отнимать это право у другихъ, не можетъ государственная власть и отрицать вообще право частной собственности на землю, не отрицая одновременно права собственности на всякое иное имущество. Начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является во всемъ мірѣ и на всѣхъ ступеняхъ развитія гражданской жизни краеугольнымъ камнемъ народнаго благосостоянія и общественнаго развитія, кореннымъ устоемъ государственнаго и мѣстнаго быта, безъ коего немыслимо и самое существованіе государства. Не вызывается предположенная мѣра и существомъ дѣла. При обширныхъ, далеко не исчерпанныхъ средствахъ, находящихся въ распоряженіи государства, и при широкомъ примѣненіи всѣхъ законныхъ къ тому способовъ,—земельный вопросъ, несомнѣнно, можетъ быть успѣшно разрѣшенъ безъ разложенія самаго основанія нашей государственности и подтачиванія жизненныхъ силъ нашего отечества.

Остальныя включенныя въ адресъ Государственной Думы предположенія законодательнаго свойства сводятся къ установленію отвѣтственности передъ народнымъ представительствомъ министровъ, пользующихся довѣріемъ большинства Думы, упраздненію Государственнаго Совѣта и устраненію установленныхъ особыхъ узаконеній о предѣлахъ законодательной дѣятельности Государственной Думы. На этихъ предположеніяхъ совѣтъ министровъ не считаетъ себя въ правѣ останавливаться: они касаются кореннаго измѣненія основныхъ законовъ, не подлежащихъ, по силѣ оныхъ, пересмотру по почину Государственной Думы.

Наконецъ, что касается заботъ Государственной Думы объ укрѣпленіи въ арміи и флотѣ началъ справедливости и права,

то въ этомъ отношеніи правительство заявляетъ, что въ войскахъ Его Императорскаго Величества начала эти съ давнихъ поръ установлены на незыблемыхъ основахъ. Нынѣ же заботы Державнаго Вождя и Императора направлены, какъ это явствуетъ изъ послѣднихъ по сему предмету мѣропріятій, къ улучшенію матеріальнаго быта арміи и флота.

Изысканіе средствъ, необходимыхъ для болѣе широкаго осуществленія этихъ мѣропріятій, составитъ одну изъ главныхъ задачъ прежнихъ властей и вновь установленныхъ законодательныхъ учрежденій.

Обращаясь ко 2-й группѣ выраженныхъ Государственной Думой предположеній—объ устраненіи дѣйствій исключительныхъ законовъ и произвола отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, совѣтъ министровъ находитъ, что они относятся всецѣло къ области государственнаго управленія. Въ этой области полномочія Государственной Думы заключаются въ правѣ запроса министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій, послѣдовавшихъ со стороны ихъ самихъ или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій. Независимо отъ сего, водвореніе въ нашемъ отечествѣ строгой законности на началахъ порядка и права составляетъ особую заботу правительства, которое и не преминетъ твердо слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣйствія отдѣльныхъ правительственныхъ органовъ были постоянно проникнуты тѣми же стремленіями. Отмѣченная Государственною Думою неудовлетворительность исключительныхъ законовъ, направленныхъ къ обезпеченію порядка и спокойствія въ случаяхъ чрезвычайныхъ, сознается и самимъ правительствомъ. Разработка взамѣнъ ихъ новыхъ, болѣе совершенныхъ, производится въ ближайшихъ вѣдомствахъ. Если, не взирая на неудовлетворительность этихъ законовъ, дѣйствія ихъ были послѣднее время, тѣмъ не менѣе, распространяемы на многія мѣстности, то причина къ тому хранится исключительно въ непрекращающихся донынѣ повседневныхъ убійствахъ, грабежахъ и возмутительныхъ насиліяхъ. Основною обязанностью государственной власти является охраненіе жизни и имущества мирныхъ обывателей. Совѣтъ министровъ въ сознаніи всей тяжести лежащей на немъ въ этомъ отношеніи отвѣтственности передъ страною заявляетъ, что доколѣ указанныя противозаконія, охватившія страну, не прекратятся и въ распоряженіе правительственной власти не будутъ предоставлены вновь изданными законами дѣйствительныя средства борьбы съ беззаконіемъ и нарушеніемъ основныхъ па-

чалъ общественной и личной безопасности, правительство вынуждено ограждать ее всѣми существующими нынѣ законными способами.

Общая политическая амнистія, ходатайство о коей заявлено Государственною Думою, заключаетъ, съ одной стороны, помилованіе приговоренныхъ по суду, а съ другой—освобожденіе отъ мѣръ административнаго взысканія лицъ, подвергнутыхъ имъ въ порядкѣ положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и военнаго положенія. Помилованіе приговоренныхъ по суду, каковаго бы свойства ни были совершенныя дѣянія, составляетъ прерогативу верховной власти, отъ которой единственно и всецѣло зависитъ проявить Царскую милость къ впавшимъ въ преступленія. Совѣтъ министровъ, съ своей стороны, находитъ, что общему благу не отвѣчало бы въ настоящее смутное время помилованіе преступниковъ, участвовавшихъ въ убійствахъ, грабежахъ и насиліяхъ.

Что же касается лицъ, лишенныхъ свободы въ порядкѣ административномъ, то совѣтомъ министровъ приняты мѣры къ самому тщательному пересмотру состоявшихся въ этомъ порядкѣ постановленій для освобожденія всѣхъ тѣхъ лицъ, предоставленіе коимъ свободы не угрожаетъ общественной безопасности, ежедневно нарушаемой преступными на нее посягательствами.

Независимо отъ приведенныхъ выше соображеній по содержанію адреса Государственной Думы совѣтъ министровъ находитъ нужнымъ напомнить въ общихъ чертахъ свои предположенія въ области законодательной. Сила русскаго государства зиждется прежде всего на силѣ его земледѣльческаго населенія. Благосостояніе нашего отечества не достижимо, пока не обезпечатся необходимыя условія успѣха и процвѣтанія земледѣльческаго труда, который составляетъ основу всей нашей экономической жизни.

Считая поэтому крестьянскій вопросъ, въ виду его всеобъятнаго государственнаго значенія наиболѣе важнымъ изъ подлежащихъ нынѣ разрѣшенію, совѣтъ министровъ признаетъ, что въ соотвѣтствіи съ этою важностью требуется особливая заботливость и осторожность изысканія путей и способовъ для его разрѣшенія.

Осторожность въ этомъ дѣлѣ необходима во избѣжаніе рѣзкихъ потрясеній исторически-своеобразно сложившагося крестьянскаго быта. Однако, по мнѣнію совѣта, послѣдовавшее преобразованіе нашего государственнаго строя съ предоставленіемъ

крестьянскому населенію участія въ законодательной дѣятельности, предопредѣляетъ главныя основанія предстоящей крестьянской реформы. При этихъ условіяхъ обособленное крестьянское сословіе должно уступить мѣсто объединенію ихъ съ другими сословіями въ отношеніи гражданскаго правопорядка, управленія и суда.

Должны также отпасть всѣ тѣ ограниченія правъ собственности на надѣльныя земли, которыя были установлены для обезпеченія исправнаго погашенія выкупного долга.

Уравненіе крестьянъ въ ихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ съ прочими сословіями отнюдь не должно лишать государственную власть права и обязанности высказывать особую заботливость къ нуждамъ земледѣльческаго крестьянства. Мѣропріятія въ этой области должны быть направлены какъ къ улучшенію условій крестьянскаго землепользованія въ его суствующихъ границахъ, такъ и къ увеличенію площади землевладѣнія малоземельной части населенія за счетъ свободныхъ казенныхъ земель и пріобрѣтенія частновладѣльческихъ земель при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка.

Предстоящее въ семъ отношеніи для государства поле дѣятельности обширно и плодотворно. Подъемъ сельско-хозяйственнаго промысла, находящагося нынѣ на весьма низкой ступени развитія, увеличитъ размѣръ производства страны и этимъ возвыситъ уровень общаго благосостоянія. Громадныя пространства пригодной для обработки земли нынѣ пустуютъ въ азіатскихъ владѣніяхъ имперіи. Развитіе переселенческаго дѣла составитъ въ виду этого одну изъ первѣйшихъ заботъ совѣта министровъ.

Сознавая неотложность поднятія умственнаго и нравственнаго уровня массъ населенія развитіемъ его просвѣщенія, правительство изготовляетъ соотвѣтствующія выраженнымъ по сему предмету Государственною Думой пожеланіямъ предположенія о всеобщемъ начальномъ образованіи путемъ широкаго привлеченія къ дѣлу народнаго обученія общественныхъ силъ.

Озабочиваясь, кромѣ того, правильной постановкой средняго и высшаго образованія, совѣтъ министровъ вноситъ въ ближайшее будущее на разсмотрѣніе Государственной Думы проектъ преобразованія средней школы, открывающій просторъ для общественнаго и частнаго въ этой области почина, а равно проектъ реформы высшихъ учебныхъ заведеній, построенный на началахъ самоуправленія.

Проникнутый убѣжденіемъ, что провозглашенное Государемъ Императоромъ обновленіе нравственнаго облика земли русской немыслимо безъ водворенія въ странѣ истинныхъ началъ законности и порядка, совѣтъ министровъ выдвигаетъ въ первую же очередь вопросъ о мѣстномъ судѣ и устройствѣ его на такихъ основаніяхъ, при коихъ достигалось бы приближеніе суда къ населенію, упрощеніе судебной организаціи, а также ускореніе и удешевленіе судебнаго производства. Одновременно съ выработаннымъ проектомъ мѣстнаго судоустройства совѣтъ министровъ вноситъ въ Государственную Думу проекты измѣненія дѣйствующихъ правилъ относительно гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ. Проекты эти исходятъ изъ той мысли, что сознаніе святости и ненарушимости закона можетъ укрепиться въ населеніи только наряду съ увѣренностью въ невозможности безнаказаннаго нарушенія закона не только со стороны обывателей, но и представителей власти.

Стремясь, за симъ, къ достиженію возможно полной уравнительности въ дѣлѣ распредѣленія налогового бремени, совѣтъ министровъ предполагаетъ внести на уваженіе законодательной власти проектъ о подоходномъ налогѣ, объ измѣненіи положенія о пошлинахъ съ наслѣдствъ и о крѣпостныхъ пошлинахъ, и о пересмотрѣ нѣкоторыхъ видовъ косвенныхъ налоговъ.

Наконецъ, въ ряду изготовленныхъ законопроектовъ совѣтъ министровъ считаетъ нужнымъ упомянуть еще о проектѣ преобразованія паспортнаго устава, предполагающаго отмѣну нынѣшнихъ паспортовъ и видовъ на жительство.

Въ заключеніе совѣтъ министровъ считаетъ долгомъ заявить, что, сознавая первостепенное значеніе мѣръ, направленныхъ къ обновленію нашего законодательства на началахъ Высочайшаго манифеста 17-го октября 1905 г., правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, проникнуто убѣжденіемъ, что могущество государства, его внѣшняя крѣпость и внутренняя сила неизмѣнно покоятся на закономѣрной, но твердой и дѣятельной исполнительной власти. Подобную власть правительство намѣрено неуклонно проявлять, въ сознаніи лежащей на немъ отвѣтственности за сохраненіе общественнаго порядка передъ Монархомъ и русскимъ народомъ. Совѣтъ министровъ питаетъ увѣренность, что Государственная Дума въ убѣжденіи, что мирное преуспѣяніе россійскаго государства зависитъ отъ разумнаго сочетанія свободы и порядка, своей спокойной созидательной работой поможетъ ему внести столь необходимое для страны успокоеніе во всѣ слои населенія».

Таковъ былъ отвѣтъ министерства.

Правительство заговорило...

Два теченія, два міра столкнулись.

Дума существовала двѣ недѣли, но до этого дня она не видала правительства. Она создала свой отвѣтъ на тронную рѣчь.

Правительство молчало.

Дума провозгласила принципы своей будущей законодательной дѣятельности.

Правительство молчало.

Дума устами своихъ ораторовъ клеймила старый режимъ, проклятое кровавое прошлое.

Правительство молчало.

Доходили лишь отрывочные слухи, что правительство, въ союзѣ съ придворной камарильей, готовитъ въ тиши свой отвѣтъ. И правительство, наконецъ, заговорило. Оно выступило со своей декларацiей. Политически глухіе должны были вынуть вату, которой были заткнуты ихъ уши. Политически слѣпые должны были прозрѣть и увидѣть, какъ во всю страшную широту разверзлась пропасть, отдѣляющая эти два міра, и что нѣтъ той силы, которая создастъ мостъ черезъ эту пропасть.

Исконные враги—народъ и бюрократія столкнулись лицомъ къ лицу.

Бюрократія дряхлѣющей рукой кинула вызовъ, и народные представители его приняли. Народные представители увидѣли, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Этого момента ждалъ нашъ парламентъ.

Съ утра уже совѣщались группы, готовясь къ встрѣчѣ. Ожиданіе и сосредоточенность. Звонокъ предсѣдателя, призывающій въ залу засѣданій, звучалъ долго и какъ-то тревожно.

Залъ быстро наполняется.

Появляются министры: Коковцевъ, Щегловитовъ, Шванебахъ, Фредериксъ и занимаютъ мѣста въ министерской ложѣ. Вотъ, въ первомъ ряду этой ложи показалась фигура Горемыкина. Онъ здоровается со своими коллегами и занимаетъ мѣсто въ первомъ ряду съ края, ближайшаго къ каѳедрѣ предсѣдателя. На видъ онъ совершенно спокоенъ. Въ рукахъ у него синяя обложка и въ ней какія-то бумаги. Это—«дѣло» о деклараціи.

Господа бюрократы остаются вѣрны себѣ—у нихъ не хватаетъ умѣнія для устной, непосредственной рѣчи, и на сцену выдвигается «дѣло». Здѣсь, въ этомъ «дѣлѣ», они рѣшили похоронить всѣ надежды русскаго народа...

Ложа, расположенная слѣва отъ предсѣдателя, также полна: здѣсь расположились члены нашей верхней палаты, явившіеся наблюдать за интереснымъ турниромъ.

Появляется Муромцевъ. Проходя мимо министерской ложи, онъ пожимаетъ руки Шванебаху и двумъ-тремъ товарищамъ министровъ.

Горемыкинъ и рядомъ сидящій Фредериксъ молча провожаютъ его глазами.

— Объявляю засѣданіе открытымъ. Г. предсѣдатель совѣта министровъ желаетъ быть выслушаннымъ Думой.

Движеніе волной прокатилось по залѣ, а затѣмъ водворилась мертвая тишина.

Горемыкинъ входитъ на каѳедру, поправляетъ пенсне и раскладываетъ свое «дѣло». Престарѣлый премьеръ не обнаруживаетъ волненія, выступая передъ народными представителями со своей похоронной деклараціей. Онъ читаетъ медленно, глухимъ старческимъ голосомъ. Иногда дѣлаетъ паузу и подчеркиваетъ нѣкоторыя слова, которыя кажутся ему особенно важными. Его слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Декларація прочитана...

Мертвая тишина...

Горемыкинъ медленно спускается съ каѳедры и занимаетъ свое кресло.

Онъ кончилъ. Его слушали.

Теперь очередь ему слушать.

И не одному ему, а всѣмъ, которые рядомъ съ нимъ занимаютъ министерскія кресла.

И они слушали.

Такихъ рѣчей, бросаемыхъ прямо въ лицо, гремѣвшихъ какъ пощечины,—русскіе министры еще не слыхали.

Давно къ нимъ доносились стоны и проклятья измученной страны. Но всенародно, передъ лицомъ всей Европы, всего міра, ихъ такъ еще не хлестали.

И ихъ курульныя кресла казались имъ непомѣрно жесткими. Они не знали, куда дѣвать свои глаза. Что дѣлать со своими руками.

Горемыкинъ запрокинулъ голову и смотрѣлъ въ потолокъ, словно ища тамъ поддержки и сочувствія. Щегловитовъ облокотился на руку и слушалъ. Фредериксъ не выдержалъ,—первый покинулъ ложу.

А рѣчи лились бурной лавой... Слова горящими искрами падали на старыя приказныя головы.

Первымъ говорилъ Набоковъ. Сдержанный и корректный, онъ въ самой аристократической формѣ указалъ непрошеннымъ гостямъ настоящее мѣсто.

— Хотя печать въ послѣдніе дни подготовила насъ къ тому, что мы сегодня услышали, но, тѣмъ не менѣе, я думаю, что выражу общее настроеніе Государственной Думы, если скажу, что чувство, насъ охватившее, есть чувство полнаго разочарованія и полной неудовлетворенности. Когда нѣсколько недѣль тому назадъ прежній кабинетъ графа Витте подалъ въ отставку, то такая отставка министерства наканунѣ открытія Думы не могла имѣть никакого другого объясненія, кромѣ того, что отнынѣ правительственное министерство рѣшается вступить на новую дорогу, что оно отказывается отъ прежнихъ старыхъ лозунговъ и что оно намѣрено вступить на конституціонный путь. Оказывается, мы ошиблись, и вмѣстѣ съ нами ошиблось и общественное мнѣніе. Мы не имѣемъ даже зачатковъ конституціоннаго министерства. Мы имѣемъ только тѣ же старые бюрократическіе лозунги.

Я не буду сейчасъ разсматривать предъявленную намъ декларацію,—это лучше меня сдѣлаютъ мои товарищи,—я остановлюсь только на нѣкоторыхъ пунктахъ. Прежде всего, на томъ вопросѣ, который всѣхъ волнуетъ всего сильнѣе и о которомъ мы заявили въ первомъ же собраніи Государственной Думы. Предсѣдатель совѣта министровъ нашелъ возможнымъ упомянуть здѣсь объ амнистіи, и упомянулъ о ней въ такомъ категорически отрицательномъ смыслѣ, что мы не знаемъ, относятся-ли слова предсѣдателя совѣта министровъ къ вопросу объ амнистіи, какъ къ вопросу законодательной дѣятельности, или какъ къ вопросу государственнаго управленія. Мы относимъ амнистію къ прерогативамъ верховной власти. Мы обратились къ верховной власти, и никакого посредничества между нами и верховной властью по вопросу объ амнистіи мы не допустимъ и возможность его отрицаемъ! *(Оглушительные, долго несмолкающіе апплодисменты).* Въ дальнѣйшихъ категорическихъ императивахъ въ той формѣ, въ какой они высказаны, мы усматриваемъ прямой и рѣшительный вызовъ народному представительству. *(Громъ апплодисментовъ).* Не выслушавъ нашихъ мнѣній во всей ихъ полнотѣ, и основываясь только на адресѣ, съ которымъ, я повторяю, мы обратились не къ

исполнительной, а къ верховной власти, намъ говорятъ, что рѣшеніе земельнаго вопроса на предложенныхъ Государственной Думой основахъ безусловно неосуществимо. Въ этомъ заявленіи мы усматриваемъ прежній тонъ, тотъ тонъ, отъ котораго пора уже отказаться. Повторяю, мы усматриваемъ въ этомъ вызовъ, и этотъ вызовъ мы принимаемъ. *(Аплодисменты).* Мы будемъ вносить законопроекты, но мы, прежде всего, не допустимъ, чтобы начала, заложенныя въ этихъ законопроектахъ, внесли, какъ выразился предсѣдатель совѣта министровъ, разложеніе основъ государственности и подточили силы народныя. Я думаю, что за нами стоитъ весь народъ, мы говоримъ отъ имени народа. Не мы подтачиваемъ силы народа, не мы разлагаемъ основы государственности. Политика половинчатыхъ уступокъ, свойственная нашему правительству, она уже подточила народныя силы. *(Аплодисменты).* Затѣмъ мы слышали, что тѣ исключительные законы, подъ дѣйствіемъ которыхъ задыхается Россія, будутъ примѣняться и впредь; что тѣ лица, которыя приняли на себя бремя правленія государствомъ, понимаютъ, что народной революціи надлежитъ отвѣчать правительственнымъ терроромъ. Стало-быть, эта глубокая и прискорбная ошибка, которая проистекаетъ изъ непониманія, что правительственный терроръ именно и создаетъ революцію, сулитъ Россіи новыя неисчислимыя бѣдствія. Я не буду дальше разсматривать заявленія предсѣдателя совѣта министровъ, я только подчеркну и отмѣчу тотъ конституціонный абсурдъ, который созданъ современнымъ положеніемъ вещей. Думу приглашаютъ къ созидательной работѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, одну изъ главныхъ основъ этой работы считаютъ недопустимой. Намъ отказываютъ въ поддержкѣ для исполненія законныхъ требованій народа. Какая же можетъ быть созидательная работа, возможно-ли обновленіе Россіи, о которомъ говорили съ высоты престола, при подобныхъ условіяхъ? Мы полагаемъ, что выходъ одинъ: разъ насъ призываютъ къ борьбѣ, разъ намъ говорятъ, что правительство является не исполнителемъ требованій народнаго представительства, а его критикомъ, и отрицателемъ, то, съ точки зрѣнія народнаго представительства, мы можемъ сказать только одно: исполнительная власть должна покориться власти законодательной.

На каѳедру входитъ Родичевъ. Худой и блѣдный. Со словами гнѣва и негодованія на устахъ.

— Господа, съ тяжелымъ чувствомъ всхожу я по этимъ ступенямъ. Мы потеряли ту надежду, ту вѣру, съ которыми населеніе

посылало насъ въ Думу. Мы явились сюда, выражая готовность вѣрить въ возможность работы, направленной къ обновленію страны; мы ждали, что власть пойдетъ къ намъ навстрѣчу; мы готовы были забыть прежнюю дѣятельность людей, въ рукахъ которыхъ была власть. Мы готовы были не вспоминать о томъ, что на порогѣ обновленія Россіи власть находилась въ рукахъ лицъ, работавшихъ надъ угнетеніемъ страны. Сегодня наши надежды рушились, намъ прочтенъ урокъ, намъ заявили, что мы подтачиваемъ жизненныя основы страны, намъ указали рамки, въ которыхъ насъ будутъ выслушивать и оказывать намъ содѣйствіе представители твердой и дѣятельной исполнительной власти. Намъ заявили, что вопросъ объ отвѣтственности министерствъ въ рамки нашей дѣятельности не входятъ, такъ какъ это вопросъ основныхъ законовъ. Нѣтъ, господа, это не вопросъ основныхъ законовъ, не въ законѣ должно быть написано, что министерство, не пользующееся довѣріемъ народнаго представительства, уходитъ отъ власти. *(Громъ продолжительныхъ аплодисментовъ).* Это положеніе должно быть внѣдрено въ совѣсти государственныхъ людей. И если въ ихъ совѣсти нѣтъ этого сознанія, то писать это въ законѣ безплодно. Намъ сказали здѣсь, что въ совѣсти нашихъ государственныхъ людей, нашего правительства это не написано,—такъ мы и объявимъ народу. Итакъ, то министерство, которое считаетъ себя безотвѣтственнымъ предъ народнымъ представительствомъ, обѣщаетъ намъ, что нынѣ будетъ властью закономѣрной, твердой и дѣятельной. Закономѣрной, но по какому закону? По закону, по которому сохраняется положеніе усиленной охраны; по закону, высказывающемуся противъ отмѣны всѣхъ дѣйствующихъ законовъ, обезпечивающихъ полную разнузданность власти. Да, такіе именно законы необходимы людямъ, не несущимъ никакой отвѣтственности; имъ нуженъ законъ, развязывающій имъ руки, разрѣшающій имъ все; съ такимъ закономъ они могутъ поддерживать «порядокъ». Я считаю умѣстнымъ напомнить вамъ завѣтъ одного изъ выдающихся государственныхъ людей—освободителя и объединителя Италіи, знаменитаго Кавура. Умирая, онъ обратился къ своему государю съ предсмертной просьбой стараго вѣрнаго слуги: «Только не вводите усиленной охраны, военнаго и осаднаго положенія; только не вводите этого; помните, что это средство годно для управленія дураковъ!» *(Взрывъ оглушительныхъ аплодисментовъ).* Теперь это правило государственной мудрости забыто. *(Ораторъ поворачивается въ сторону министерской ложи).* Теперь,

наоборотъ, намъ говорятъ, что исключительные законы необходимы для сохраненія порядка; правительство заявляетъ объ этомъ положительнымъ образомъ; мы же говоримъ, что все то горе, которое терпитъ страна, это дѣло рукъ тѣхъ, которые въ теченіе вѣковъ угнетали, отрицали правду, отрицали равноправіе, стояли на-стражѣ интересовъ высшихъ, имущихъ классовъ. Для этого и нужна была имъ старая политика гнета и произвола, для этого имъ нужно было положеніе объ усиленной охранѣ. Вотъ гдѣ корень революціи, вотъ гдѣ корень разложенія государственныхъ началъ, а для умиротворенія страны нужны прежде всего незыблемыя основы права, обязательнаго для всѣхъ права, которое прежде всего признавалось бы носителями власти.

Отъ одного лица я слышалъ много лѣтъ тому назадъ, что отвѣтственность власти предъ закономъ хуже, чѣмъ безсмысленныя мечтанія. Это просто глупость. Въ настоящее время я услышалъ эту глупость въ устахъ представителя власти. Намъ говорятъ: мы твердо соблюдаемъ законъ; я добавлю: съ тѣмъ, чтобы нарушать его каждую минуту. Намъ говорятъ, что административная власть пересмотритъ списокъ лицъ, которыя могутъ быть освобождены, если только это освобожденіе не грозитъ опасностью странѣ. Это старая традиція, въ силу которой граждане попрежнему раздѣляются на опасныхъ и вредныхъ, угодныхъ и неугодныхъ. Въ удѣлъ неугодныхъ достается тюрьма, ссылка, а угодные, мы знаемъ...

Ораторъ гнѣвно обрываетъ свою рѣчь.

Мы въ правѣ требовать, чтобы эти надругателства надъ правдой, наконецъ, прекратились. Они стремятся не къ обновленію, а къ разрушенію страны. Намъ объявлено, что крестьянское обновленіе составляетъ особую заботу нынѣшняго правительства, наличный составъ котораго до сихъ поръ заботился о «попечительной» власти надъ крестьянскимъ населеніемъ. Эта попечительная власть, примѣнявшая порку даже послѣ ея отмѣны, не подвергалась еще отвѣтственности, а, наоборотъ, награждалась. Вмѣсто этой попечительной власти крестьянамъ обѣщаютъ особенную заботливость, но обѣщаютъ ее тѣ, кто въ требованіи земельной реформы, въ требованіи, чтобы право собственности было перестроено и утверждено на незыблемыхъ началахъ справедливости,—отказываютъ намъ наотрѣзъ. Наши заботники, бывшіе до сихъ поръ попечителями, читаютъ намъ уроки объ обязанности сохраненія права собственности. Народные представители отлично знаютъ, что такое право собствен-

ности, отлично знаютъ, что законъ о правѣ собственности долженъ быть внѣдренъ въ правосознаніе народа. Мы въ правѣ требовать, чтобы вопросъ права рѣшался народнымъ представительствомъ, чтобы народные представители при тѣхъ лицахъ, и той власти, которая является безотвѣтственной, не получали уроковъ и наставленій. Страна ждетъ обновленія. Мы просили прекратить преступленія, но наши надежды отвергнуты. Вмѣсто сотрудничества мы встрѣчаемъ со стороны властей отпоръ и напоминаніе о границахъ, въ которыхъ страна должна быть обновляема. Мы встрѣчаемъ лишь цѣпляніе за старое безправіе. Но мы не остановимся передъ нашей задачей; мы знаемъ, откуда идетъ революція; мы видимъ, кто снова готовъ ввергнуть страну въ грабежи и кровопролитія. Наши глаза открылись, откроются и у всего русскаго народа. Обновить страну можно только дѣйствительно въ союзѣ съ народомъ. Министры, обновляющіе страну, должны итти въ согласіи съ народными представителями. Министры, совѣсть ваша говоритъ, что вамъ нужно дѣлать: уйти и дать мѣсто другимъ!

Эти слова были брошены смѣло и сильно, и залъ застопалъ отъ рукоплесканій. Единодушное «вонъ!» слышалось въ этихъ рукоплесканіяхъ.

А они сидѣли и слушали.

Каѳедру занимаетъ Аникинъ.

— Они къ крестьянамъ проявили особенную заботливость. Если передъ вами развернуть панораму тюремъ, вы увидите, что три четверти ихъ наполнены крестьянами. Если бы всевидящимъ окомъ окинуть горы труповъ, вы бы увидѣли, что это — крестьянскія кости. Они охраняютъ неприкосновенность собственности, а сравниваніе цѣлыхъ селеній съ землей?!.

Негодующія ноты слышатся въ рѣчи оратора: онъ ненавидитъ этихъ людей, которые пришли народному представительству давать «уроки объяснительнаго чтенія», чтенія о землѣ, свѣтѣ и власти.

Затѣмъ говорилъ длинный рядъ ораторовъ. Всѣхъ рѣчей не передать, да это и не входитъ въ нашу задачу. Выбираемъ наиболѣе яркія рѣчи.

Слова проситъ М. М. Ковалевскій.

— Господа народные представители! Вы созваны здѣсь волею Государя Императора отъ всѣхъ слоевъ населенія. Несовершенство избирательнаго закона повинно въ томъ, что землевладѣльцевъ здѣсь больше, чѣмъ другихъ. Всѣ землевладѣльцы едино-

гласно въ адресѣ, поданномъ на имя Государя Императора, признали, что считаютъ необходимымъ, своевременнымъ и неизбѣжнымъ выкупъ частновладѣльческихъ земель въ интересахъ общественной необходимости. Въ отвѣтъ на это *(Обращаясь къ министрамъ)* вы приходите и читаете что-то подобное прописямъ, въ которыхъ говорится, что право собственности священно и неприкосновенно. Неужели вы, народные представители, не знаете, что собственность неприкосновенна и что она ни мало не нарушается постановленіемъ Государственной Думы? Министры какого правительства говорятъ намъ о неприкосновенности собственности? Министры правительства, которое въ 1861 году освободило крестьянъ. Если бы мы отвѣчали на назиданія, которыми насъ удостоили сегодня, то мы сказали бы: какъ смѣете вы возставать противъ воли Царя-Освободителя, какъ смѣете вы порицать величайшій актъ русской исторіи! *(Бурные аплодисменты)*. Я не думаю, чтобы юристамъ, сидящимъ на этихъ скамьяхъ, не было извѣстно то, что извѣстно каждому студенту перваго курса юридическаго факультета,—что признаніе собственности ни мало не противорѣчитъ выкупу земель. Говорятъ, что мы собираемся отнять собственность у частныхъ владѣльцевъ. Отнять землю, принадлежащую крестьянамъ мелкимъ собственникамъ. Но развѣ у насъ было такъ сказано въ программѣ? Нѣтъ, лица, утверждающія что-либо подобное, грѣшатъ противъ правды. Затѣмъ, когда мы настаивали на амнистіи, мы желали сказать: пусть прошлое исчезнетъ, заживемъ новою жизнью. Я удивляюсь, почему гг. министрамъ угодно было упомянуть, что помилованіе есть прерогатива Государя Императора. Это всѣмъ намъ извѣстно, и я думаю, что этимъ упоминаніемъ лица, сидящія на министерской скамьѣ, даютъ понять, что если амнистіи не будетъ, то это воля Государя. Конституціонные министры оскорбили этимъ Государя, и не мы должны требовать ихъ отставки. Требовать ихъ отставки должна верховная власть. *(Аплодисменты)*. Господа, я не желалъ бы, чтобы въ моихъ краткихъ словахъ кто-нибудь вынесъ впечатлѣніе, что мы готовы прекратить нашу государственную дѣятельность. Нѣтъ, мы не прекратимъ нашей дѣятельности,—мы здѣсь представители народа, и будемъ исполнять всѣ возложенныя на насъ обязанности, и только грубая сила можетъ удалить насъ отсюда. *(Бурные аплодисменты)*. Мы будемъ продолжать нашу работу, несмотря на отношеніе къ намъ министерства. Мы въ состояніи будемъ показать имъ всѣмъ, что мы можемъ работать

даже въ такое время, когда будемъ встрѣчать только препятствія. *(Бурные аплодисменты).*

Конституціоналисты-демократы, представители партіи демократическихъ реформъ и трудовики подвергли отвѣтъ министерства всесторонней, убійственной критикѣ. У министерства на этотъ разъ не оказалось ни единаго союзника.

Глава «союза 17-го октября» гр. Гейденъ нанесъ ему справа тяжелый, серьезный ударъ.

Появленіе гр. Гейдена на каѳедрѣ приковало къ себѣ вниманіе всей аудиторіи.

— Когда я шелъ въ Думу, я полагалъ, что намъ будетъ дана возможность мирно и плодотворно вести работу, что мы встрѣтимъ въ правительствѣ полное сочувствіе на этомъ мирномъ пути. Къ сожалѣнію, сегодняшняя декларація министерства убѣдила меня въ совершенно противномъ. *(Аплодисменты).* Министерство своимъ непониманіемъ положенія зашло въ тупикъ, изъ котораго для него трудно найти выходъ. Главная задача правительства, прежде чѣмъ приступить къ законодательной работѣ,— это умиротвореніе страны, внесеніе спокойствія въ то взбаламученное море, которое существуетъ въ Россіи. Съ одной стороны, его волнуютъ національные вопросы, съ другой—всеобщія волненія, вызванныя разными причинами, которыя не время здѣсь обсуждать. Между тѣмъ, министерство совершенно избѣгаетъ вопроса о національностяхъ, не указываетъ той политики, которой должно держаться. Что касается удовлетворенія страны, то оно съ гордымъ сознаніемъ власти остается при тѣхъ же старыхъ испытанныхъ рецептахъ. Само правительство болѣе года тому назадъ признало въ томъ комитетѣ, который былъ образованъ для разработки вопросовъ объ усиленной охранѣ,—полную негодность тѣхъ средствъ, которыя ему даетъ въ руки законъ объ усиленной охранѣ, тѣмъ не менѣе сегодня мы слышали опять въ деклараціи министерства, что это единственное средство, которое оно считаетъ возможнымъ примѣнять, пока не будутъ выработаны новые законы. Но до настоящаго времени выработка законовъ была въ рукахъ правительства. Однако, цѣлые годы, несмотря на обильный дождь законовъ, эти основные законы не были выработаны. Министерство, въ лицѣ министра юстиціи Щегловитова, заявляетъ, что эти законы еще вырабатываетъ. Когда они будутъ введены въ жизнь, тогда будутъ отмѣнены признанные годъ тому назадъ негодными законы. Такимъ образомъ, я прихожу къ убѣжденію, что министерство признаетъ

себя несостоятельнымъ, потому что, имѣя возможность выработать законы, оно ихъ не выработало. Безпомощность министерства обнаруживается въ томъ, что оно прибѣгаетъ къ подобнымъ мѣрамъ и будетъ стоять на тѣхъ же пріемахъ, на которые еще министерство Плеве указывало, какъ на крайнюю необходимость при умиротвореніи страны, и признанныхъ правительствомъ негодными. Второе заявленіе министерства—о неприкосновенности права собственности—приводитъ его также въ тотъ тупикъ, изъ котораго оно положительно не будетъ въ состояніи выйти, потому что послѣ такого категорическаго заявленія оно не можетъ допустить и иного отчужденія земли. Я не стою на почвѣ того аграрнаго закона, который внесенъ фракціей партіи «народной свободы». Я тоже, какъ и министерство, стою на почвѣ права собственности, но я думаю, что это право собственности нисколько не пострадаетъ, если оно уступитъ государственной необходимости въ тѣхъ предѣлахъ, которые законодательное учрежденіе признаетъ необходимымъ. Собственность, это есть созданіе человѣческое, а поэтому должно и можетъ быть измѣняемо тѣми же человѣческими руками. Въ этомъ отношеніи весь ходъ исторіи права собственности указываетъ, что правительство вездѣ и всегда приступаетъ къ цѣлому ряду ограниченій. Полнаго права собственности нѣтъ предъ лицомъ государственной необходимости.

Если передъ Государственной Думой будетъ познано, что для спокойствія страны необходимо допустить отчужденіе принудительное, мнѣ кажется, Дума должна это постановить. То министерство, которое заявило, что положительно отрицаетъ принудительное отчужденіе, не можетъ работать съ той Думой, которая стоитъ и будетъ стоять на этихъ началахъ. Далѣе я вижу отсутствіе желанія министерства къ какой-либо работѣ не только въ этомъ, но и въ томъ, что оно до сихъ поръ не внесло на разсмотрѣніе Думы ни одного законопроекта, и даже сегодня, не выждавъ окончанія преній, весьма существенно опредѣляющихъ его отношеніе къ Думѣ, въ полномъ составѣ удалилось изъ зала и оставило насъ. Я глубоко убѣжденъ, что дальнѣйшая работа при нынѣшнемъ составѣ правительства немыслима, но я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы признать, что мы должны требовать ухода министерства. Я вполнѣ сознаю то, что то, что я теперь скажу, не раздѣляется большинствомъ Думы, но это мое мнѣніе, которое я высказалъ въ самомъ началѣ и при которомъ я остаюсь. Мы не имѣемъ права выходить изъ предѣловъ рамокъ тѣхъ законовъ, которые установлены для

дѣйствій Думы. Я лично не поддержу тѣхъ заявленій, которыя будутъ формулированы въ смыслѣ требованія отставки настоящаго министерства. Если мы будемъ этого требовать, то мы сами очутимся въ томъ тупикѣ, въ которомъ находится теперь правительство. Мы не должны рѣзко ставить этотъ вопросъ, то-есть такимъ образомъ, что или мы должны уйти, или министерство должно уйти. Я не раздѣляю того мнѣнія, чтобы нынѣшняя Дума, не рѣшивъ ничего, прекратила свою дѣятельность, но надѣюсь и уповаю, что желаніе Думы, выраженное въ формѣ категорической и законной, будетъ услышано, что поле сраженія останется не за нашими противниками, а за нами. Мы не имѣемъ никакого права скрывать отъ Монарха то впечатлѣніе, которое произвела на насъ декларація министерства. Мы должны подчеркнуть то, что насъ не удовлетворяетъ ни по содержанію, ни по формѣ. Я полагаю, что всякое министерство, которое желаетъ работать съ Думой, должно отнестись съ уваженіемъ и къ правамъ Государственной Думы. Между тѣмъ, декларація рѣзко говоритъ о томъ, чего они намъ не дадутъ и чего не позволятъ, и нѣтъ ни одного слова о нашихъ правахъ. Представители власти должны, по моему мнѣнію, быть представителями современныхъ идей, а не носителями тѣхъ ветхозавѣтныхъ мыслей, того ветхозавѣтнаго строя, которымъ является большинство теперешняго министерства. И мы глубоко убѣждены, что это министерство должно уступить мѣсто другому, пользующемуся довѣріемъ Думы и въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, Дума и должна высказаться.

Г. Щегловитовъ, который одинъ только оставался въ ложѣ, пытался возражать.

Онъ говорилъ, что плохи не министры, а плохи законы, что нужны новые, лучшіе законы, и разногласіе между министерствомъ и Думой только залогъ болѣе успѣшной и всесторонней разработки законовъ.

Г. Щегловитову отвѣчалъ проф. Гредескулъ, который подвергъ его рѣчь тонкой, язвительной критикѣ.

Циклъ рѣчей въ этотъ историческій день завершился рѣчью малограмотнаго крестьянина Лосева, во-истину замѣчательной рѣчью.

— Господа народные представители! До сегодняшняго дня я былъ движимъ чувствомъ глубокой радости. Я думалъ, что вотъ настанетъ тотъ моментъ, въ который начнется обновленіе нашей измученной страны. Я думалъ, что этотъ голосъ измученной страны раздался по всей странѣ и дошелъ до слуха великаго

священнаго нашего Монарха. Онъ заговоритъ по свой милости, что надо ознакомиться съ нуждами страны. Я имѣю счастье быть народнымъ представителемъ. До сегодня мое сердце чувствовало радость,—вотъ будетъ избѣгнутъ тотъ моментъ гибели, который грозитъ всей странѣ; вотъ настанетъ счастливый моментъ, въ который улыбнутся сквозь слезы утомленные и измученные глаза крестьянина, который увидитъ улучшеніе страны и своей жизни, который не будетъ бояться угрозы полицейскаго режима, который больше не будутъ жить въ такой темнотѣ и въ такой голодной странѣ. Но теперь скажу: радость моя была, сердце мое чувствовало только до сегодня. Нынѣ я услышалъ съ трибуны ужасный голосъ. Премьеръ-министръ ясно и коротко сказалъ, что рѣшеніе вопроса, принятое Государственной Думой, безусловно недопустимо. Что же тутъ призналъ премьеръ-министръ недопустимымъ? Удовлетвореніе голодной страны? Это то министерство, подъ рукою котораго мы находимся, какъ безсловесныя животныя. Меня сильно огорчило это, да думаю и не одного меня, а всю страну. Да, конечно, до сихъ поръ мы видѣли желаніе представителей. Здѣсь есть истинное и искренное желаніе удовлетворить нужды народа. Я радовался, слушая отвѣтъ на тронную рѣчь Государя Императора, по великой милости котораго созвали Государственную Думу, чтобы обновить страну, но радость моя, повторяю, была только до сегодня, нынѣ я опять вижу свою несчастную родину, ей грозитъ снова грозовая туча золотыхъ мундировъ. Мы видимъ, что все стомилліонное населеніе лежитъ подъ гнетомъ нѣсколькихъ личностей и ничего не можетъ сдѣлать. Многіе высказываютъ о насъ сожалѣніе на бумагѣ, но никто не можетъ помочь. Говорятъ, что выполненіе нашихъ требованій невозможно. Я снова ставлю себя въ число бѣднаго крестьянства, которое, между прочимъ, обладаетъ огромной силой. Если бы ему дать средства, то оно могло бы сдѣлать много. Это крестьянство можно сравнить съ Самсономъ, который обладалъ огромной силой и хитростью. Узнали, въ чемъ таится эта сила, и отняли ее у него. Насъ тоже взяли хитростью и ослѣпили. Я еще разъ повторяю тѣмъ, на комъ лежитъ обязанность не шутить съ многомилліоннымъ крестьянствомъ, что когда Самсонъ почувствовалъ силу всѣхъ издѣвательствъ филистимлянъ, тогда онъ сказалъ: подведите меня, дайте пощупать столбы, на которыхъ утверждено зданіе, и, упершись въ одинъ столбъ правой рукой, въ другой лѣвой, сказалъ: «Умри, моя душа, вмѣстѣ съ филистимлянами!» Что бы заставило его сдѣлать это, если бы злая Далила не ослѣпила его.

Если бы былъ онъ въ силѣ, то не захотѣлъ бы онъ сдѣлать этого. Его взяли для зрѣлищъ, и онъ сказалъ: «Умри, душа моя, съ филистимлянами», и тогда что же? Тѣ, кто игралъ имъ, погибли подъ развалинами зданій. Теперь я обращусь къ вамъ, друзья мои. Я, къ сожалѣнію, потерялъ тотъ радостный моментъ, который былъ до сихъ поръ. Я, къ сожалѣнію, теперь ставлю все трудовое крестьянство въ такое же критическое положеніе. Его берутъ какъ игрушку, но я долженъ сказать, друзья, что не ручаюсь, вытерпитъ-ли этотъ несчастный Самсонъ. Онъ скажетъ: «Умри, душа моя, съ филистимлянами!»

Такова была эта замѣчательная рѣчь.

По предложенію г. Жилкина Дума приняла слѣдующую форму переходъ къ очереднымъ дѣламъ, выработанную трудовой группой.

«Государственная Дума, находя, что въ выслушанномъ ею заявленіи предсѣдателя совѣта министровъ заключаются окончательныя и рѣшительныя указанія правительства, что оно не желаетъ удовлетворить народныя требованія, безъ чего невозможно умиротвореніе страны и плодотворная работа народнаго представительства, и что въ своемъ отказѣ удовлетворить народныя требованія правительство обнаружило явное пренебреженіе къ истиннымъ интересамъ народа,—Дума заявляетъ передъ лицомъ страны о полномъ недовѣріи къ безотвѣтственному министерству. Признавая необходимымъ условіемъ умиротворенія государства немедленный выходъ въ отставку настоящаго министерства и замѣну его министерствомъ, пользующимся довѣріемъ Думы, Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

«Кадетами» была выработана своя формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, составленная въ менѣе рѣшительныхъ заявленіяхъ, но они не сочли нужнымъ поставить ее на баллотировку.

———

Такъ народные представители отвѣтили министерству.

Эта «историческая» суббота впишется въ лѣтописи русскаго парламента.

Въ этотъ день люди словно переродились. Куда дѣвались вялыя рѣчи, сухія замѣчанія, скучающія фигуры депутатовъ.

Люди словно выросли и поднялись во весь величественный ростъ избранниковъ народныхъ. Рѣчи ихъ окрасились негодованіемъ, и въ нихъ зазвучали стальныя, могучія ноты—отголосокъ гнѣва народныхъ массъ, пославшихъ ихъ на борьбу съ ненавистнымъ гнетомъ...

Люди, пришедшіе ихъ учить, люди, наполнившіе атмосферу холодомъ могилы, зашатались подъ ударами, которые посыпались на нихъ и слѣва, и справа.

Ни прощенія, ни забвенія, ни земли, ни воли—звучали страшныя слова правительственной деклараціи. Ничто не измѣнилось за послѣдніе годы.

Напрасны были тысячи жертвъ, напрасны были потоки крови народной, напрасны героическія усилія великаго народа!

Мы не уйдемъ, мы не уступимъ, мы ни отчего не откажемся...

Все будетъ по старому. Мы, и только мы одни будемъ править страной.

«Необходимо вооружить административную власть дѣйствительными способами»,—гласила «декларація». Всѣ исключительные законы сохраняются, и все же говорится о необходимости «вооруженія власти» еще какими-то новыми «дѣйствительными» способами.

Казалось, что ужъ болѣе дѣйствительными способами вооружить нельзя. Казалось, пора уже разоружаться!

Истекающая кровью страна молила о мирѣ, стеня и изнемогая подъ ударами...

А старый слуга умирающаго режима все шире развертывалъ передъ народными избранниками свою страшную хартію, въ ослѣпленіи своемъ полагая, что онъ закладываетъ фундаментъ для будущей, обновленной Россіи.

«Разрѣшеніе земельнаго вопроса на предположенныхъ Государственной Думой основаніяхъ *безусловно недопустимо*»...

Министръ остановился, поднявъ свой старческій голосъ на послѣднихъ словахъ почти до степени крика.

Слова, которыхъ не вернешь; слова, которыя завели въ «тупикъ»,—произнесены.

Зала замерла. Она ждала этихъ словъ, но не хотѣла вѣрить своимъ ушамъ. Въ эту минуту прозрѣли крестьянскія очи, и въ парламентѣ уже не оставалось ни слѣпыхъ, ни равнодушныхъ...

А министръ уже продолжалъ, и перешелъ къ «краеугольнымъ камнямъ», на которыхъ у насъ построены безсудіе, насиліе и произволъ, къ камнямъ, на которыхъ покоятся великія всероссійскія арестантскія роты...

«Они озаботятся».

Они приложатъ усилія, чтобы сохранить и укрѣпить это зданіе...

Нѣтъ, не въ бѣгломъ очеркѣ охарактеризовать значеніе министерской деклараціи, этого историческаго колоссальной важности документа! Въ десяткахъ томовъ, посвященныхъ исторіи отживающаго режима, нельзя было сказать того, что онъ самъ сказалъ въ немногихъ страницахъ своей деклараціи.

Министръ кончилъ. Онъ сказалъ свое слово новой демократической Россіи. Новая Россія отвѣчала, отвѣчала устами своихъ избранниковъ, своихъ «лучшихъ» людей.

Намъ уже пришлось остановиться на характеристикѣ отдѣльныхъ рѣчей.

Первымъ отвѣчалъ Набоковъ.

Онъ поднялъ брошенную перчатку.

Онъ боролся, какъ джентльменъ,—умѣло, красиво и изящно. Представитель стараго дворянскаго рода, самъ вышедшій изъ рядовъ придворной знати, онъ далъ урокъ вѣжливости и хорошаго тона этимъ господамъ, забывшимъ даже приличія. Замѣчательно не содержаніе его рѣчи, а то впечатлѣніе, которое она произвела на крестьянъ-депутатовъ.

Имъ негдѣ было научиться аристократическому тону, но они какъ-то инстинктивно чуяли, что онъ говоритъ именно то, что соотвѣтствуетъ охватившему ихъ чувству обиды и разочарованія.

— Какъ онъ его это вѣжливенько, и разъ, и другой,—выражалъ свое впечатлѣніе одинъ изъ крестьянъ-депутатовъ Кіевской губерніи.

А тамъ налетѣлъ Родичевъ, легкій и злой, тонкій и язвительный.

— У купели такъ ихъ не купали,—говорилъ другой крестьянинъ, депутатъ Полтавской губ., по поводу рѣчи Родичева.

— И справедливо, все справедливо,—присовокупилъ онъ наставительно.

А потомъ выѣхала тяжелая мужицкая артиллерія. Заговорили крестьяне тяжелыми «неуклюжими» словами, словно выворачивая камни.

Камни, политые пóтомъ народнымъ; камни, на которыхъ еще не засохла человѣческая кровь.

И эти камни полетѣли въ министерскую ложу.

Министры бѣжали.

Когда на каѳедрѣ появился Михайличенко, депутатъ «съ расшибленной головой и переломленными ребрами», они не выдержали и покинули ложу.

Слушать сравненіе съ паразитами, которые сидятъ на народномъ хребтѣ и пьютъ изъ него кровь,—не такъ, чтобъ ужъ очень было пріятно.

Параллельно съ артиллеріей двигалась инженерная часть, великолѣпно обученная, въ лицѣ монументальнаго Ковалевскаго, тонкаго и тщедушнаго Кокошкина, сладкозвучнаго Щепкина и язвительнаго Гредескула.

Спокойнаго, флегматичнаго Максима Максимовича нельзя было узнать. Его задѣли за живое.

Его, профессора политическихъ наукъ, европейскаго ученаго, какіе-то чиновники пришли учить по затасканнымъ прописямъ, принесеннымъ изъ своихъ канцелярій.

И онъ гнѣвно поднялся, чтобы отчитать неучей.

— Какъ вы смѣете?—могучимъ протестомъ вырвалось изъ его груди.

— Вы, не знающіе того, что обязательно для студента перваго курса.

— Мы не прекратимъ нашей работы, только грубая сила заставитъ насъ удалиться отсюда.

На долю Ковалевскаго выпала задача повторить знаменитыя, историческія слова.

Онъ, видимо, не готовился сказать ихъ.

Они вырвались сами собой.

— Нѣтъ, лучше его не трогать,—говорилъ мнѣ одинъ изъ депутатовъ-крестьянъ.—Смирный онъ, но ежели разсердится...—и депутатъ не договорилъ.

Понравилась крестьянамъ-депутатамъ и рѣчь Гредескула, который подвергъ язвительной критикѣ слова министра юстиціи.

— Какъ онъ къ нему прицѣпился, мы и не замѣтили: министръ такъ это тихо, ласково говорилъ, а онъ какъ прицѣпится, мы тогда только и поняли по-настоящему, насчетъ чего министръ говорилъ.

Мы приводимъ почти исключительно замѣчанія и заявленія крестьянъ, такъ какъ намъ кажется, что провѣрить ихъ впечатлѣнія представляетъ наибольшій интересъ. Въ «историческую субботу» они привлекали вниманіе.

Простые люди почуяли, что надвинулась какая-то туча, и всѣ заговорили, заволновались.

Нѣтъ возможности воспроизвести разговоры, отъ которыхъ гудѣли кулуары.

Простые русскіе люди, когда заговорятъ, выкладываютъ все начистоту, что называется, безъ оглядки.

И они громко выражали свой протестъ, чувство обиды и разочарованія; говорили о нищетѣ, голодѣ, разореніи; приводили десятки примѣровъ эксплоатаціи со стороны помѣщиковъ и всякаго рода начальства.

Въ однихъ рѣчахъ слышалось разочарованіе, почти отчаяніе, въ другихъ ужъ звучали угрозы и гнѣвныя, страшныя ноты: «Такъ-такъ, ну, дожидайся они».

Блестящимъ выразителемъ настроенія крестьянской массы явился депутатъ Лосевъ.

Перечтите его рѣчь.

Лосевъ выступалъ впервые. Это совсѣмъ простой, такъ сказать, черноземный крестьянинъ. Онъ говоритъ «етотъ», «раздалсі» и т. д.

Его обращеніе къ народнымъ представителямъ, это—была историческая, стильная, могучая рѣчь, полная трагизма. Это былъ голосъ измученной, изверившейся, обманутой страны.

«Умри, душа моя, вмѣстѣ съ филистимлянами».

Это не была угроза, это не звучало призывомъ, это былъ крикъ измученной народной души, страшный, предостерегающій.

Кто не оглохъ, тотъ долженъ былъ услышать этотъ крикъ.

Но люди, страдающіе сильной глухотой, и крика не услышали...

VII.

Отголоски «исторической» субботы. Предложеніе министра народнаго просвѣщенія.

Послѣ боевого дня собираются медленно на повседневную трудную работу.

Въ кулуарахъ не замѣчается оживленія. Здѣсь и тамъ небольшія группы бесѣдующихъ депутатовъ.

Разговоры являются отголоскомъ пережитаго настроенія и подъема.

Вотъ нашъ знакомый Гробовецкій. Онъ какъ-то пріунылъ за послѣдніе дни, но его не покидаетъ обычное остроуміе, и онъ сыплетъ яркими и мѣткими замѣчаніями.

— Да, завязался узелъ,—меланхолически заявляетъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Завязался,—соглашается Гробовецкій,—только, знаете, такъ буваетъ, что запутается узелъ, а потомъ перегніе и самъ распадется.

— Министры не уступятъ.

— А може уступятъ: то одинъ министръ за чупрыну сто милліоновъ державъ, а якъ теперь сто милліоны за одну чупрыну уцѣпятся, то...

Собесѣдники прерываютъ его смѣхомъ.

— Большой котелъ треба долго розігріваты, а якъ розігріется, что хоть изъ-подъ его огонь вынять, все буде кипить.

— Отчего вы это съ трибуны не скажете?—выражаетъ огорченіе одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Нехай великороссы говорятъ, а мы послухаемъ. Про насъ кажуть, что мы, хохлы, пріемыши, а ось въ субботу Лосевъ говорилъ: рідный сынъ, а якъ сказавъ!?

Оставимъ эту группу и перейдемъ къ другой.

Здѣсь собрались «рідные сыны» тамбовцы. Въ центрѣ коренастая фигура отставного солдата съ георгіевскимъ крестомъ и медалью, украшающими грудь, всѣ признаки благонамѣренности налицо.

Этотъ депутатъ разсказываетъ любопытныя вѣсти.

Послѣ принятія Думой отвѣтнаго адреса въ ерогинскомъ общежитіи началась дѣятельная агитація. Въ общежитіе явился депутатъ священникъ о. Воздвиженскій и подъ предлогомъ того, что въ этотъ день въ его деревнѣ былъ престольный праздникъ, сталъ усердно угощать депутатовъ водкою. Когда люди подвыпили, имъ подсунули подписать протестъ противъ думскаго адреса; въ этомъ протестѣ говорилось, что крестьяне просятъ прощенія у Царя-Батюшки, каются въ своихъ словахъ, и т. п.

Нѣкоторые изъ обитателей ерогинскаго общежитія согласились подписать протестъ, другіе—энергично протестовали. Дѣло едва не дошло до драки, и протестъ не получилъ предполагаемаго направленія.

Послѣ этого инциндента нѣкоторые обитатели общежитія немедленно его покинули.

— Теперь тамъ осталось всего нѣсколько человѣкъ,—добавилъ депутатъ.

— Которые охочіе до водки,—присовокупилъ его собесѣдникъ, человѣкъ въ чуйкѣ, съ черной окладистой бородой.

Въ группѣ смѣхъ.

— Это квартира, что на Кирочной, № 52?—вмѣшивается одинъ изъ депутатовъ, отдѣлившійся отъ другой группы.

— Эта самая.

— А я думалъ, на углу Таврической, № 25,—тоже хорошій уголокъ.

Третья группа окружила офицера, который ведетъ оживленный разговоръ съ депутатами.

— Вы правильно поступили, упомянувъ въ адресѣ о необходимости внести начала справедливости въ нашу армію. Возьмите нашъ командный элементъ: изъ кого онъ состоитъ? Изъ гвардіи. Тридцать три тридцать четвертыхъ арміи—это безправные паріи, а одной тридцать четвертой—гвардіи—принадлежатъ всѣ права и преимущества.

Армейскій офицеръ сто лѣтъ долженъ тянуть лямку, чтобы дослужиться до полковника, а гвардейцы въ сорокъ лѣтъ уже генералы. О себѣ я не говорю: мы, офицеры генеральнаго штаба, на особомъ счету.

Рѣчь заходитъ о послѣднемъ процессѣ четырнадцатаго флотскаго экипажа, но звонокъ предсѣдателя прерываетъ разговоръ.

Открывается засѣданіе. Любопытные взоры обращаются въ сторону министерской ложи. Явится-ли кто-нибудь изъ нихъ? Оказывается, нѣкоторые сочли своимъ долгомъ явиться. Щегловитовъ уже здѣсь, а вотъ появился и г. Столыпинъ. Въ ложѣ налѣво, для членовъ Государственнаго Совѣта,—тоже нѣсколько человѣкъ.

Все, такимъ образомъ, обстоитъ благополучно. Недовѣріе недовѣріемъ, а работа работой, и Дума переходитъ къ очереднымъ задачамъ дня.

Засѣданіе открывается интересными заявленіями, о которыхъ докладываетъ предсѣдатель.

Читается поступившее въ законодательномъ порядкѣ предложеніе министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи ему права открывать частные общеобразовательные курсы.

Это первое предложеніе, внесенное министерствомъ.

Незначительное, маловажное.

Его рѣшено отпечатать и раздать депутатамъ.

А вотъ обращеніе того же министерства съ ходатайствомъ объ ассигнованіи 40 тыс. руб. съ копейками на... перестройку пальмовой оранжереи и прачечной при... юрьевскомъ университетѣ...

Невинное, дѣвственное ходатайство объ ассигновкѣ и почти идиллическое.

На депутатскихъ скамьяхъ слышится смѣхъ, добродушный и чуть-чуть иронической.

На очереди записка по аграрному вопросу. Петражицкій предлагаетъ передать записку прямо въ комиссію, не предпосылая ей общихъ замѣчаній. Онъ проектировалъ образовать комиссію изъ 88-ми членовъ, комбинированную такимъ образомъ, чтобы всѣ парламетскія группы ввели въ нее своихъ представителей. Но Дума, сознавая колоссальную важность предстоящаго вопроса, не считаетъ возможнымъ прямо передавать ее въ комиссію и отвергаетъ предложеніе Петражицкаго.

На очереди предварительныя пренія по этому капитальнѣйшему и коренному вопросу.

Но къ этому вопросу Думѣ удалось перейти во второй половинѣ слѣдующаго засѣданія.

VIII.

Аграрный вопросъ.

Обсужденіе аграрнаго вопроса заняло много дней, потребовало большой напряженной работы.

Вопросъ былъ обсужденъ всесторонне и съ различныхъ точекъ зрѣнія; говорили люди, для которыхъ на первомъ планѣ стояли интересы государственные, говорили аграріи, отстаивавшіе свою классовую точку зрѣнія, говорили крестьяне-землепашцы, говорили представители различныхъ общественныхъ группъ, разныхъ полосъ Россіи, разныхъ національностей.

Дума почти три недѣли «сидѣла» на аграрномъ вопросѣ.

Длинной вереницей проходили ораторы, и вопросъ все выросталъ и выросталъ, принимая расплывчатые и грандіозные размѣры, этотъ великій вопросъ, передъ разрѣшеніемъ котораго остановилась стомилліонная страна.

Всѣ предложенія прекратить запись ораторовъ отвергались, такъ какъ Дума желала дать высказаться всѣмъ и каждому.

Всего высказалось свыше 150 ораторовъ. Собраніе ихъ рѣчей должно представить огромную книгу и послужить богатѣйшимъ матеріаломъ для того, кто рѣшилъ бы заняться подробнымъ обслѣдованіемъ аграрнаго вопроса.

Такое обслѣдованіе не входитъ въ нашу задачу. Она гораздо скромнѣе и уже.

Задача этой главы намѣтить лишь главнѣйшіе тезисы и воспроизвести главнѣйшіе моменты преній въ связи съ отношеніемъ Думы къ тѣмъ или инымъ мнѣніямъ и воззрѣніямъ, при чемъ

особенно подробно мы остановились на борьбѣ Думы съ министерствомъ.

Еще въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь Дума приняла слѣдующее рѣшеніе:

«Выясненіе нуждъ сельскаго населенія и принятіе соотвѣтствующихъ законодательныхъ мѣръ составитъ ближайшую задачу Государственной Думы. Наиболѣе многочисленная часть населенія страны—трудовое крестьянство—съ нетерпѣніемъ ждетъ удовлетворенія своей острой земельной нужды, и первая Государственная Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворенія этой насущной потребности путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ».

Послѣднія слова этого пункта адреса опредѣляютъ, такъ сказать, программу минимума, относительно которой вся Дума пришла къ соглашенію.

Два проекта аграрной реформы, изъ которыхъ одинъ былъ предложенъ партіей «народной свободы» (записка 42-хъ), а другой—трудовой группой (записка 104-хъ), представляли развитіе основного тезиса, принятаго въ адресѣ. Первый проектъ въ болѣе скромныхъ, второй—въ болѣе радикальныхъ размѣрахъ.

Обѣ записки предлагали образованіе земельнаго фонда.

Но «кадеты» стояли за сохраненіе права собственности, за обязательный выкупъ по справедливой оцѣнкѣ и надѣленіе въ предѣлахъ продовольственной нормы, а «трудовики», выставляя идеаломъ лозунгъ: «вся земля всему народу», въ видѣ ближайшей мѣры предлагали надѣленіе въ размѣрахъ болѣе обширной, трудовой нормы, и не предрѣшали вопроса о размѣрахъ и условіяхъ уплаты за отчужденныя земли, предоставляя этотъ вопросъ рѣшить на мѣстахъ самому народу.

Эти два проекта послужили общей темой, общей канвой для всѣхъ рѣчей по аграрному вопросу.

Въ этихъ предѣлахъ колебались мнѣнія и воззрѣнія, выдвинутыя длиннымъ рядомъ ораторовъ.

Мы не станемъ останавливаться на третьей запискѣ по аграрному вопросу, такъ-называемой запискѣ 34-хъ, предложенной самой крайней лѣвой группой.

Первый пунктъ этой записки гласилъ: «Всякая частная собственность на землю въ предѣлахъ Россійскаго государства отнынѣ совершенно уничтожается».

Записка эта была отвергнута огромнымъ, подавляющимъ большинствомъ Думы.

Итакъ, передъ Думой, въ сущности, были два основныхъ проекта аграрной реформы.

Въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій весь вопросъ во всемъ его цѣломъ былъ подвергнутъ критикѣ съ точки зрѣнія юридической.

Эту задачу взялъ на себя проф. Петражицкій.

Онъ разобралъ вопросъ, лежащій въ основѣ всякой аграрной реформы, вопросъ о неприкосновенности собственности.

Съ тщательностью и усердіемъ, свойственнымъ этому педантичному, серьезному и вдумчивому ученому онъ доказалъ, что неприкосновенность собственности не имѣетъ вовсе смысла какой-то абсолютной неприкосновенности, а иной смыслъ—такой, съ которымъ можетъ вполнѣ мириться начало принудительнаго отчужденія.

Покончивъ съ юридическою стороною дѣла, онъ перешелъ къ разсмотрѣнію вопроса съ точки зрѣнія государственной политики.

Это была сухая, безконечно длинная, страшно растянутая рѣчь.

Ораторъ высказалъ много опасеній: его пугаютъ финансовыя затраты, сложность дѣла, но больше всего онъ боится паденія цивилизаціи и наступленія «мужицкаго царства».

Рѣчь Петражицкаго произвела странное и въ общемъ неблагопріятное для оратора впечатлѣніе.

Онъ прежде всего страшно утомилъ аудиторію.

И нуженъ былъ яркій и сильный языкъ г. Герценштейна, чтобы поднять настроеніе аудиторіи.

Это была первая рѣчь г. Герценштейна.

До этого дня г. Герценштейнъ не проронилъ ни слова. Политика и конфликты—это не его область. Онъ человѣкъ дѣла, практическаго, настоящаго дѣла, и когда Дума дошла до того дѣла, котораго ждетъ вся темная крестьянская многомилліонная масса, онъ выступилъ во всеоружіи житейскаго опыта и научныхъ познаній.

Своей первой же рѣчью г. Герценштейнъ обезпечилъ себѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ нашемъ первомъ парламентѣ. Онъ сумѣлъ приноровиться къ уровню аудиторіи,—заговорить языкомъ живымъ, мѣткимъ и понятнымъ.

Въ рѣчахъ нашихъ думскихъ ораторовъ было много паѳоса, негодованія и возмущенія, но почти никто изъ нихъ не проявилъ умѣнья пользоваться однимъ изъ самыхъ сильныхъ ораторскихъ средствъ—смѣхомъ. И вдругъ, неожиданно, это качество проявилъ г. Герценштейнъ, этотъ сухой и дѣловой человѣкъ и притомъ по

такому вопросу, какъ аграрный. Это не былъ смѣхъ, разсчитанный только на аплодисменты, а смѣхъ парламентскаго дѣятеля, смѣхъ умнаго человѣка, который все отлично видитъ чрезъ свои парламентскіе очки.

Онъ прежде всего отвѣтилъ на основной тезисъ пресловутой министерской деклараціи о неприкосновенности частной собственности. Онъ не критиковалъ этой деклараціи, не возмущался ею, а только напомнилъ о томъ, что члены этого самаго кабинета, который провозгласилъ принципъ неприкосновенности частной собственности, въ 1881 г. проводили рядъ насильственныхъ актовъ въ дѣлѣ принудительнаго отчужденія. Насъ пугаютъ размѣрами финансовыхъ затратъ, связанныхъ съ разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса, но вѣдь помѣщикамъ мы заплатимъ бумагами. Какъ они ни малосильны, эти помѣщики, но хватитъ же у нихъ, наконецъ, силъ, чтобы стричь купоны!

Смѣхъ и аплодисменты прерываютъ оратора.

— Нечего бояться мужицкой культуры и предсказывать разореніе промышленности. Зажиточный крестьянинъ создастъ промышленность.

Ораторъ ссылается на примѣръ Даніи съ ея мужицкой культурой, создавшей общее благополучіе и цѣлыхъ сто народныхъ университетовъ. Одного надѣленія землей, конечно, мало. Нуженъ дешевый и производительный кредитъ, нужно вытащить деревню изъ оковъ ростовщичества, нужны сберегательныя кассы.

— Но, конечно, не для того, чтобы французскія кухарки были покойны за свои сбереженія.

Снова смѣхъ и дружные аплодисменты.

Ораторъ переходитъ къ дѣятельности крестьянскаго банка.

— Намъ предложено: зачѣмъ вамъ помѣщичьи земли, когда есть казенныя; зачѣмъ вамъ принудительное отчужденіе, когда есть крестьянскій банкъ. Позвольте мнѣ остановиться на этихъ пунктахъ. Это вѣдь обычная программа. Но сколько же у насъ казенныхъ земель? Я думаю, что присутствовавшій здѣсь министръ земледѣлія лучше моего знаетъ, это—всего 4.176,000 дес. Конечно, этого крестьянамъ не хватитъ, и если мы предложимъ имъ однѣ казенныя земли, то дадимъ камень вмѣсто просимаго хлѣба.

Дальше—крестьянскій банкъ—великолѣпное средство, по мнѣнію ораторовъ, возражающихъ намъ справа. Правда, при его посредствѣ перешла часть помѣщичьихъ земель въ крестьянскія руки, но по какой цѣнѣ, на какихъ условіяхъ? Я думаю, что это всѣмъ въ достаточной степени извѣстно. Земли, совершенно непригодныя для

хозяйства, изъ года въ годъ все больше и больше повышаются въ цѣнѣ. Если покупку земель построить на томъ, что помѣщики желаютъ продавать землю, а крестьяне покупать ее, то сдѣлка будетъ носить непремѣнно характеръ ростовщическій. Крестьяне всегда нуждаются въ землѣ, помѣщикъ же можетъ подождать. Хорошо, если помѣщикъ желаетъ продать, а если не желаетъ? А крестьяне желаютъ купить? Тогда вся эта операція разлетается въ прахъ. Реформой крестьянскаго банка ему предоставлено увеличить норму кредита и пріобрѣтать земли за собственный счетъ. Это придало банку извѣстную организацію, но въ то же время это явилось великолѣпнымъ гибкимъ средствомъ въ рукахъ министра финансовъ. Когда было необходимо оказать содѣйствіе министру Двора, то за 620,000 р. покупали земли, гдѣ желательно было оказать услугу сильному человѣку. *(Аплодисменты)*. Тутъ былъ планъ, но не тотъ, которому мы должны слѣдовать, производя аграрную реформу. Случайно банкомъ, можетъ-быть, покупка производилась тамъ, гдѣ земля была нужна крестьянамъ, но большею частью совершенно не считались съ этимъ. Неужели же мы будемъ возлагать еще надежды на этотъ крестьянскій банкъ: никогда. Говорятъ, что понизили цѣны. Превосходно, но кто получилъ преимущества отъ этого пониженія? Создалась грандіозная спекуляція. Имѣніе помѣщика переходитъ изъ рукъ одного спекулянта въ руки другого. Имѣнія закладывались, перезакладывались, переходили отъ московскаго земельнаго банка въ виленскій, изъ виленскаго въ московскій, а когда лѣса были вырублены, когда остались оголенныя площади, то опять закладывались по очень высокимъ цѣнамъ. Эти огромныя пространства находились въ рукахъ десятковъ спекулянтовъ и въ результатѣ выручалъ крестьянскій банкъ, надѣлялъ этими голыми землями крестьянъ, а мужикъ все вынесъ. *(Аплодисменты)*.
Господа, развѣ вы не знаете, какъ ликвидировалось имѣніе кн. Гогенлоэ. Туда явилась масса чиновниковъ, которые гораздо опаснѣе хищниковъ, которые налетаютъ исключительно для наживы. Такіе хищники были и въ Смоленской губерніи. Земля тамъ поднялась въ цѣнѣ отъ 25-ти до 250 рублей, т.-е. цѣна удесятирилась, а развѣ земля стала лучше? Развѣ помѣщикъ внесъ культуру? Внесъ затраты, знаніе? Нѣтъ, онъ изъ земли только выжималъ все, что было можно, и въ заключеніе передавалъ землю черезъ банки крестьянамъ. Тотъ, кто посредничество крестьянскаго банка предлагаетъ, какъ единственное средство для разрѣшенія аграрнаго вопроса, тотъ сознательно ведетъ насъ къ разоренію. *(Аплодисменты)*. Эта мѣра должна быть без-

условно отвергнута. *(Аплодисменты)*. Мѣры къ подъему сельскаго хозяйства намѣчались уже 45 лѣтъ тому назадъ, но существеннаго правительство ровно ничего не сдѣлало. Теперь правительство содрогается передъ грознымъ вопросомъ экспропріаціи, но почему оно само ничего не создало? Образовали министерство земледѣлія, но оно не сдѣлало рѣшительно ничего. Въ теченіе ряда лѣтъ приняты случайныя мелкія, единичныя мѣропріятія. Мы должны поднять культуру сельскаго хозяйства, должны добиться не только, чтобы крестьяне имѣли вмѣсто одной двѣ десятины, но и того, чтобы крестьяне вмѣсто одного колоса имѣли два колоса. Тогда лишь онъ будетъ благоденствовать. Мы должны поднять культуру, говорятъ намъ. Я бы принялъ эту формулу, но вмѣстѣ съ дополнительными надѣлами. Если бы сказали: дополнительные надѣлы и поднятіе культуры,—я первый подписался бы подъ этимъ.

Ораторъ резюмируетъ свою рѣчь:

— Надѣленіе землей—только часть аграрнаго вопроса. Намъ предлагаютъ культуру *вмѣсто* надѣленія, но мы стоимъ за культуру *вмѣстѣ* съ надѣленіемъ.

Подъ громъ долго не смолкающихъ аплодисментовъ ораторъ покидаетъ каѳедру. Бодрая, сильная рѣчь поднимаетъ настроеніе аудиторіи, но уже вечеръ, и засѣданіе прерывается до слѣдующаго дня.

Это были первыя рѣчи, сильныя и яркія.

Шли дни, и обсужденіе вопроса развертывалось во всю ширину.

Министры время отъ времени появлялись въ ложѣ.

Наконецъ, они рѣшились выступить съ своей программой по аграрному вопросу.

Это было 19-го мая.

Думу облетѣла вѣсть, что будутъ говорить министры, и залъ быстро наполняется.

Слова проситъ г. Стишинскій, главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ.

На каѳедрѣ появляется высокая фигура съ сильно облысѣвшей головой, съ холеными сѣдыми бачками. Онъ говоритъ тихо и плавно; это не рѣчь, а бесѣда, бесѣда стараго, умнаго и благодушнаго человѣка, который не сердится на этихъ неблаговоспитанныхъ людей, указавшихъ ему на дверь, и пришелъ съ ними поговорить, что называется, по душамъ, а кстати и поучить уму-разуму.

— Собственность священна. Въ этомъ принципѣ таится глубокій разумъ. Нельзя жить подъ Дамокловымъ мечомъ отчужденія — руки могутъ опуститься, хозяйство погибнетъ. Отчужденные земельные участки будутъ осуждены на вымираніе. Только преемственная, наслѣдственная связь въ обладаніи землей обезпечиваетъ культуру. Нельзя ссылаться на реформу 61-го года. Да, это былъ грандіозный выкупъ, но къ крестьянамъ отошли тѣ угодья, которыя находились въ ихъ хозяйственномъ пользованіи.

Теперь совсѣмъ иныя условія, и что можетъ дать реформа, предложенная «конституціонно-демократической» партіей?

По мнѣнію г. Стишинскаго — ничего.

Сколько всего-то земель?

Частновладѣльческихъ 35 милліоновъ десятинъ; казенныхъ, оброчныхъ и удѣльныхъ — 8 милліоновъ десятинъ, а всего 43.000,000.

Г. Стишинскій дѣлаетъ ариѳметическій подсчетъ и приходитъ къ выводу, что если отобрать всѣ земли, то на душу придется прибавки менѣе, чѣмъ въ 1 десятину.

А какія послѣдствія?

Полная ликвидація частновладѣльческихъ хозяйствъ, лишеніе крестьянъ заработка, общее разореніе.

По мнѣнію г. Стишинскаго, прибавка земли горю не поможетъ.

Онъ ссылается на работу бывшаго министра земледѣлія г. Ермолова и приводитъ примѣръ продажи крестьянамъ колоссальнаго имѣнія Воронцова-Дашкова, которое въ нѣсколько разъ увеличило ихъ надѣлы, но не подняло ихъ благосостоянія.

Предлагаемая реформа разоритъ Россію. Сократится спросъ на фабрикаты, уменьшится производство фабрикъ, армія безработныхъ хлынетъ въ деревню.

Г. Стишинскій продолжаетъ рисовать картину той катастрофы, которая ждетъ Россію.

Потребуется передвиженіе огромныхъ массъ, пересадка хозяйствъ. Обезпеченное крестьянство также потребуетъ надѣленія. Все это разорительно отразится на государственныхъ интересахъ. Словомъ, по смыслу рѣчи г. Стишинскаго, все перевернется вверхъ дномъ, если Дума послѣдуетъ своему рѣшенію, а не совѣту его, г. Стишинскаго.

Какія же средства предлагаетъ г. Стишинскій?

Все тѣ же: улучшеніе земледѣлія, крестьянскій банкъ и переселеніе.

Г. Стишинскаго смѣняетъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко. Онъ дорисовываетъ картину, которую постарался набросать его престарѣлый коллега, но при этомъ не жалѣетъ красокъ.

Г. Гурко, человѣкъ, сравнительно, еще молодой, энергичный и претендующій на ораторскіе пріемы. Говоритъ громко и нѣсколько въ носъ. Впрочемъ, это его не смущаетъ. Онъ пришелъ съ благимъ намѣреніемъ предостеречь заблудившихся и дать имъ урокъ государственной мудрости. Начинаетъ онъ, по примѣру своего предшественника, съ ариѳметическихъ выкладокъ. Онъ довольно ловко балансируетъ цифрами, не указывая, откуда онъ ихъ беретъ.

На душу придется прирѣзать менѣе половины надѣльной земли, а всего, при отчужденіи всѣхъ свободныхъ земель, вмѣстѣ съ прежними, на душу придется только четыре десятины.

И у кого больше четырехъ десятинъ, тѣхъ придется обездолить!

— Всѣхъ этихъ крестьянъ придется обездолить, отнять у нихъ излишекъ земли. Выборные русскаго земельнаго крестьянства, запомните эту цифру! Запомните, что осуществленіе предложенной вами мѣры принудительнаго отчужденія неразрывно связано съ отнятіемъ у части населенія находящейся въ его пользованіи земли.

Г. Гурко продолжаетъ:

Намъ говорятъ: вопросъ о частной собственности устарѣлъ. Россіи суждено сказать новое слово всему міру, построить на новыхъ началахъ обветшалый соціальный строй.

— Что же, будемъ строить,—восклицаетъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, при чемъ со многихъ скамей ему отвѣчаютъ смѣхомъ.

— Будемъ строить!—не смущается г. Гурко.—Но помните, что если дѣлить, то поровну, непремѣнно поровну. Этого потребуетъ жизнь, сама жизнь!

А что же дальше? Прекращеніе всѣхъ способовъ увеличенія богатствъ и лишеніе трудящихся массъ заработка. Будутъ подорваны всѣ производительныя силы, покупательная способность крестьянъ сведется къ нулю и надъ всѣмъ будущимъ сельскаго хозяйства придется поставить большой черный крестъ.

Г. Гурко полагаетъ, что крестьяне не вынесутъ финансовыхъ затратъ, связанныхъ съ аграрной реформой.

— Надо различать увеличеніе земельной площади отъ увеличенія благосостоянія,—поучаетъ г. Гурко.

Онъ видитъ спасеніе въ интенсификаціи сельскаго хозяйства.

Далѣе г. Гурко нѣсколько неожиданно для товарища министра внутреннихъ дѣлъ начинаетъ поучать Думу соціализму.

— Соціализмъ имѣетъ своей задачей не раздробленіе, а сложеніе, распредѣленіе не источниковъ дохода, а распредѣленіе прибылей. Но помните, что предлагаемый опытъ ничего общаго съ соціализмомъ не имѣетъ. Вы рѣшаете вопросъ со свойственной нашей славянской расѣ прямолинейностью. Вы ведете страну къ уменьшенію количествъ вырабатываемыхъ цѣнностей, къ разоренію.

Г. Гурко высказываетъ убѣжденіе, что предлагаемая реформа выгодна для помѣщиковъ и что они готовы отдать землю.

— И не ради выгодъ землевладѣльцевъ, а во имя сохраненія мощи Россіи, во имя интересовъ сельскихъ массъ, я призываю васъ оставить эту тлетворную и пагубную мысль.

Дума готова отвѣтить шиканьемъ за призывъ новоявленнаго соціалиста, который, по его словамъ, «имѣетъ честь служить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ».

Предсѣдатель хватается за звонокъ, а г. Гурко уже продолжаетъ и взываетъ къ патріотизму.

— Во имя патріотизма, долгъ помѣщиковъ сохранить свои владѣнія ради высшихъ государственныхъ интересовъ.

Г. Гурко, наконецъ, кончаетъ.

— Господа, въ этихъ стѣнахъ одно слово всегда встрѣчается привѣтствіемъ. Это слово—«свобода».

Ироническій смѣхъ.

— Позвольте же и мнѣ произнести это слово. Вы должны оградить осуществленіе свободы... развивать изобрѣтательныя способности.

— Ограниченіе этой свободы,—это новый деспотизмъ, это новое безысходное крѣпостное право. Государственная Дума не можетъ руководствоваться одними чувствами. Вы не удовлетворите этой слѣпой стихійной жажды земли. Вы пойдете другими путями. Придетъ время,—и за насажденіе собственности ваши избиратели вамъ скажутъ спасибо.

Ораторъ кончилъ. Кто-то изъ ерогинской группы дѣлаетъ попытку аплодировать, заглушенную энергичными протестами всей Думы.

Дума на минуту замерла.

— Слово принадлежитъ депутату Герценштейну,—произноситъ предсѣдатель, и на каѳедрѣ появляется маленькая, сухая фи-

гурка профессора. Онъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго волненія и отвѣчаетъ «имъ» спокойно, по пунктамъ.

Дума слушаетъ, затаивъ дыханіе. Онъ прежде всего вновь напоминаетъ этимъ людямъ, провозгласившимъ принципъ неприкосновенности собственности, о безпощадномъ хозяйничаньѣ въ Западномъ краѣ.

— Нельзя злоупотреблять словомъ принудительное отчужденіе. Мыслима-ли интенсификація безъ организаціи общественно-принудительнаго характера. Неизбѣжно покончить съ принципомъ свободнаго соглашенія. Это отлично поняло соціальное законодательство, не соціалистическое, которое вамъ такъ сегодня нравится, а соціальное.

Смѣхъ прерываетъ оратора.

— Вы говорите о принципѣ охраненія частной собственности помѣщика, во имя чего? Во имя того, что онъ связанъ съ землей? Что долго сидѣлъ онъ на землѣ? Нѣтъ, онъ сдавалъ землю въ аренду. Вопросъ заключался только въ цѣнѣ. Много-ли у насъ земель, которыя заняты собственнымъ хозяйствомъ? Возьмите весь Петербургъ, всѣхъ, которые здѣсь служатъ и занимаютъ высокія должности, они занимаются-ли хозяйствомъ? Скажите, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства, есть-ли ущербъ, если мы передадимъ вмѣсто негодной аренды, на иныхъ началахъ тѣмъ же крестьянамъ землю?

— Вы говорите, что въ 61-мъ году было иное дѣло. Тогда крестьянамъ перешли земли, находившіяся въ ихъ хозяйственномъ пользованіи. А теперь развѣ большинство помѣщичьихъ земель не находится въ рукахъ арендаторовъ? Да, отношенія измѣнились, и мы измѣнили наши точки зрѣнія. Не помѣщики будутъ надѣлять землей, а государство. Отчужденіе будетъ производиться во имя государственной пользы. Въ этомъ смыслѣ вы редактировали ваши основные законы. Развѣ сейчасъ нѣтъ налицо этой пользы? Развѣ нѣтъ сейчасъ этой государственной необходимости? Вы хотите дождаться, чтобы зарево пожара охватило опять нѣсколько губерній. Развѣ вамъ мало опыта прошлаго года или этой майской иллюминаціи, которая унесла въ Саратовской губерніи сразу 150 усадебъ? Развѣ этого недостаточно?

Эти слова, оказавшіяся почти пророческими, какъ показали послѣдующія событія, были встрѣчены громомъ, стономъ долго несмолкавшихъ аплодисментовъ.

— Поймите, что нужны исключительныя, чрезвычайныя мѣры. Вы насчитываете 43,000,000. Это ариѳметика, но отъ государ-

ственныхъ людей мы въ правѣ требовать большаго, чѣмъ знанія четырехъ правилъ ариѳметики. Не надо надѣленія, говорите вы, ибо все погибнетъ. Но что намъ дѣлать, если крестьянинъ, сколько ему ни толкуй, что ему выгоднѣе остаться безъ земли, не хочетъ съ этимъ согласиться!

Снова смѣхъ и громъ аплодисментовъ.

— Да, господа, подумайте, многія-ли изъ теперешнихъ имѣній дѣйствительно заслуживаютъ пощады. Вы приводите въ примѣръ имѣніе Воронцова-Дашкова. Я знаю это имѣніе. Но зачѣмъ же было его продавать крестьянамъ за $3^1/_2$ милліона, когда красная цѣна ему была полтора милліона? Что удивительнаго, что такая покупка разорила крестьянъ?

— Что вы дѣлали въ теченіе 45-ти лѣтъ, со времени освобожденія крестьянъ? Поддерживали вы интенсификацію, создали вы мужицкую агрономію? Развѣ гордость русской агрономіи, Зубрилинъ, не гнилъ въ тюрьмѣ? Развѣ вы не знаете, какія услуги въ Италіи и Германіи оказали странствующія каѳедры и сельская агрономія? Тамъ не душили слово, а вы на все налагали свою лапу! Вы говорите о финансовыхъ затратахъ, но разсчитайте, и вы увидите, что крестьянамъ придется уплачивать по три съ половиной рубля въ годъ.

— А вы сколько платите, господа депутаты?—обращается ораторъ къ членамъ Думы.

— Двадцать, двадцать пять, тридцать,—слышатся крестьянскіе голоса, которые словно обрадовались, что ихъ спросили объ ихъ обидѣ.

— Съ меня довольно. Я думаю, что за одно это избиратели намъ скажутъ спасибо. Вы говорите о крестьянскомъ банкѣ. А что вы сдѣлали при его помощи? Вы давали землю по безумнымъ цѣнамъ, вы забыли продажу имѣнія гр. Игнатьева? Развѣ вы не продавали землю, когда кого-то и почему-то нужно было выручить? Вы говорите о промышленности. А Невскіе заводы, а архангельская дорога? Вы предостерегаете отъ серьезной опасности, вы говорите, что мы на краю гибели и даже взываете къ патріотизму. Гдѣ онъ до сихъ поръ былъ, что не могъ проявиться? Вы указываете, что придется всего по четыре десятины на душу. Стоитъ-ли изъ-за четырехъ десятинъ огородъ городить? Тутъ одинъ изъ васъ сдѣлалъ попытку, неприличествующую этому высокому мѣсту, заявивъ, что имѣющіе болѣе четырехъ десятинъ должны трепетать...

Ораторъ умѣло подчеркнулъ слова Гурко. Аудиторія поняла и отвѣтила громомъ аплодисментовъ.

Слово «провокація» послышалось въ двухъ-трехъ мѣстахъ.

Ораторъ продолжаетъ, разбивая по пунктамъ своихъ противниковъ.

— Мы считаемся съ исторически сложившимися въ Россіи формами владѣнія. А вы говорите намъ: или частная собственность, или земля—даръ Божій. Если мы никакихъ реформъ не предпримемъ, то у насъ имѣются десятки формъ владѣнія, а вы даже иронизируете: Россія примѣръ покажетъ, примѣръ всему міру. Но она уже показала примѣръ тѣмъ, что была въ состояніи вести такую позорную войну, какой никогда никакой народъ не велъ.

Аудиторія снова гремитъ аплодисментами.

— Страна ее выдержала, выдержитъ она и выкупную операцію. Но одного надѣленія, конечно, мало. Нужно развитіе кооперація, товарищества, кредита, надо поднять духъ народа. Но пока необходимо надѣленіе землей. Надо помнить, что сейчасъ пожаръ и что нужно его потушить. Мы далеки отъ соціализма, мы просто хотимъ, чтобы населеніе не голодало.

Вы говорите, что въ другихъ странахъ развита промышленность. Но нельзя ее создавать искусственно. Вы сдѣлали уже опытъ искуственнаго сознанія промышленности и пріобрѣли такимъ образомъ цѣлый рядъ заводовъ, которые попали въ государственную собственность. Если вы нѣсколько ближе присмотритесь къ балансу государственнаго банка, то вы увидите, какія средства затрачены па созданіе этой промышленности. Погибли на этомъ не только народныя деньги, погибло много французскихъ и бельгійскихъ милліоновъ. Развитіе промышленности возможно только тогда, когда будетъ сытъ крестьянинъ. Пока мы не будемъ имѣть сытаго крестьянина, не будетъ у насъ промышленности. Знаете-ли, когда на Нижегородской ярмаркѣ хорошо торгуютъ ситцемъ,— тогда, когда въ странѣ урожай.

Наконецъ, вы говорите, что народъ не можетъ разобраться... Пожалуй, это вѣрно. Но у него есть чутье, и онъ хорошо чуетъ, гдѣ пахнетъ землей и гдѣ земли не дадутъ!

Громъ долго несмолкаемыхъ аплодисментовъ покрываетъ послѣднія слова оратора.

Г. Гурко спѣшитъ подать предсѣдателю записку. Онъ хочетъ возражать, но Дума не хочетъ слушать. Уже поздно. Всѣ устали, и предсѣдатель объявляетъ перерывъ до слѣдующаго засѣданія.

———

Бюрократія потерпѣла новое пораженіе. Она выступила вновь во всемъ блескѣ невѣжества и цинизма и вновь услыхала сильную и страстную отповѣдь.

«Реваншъ», котораго она дождалась, не измѣнилъ положенія вещей.

Прошло три дня, прежде чѣмъ гг. Стишинскій и Гурко получили возможность выступить съ отвѣтными репликами. Теперь они говорили въ обратномъ порядкѣ: первымъ—г. Гурко, а потомъ г. Стишинскій.

Но собраніе потеряло терпѣніе: оно не хочетъ видѣть этихъ господъ.

— Въ отставку,—гуломъ проходитъ по залѣ. Кричатъ, главнымъ образомъ, со скамей «трудовиковъ». Но г. Гурко смутить мудрено. Онъ начинаетъ подъ крики и шиканье. Правда, апломбу онъ сбавилъ процентовъ на 50, но все же говоритъ не безъ развязности. Онъ явился разъяснить нѣкоторыя недоразумѣнія. Г. Герценштейнъ просто не такъ его понялъ. Онъ отлично знаетъ, что авторы записки по аграрному вопросу не предлагаютъ распространить отчужденіе на крестьянскія земли. Но это выйдетъ само собой, въ силу логической необходимости.

— Въ подтвержденіе такой мысли я сошлюсь на автора, имѣющаго несомнѣнный авторитетъ въ глазахъ Думы. Этотъ авторъ говоритъ...

— Кто, кто такой?—прерываютъ г. Гурко.

Но онъ не хочетъ еще открывать придуманнаго имъ фокуса.

— Этотъ авторъ говоритъ: «Я не вижу, почему въ руки государства должны перейти только частновладѣльческія земли».

— Эти слова принадлежатъ...—г. Гурко дѣлаетъ паузу.

— Кому?—раздаются нетерпѣливые голоса.

— Г. Герценштейну,—эфектно заканчиваетъ г. Гурко. И очень довольный, несмотря на шиканье, покидаетъ каѳедру.

Г. Гурко смѣняетъ г. Стишинскій. Онъ совсѣмъ сбавилъ тонъ. Вы помните, г. Горемыкинъ въ своей пресловутой деклараціи говорилъ о безусловной недопустимости отчужденія. Въ своей первой рѣчи г. Стишинскій выражалъ сомнѣніе въ справедливости этого принципа, а во второй рѣчи онъ говорилъ только о недопустимости «огульнаго» отчужденія.

Онъ говорилъ о различіи, которое существуетъ между порядкомъ отчужденія въ западныхъ государствахъ и тѣмъ, которое предложила партія конституціоналистовъ-демократовъ, говоритъ въ самыхъ общихъ чертахъ.

— Я не буду останавливаться на частностяхъ аграрнаго вопроса. Въ скоромъ времени я собираюсь представить матеріалъ по этому вопросу во всей полнотѣ.

Онъ еще только собирается, онъ представитъ матеріалъ!

Аудиторія словно ждала этихъ словъ, и огласилась крикомъ:

— Въ отставку!

Г. Стишинскій продолжаетъ. Будущій законопроектъ обезпечитъ нужду малоземельныхъ крестьянъ съ соблюденіемъ, однако, законныхъ интересовъ другихъ классовъ и съ сохраненіемъ основъ всемірнаго права. Вотъ и все, что г. Стишинскій счелъ нужнымъ добавить. Впрочемъ, онъ дѣлаетъ еще одно добавленіе, такъ сказать, pro domo sua, поясняя, что имѣніе гр. Игнатьева было продано въ интересахъ рыбаковъ, населяющихъ землю графа.

Подъ крики «въ отставку» г. Стишинскій покидаетъ каѳедру.

Предсѣдатель призываетъ собраніе къ порядку.

Слово предоставляется И. И. Петрункевичу.

Въ простой, спокойной и обстоятельной рѣчи онъ даетъ характеристику отношенія министерства къ аграрному вопросу. Онъ указываетъ, что если бы не было министерства, не было бы противниковъ.

— Господа министры помогаютъ Думѣ, вопреки собственному желанію. Ихъ аргументація свидѣтельствуетъ, что гг. министры не обладаютъ никакими аргументами. Они ясно обнаруживаютъ, что занимаютъ свои мѣста совершенно напрасно.

Аплодисменты прерываютъ оратора.

Обсуждая отвѣтъ министровъ, Петрункевичъ заявляетъ, что какъ передъ японской войной, такъ и теперь, они не замѣчаютъ, какъ рядомъ съ ними выростаетъ новая сила.

— Грозитъ новая Цусима, а гг. министры сидятъ съ закрытыми глазами и ничего не видятъ.

Ораторъ переходитъ къ разбору аргументовъ министерства. Самый сильный аргументъ это то, что отчужденіе противорѣчитъ извѣстнымъ статьямъ закона.

— Мы, такимъ образомъ, обречены подгонять жизнь подъ законъ. Если бы теперешніе министры дѣйствовали въ концѣ 50-хъ годовъ, подъ какой изъ тогдашнихъ законовъ могли бы подогнать освобожденіе крестьянъ? Тогда тоже говорили о священномъ правѣ собственности... на крестьянъ. Теперь говорятъ о правѣ собственности на землю.

Ораторъ переходитъ къ характеристикѣ мѣръ, предлагаемыхъ министерствомъ для разрѣшенія аграрнаго вопроса, микроскопическихъ мѣръ, искусственно придуманныхъ, и приходитъ къ выводу о полной ихъ несостоятельности. Ораторъ посвящаетъ нѣсколько словъ спеціально г. Гурко и говоритъ о томъ «ухарствѣ», съ которымъ г. Гурко выбросилъ за бортъ законопроектъ Думы. Г. Петрункевичъ раскрываетъ тактику товарища министра внутреннихъ дѣлъ и ставитъ точку надъ «і».

— Г. Гурко вообразилъ себя полководцемъ. Онъ хотѣлъ, попросту, стравить двѣ стороны въ Думѣ, пугая крестьянъ, имѣющихъ выше четырехъ десятинъ отобраніемъ земли, и указывая на желаніе помѣщиковъ уступить. Но не всякій полководецъ умѣетъ побѣждать, и г. Гурко потерпѣлъ пораженіе. Мы почувствовали, что его фразы только политическій ходъ, и Дума хорошо это оцѣнила. Г. Гурко говорилъ объ этическихъ основахъ крупнаго землевладѣнія, которыя якобы кормятъ массы. Онъ забылъ страшный голодный годъ, когда крупные землевладѣльцы продавали зерно за границу. Г. Гурко говоритъ о патріотизмѣ. Пора перестать злоупотреблять этимъ словомъ! Во имя патріотизма требуютъ сохраненія стараго режима, самодержавія, во имя патріотизма избиваютъ инородцевъ, во имя патріотизма въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» печатаются телеграммы,—все подъ покровомъ того же патріотизма. Этимъ только роняютъ идею любви къ отечеству. Мы утратили право сказать: «я патріотъ», ибо къ этому слову примѣшивается нѣчто отвратительное. Патріотизмъ состоитъ изъ самопожертвованія, способности забыть свои интересы для общаго блага. Если бы гг. министры обладали патріотизмомъ, они бы здѣсь не сидѣли,—бросаетъ г. Петрункевичъ и подъ громъ аплодисментовъ покидаетъ каѳедру.

Затѣмъ слово предоставляется г. Герценштейну. Это былъ дебютъ менѣе удачный, чѣмъ два предыдущихъ, но уже и не было надобности очень ополчаться противъ соперниковъ: гг. министры уже были похоронены во мнѣніи палаты. Если г. Петрункевичъ, характеризуя поступокъ г. Гурко, поставилъ точку, то г. Герценштейнъ уже безъ всякихъ обиняковъ назвалъ этотъ поступокъ аграрной провокаціей, а кстати напомнилъ и о рабочей провокаціи въ видѣ зубатовскихъ организацій въ Москвѣ.

— Вы стали меня читать и даже цитировать, но въ приведенной цитатѣ говорится о націонализаціи, а мы предлагаемъ реальныя реформы, и не съ вами будемъ спорить о націонализаціи. Вы дали мнѣ справку, почему было продано имѣніе гр. Игнатьева, но

вы забыли, что до того, какъ оно перешло къ гр. Игнатьеву, оно продавалось дешевле. Отчего вы тогда его не купили? Я просилъ дать полную справку и разъяснить, не запутанъ-ли тутъ крестьянскій банкъ. Вы говорите, что помѣщики готовы отдать земли. А что говорилось на дворянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ? А какъ отнеслись къ проекту Кутлера? Вы говорите, что крестьяне потеряютъ заработокъ въ лѣсахъ, но притомъ прибѣгаете къ двойной бухгалтеріи: говоря о заработкахъ, вы считаете лѣса, а говоря о площади земли, подлежащей распредѣленію, вы исключаете 109.000,000 десятинъ, занятыхъ лѣсомъ.

Ораторъ возвращается къ отдѣльнымъ мѣстамъ объясненій министра и подвергаетъ ихъ критикѣ. Онъ тоже касается вопроса о патріотизмѣ и напоминаетъ гг. министрамъ, какъ при заключеніи торговаго договора съ Германіей было продано все русское землевладѣніе: и крупное, и среднее, и мелкое.

— Вы кому хотите, и тому не можете помочь.

Г. Герценштейнъ съ цифрами въ рукахъ излагаетъ исторію безплодныхъ попытокъ поддержать дворянское землевладѣніе путемъ займовъ, разсрочекъ, отсрочекъ и пересрочекъ платежей, попытокъ, стоившихъ десятки милліоновъ народныхъ денегъ. Онъ не считаетъ нужнымъ далѣе полемизировать съ министрами, которые не выставляютъ никакихъ положительныхъ законопроектовъ.

Аудиторія провожаетъ его аплодисментами.

Послѣ Герценштейна говорилъ гр. Гейденъ, который предлагаетъ забыть о министрахъ и перейти къ дѣлу.

Дебаты съ министерствомъ по аграрному вопросу кончены.

Больше по этому вопросу оно не высказывалось.

———

Пренія по аграрному вопросу шли дальше.

Мы отмѣтили рѣчи Герценштейна, на котораго конституціоналисты-демократы возложили всю тяжесть защиты ихъ программы по аграрному вопросу, отмѣтили рѣчь г. Петражицкаго, «праваго кадета», который довольно сильно разошелся со своими товарищами по партіи.

Рѣчи этихъ двухъ ораторовъ въ общихъ чертахъ освѣщаютъ отношеніе къ аграрному вопросу конституціонно-демократической партіи, наиболѣе многочисленной въ Думѣ.

Второе мѣсто по численности въ нашемъ парламентѣ занимали «трудовики».

Изъ ораторовъ этой группы наиболѣе ярко и опредѣленно высказались гг. Аникинъ и Аладьинъ.

По времени г. Аникину пришлось высказаться раньше г. Аладьина. Это была безусловно сильная и интересная рѣчь.

Г. Аникинъ не обладаетъ большимъ образованіемъ, но онъ силенъ своею связью съ землей. Онъ знаетъ хорошо цѣну народному горю и мужицкой нуждѣ. Его поддерживаютъ крестьяне, пославшіе его въ Думу. Они несутъ ему со всѣхъ сторонъ свою великую мужицкую обиду. И это даетъ возможность г. Аникину говорить конкретными примѣрами, къ которымъ нельзя не прислушаться.

Крестьяне шлютъ свои письма и приговоры и въ нихъ говорятъ, что они пришли на край терпѣнія. Они заявляютъ, что отъ правительства нечего ждать, кромѣ штыковъ и нагаекъ. «Пока что», они вѣрятъ въ Думу и готовы ждать, «пока что»—это серьезныя слова въ крестьянскихъ приговорахъ, и г. Аникинъ подчеркиваетъ ихъ въ своей рѣчи. Онъ говоритъ, что пора положить конецъ тому порядку, «когда одинъ съ сошкой, а семеро съ ложкой», когда и помѣщикъ, и купецъ, и кулакъ, и «двадцатникъ», и даже французскіе рантье живутъ трудомъ и пòтомъ того же крестьянина. Его запугиваютъ и провоцируютъ.

Министры являются со своими «жупелами» приказной мудрости и не хотятъ сообразить даже того, что если «даже собаку поманить, держа въ одной рукѣ кусокъ хлѣба, а въ другой—нагайку, то и собака не пойдетъ».

— Посмотрите на министерскія скамьи, изъ кого состоятъ эти господа. Мы ихъ упорно гонимъ, а они не идутъ—ни стыда, ни совѣсти. *(Аплодисменты)*. Развѣ мужикъ усидѣлъ бы! *(Снова взрывъ аплодисментовъ)*.

Но ораторъ не желаетъ долго останавливаться на характеристикѣ министерства.

Г. Аникинъ переходитъ къ возраженіямъ по адресу противниковъ національизаціи земли.

Его рѣчь дышитъ вѣрой, прямодушной и крѣпкой, въ то, что народъ объединится во имя принципа:

— Вся земля всему народу.

Ораторъ не боится наплыва въ деревни рабочаго люда, возвращающагося къ землѣ, и при этомъ дѣлаетъ удачный выпадъ по адресу тѣхъ, которые выставляютъ это положеніе.

— Когда говорятъ о надѣленіи землею, насъ пугаютъ возвращеніемъ рабочихъ къ землѣ, но когда мы заговоримъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, о страхованіи и объ обезпеченіи рабочихъ,

насъ пугаютъ тѣмъ, что мужики побросаютъ землю и пойдутъ въ городъ! О, мы знаемъ васъ, такъ знайте же и вы насъ! Ваши стремленія давно извѣстны не только намъ, но и всѣмъ тѣмъ, кто стоитъ за нами.

Мы говоримъ, что вся земля должна принадлежать всему народу. Это наше требованіе, отъ котораго мы не отступимся. Намъ земля нужна не для спекуляціи, не для продажи, не для залога, не для того, чтобы сдавать ее въ аренду,—она намъ нужна для примѣненія нашего труда. Мы не пользуемся землей какъ товаромъ, а какъ средствомъ производить полезные продукты; намъ нужна земля для того, чтобы пахать, вотъ зачѣмъ намъ нужна земля.

Мы говоримъ, что земля должна быть отчуждена въ общественный земельный фондъ, при чемъ не бюрократія, не чиновники будутъ распоряжаться землею, а люди мѣстные, организованныя мѣстныя самоуправленія на основѣ всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ. Когда такія мѣстныя учрежденія будутъ распоряжаться на мѣстахъ землею,—не возникнетъ никакого гнета, никакихъ чиновничьихъ распоряженій они не потерпятъ. Мы думаемъ, что когда здѣсь выступаютъ защитники частной собственности и частной помѣстной собственности, то напрасно они прикрываются мелкимъ собственникомъ изъ крестьянъ. Взглядъ помѣщика на землю и взглядъ крестьянина различны. Взглядъ крестьянина трудовой, взглядъ помѣщика—противоположный. Трудовое начало это стоитъ во главѣ всего крестьянскаго міровоззрѣнія. Помѣщикъ не можетъ доказать, что крестьянину нужна земля для тѣхъ же цѣлей, для которыхъ нужна помѣщику. Въ этомъ отношеніи мы, сторонники общественной собственности, увѣрены всегда въ поддержкѣ крестьянъ мелкихъ собственниковъ, потому что мы стоимъ съ ними на одной доскѣ, а вы стоите на разныхъ площадяхъ. Мы не боимся передать самому широкому обсужденію аграрный вопросъ на мѣстахъ.

Ораторъ продолжаетъ:

— Мы знаемъ, что инстинктъ трудового человѣка подскажетъ, какого держаться ему рѣшенія, и видимъ въ нихъ союзниковъ и знаемъ, что дѣло будетъ рѣшено такъ, какъ хочетъ трудовой народъ. Намъ кажется, что всякій, кто стоитъ за истинную народную свободу, кто считаетъ себя настоящимъ демократомъ, долженъ стоять на этой же точкѣ зрѣнія. Такой важный вопросъ для Россіи, какъ земельный, можетъ быть рѣшенъ только самимъ народомъ, и только такому рѣшенію народъ подчинится. Посмотрите нашу программу, которую мы представляемъ на разсмо-

трѣніе комиссіи. Программу, составленную именно въ расчетѣ на это. Мы находимъ, что только тогда трудовой народъ можетъ быть обезпеченъ землею, когда будетъ проведенъ законъ о передачѣ земли въ руки трудящихся. Мы не дѣлаемъ ломки, не хотимъ, чтобы вся земля сейчасъ была объявлена національной собственностью, не хотимъ потому, что не организованы еще демократическія самоуправленія, потому что есть мѣстные обычаи, которые, несомнѣнно, лягутъ въ основу мѣстныхъ отчужденій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы говоримъ, что долженъ быть всероссійскій земельный фондъ, чтобы каждый могъ быть увѣренъ, что разъ онъ захочетъ работать на землѣ, то земля эта будетъ отведена для трудового населенія страны, и съ расчетомъ на это мы составляли нашу программу.

Ораторъ заканчиваетъ обращеніемъ къ русскому народу.

— Русскій народъ, ты послалъ насъ сюда. Мы заявили о твоей нуждѣ. Намъ сказали: недопустимо. Мы отвѣтили этимъ людямъ: Уйдите, уйдите добромъ!

Ораторъ дѣлаетъ удареніе на послѣднемъ словѣ.

Подъ аплодисменты ораторъ покидаетъ каѳедру.

Г. Аладьину пришлось нѣсколько разъ выступать съ рѣчами по аграрному вопросу.

Эти рѣчи принимали все болѣе рѣзкій характеръ по мѣрѣ того, какъ представители трудовой группы все болѣе и болѣе стали утрачивать вѣру въ то, что мирные конституціонные пути могутъ привести къ желаемой цѣли.

Г. Аладьинъ говорилъ о дѣятельности министерства, поспѣшившаго всѣми способами распространить свою декларацію:

— Я попросилъ слова для того, чтобы воспользоваться рѣдкимъ случаемъ выразить глубокую благодарность нашему министерству... *(Смѣхъ. Аудиторія насторожилась)*. Благодарить министерство г. Аладьинъ готовъ за то, что оно въ милліонахъ экземпляровъ выбросило въ населеніе свою пресловутую декларацію, изъ которой народъ понялъ, что правительство не желаетъ давать земли и воли.

— Губернаторы поспѣшили перепечатать эту декларацію и стали ее распространять. Они даже не постѣснились втянуть въ свою пропаганду нашу высокую церковь, прибивая декларацію у церковныхъ дверей!

— Въ первый разъ,—продолжаетъ ораторъ,—деньги русскаго народа были употреблены на живое дѣло пропаганды.

Ораторъ, на основаніи той массы телеграммъ, которыя поступали съ разныхъ концовъ Россіи въ трудовую группу, приходитъ къ выводу, что русскій народъ оцѣнилъ министерскую декларацію по достоинству. Эти телеграммы и приговоры, по выраженію г. Аладьина, «вступили въ новую стадію». Крестьяне начинаютъ задаваться вопросомъ, кто мѣшаетъ Думѣ осуществлять ея законопроекты, и начинаютъ понимать, что на пути Думы стоитъ министерство.

Въ своихъ приговорахъ они пишутъ: «Не будетъ добра безъ земли и воли и порядка—безъ народовластія».

— Наступилъ острый моментъ,—говоритъ ораторъ по поводу этихъ приговоровъ.—Намъ необходима поддержка массъ; пока мирная поддержка. Я подчеркиваю слово «пока». Поддержка эта можетъ выразиться въ резолюціяхъ и постановленіяхъ различныхъ общественныхъ группъ въ городахъ, деревняхъ и селахъ.

Но главную надежду ораторъ возлагаетъ на прессу и призываетъ ее оказать поддержку.

— Когда мы будемъ располагать не десятками и сотнями, а тысячами приговоровъ, мы въ правѣ будемъ заявить, что говоримъ отъ имени русскаго народа. Теперь я перехожу къ моменту очень серьезному и попрошу вниманія и терпѣнія большаго, чѣмъ, можетъ-быть, я заслуживаю.

Аудиторія насторожилась.

Ораторъ останавливается на характеристикѣ настроенія крестьянскихъ массъ. Онъ цитируетъ нѣкоторыя полученныя трудовой группой письма, опуская нѣкоторыя слова и выраженія, боясь быть остановленнымъ предсѣдателемъ.

— Вотъ пишутъ полуголодные люди, у которыхъ не хватило денегъ даже на марку. Они «занялись исторіей» и вспоминаютъ, что «Господь Богъ отдалъ землю Адаму и Евѣ для того, чтобы они трудились въ потѣ лица своего», «а тотъ, кто не трудится,—говорятъ авторы письма,—тотъ и не ѣстъ». «Такъ было всегда,—продолжаютъ они,—до московскихъ царей, а при московскихъ царяхъ оказалась разница»...

Ораторъ обрываетъ здѣсь это письмо и добавляетъ его цитатой изъ другого, тоже крестьянскаго письма: «Народъ съ нетерпѣніемъ ждетъ, что Царь-Батюшка выйдетъ къ народу, прострetъ руки и скажетъ представителямъ отъ народа свое горячее, задушевное слово, онъ скажетъ, спроситъ ихъ... Ничего нѣтъ, но народъ,мы, крестьяне, которые беззавѣтно любили своего Царя, которые готовы были положить душу свою за него, мы горячо вѣрили, что

нашъ Царь есть нашъ, а не Царь царедворцевъ, что»... я не продолжаю потому, что вы бы остановили меня, и беру третье письмо, изъ Тамбовской губ., тоже писанное крестьянами. «Если Дума ничего не сдѣлаетъ, знайте: быть бѣдѣ. Пусть эти... (идетъ слово, которое мнѣ предсѣдатель не позволитъ прочесть) знаютъ, что пощады имъ не будетъ. Скажите на милость, гдѣ Государь, почему не обращаются къ нему? Неужели правду молва говоритъ, что онъ... тогда пропало все».

Теперь является вопросъ, какъ служили гг. министры даже тому, кого они признаютъ, какъ верховную власть, какъ вершителя судебъ? Какъ они служили, какъ государственные дѣятели или какъ ливрейные лакеи?

Предсѣдатель останавливаетъ оратора.

Шумъ, аплодисменты. Крики: «Продолжайте!» «Просимъ не останавливать оратора».

Г. Аладьинъ продолжаетъ и переходитъ непосредственно къ аграрному вопросу.

— Культура хорошая вещь, но для поднятія культуры надо десятки лѣтъ, а ждать некогда. Вопросъ о землѣ можетъ быть рѣшенъ Думой и можетъ быть рѣшенъ снизу. Пока еще остается свобода выбора. Въ широкихъ крестьянскихъ массахъ пока готовы взять землю за плату. Но если этотъ моментъ будетъ пропущенъ, то, быть-можетъ, по примѣру Франціи прошлаго столѣтія уже другая Дума будетъ работать не надъ тѣмъ, какъ разрѣшить аграрный вопросъ, а надъ тѣмъ, какую придать юридическую форму фактическому захвату. И тогда ужъ объ уплатѣ рѣчи не будетъ!—восклицаетъ ораторъ.

Онъ видитъ одинъ выходъ изъ положенія—устройство землеустроительныхъ комитетовъ, съ образованіемъ которыхъ крестьяне увидятъ, что приступили къ дѣлу, и будутъ ждать.

Къ мысли объ устройствѣ землеустроительныхъ комитетовъ на мѣстахъ представители трудовой группы возвращались неоднократно.

Въ другой своей г. Аладьинъ подробно остановился на изложеніи тѣхъ надеждъ и упованій, которыя трудовая группа возлагала на эти комитеты.

— Мѣстнымъ комитетамъ нужно дать не только право видоизмѣненія нашихъ предположеній, но и реальныя права, при помощи которыхъ они дадутъ необходимыя данныя. Второй аргументъ въ пользу нашего предложенія—это соображеніе государственной безопасности. Я ни одну минуту не позволилъ бы себѣ

подумать, что тишина и спокойствіе въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ могли бы быть гарантированы пулеметами и казацкими нагайками. И то и другое хорошо достигаетъ цѣли, когда въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и въ особенности въ городахъ происходятъ незначительные мѣстные взрывы. Но и то и другое средство никуда не годится, если народъ дойдетъ до такого состоянія, что болѣе не рѣшится ждать, пока его представители будутъ рѣшать дѣло, а самъ поднимется и, путями хорошими и нехорошими, рѣшится устраивать самъ свою судьбу. Въ этомъ случаѣ никакіе пулеметы и нагайки не подѣйствуютъ. Мы, представители трудовой группы, полагаемъ, что земельный вопросъ вступаетъ въ стадію внѣканцелярской работы и дѣйствительнаго разрѣшенія. Черезъ два или три мѣсяца народъ перестанетъ вѣрить Государственной Думѣ и выйдетъ изъ подъ нашего контроля. Соображенія государственной безопасности заставляютъ насъ настаивать на необходимости завязать тѣ связи, которыя окончательно дадутъ народу возможность разъ навсегда понять, что земельный вопросъ находится въ вѣрныхъ рукахъ, потому что эти руки будутъ его собственныя, народныя, а не чьи-нибудь другія. Нашъ третій аргументъ слѣдующій: мы нисколько не скрываемъ отъ себя, что передъ нами серьезный и сильный противникъ, который пока еще ни въ чемъ не уступилъ, а въ деклараціи своей открыто говоритъ, что не дастъ земли крестьянамъ. Этотъ противникъ—далеко не такой противникъ, котораго нужно было бы презирать. Съ нимъ приходится схватиться. Мы глубоко убѣждены, конечно, что наша сторона останется побѣдителемъ, но, какъ практическіе политики, мы, прежде чѣмъ говорить о будущемъ, смотримъ на настоящее, на то, что сейчасъ есть, что въ данную минуту дѣлать. Сила моральная стоитъ за насъ, но не сила физическая. Необходимо сорганизовать эту силу, вызвать ее изъ того хаоса, въ которомъ она теперь находится, и сдѣлать ее способной защищать свои жизненные интересы. Этого мы достигнемъ прежде всего немедленнымъ учрежденіемъ на мѣстѣ земельныхъ комитетовъ.

Но противъ предложенія образованія комитетовъ на мѣстахъ со столь обширными функціями возстали гр. Гейденъ, г. Кокошкинъ и рядъ другихъ ораторовъ, которые доказывали полную несостоятельность такого предложенія и невозможность образованія на ряду съ общегосударственной Думой десятковъ и сотенъ «Думъ».

И предложеніе объ образованіи аграрныхъ комитетовъ было отвергнуто, и въ концѣ концовъ «трудовикамъ» мало удалось по-

вліять на общее направленіе аграрнаго проекта, предложеннаго конституціонно-демократической партіей.

———

Еще меньшее вліяніе на направленіе аграрнаго проекта оказала критика справа.

По этому вопросу высказывались гр Гейденъ, гг. Львовъ и Стаховичъ, ставшіе послѣ роспуска Думы во главѣ новой партіи— «мирнаго обновленія».

Въ виду того исключительнаго положенія, которое эти лица заняли въ нашей общественной жизни послѣ роспуска Думы, надлежитъ особо остановиться на ихъ воззрѣніяхъ.

Гр. Гейденъ не счелъ нужнымъ подробно останавливаться на критикѣ проекта, предложеннаго конституціонно-демократической партіи.

Полемизируя съ «трудовиками» и находя ихъ предложенія неприемлемыми, гр. Гейденъ въ общемъ симпатично и серьезно отнесся къ «кадетскому» проекту, и опредѣленно высказался за необходимость и неизбѣжность принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, стараясь, однако, усиленно подчеркнуть, что это отчужденіе допустимо только въ предѣлахъ безусловной государственной необходимости.

———

Н. Н. Львовъ подвергъ записку по аграрному вопросу, внесенную 42-мя членами конституціонно-демократической партіи рѣзкой и страстной критикѣ.

— Я рѣшительно высказываюсь противъ основныхъ положеній проекта. Принявъ ихъ, мнѣ кажется, мы не достигнемъ цѣли. Въ запискѣ проводится голая формула, абстрактное положеніе, которое совершенно не можетъ удовлетворить реальной нужды. Въ ней приводится въ общихъ чертахъ принципъ національзаціи земли. Отчужденная земля переходитъ, прежде всего, въ государственный фондъ, затѣмъ изъ этого фонда земли раздаются крестьянамъ, но не иначе, какъ въ арендное пользованіе на срокъ и за плату. При этомъ право это на полученіе земли предоставляется беззѣмельнымъ и малоземельнымъ земледѣльцамъ, уже оторвавшимся отъ земледѣлія, тѣмъ, которые совсѣмъ земледѣліемъ не занимаются. Такой широкій кругъ лицъ, получающихъ право

владѣнія землей, несомнѣнно, поведетъ къ тому, что у насъ произойдетъ возвратъ къ земледѣльческому производству горожанъ. Значительная часть городского населенія обратится снова къ земледѣлію. Какъ основное положеніе, проектъ выдвигаетъ надѣленіе крестьянъ продовольственной нормой,—нормой, граничащей съ предѣломъ, за которымъ идетъ голодъ. Такая норма совершенно не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворить хотя бы потребностей крестьянъ, что приносится въ жертву этому основному положенію проекта. Вы не хотите считаться съ привычками, укоренившимися въ населеніи, вы готовы ломать и разрушать всѣ обычаи, вы не считаетесь съ тѣмъ, что населеніе привыкло къ извѣстнымъ формамъ землевладѣнія и что отреченіе отъ нихъ ему не нравится.

Ораторъ выражаетъ увѣренность, что предложенный законопроектъ никого не удовлетворитъ, и заканчиваетъ въ довольно патетическомъ тонѣ.

— Нѣтъ, не духомъ свободы и уваженія, инымъ духомъ проникнутъ вашъ проектъ. Если бы вамъ удалось провести его, въ Петербургѣ сосредоточилась бы страшная, небывалая власть, которая бы угнетала все хозяйство страны, отъ которой не ушелъ бы ни одинъ, даже самый незначительный арендаторъ казенной земли. Любой изъ деспотовъ позавидовалъ бы этой власти, но для страны врядъ-ли это желательно.

Но при всемъ томъ—и это необходимо отмѣтить—г. Львовъ категорически высказался за необходимость принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель.

— Я всецѣло стою за расширеніе площади для землевладѣнія и землепользованія. Я думаю также, что въ цѣляхъ этого расширенія представится необходимымъ произвести отчужденіе частновладѣльческихъ земель.

Г. Стаховичъ выступилъ передъ Думой съ сильной, яркой и интересной рѣчью.

— Я скажу по существу слѣдующее: немедленное увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія—государственная необходимость и нужда, и вотъ почему я настаиваю на томъ, что при рѣшеніи этой неотложной нужды ей должны быть подчинены всѣ интересы, частные и общественные.

Ораторъ продолжаетъ:

Государственная необходимость заключается въ томъ, что безъ прирѣзки земли невозможно приступить къ самодѣятельности и

развитію хозяйства. Въ своей темнотѣ, безпомощности и невозможности улучшить положеніе народъ не виноватъ. Онъ не отворачивался отъ просвѣщенія; ему ставили преграды. Ему не помогутъ тѣ, которые должны были помочь ему и которые, безъ совѣсти, держали его въ такой темнотѣ, при которой самодѣятельность невозможна. Въ теченіе долгихъ лѣтъ довели бюджетъ до двухъ милліардовъ, создали съ громадными жертвами промышленность, стремились захватить чуть-ли не полчасти свѣта,—все безъ всякаго участія народа. А когда убѣдились, что довершить дѣло нельзя, тогда обращаются за помощью къ нему. Государственная необходимость состоитъ въ томъ, чтобы народъ окрѣпъ и изъ нищаго, который чуть-ли не ежегодно проситъ себѣ на пропитаніе, сдѣлался тѣмъ, безъ котораго не живетъ ни одно государство, т.-е. плательщикомъ и потребителемъ. Вотъ въ чемъ государственная нужда въ Россіи, которую нужно удовлетворить сейчасъ же на разстояніи очень близкаго времени, года или полутора. Государственная нужда еще въ томъ, чтобы окрѣпнувшій народъ нашелъ культуру. Я стою также за то, чтобы народъ получилъ землю въ собственность себѣ или для отдѣльныхъ обществъ—это какъ покажетъ польза отдѣльныхъ мѣстностей, но непремѣнно въ собственность, а не во временное пользованіе, потому что мы не знаемъ въ мірѣ другого болѣе сильнаго двигателя культуры, чѣмъ чувство собственности. Вмѣсто этого испытаннаго во всемъ свѣтѣ двигателя испробовать непровѣренные и прибѣгать къ неиспытанной доктринѣ было бы неразумно. Я человѣкъ мирный, но не слѣпой, и мнѣ совершенно ясна неотложность и необходимость государственной реформы, иначе мы не сдвинемъ съ ужасной мели корабль, ту огромную баржу, которая называется «Россія». Она завязла въ пескахъ и вотъ уже два года буксирующій пароходъ не можетъ ее сдвинуть съ мѣста. Не могутъ помочь ни смѣна команды, ни машины. Между тѣмъ, погода свѣжѣетъ, волны поднимаются все выше, хлещутъ злѣе. Тогда обратились къ простому средству и говорятъ народу, находящемуся на этой баржѣ: выходите и помогите сдвинуть съ мѣста ее и тронуться въ путь; облегчивъ вѣсъ баржи, употребите силы и сдвиньте ее съ мѣста. Народъ говоритъ: я сдѣлаю это и спасу баржу, но дайте мнѣ мѣсто приналечь грудью и дайте мнѣ бичеву, за которую я могу ухватиться жилистыми руками. Но было бы преступно и безсмысленно, если бы тянущіе баржу ринулись другъ на друга, ибо, кто изъ нихъ ни одолѣлъ бы, поломка корабля неминуема. Все

силы должны быть направлены на избавленіе отъ поломковъ и крушенія драгоцѣннаго судна. Нашъ истинный лозунгъ—притти на помощь государству, которое въ опасности. Мы скажемъ народу: подожди. Мы скажемъ властямъ: смѣнитесь. Мы скажемъ себѣ: мы не уйдемъ и не сдѣлаемъ перерыва, пока не послужимъ государству, которое въ нуждѣ и опасности.

Г. Стаховичу пришлось говорить послѣднимъ въ длинной чредѣ ораторовъ, и послѣ его рѣчи общія пренія по аграрному вопросу были окончены.

Мы изложили эти пренія въ самыхъ общихъ чертахъ, памѣтивъ лишь, такъ сказать, вѣхи и остановившись на рѣчахъ наиболѣе яркихъ представителей отдѣльныхъ парламентскихъ группъ.

Чтобы восполнить нашъ сжатый и краткій обзоръ, мы считаемъ необходимымъ отмѣтить отношеніе къ этому капитальнѣйшему вопросу нашей государственной жизни массы простыхъ крестьянъ, засѣдавшихъ въ Думѣ, и въ заключеніе остановиться на главнѣйшихъ итогахъ, которые можно сдѣлать на основаніи этой массы рѣчей и сужденій.

Какъ относились по аграрному вопросу простые крестьяне, эти истинные сыны земли, эти люди, принесшіе въ первый русскій парламентъ свои вѣчныя думы о землѣ?

Этотъ вопросъ заслонилъ для нихъ всѣ остальные вопросы.

Они страстно ждали его.

Когда обсуждались другіе вопросы, они, сознавая ихъ важность и значеніе и не отказываясь принимать непосредственное участіе въ ихъ обсужденіи, въ то же время старались всѣми способами сократить это обсужденіе, чтобы поскорѣе перейти къ самому дорогому, самому завѣтному вопросу—о кормилицѣ землѣ.

Они долгими часами высиживали въ залѣ, въ непривычной для нихъ атмосферѣ напряженной умственной работы, и, казалось, не знали устали.

Къ обсуждаемому вопросу они относились не только внимательно, но даже подчасъ почти съ благоговѣйно-религіозной серьезностью.

Депутату Гробовецкому удалось въ одной изъ своихъ рѣчей выразить отношеніе простыхъ крестьянъ къ вопросу:

— Сказано въ Писаніи: «Ищите царства небеснаго, а остальное приложится вамъ». Такъ и теперь: дайте крестьянину землю, а все остальное приложится.

Эти простые люди сложныя логическія построенія и детальные проекты замѣняли прямодушной вѣрой въ то, что земля будетъ дана.

Эта вѣра была велика въ первое время; позднѣе, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, она стала меркнуть и застилаться сомнѣніями.

Въ эту первую пору обсужденія аграрнаго вопроса въ Думѣ старые крестьяне вѣрили, что земля будетъ дана простымъ волеизъявленіемъ Монарха.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе типичной и яркой представляется рѣчь Евдокима Попова, стараго сѣдобородаго крестьянина.

«Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!»—начипаетъ ораторъ.

Эти слова странно звучатъ въ стѣнахъ парламента.

Старикъ продолжаетъ:

— Такъ просимъ мы Бога ежедневно, а все-таки остаемся безъ насущнаго хлѣба. Вѣдь вы знаете, откуда крестьянинъ-землевладѣлецъ добываетъ насущный хлѣбъ, — изъ земли. А много-ли-отъ земли у него осталось? Одна полоса. На эту полосу крестьянину нужно прокормить семью съ малолѣтними дѣтьми, нужно насытиться, напоиться, обуться, одѣться, уплатить казенныя подати. Да всѣхъ нуждъ не перечесть. При такомъ положеніи крестьяне всегда и голодны, и холодны. Дома ѣсть нечего, нечѣмъ работать, и вотъ идетъ онъ на чужую сторону на заработки. Оставляетъ жену съ малолѣтними дѣтьми и утѣшаетъ ее: заработаю, пришлю тебѣ денегъ. Ушелъ,—и работы не нашелъ, и денегъ не прислалъ. Надѣваетъ жена на дѣтей суму и посылаетъ несчастныхъ побираться. А когда дѣти просятъ Христа ради, имъ отвѣчаютъ: «Богъ подастъ». Посылаютъ дѣтей, исхудалыхъ, оборванныхъ, ни къ чему не пріученныхъ. Вотъ какъ нашъ мужикъ-пахотникъ живетъ. Была у него одна свѣтлая надежда на Государственную Думу: Дума,—надѣялся онъ,— выхлопочетъ крестьянамъ землицы. И дѣйствительно Дума всѣ мѣры принимаетъ, добивается народу земли, и даже помѣщики, которые тутъ, въ Думѣ, находятся, охотно желаютъ уступить землю трудовому народу. Но на нашъ отвѣтъ на тронную рѣчь предсѣдатель совѣта министровъ объявилъ намъ, что Дума не можетъ отчуждать чужую землю, что не въ ея власти дать землю крестьянамъ. Не вѣримъ мы, крестьяне, этому. Мы обращаемся къ

нашему милостивому Царю-Батюшкѣ и увѣрены, что Онъ уважитъ нашу просьбу.

Ораторъ обращается къ возвышающемуся надъ каѳедрой портрету Государя и благоговѣйно простираетъ къ нему руки:

— Неужели, когда мы просимъ хлѣба, Царь-Батюшка подастъ намъ камень.

Поповъ вѣрилъ. Онъ говорилъ открыто и прямо. Говоря о землѣ, онъ не преминулъ упомянуть о тяжкомъ положеніи мужика вообще, говорилъ о порядкахъ, которые никуда не годятся— «потому—первое дѣло земскіе начальники, все право ими у крестьянъ отнято, и довели они его своимъ попеченіемъ до нищенства».

По примѣру многихъ простыхъ русскихъ людей, Поповъ умѣетъ говорить только конкретными примѣрами и разсказывалъ про безчинства мѣстныхъ начальниковъ, называя ихъ по именамъ.

— Такъ-то мы живемъ,—закончилъ онъ одну изъ своихъ рѣчей и неожиданно добавилъ:

Укажи мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ...

Онъ былъ остановленъ предсѣдателемъ.

— Я крестьянинъ,—благодушно протестуетъ Поповъ.

— Но вы членъ Думы,—замѣчаетъ предсѣдатель.

Поповъ покидаетъ каѳедру.

Да, это крестьянинъ, настоящій, что называется, черноземный. А вотъ онъ читалъ Некрасова и запомнилъ цѣлыя строфы. Глубоко запали въ мужицкую душу слова поэта, и вспомнилъ онъ о нихъ, когда пришлось выступить передъ лицомъ земли русской.

Проходили дни, и въ рѣчахъ крестьянскихъ депутатовъ все меньше слышалось вѣры въ благополучный исходъ.

Они сравнительно мало касались аграрнаго вопроса по существу. Всѣ сходились въ одномъ, что земля должна перейти къ трудовому народу, но какимъ образомъ долженъ совершиться переходъ, высказывались различныя мнѣнія: одни предлагали въ собственность, другіе—въ пользованіе пожизненное, третьи—въ пользованіе наслѣдственное.

Но больше чѣмъ на существѣ аграрнаго вопроса, крестьяне останавливались на характеристикѣ той атмосферы, среди которой приходится жить и работать крестьянству: они говорили о безправіи, насиліи, темнотѣ и деспотизмѣ начальства всякаго рода.

А по существу вопроса—повторяемъ—простые крестьяне не вели длинныхъ рѣчей.

— Крестьянамъ земля нужна, какъ воздухъ.

— Земля—наша, мы потомъ ее поливаемъ.

Такими сентенціями и исчерпывалось содержаніе многихъ рѣчей.

И всѣ крестьянскія рѣчи, въ сущности, представляли собою варіацію на ту же тему:

— Земля наша!

— По мѣрѣ того, какъ крестьяне, старые и молодые, образованные и малограмотные, проходили передъ Думой, противникамъ отчужденія земли приходилось все болѣе убѣждаться, что нѣтъ надежды на поддержку этихъ «сѣрыхъ» депутатовъ.

Вопреки всѣмъ ожиданіямъ творцовъ нашей конституціи, сѣрый цвѣтъ оказался болѣе близкимъ не къ черному, какъ они разсчитывали, а къ красному.

Тотъ, кто внимательно слушалъ рѣчи крестьянскихъ депутатовъ, тотъ долженъ былъ понять, что безъ надѣленія землей ни одного государственнаго вопроса не рѣшить.

Когда въ залѣ засѣданія становилось слишкомъ душно и рѣчи становились слишкомъ утомительными, крестьяне уходили въ аванзалъ, и здѣсь продолжали свои разговоры и споры.

Толковали все о томъ же—о землѣ, о крестьянской нуждѣ и обидѣ. Нельзя было встрѣтить двухъ различныхъ мнѣній относительно необходимости надѣленія землей, но цѣлую вереницу разнорѣчивыхъ рѣшеній, какъ и на какихъ началахъ должно совершиться надѣленіе. Попадались крестьяне, убѣжденные въ томъ, что, неся въ теченіе десятковъ лѣтъ на своихъ плечахъ всю тягость государственныхъ налоговъ, крестьянство купило право на помѣщичьи земли, которыя должны быть отданы крестьянству безвозмездно. Впрочемъ, они различали наслѣдственныхъ собственниковъ отъ новыхъ пріобрѣтателей земель, которые «выкладывали деньги».

— Мы разберемъ, кому деньги платить. Кто самъ платилъ,—тотъ и получай, а которыя земли подаренныя изъ Петербурга, или въ карты «проигратыя», то мы такъ возьмемъ.

Часто среди бесѣдующихъ мы встрѣчали Лосева, автора рѣчи о «сляпомъ Самсонѣ».

Этого человѣка министерская декларація положительно заставила переродиться, превративъ его изъ терпѣливаго и робкаго обитателя ерогинскаго общежитія въ энергичнаго и яраго заступника за народныя права, насколько онъ ихъ понималъ.

Погасла вѣра въ мужицкой душѣ, человѣкъ словно потерялъ равновѣсіе, и всюду, гдѣ завязывался споръ, гдѣ возникала оживленная бесѣда, можно было встрѣтить эту небольшую коренастую фигуру съ головой, остриженной подъ скобку, и маленькой бородкой, въ темно-ситцевой рубахѣ, выглядывающей изъ-подъ старенькаго «пинжака», и въ низенькихъ старенькихъ сапогахъ. Въ его душѣ проснулась злоба къ тѣмъ, которые, по его словамъ, «не дали ему выучиться и сдѣлали изъ него болвана».

— Мы знаемъ нашихъ заступниковъ,—говорилъ онъ,—которые по тюрьмамъ сидятъ да на улицахъ разстрѣляны. Ежели бы не они, не видать бы этого дворца. Теперь съ тобой кажный за ручку здоровается, а выйди отсюда, и тебя опять согнутъ.

И такихъ Лосевыхъ было немало.

Подъ конецъ преній по аграрному вопросу стали слышаться все болѣе и болѣе пессимистическія рѣчи:

— Ничего не слыхать и не видать.

— Придется намъ самимъ землю доставать.

Люди переставали вѣрить въ моральную силу народнаго представительства.

И стали возлагать надежды на другую силу, которая должна вырости за стѣнами Думы.

———

Намъ остается подвести итоги.

Какіе положительные и вполнѣ установленные выводы можно сдѣлать изъ всей этой массы разнорѣчивыхъ мнѣній и сужденій, высказанныхъ десятками ораторовъ въ стадіи предварительнаго обсужденія аграрнаго законопроекта?

Одинъ выводъ вырисовывается съ полной ясностью и опредѣленностью.

Принципъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель является тѣмъ очевиднымъ и несомнѣннымъ положеніемъ, съ которымъ были согласны рѣшительно всѣ, отъ крайнихъ лѣвыхъ до крайнихъ правыхъ, расходясь въ степени его примѣненія.

Мы уже отмѣтили воззрѣнія «октябристовъ» по данному вопросу.

Если мы перейдемъ къ другимъ умѣреннымъ парламентскимъ группамъ, мы увидимъ почти то же отношеніе къ вопросу.

Латышскіе и эстонскіе депутаты высказывались въ томъ смыслѣ, что другіе принципы предлагаемаго аграрнаго законопроекта неприемлемы, но принудительное отчужденіе необходимо и неизбѣжно.

— Мы должны признавать и всячески охранять право собственности,—говорилъ одинъ изъ преставителей Прибалтійскаго края г. Озолинъ,—но это вовсе не устраняетъ необходимости допущенія принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, разъ это дѣлается въ выгодахъ государственныхъ и вызывается государственной необходимостью.

— Что въ данный моментъ эта необходимость существуетъ, что правильное рѣшеніе аграрнаго вопроса немыслимо безъ отчужденія частновладѣльческихъ земель, это ясно для всякаго, кто можетъ стать выше личныхъ интересовъ, выше интересовъ класса.

То же почти отношеніе къ разбираемому вопросу мы встрѣчаемъ со стороны польскаго «коло», весьма и весьма умѣренной парламентской группы.

Выразителемъ мнѣнія этой группы явился г. Стецкій, который въ очень пространной и обстоятельной рѣчи развивалъ основныя воззрѣнія своей группы.

Сущность рѣчи можно резюмировать немногими словами этого оратора.

— Принципъ принудительнаго отчужденія мы принимаемъ, не находя въ немъ ничего предосудительнаго и угрожающаго свободному развитію нашего народа. Но мы положительно и рѣшительно отрицаемъ право устанавливать по этому предмету общеимперскій законъ, если въ этомъ законѣ должны выражаться нормы земельной реформы, общей для польскаго народа съ другими, несмотря на отличіе строя нашей жизни.

Даже г. Скирмунтъ, самый ярый изъ польскихъ аграріевъ, который въ предложенномъ законопроектѣ видѣлъ «соціально-экономическую авантюру болѣе ужасную, чѣмъ японская война», все же находилъ, что площадь крестьянскаго землевладѣнія должна и можетъ быть увеличена.

— Мы знаемъ,—говорилъ онъ,—что это невозможно сдѣлать безъ жертвъ со стороны имущихъ классовъ, но къ этому, мнѣ кажется, всѣ приготовлены.

Таково было отношеніе даже тѣхъ группъ, которыя, такъ сказать, кровно, въ виду классовыхъ интересовъ, заинтересованы были въ неприкосновенности частной земельной собственности.

И всѣ эти мнѣнія, и всѣ эти интересы, согласовать которые было такъ страшно трудно и которые въ итогѣ несомнѣнно представляли голосъ страны, разбились о лаконическое, мертвенное, страшное.

— Безусловно недопустимо.

Голосъ страны не былъ услышанъ.

Для того, чтобы покончить съ этой главой, намъ остается отмѣтить дальнѣйшее движеніе аграрнаго законопроекта. Законопроектъ былъ сданъ въ комиссію. По вопросу объ образованіи комиссіи Дума приняла предложеніе г. Петражицкаго съ дополненіемъ г. Бородина и рѣшила составить комиссію съ такимъ расчетомъ, чтобы каждая группа въ 5 человѣкъ имѣла въ комиссіи своего представителя. При наличномъ составѣ Думы численность членовъ аграрной комиссіи опредѣлилась въ 91 человѣкъ, а при полномъ комплектѣ должна была опредѣлиться въ 99 человѣкъ. Самый порядокъ выборовъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Каждый депутатъ долженъ былъ написать на запискѣ имя одного кандидата, и избранными должны были считаться получившіе относительное большинство голосовъ. Благодаря многочисленному составу комиссіи, это относительное большинство оказалось очень незначительнымъ: никто изъ избранныхъ не получилъ болѣе шести голосовъ. Да и такихъ было всего нѣсколько человѣкъ, а остальные избраны 5-ю, 4-мя и даже 3-мя голосами.

Мы не станемъ перечислять всѣхъ членовъ аграрной комиссіи, а отмѣтимъ лишь имена болѣе или менѣе извѣстныхъ нашимъ читателямъ. Въ составъ комиссіи вошли: отъ партіи «народной свободы» гг. Герценштейнъ, Петрункевичъ, И. Якушинъ, Котляревскій, Медвѣдевъ, Мухановъ, кн. Урусовъ, Петражицкій; отъ трудовой группы—гг. Аладьинъ, Аникинъ, Лосевъ; отъ «17-го октября»—гр. Гейденъ, г. Стаховичъ, кн. Волконскій. Польское «коло» получило нѣсколько мѣстъ. Партія демократическихъ реформъ хотя также получила нѣсколько мѣстъ въ комиссіи, но ея лидеры М. Ковалевскій и Кузьминъ-Караваевъ въ комиссію не попали. Но это обстоятельство объясняется очень просто: депутаты при выборахъ въ комиссію считались не съ тѣмъ, кто больше понимаетъ насчетъ воли, а кто—насчетъ земли. Поэтому, такіе видные представители «кадетской» партіи, какъ гг. Родичевъ, Набоковъ, Винаверъ и др., въ аграрную комиссію не вошли.

Комиссія распалась на подкомисіи и приступила къ детальной работѣ, посвящая ей всѣ дни, свободные отъ общихъ собраній, и даже праздники.

Когда вопросы были распредѣлены, и работа совсѣмъ наладилась, Дума была распущена.

IX.

Смертная казнь.

Первые дни существованія Государственной Думы не были омрачены кровавыми призраками.

Наступило временное затишье въ дѣлѣ кровавыхъ расправъ, и Дума вѣрила, что ей удастся силой своего нравственнаго авторитета пріостановить казни.

И когда Дума принимала одинъ изъ своихъ первыхъ запросовъ по поводу присужденія къ смертной казни 8-ми рабочихъ въ Ригѣ, почти всѣ были увѣрены, что удастся спасти жизнь этимъ людямъ.

Но прошло немного дней, и Петербурга достигла вѣсть, что эти люди казнены, и интерпелляція Думы не имѣла никакого значенія.

Эта первая ужасная вѣсть произвела огромное, подавляющее впечатлѣніе.

Потомъ къ этимъ вѣстямъ привыкли, но въ первый разъ Дума была прямо ошеломлена.

Вѣсть о казни пришла 17-го мая, когда въ Думѣ не было засѣданія.

Тѣмъ не менѣе ужасное извѣстіе всколыхнуло парламентскія группы.

Въ тотъ же день состоялись экстренныя совѣщанія «трудовой» группы и парламентской «кадетской» фракціи, посвященныя обсужденію этого событія.

На первыхъ порахъ люди даже нѣсколько растерялись.

Какъ быть, какъ реагировать на это извѣстіе?

Выразить недовѣріе—это уже было использовано, внести новый запросъ—безполезно и не имѣетъ смысла. И многіе стали высказываться въ томъ смыслѣ, что остается одинъ исходъ: принять

это событіе, какъ явный вызовъ, исключающій возможность дальнѣйшей работы, и разъѣхаться.

Группы, совѣщавшіяся по этому вопросу, выработали свои заключенія и внесли ихъ на обсужденіе общаго собранія Думы.

Тучи слишкомъ сгустились, и этого общаго собранія многіе ждали съ большой тревогой.

Смерть этихъ восьми человѣкъ стала между правительствомъ и народными представителями.

Пролитая кровь легла между ними. Тѣни убитыхъ вошли въ стѣны русскаго парламента. Новымъ тяжкимъ кровавымъ оскорбленіемъ отвѣтило министерство на запросъ парламента. Этотъ отвѣтъ оставилъ впечатлѣніе циничнаго, холоднаго издѣвательства.

Но становилось яснымъ до очевидности, до ужаса яснымъ, что дѣло идетъ уже не объ оскорбленіи, не объ издѣвательствѣ, а о чемъ-то безконечно большемъ, о самомъ существованіи Государственной Думы.

Люди шли тернистою узкою тропой, но впереди горѣлъ огонь, на который они шли. И вдругъ этотъ огонь погасъ. По крайней мѣрѣ, такъ показалось нѣкоторымъ. Другіе, почитающіе себя болѣе зоркими, рѣшили ихъ успокоить, доказывая, что огонь мерцаетъ еще тихимъ, правда, колеблющимся свѣтомъ. Болѣе зоркими почитали себя конституціоналисты-демократы. Они рѣшили исчерпать послѣднія средства въ борьбѣ съ правительствомъ, использовавъ законодательную власть Думы.

Въ результатѣ этого рѣшенія явился законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни, внесенный срочнымъ предложеніемъ. Г. Набоковъ отъ имени партіи говоритъ о надеждахъ, которыя партія возлагаетъ на этотъ законопроектъ: онъ долженъ вычеркнуть смертную казнь изъ законовъ.

Г. Ледницкій ставитъ вопросъ яснѣе. Смертныя казни не должны существовать, ибо они безсмысленны и не останавливаютъ, а рождаютъ политическія убійства, онѣ творятся не во имя порядка, а во имя мщенія опредѣленной группы лицъ.

Но г. Ледницкій остается вѣрнымъ задачамъ партіи и заканчиваетъ призывомъ къ законодательной работѣ.

Рѣчь произвела впечатлѣніе, и какой-то мусульманинъ съ задней скамьи пробрался къ г. Ледницкому и благодарилъ его за правдивое и искреннее слово. Въ простотѣ сердечной онъ сдѣлалъ даже попытку поцѣловать руку оратору. Но г. Ледницкій, конечно, этого не допустилъ. Эту сцену видѣли немногіе, а между

тѣмъ, она говорила многое. Казалось, что эти татары, темные, безсловесные, безучастно относятся къ тому, что вокругъ нихъ происходитъ.

А между тѣмъ, подъ ихъ кафтаномъ бьется горячее, отзывчивое сердце, и они готовы на простодушный порывъ.

Послѣ представителей партіи «народной свободы» выступали «трудовики». Слышались иныя рѣчи.

— А что же дальше?—опредѣленно и прямо ставитъ вопросъ депутатъ Локоть.—Мы выработаемъ нашъ законопроектъ.

— А Государственный Совѣтъ? А министры?

— Надо признать, что уже близки минуты, когда мы вынуждены будемъ сформировать народныя требованія и поставимъ прямо вопросъ: или мы, или старый, разложившій страну режимъ.

Аладьинъ говоритъ о пигмеяхъ исполнительной власти, захватившихъ въ свои руки прерогативы короны.

— Пора бросить игру въ запросы и взять дѣло въ свои руки. Народъ принимаетъ насъ не за то, что мы являемъ собой. Мы ничтожны! Нѣтъ у насъ ни силы, ни власти, и объ этомъ надо довести до сознанія народа.

Слова эти звучатъ странно и глухо и больно отзываются въ сердцахъ депутатовъ.

Слова проситъ священникъ Поярковъ. Худой, изможденный, съ огромной копной густыхъ волосъ, онъ вырисовывается какимъ-то призракомъ на ораторской каѳедрѣ.

— Правительство издѣвается надъ нами!—звучатъ слова іерея.—Мы не должны уже просить, но должны требовать.

Ораторъ отвергаетъ всѣ конституціонные пути. Онъ просто предлагаетъ написать бумагу объ отмѣнѣ смертной казни и поднести ее для подписи Государю.

— Если смертная казнь не будетъ отмѣнена, мы должны разъѣхаться по домамъ. Безчестно оставаться здѣсь дальше и получать деньги!

Разъѣхаться...

Впервые было произнесено это слово въ стѣнахъ Думы и прозвучало страшнымъ предостерегающимъ аккордомъ.

Набоковъ спѣшитъ направить рѣчи ораторовъ по конституціонному руслу:

— Дума не можетъ принимать резолюцій. Она законодательствуетъ! Поспѣшными резолюціями мы ослабимъ рѣшеніе.

Но попытка Набокова на первыхъ порахъ не увѣнчалась успѣхомъ.

Г. Заболотный не видитъ выхода изъ тупика. Надо скорѣе отнять у насильниковъ право на убійство, и остается одинъ путь—прямое и непосредственное обращеніе къ верховной власти.

Депутатъ Сѣдельниковъ останавливается на роковомъ значеніи переживаемаго момента:

— Мы наканунѣ страшныхъ событій. Дума должна умереть!—погребальнымъ звономъ звучатъ страшныя слова.—Мы должны позаботиться о нашемъ обѣщаніи, данномъ народу. Мы требуемъ воли и земли!

Рядъ ораторовъ спѣшитъ сгладить тягостное настроеніе, которое начинаетъ овладѣвать Думой, и влить въ сердца изверившихся депутатовъ новую бодрость.

Слова проситъ Кузьминъ-Караваевъ.

Онъ старается поддержать г. Набокова.

— Смертныя казни ужасны и безсмысленны. Смертная казнь должна быть отмѣнена.

Но ораторъ напоминаетъ аудиторіи, что вѣдь Дума—собраніе государственныхъ людей.

— Господа народные представители, мы здѣсь не въ общественномъ собраніи, а въ Государственной Думѣ. Государственная Дума можетъ принимать только законопроекты и отнюдь не краткую, сжатую резолюцію. Государственная Дума можетъ выносить только обоснованныя мнѣнія. Законопроекты же должны быть разработаны и твердо обоснованы. Что же дальше? Если даже внесемъ законопроектъ въ коммиссію, удастся-ли ему пробить брешь? Нельзя не признавать за нашими заявленіями огромнаго нравственнаго авторитета. Мы пользуемся этимъ авторитетомъ во всей странѣ, и не признаетъ его лишь внѣшнимъ образомъ, быть-можетъ, одно только министерство, но и оно не можетъ съ нимъ не считаться.

Г. Поярковъ говоритъ: надо ѣхать домой. Онъ выразился даже такъ: намъ не честно получать здѣсь деньги и здѣсь оставаться. Но не для того, чтобы получать эти деньги, собрались мы сюда. И когда мы займемся вопросомъ относительно того, ѣхать-ли или оставаться, то, конечно, деньги не могутъ повліять на наше рѣшеніе въ ту или другую сторону. Можемъ мы уйти домой? Нѣтъ, уйти домой мы не можемъ. Мы не можемъ нарушить обѣщаній, которыя мы дали нашимъ избирателямъ. Мы не можемъ уйти домой, мы не смѣемъ, мы не уйдемъ. Господа народные представители, насъ послали для работы. Кто изъ насъ при избраніи думалъ, что работать будетъ легко, что не придется видѣть передъ

собой стѣну, которую надо пробивать, тотъ, конечно, заблуждался. Но въ каждомъ изъ насъ живетъ мысль, что эта стѣна въ концѣ концовъ рухнетъ, а правда восторжествуетъ хотя не скоро и не безъ труда. Если мы уйдемъ отсюда, если мы рѣшимся на этотъ самоубійственный шагъ, то мы совершимъ глубочайшую и грубѣйшую историческую ошибку, мы совершимъ то, за что придется отдѣлываться ужасами всей нашей странѣ, всей нашей родинѣ. Я искренно надѣюсь, что мы не забыли и не забудемъ клятвы, которую мы дали нашимъ избирателямъ. Добровольно отсюда мы не уйдемъ никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ!

Дума отвѣчаетъ на эту рѣчь громовыми аплодисментами.

М. Ковалевскій выражаетъ надежду, что Государственный Совѣтъ не станетъ на пути нравственныхъ требованій народа.

Этому плохо вѣрятъ, но старый профессоръ говоритъ съ такой искренностью, что ему аплодируютъ.

Родичевъ предостерегаетъ Думу отъ маловѣрія:

Намъ говорятъ: напишите законъ о смертной казни, его не утвердятъ. Его не могутъ не утвердить, потому что если намъ не удалось удержать палачей, то неужели вы сомнѣваетесь, господа, что смертная казнь корчится въ судорогахъ. Быть-можетъ, безумной злобой отвѣтятъ на наши постановленія, пролитіемъ крови, но кампанія смертной казни проиграна. Мы у преступленія этого рода отнимемъ формальную покрышку закона. Тѣхъ людей, которые говорили намъ, что они сами стонутъ подъ бременемъ дурныхъ законовъ, мы поставимъ лицомъ къ лицу съ правдой. Обнаружится передъ страной завѣса лицемѣрія. Мы сорвемъ эту завѣсу и покажемъ народу: вотъ гдѣ правда и вотъ гдѣ насиліе.

Г. Левинъ, бывшій раввинъ, въ страстной рѣчи проситъ не терять мужества.

— Если ужъ суждено умереть, пусть лучше смерть застигнетъ насъ врасплохъ. А жить вѣчною мыслью о смерти нельзя! Это значитъ уже при жизни перестать жить.

Г. Гредескулъ старается пролить масло успокоенія на расходившіяся волны отчаянія. Онъ вѣритъ еще въ возможность мирнаго исхода.

Въ это время до думской залы доносятся звуки военнаго барабана—какъ бы въ отвѣтъ на призывъ къ успокоенію и работѣ.

Послѣ рѣчи Гредескула запись ораторовъ исчерпана.

Болѣе спокойные и уравновѣшанные элементы побѣдили, и Дума постановила передать внесенный проектъ для разработки въ комиссію, согласно положенію. Она рѣшила итти впередъ, ничемъ не отступая отъ конституціоннаго пути.

———

Но министерство, казалось, нарочно старалось столкнуть Думу съ этого пути.

Избранная Думой комиссія въ нѣсколько дней изготовила законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Законопроектъ состоялъ всего изъ двухъ статей, ясныхъ и лаконичныхъ: одна отмѣняла смертную казнь, а другая замѣняла ее слѣдующимъ по лѣстницѣ наказаніемъ.

Но министерство оказалось неготовымъ къ разсмотрѣнію вопроса, неотложнаго и яснаго въ общественномъ мнѣніи всей страны, и поспѣшило спрятаться за формальную ширму—56 ст. учр. Госуд. Думы, предоставляющую министрамъ въ теченіе мѣсяца держать законопроектъ въ своихъ канцеляріяхъ. На предложеніе Думы приступить къ обсужденію выдвинутаго вопроса, три министерства—военное, морское и юстиціи—прислали свои отвѣты, составленные въ совершенно тождественныхъ выраженіяхъ. Это—идентичныя, сухія бюрократическія отписки.

Вопросъ слишкомъ сложенъ, министерство не подготовлено къ слушанію—такова была сущность этихъ отвѣтовъ.

Эти отвѣты привели въ возбужденіе болѣе нервные и, пожалуй, болѣе чуткіе элементы въ Думѣ, и взбаламученная поверхность снова долго не могла успокоиться.

При этомъ очень рѣзко сказалась разница въ настроеніи и тактикѣ «трудовиковъ» и «кадетовъ», къ которымъ на этотъ разъ примкнули центръ и правая.

«Трудовики» повели сильную и страстную атаку противъ «кадетовъ», поспѣшившихъ укрѣпиться на своихъ конституціонныхъ позиціяхъ. Они не желаютъ дольше считаться съ нормами, созданными тѣми людьми, «которые нарочно хотятъ не дать Думѣ ничего сдѣлать»,—по выраженію депутата Аникина.

— Все равно,—говоритъ онъ,—нельзя ни до чего договориться, когда люди говорятъ на разныхъ языкахъ.

Г. Аникинъ произноситъ «языкахъ».

Г. Аникина поддерживаетъ г. Аладьинъ. Они обычно выступаютъ рядомъ.

— Нельзя работать съ тѣми людьми,—говоритъ Аладьинъ,—которые тогда только не запаздываютъ, когда нужно туже затянуть петлю на шеѣ народа. Которые готовы только тогда, когда дѣло касается черносотенной пропаганды.

Предсѣдатель останавливаетъ оратора:

— Это является недоказаннымъ.

— Я согласенъ, это является недоказаннымъ... для министерства, но не для насъ, не для народа.

Г. Муромцевъ уже не пытается вновь остановить оратора.

— Гдѣ сошлись два врага,—продолжаетъ г. Аладьинъ,—тамъ побѣда будетъ тогда, когда одинъ изъ нихъ останется мертвымъ на мѣстѣ.

Тутъ г. Муромцевъ уже не выдерживаетъ и энергично останавливаетъ оратора:

— Въ палатѣ не можетъ быть разговоровъ, чтобы кто-нибудь кого-нибудь уничтожилъ.

Шумъ и аплодисменты по адресу предсѣдателя и крики «продолжайте»—по адресу оратора.

Г. Аладьинъ довольно искусно беретъ средній курсъ:

— Я никого не хочу физически уничтожать. Я просто прибѣгаю къ метафорѣ.

Ораторъ предлагаетъ покончить съ 56-й статьей. Эта статья не касается правъ верховной власти, а только удобства гг. министровъ.

Съ г. Аладьинымъ согласенъ и г. Сѣдельниковъ. Онъ боится, что Дума своей тактикой можетъ потерять сочувствіе народныхъ массъ и вызвать ихъ къ выступленію на историческую арену.

— Намъ говорятъ: потерпите мѣсяцъ, а мы пока пострѣляемъ. А потомъ 15-го іюня преподнесутъ каникулы. Еще на два мѣсяца... Основные законы посадили насъ въ бумажный мѣшокъ, и если мы его не прорвемъ, русскій народъ не станетъ насъ слушать.

Гг. Аникинъ, Аладьинъ и Сѣдельниковъ,—это ораторы, которыхъ обычно высылаютъ скамьи «трудовиковъ».

На этотъ разъ они нашли новыхъ союзниковъ.

Депутатъ Якобсонъ видитъ въ Думѣ одинъ изъ этаповъ революціи и предостерегаетъ отъ резолюціи.

— Опасно расшаркиваться и передъ правительствомъ, и передъ революціонными силами страны. Нельзя сидѣть на двухъ стульяхъ.

Ораторъ предлагаетъ не ожидать отвѣта министровъ и перейти къ разсмотрѣнію законопроекта.

На каѳедрѣ появляется депутатъ Михайличенко. Г. Щегловитовъ, одиноко возсѣдавшій въ министерской ложѣ, поспѣшно ее покидаетъ. Гг. министры не любятъ депутата Михайличенко. Правда, и депутатъ Михайличенко не питаетъ къ нимъ нѣжныхъ чувствъ. Онъ любитъ, по его словамъ, каждую вещь назвать своимъ именемъ, а гг. министры этого не любятъ. Михайличенко простой и откровенный человѣкъ. Это—рабочій-шахтеръ, прямодушный, искренній, отстаивающій интересы рабочаго класса съ рѣзкостью и прямолинейностью новообращеннаго соціалъ-демократа. Онъ считаетъ своимъ долгомъ при каждомъ удобномъ случаѣ заявить, что есть только одинъ путь спасенія отечества, это—учредительное собраніе. Ему не аплодируютъ и не шикаютъ.

Депутатъ Локоть резюмируетъ требованія «трудовой» группы: игнорировать отвѣтъ министерства и перейти къ обсужденію законопроекта. Таково предложеніе «трудовиковъ». Они видятъ въ немъ «дѣло», энергично протестуя противъ резолюцій.

Рядъ ораторовъ изъ болѣе праваго лагеря старается доказать, что и это дѣло роковымъ образомъ обратится въ резолюцію, ибо законопроектъ все-таки не станетъ закономъ. Такъ полагаетъ гр. Гейденъ, который ни на шагъ не хочетъ отойти отъ конституціоннаго пути. Такъ полагаетъ и рядъ другихъ ораторовъ.

Медвѣдевъ, ссылаясь на приговоръ, составленный крестьянками Весьегонскаго уѣзда, старается кольнуть министерство указаніемъ, что оно не только отстало отъ науки, но даже отъ правосознанія неграмотныхъ крестьянокъ весьегонскаго захолустья, потребовавшихъ отмѣны смертной казни, противной ученію Христа.

Слово предоставляется Родичеву. Родичевъ говоритъ сильно, просто, съ воодушевленіемъ.

— Вѣдь дѣло не въ обсужденіи законопроекта. Вѣдь Думѣ некого убѣждать въ необходимости отмѣны смертной казни. Къ чему же насъ приглашаютъ? Къ лирическимъ изліяніямъ? Вѣдь «они» станутъ вѣшать на-зло Думѣ. Они желаютъ совлечь ее съ твердой почвы. Мы не поддадимся увлеченію благороднымъ чувствомъ и не сдѣлаемъ жесточайшей ошибки. Ну, будетъ демонстрація, демонстрація чего... капризной нервности Думы?

— Неправда,—слышатся протестующіе голоса.

— Мы не пойдемъ по пути, на который насъ тянетъ провокація. А вы помните,—обращается онъ къ министерской ложѣ,—что изъ роли Пилата вы сегодня перешли на роль палачей. Оставимъ же пути выраженія безплоднаго негодованія.

Ораторъ покидаетъ каѳедру. Ему долго аплодируютъ, но аплодисменты прорѣзываются шиканьемъ съ нѣкоторыхъ лѣвыхъ скамей.

Это первое шиканье по адресу г. Родичева.

Г. Родичева поддерживаетъ г. Петражицкій. Онъ успокаиваетъ собраніе. Онъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы, такъ сказать, поднять настроеніе. Онъ старается казаться бодрымъ и даже шутливо-веселымъ, хотя шутка такъ трудно дается этому сухому латинисту-профессору. Онъ указываетъ, что и принявъ законопроектъ, нельзя будетъ спасти жизнь тѣмъ, которые теперь уже обречены. Правительство станетъ казнить демонстративно.

— Мы ѣхали сюда для трудной борьбы? Чего вы волнуетесь? Развѣ вы увидѣли Геркулеса? О, нѣтъ, въ этомъ отношеніи насъ постигло пріятное разочарованіе. Не стоитъ такъ волноваться, господа!

Г. Петражицкому аплодируютъ.

Какъ «трудовики» нашли новыхъ союзниковъ, такъ нашли ихъ и «кадеты» въ лицѣ нашего знакомаго г. Гробовецкаго, который произнесъ уже настоящую, довольно обстоятельную рѣчь. Онъ на своемъ родномъ языкѣ высказалъ свой взглядъ на тактику, которой необходимо держаться:

— Надо вѣжливо говорить. Все равно, дойдетъ до страны. А что если за каждое дѣло выскакивать, то мы оборвемся и намъ же хуже будетъ. Вѣдь эта зараза,—говоритъ онъ по поводу дѣятельности правительства,—въѣлась въ плоть и въ кровь. Треба большую дезинфекцію дѣлать, чтобы уся страна ею наполнилась.

Онъ отлично понимаетъ моральное значеніе резолюціи, объявляющей дальнѣйшія казни убійствами. Онъ знаетъ, что «вопы привыкли до крови». Но эта резолюція какъ бы заставитъ сказать ихъ: «Кровь на насъ и на дѣтяхъ нашихъ». Такъ образно и ярко этотъ хлѣбопашецъ опредѣлилъ свои отношенія къ министерству и къ тактикѣ даннаго момента.

Г. Набоковъ говорилъ первымъ по выдвинутому вопросу, а затѣмъ ему было предоставлено слово во второй разъ, послѣ всѣхъ ораторовъ. Онъ отмѣтилъ, что вопросъ о смертной казни не только давно разработанъ въ наукѣ, но и въ нашей практикѣ— въ работахъ комиссіи по составленію уголовнаго уложенія. Конечно, весь смыслъ министерскаго отвѣта въ бюрократическихъ отпискахъ, но все же резолюція партіи «кадетовъ» представляется единственнымъ исходомъ.

Да, это резолюція, но вѣдь и принятіе законопроекта, по предложенію «трудовиковъ», тоже будетъ резолюціей, а не революціей.

Мы разобрали отдѣльно предложенія «трудовиковъ» и «кадетовъ». Совершенно самостоятельно стояло предложеніе депутата Сипягина. Оно было продиктовано чувствомъ нѣкоторой растерянности, почти отчаянія, вызваннаго телеграммой изъ Севастополя, по выраженію оратора, «города классическаго безправія», гдѣ готовятся новыя и новыя кровавыя жертвы. Ораторъ заявляетъ, что онъ готовъ унижаться, готовъ умолять. Надо спасти жизнь обреченнымъ. Нужны экстренныя мѣры, и г. Сипягинъ предлагаетъ непосредственно обратиться къ верховной власти отъ имени Думы съ просьбой пріостановить смертныя казни.

Предложеніе, продиктованное горячимъ порывомъ, разбивается гр. Гейденомъ, г. Ледницкимъ, М. Ковалевскимъ и др. ораторами. Нельзя переносить отвѣтственности на особу Государя. Нельзя нарушать парламентскихъ принциповъ.

Г. Ледницкій опредѣленно ставитъ вопросъ: обратиться къ верховной власти по такому вопросу, какъ отмѣна смертной казни, это дѣйствительно зайти въ тупикъ. Это значитъ втягивать верховную власть въ водоворотъ революціи.

Эти доводы не убѣждаютъ депутата Огородникова, который энергично поддерживаетъ г. Сипягина.

— Если бы былъ парламентъ, можно было бы говорить о парламентаризмѣ, если бы существовало отвѣтственное министерство, можно было бы толковать о перенесеніи отвѣтственности. А теперь... тамъ, гдѣ витаетъ смерть, не говорятъ о парламентаризмѣ.

Огородникову аплодируютъ. Но при баллотировкѣ предложенія, выдвинутаго г. Сипягинымъ, за него высказалось лишь незначительное меньшинство, и оно отвергается.

Дума приняла формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенную партіей «кадетовъ», которые опять побѣдили. Но съ каждымъ новымъ шагомъ министерства побѣда доставалась «кадетамъ» все труднѣе и труднѣе.

Дума, такимъ образомъ, рѣшила примириться съ требованіемъ министерства и выжидать истеченія мѣсячнаго срока.

———

Между тѣмъ, вѣсти о новыхъ смертныхъ казняхъ приходили все чаще и чаще. Дума, такъ сказать, скрѣпя сердце принимала запросы по поводу этихъ казней, и ждала отвѣта.

Но вотъ насталъ день, когда главный военный прокуроръ г. Павловъ отъ имени военнаго министра представилъ свой отвѣтъ на нѣкоторые изъ этихъ запросовъ. Дума ждала этого выступленія. Когда г. Муромцевъ, невозмутимо спокойный даже въ самые острые моменты, пережитые Думой, произнесъ: «Господинъ главный военный прокуроръ желаетъ дать объясненіе», залъ положительно замеръ.

На каѳедрѣ появляется очень высокаго роста человѣкъ, въ военномъ мундирѣ, худой, съ коротко остриженной сѣдой головой и сѣдыми усами, такой спокойный, съ такимъ тихимъ голосомъ, словно онъ не хочетъ кого-нибудь разбудить или испугать.

Это г. Павловъ, главный военный прокуроръ.

Онъ пришелъ дать отвѣтъ на обращенные къ военному министру крики негодованія. Выборъ г. Павлова въ качествѣ уполномоченнаго предрѣшалъ характеръ отвѣта. Уже одинъ этотъ выборъ говорилъ многое. Почему—не надо объяснять тѣмъ, кто знаетъ дѣятельность г. Павлова. А ее знаетъ вся Россія. Его слушали съ затаеннымъ вниманіемъ.

Онъ пришелъ дать отвѣтъ на три запроса по поводу смертныхъ казней.

— Первый запросъ,—начинаетъ г. Павловъ,—касается Прибалтійскаго края.

Г. Павловъ началъ тихо.—«Громче, громче»,—раздаются голоса.

— Это то дѣло,—повышеннымъ голосомъ и начиная отчеканивать слова, продолжаетъ г. Павловъ,—когда мятежники напали на чиновъ полиціи и разстрѣляли ихъ. Другой запросъ касается Риги. Третій—Севастополя. Запросы однородны по своему содержанію. Въ нихъ предлагаютъ министерству отвѣтить: принимаетъ-ли оно мѣры къ тому, чтобы смертные приговоры не утверждались и утвержденные оставались безъ исполненія. По предложенію предсѣдателя совѣта министровъ и по приказанію военнаго министра, я уполномоченъ заявить слѣдующее: смертные приговоры будутъ постановляться до тѣхъ поръ, пока существуютъ законы, опредѣляющіе смертную казнь, не преступая которыхъ военные чины не могутъ ея не назначать.

Г. Павловъ рѣзко подчеркиваетъ слово «будутъ».

Аудиторія замерла.

— Что касается утвержденія постановленныхъ приговоровъ и лишенія права кассаціоннаго обжалованія, то существующія узаконенія предоставляютъ генералъ-губернаторамъ право предавать военному суду, устранять кассаціонныя производства и утверждать постановленные приговоры. При этомъ генералъ-губернаторы дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, на основаніи убѣжденія, обстоятельствъ дѣла и положенія края. Вторгаться въ права высшихъ мѣстныхъ властей министерству не предоставлено.

И только! Вотъ все, что Дума получила на свои запросы, продиктованные доносящимися до нея со всѣхъ сторонъ криками истерзанной страны.

Г. Павловъ кончилъ.

Вотъ онъ, все такой же спокойный и безстрастный, повернулся и сдѣлалъ шагъ, спускаясь по ступенямъ каѳедры.

Въ залѣ царила мертвая, гнетущая тишина. Слышно было, какъ стучало сердце сосѣда. Въ эту минуту чуялось, какъ трещали безмѣрно натянутыя струны. Съ лихорадочной быстротой работавшее сознаніе подсказывало, что такъ это не можетъ кончиться, что сейчасъ должно что-то произойти необычайное, изъ ряда вонъ выходящее.

И вдругъ накопившаяся энергія протеста разрядилась, и громкій, раздѣльный, отрывочный, почти истерическій крикъ: «Палачъ!—какъ свистъ бича, разсѣкъ воздухъ.

Онъ былъ подхваченъ десятками голосовъ, и слова: «Палачъ, убійца!»—стономъ пронеслись по залѣ.

Г. Муромцевъ хватается за звонокъ. Г. Павловъ медленно проходитъ къ столу за колоннами, складываетъ свои бумаги и покидаетъ залъ.

— Уходитъ!—проносится по залу.

Г. Павлову надо пройти мимо депутатскихъ мѣстъ справа. Это мѣста, которыя подымаются амфитеатромъ надъ узкимъ проходомъ. Снова крики: «Палачъ! Убійца»!—падаютъ на его голову.

— Я закрою засѣданіе,—протестуетъ предсѣдатель.

Но г. Павловъ уже покинулъ залъ, и аудиторія затихаетъ. Нѣкоторое время аудиторія еще остается подъ впечатлѣніемъ пережитаго волненія.

Она словно видитъ еще передъ собой этого страшнаго старика. съ неподвижными мускулами бѣлаго, словно каменнаго лица.

Онъ говорилъ всего нѣсколько минутъ, но въ теченіе нѣсколькихъ часовъ нельзя было сказать больше.

Какъ-то сразу погасли всѣ надежды и рушились недавнія иллюзіи. Еще послѣ рѣчей гг. Горемыкина, Стишинскаго и Гурко Дума поняла, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло, но еще продолжала вѣрить въ силу моральнаго авторитета.

А тутъ вѣра эта сразу погасла. Люди поняли, что не о конфликтѣ уже идетъ рѣчь, что этимъ маленькимъ словомъ уже не закроешь разверзшейся пропасти, что передъ ними безпощадный смертельный врагъ.

И это настроеніе сказалось на рѣчахъ ораторовъ, отвѣчавшихъ г. Павлову.

Слова проситъ Кузьминъ-Караваевъ.

— Развѣ это отвѣтъ? Намъ указали на законъ. Да если бы генералъ-губернаторы дѣйствовали внѣ рамокъ закона, мы бы развѣ такъ формулировали нашъ запросъ?

— Мы бы спросили: а преданъ-ли суду генералъ-губернаторъ, казненъ-ли онъ уже? Подчеркиваю слово «казненъ», ибо въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, убійство, совершенное военно-служащимъ, наказуется смертной казнью.

Съ фактами и примѣрами въ рукахъ ораторъ доказываетъ полную несостоятельность и фальшивость отвѣта министерства.

Г. Кузьмина-Караваева смѣняетъ рядъ другихъ ораторовъ. Но эти рѣчи свѣтскихъ ораторовъ потускнѣли передъ сильнымъ, проникновеннымъ словомъ священника Афанасьева.

Священникъ-депутатъ, народный избранникъ, всталъ во всю вышину своего духовнаго роста.

— Господа народные представители! Для меня, какъ служителя Бога, Бога свободы и любви, для меня совершенно непонятенъ отвѣтъ, который прочиталъ намъ главный военный прокуроръ. Его отвѣтъ сводится къ тому, что смертная казнь была приведена въ исполненіе на точныхъ основаніяхъ военныхъ приговоровъ по законамъ военнаго времени. Но что это за точныя основанія беззаконнаго «закона». Я думаю, господа, что въ основаніе каждаго закона должны быть положены тѣ нравственныя начала, которыми руководится въ настоящее время страна. Вѣдь были времена, когда убійство считалось прекраснымъ дѣяніемъ, но въ такое-ли время мы живемъ? Нѣтъ. Въ наше время непримѣнимы тѣ основанія, которыя провозгласилъ здѣсь главный военный прокуроръ. Я не могу обойти слѣдующаго обстоятельства. Въ то время, какъ въ Севастополѣ развилось освободительное движеніе и палъ легендарный борецъ за свободу—казненный Шмидтъ...

Буря аплодисментовъ прерываетъ оратора.

— Въ то время,—продолжаетъ онъ,—одинъ изъ министровъ прислалъ намъ, священникамъ, циркуляръ и приказъ, чтобы мы не смѣли молиться за этого легендарнаго борца.

Я спрашиваю, почему этотъ министръ, этотъ молитвенникъ земли русской, г. Дурново, просмотрѣлъ коренную заповѣдь: «Не убій», и почему продолжаютъ казнить безъ всякаго милосердія. Вѣдь это издѣвательство надъ страной, вѣдь это презрѣніе ко всѣмъ человѣческимъ и божескимъ законамъ. Что же приходится сказать г. министрамъ. Въ первый разъ страна выразила имъ недовѣріе. Во второй единогласно сказала: «Уйдите въ отставку». Что же сказать имъ сейчасъ? Господь Богъ печатью Каина заклеймилъ братоубійцу! Скоро судъ Божій разразится надъ этими насильниками свободы и права!

Аудиторія застонала отъ грома аплодисментовъ.

Слова проситъ г. Аладьинъ.

— Намъ много говорили здѣсь о законности. Я, какъ народный представитель, принимаю это предложеніе, но буду говорить съ военнымъ министерствомъ о законности на языкѣ законности только тогда, когда министерство займетъ подобающее ему положеніе, т. е. очутится на скамьѣ подсудимыхъ.

Снова взрывъ аплодисментовъ.

Депутатъ Винаверъ вноситъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ.

«Выслушавъ сообщеніе военнаго министра и признавая, что оно явное нежеланіе удовлетворить требованія Государственной Думы прикрываетъ формальнымъ отводомъ, ссылаясь на то, что оно не въ правѣ вмѣшиваться въ распоряженія генералъ-губернатора по дѣламъ судебнымъ; что вопросъ объ исполненіи смертныхъ приговоровъ относится къ компетенціи не судебной, а административной власти; что въ этой области вмѣшательство центральной власти не только допустимо, но и необходимо; что такая необходимость повелительно указывалась въ настоящемъ случаѣ, какъ единогласнымъ рѣшеніемъ Думы, такъ и серьезностью положенія, которой упорно не желаетъ видѣть правительство,—Государственная Дума, выражая глубокое негодованіе по поводу содержанія и формы отвѣта военнаго министра, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Предложенная формула принята. Дума рѣшила выразить негодованіе.

Такъ шло crescendo. Сначала гробовое молчаніе въ отвѣтъ на рѣчи представителей власти, потомъ, по мѣрѣ того, какъ обрисовалась истинная физіономія и виды министерства, порицаніе, затѣмъ недовѣріе и, наконецъ, негодованіе.

И по мѣрѣ того, какъ исчерпывались эти термины, когда слова уже не производили ожидаемаго эффекта, чуялось, что борьба принимаетъ все болѣе и болѣе напряженный характеръ, и что приближается роковая развязка. Думскій термометръ сталъ быстро подниматься.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію преній, сопровождавшихъ разсмотрѣніе вопроса о смертной казни въ его послѣдней стадіи, остановимся на тѣхъ запросахъ, которые Думѣ приходилось принимать въ теченіе всей своей дѣятельности по поводу отдѣльныхъ смертныхъ приговоровъ.

Дума обсуждала и принимала эти запросы, хотя послѣ выступленія г.-л. Павлова она не вѣрила, что этими запросами удастся спасти кому-нибудь жизнь. Но она рѣшила, съ своей стороны, исполнить все, что было возможно. Но кому надлежало направлять эти запросы? Думѣ нѣсколько разъ приходилось надъ этимъ задумываться. Первый запросъ былъ направленъ къ предсѣдателю совѣта министровъ. Онъ отвѣтилъ, что переслалъ запросъ *по принадлежности*. Эта бюрократическая отписка по вопросу, касающемуся человѣческой жизни, конечно, возмутила Думу. Но что было дѣлать? Пришлось примириться съ фактомъ и обсудить вопросъ, какому же министру надо непосредственно направлять запросы. Юристы, высказавшіеся по этому вопросу, разошлись во мнѣніяхъ. Г. Винаверъ, какъ юристъ болѣе практическаго ума, предложилъ направлять запросы двумъ министрамъ: внутреннихъ дѣлъ и военному. Такъ, по его мнѣнію, крѣпче будетъ. Министры не сумѣютъ валить другъ на друга. Г. Кузьминъ-Караваевъ, опытный военный юристъ, возражалъ. Онъ доказывалъ, что хотя смертные приговоры утверждаются генералъ-губернаторами, состоящими въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, но они при утвержденіи смертныхъ приговоровъ дѣйствуютъ въ качествѣ командующихъ войсками. Поэтому г. Кузьминъ-Караваевъ полагалъ, что запросы надлежитъ направить только одному военному министру. Г. Кузьминъ-Караваевъ отмѣтилъ и другую сторону дѣла—обратиться въ данномъ случаѣ,

такъ сказать, не по адресу, къ министру внутреннихъ дѣлъ это уже значитъ становиться на путь просьбы, недостойный законодательнаго учрежденія.

Эта сторона дѣла была рѣзче подчеркнута г. Аладьинымъ. Онъ также находилъ, что запросы о смертной казни надо направлять только къ военному министру.

— Незачѣмъ разыскивать того министра, который хочетъ первымъ отправить на тотъ свѣтъ несчастныя жертвы. Желающихъ много. Роль убійцъ слишкомъ нравится гг. министрамъ. У нихъ одно желаніе — убивать.

Дума въ первый разъ согласилась съ этими доводами, отвергла предложеніе г. Винавера, и очередной запросъ былъ направленъ военному министру. Прошло нѣсколько дней, и военный министръ увѣдомилъ Думу, что адресованный ему запросъ онъ направилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, но въ тотъ же день командировалъ своего уполномоченнаго г. Павлова для отвѣта отъ имени военнаго министерства. Опытному юристу г. Кузьмину-Караваеву оставалось только руками развести по поводу этого «поразительнаго образчика юридическаго хаоса, въ которомъ мы живемъ». Дума послѣ этого стала посылать запросы двумъ министрамъ, но отъ этого «юридическій хаосъ» нисколько не уменьшился. Отвѣты или, точнѣе говоря, отзывы на запросы о смертныхъ приговорахъ поступали и отъ военнаго министра, и отъ министра юстиціи, и отъ предсѣдателя совѣта министровъ, только отъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго какъ разъ ждали отвѣтовъ, они не поступали. Г. Горемыкинъ на цѣлый рядъ запросовъ отвѣтилъ сразу, въ одномъ отзывѣ. Въ этихъ запросахъ упоминались имена свыше 30-ти приговоренныхъ къ смерти. И на всѣ запросы объ этихъ жертвахъ г. Горемыкинъ далъ отвѣтъ въ трехъ строкахъ. Онъ напомнилъ Думѣ, что вѣдь г. Павловъ уже разъяснилъ, что все дѣлается по закону, такъ о чемъ его спрашиваютъ?..

Г. Горемыкинъ былъ лакониченъ, но г. Набоковъ, которому было предоставлено слово, превзошелъ его въ лаконизмѣ.

— Отвѣты тождественны,—тождественно и негодованіе, которое испытываетъ Дума.

Аудиторія выразила свою солидарность съ ораторомъ громомъ аплодисментовъ.

Г. Жилкинъ, однако, счелъ нужнымъ остановиться дольше на вопросѣ.

— Что же, пусть гг. министры пишутъ свои отвѣты. Они только раскрываютъ глаза народу, они сами говорятъ: «Эти всѣ злодѣянія дѣлаются нами, и будутъ дѣлаться,—это наша система». И, конечно, они-то именно и ведутъ народъ къ революціи.

Г. Гредескулъ, не съ цѣлью сдѣлать какіе-либо выводы, а, такъ сказать, для памяти, привелъ случай суда надъ офицерами, сдавшими миноносецъ «Бѣдовый».

— Судили ихъ за преступленіе, за которое по закону полагается смертная казнь. И осудили по закону. Но отъ смертной казни перешли къ каторгѣ, а отъ каторги... ухитрились перейти къ простому увольненію, и даже безъ лишенія чиновъ! И все по закону. Вотъ она какая законность!

Дума даже и резолюціи никакой не приняла по поводу отвѣта г. Горемыкина. Къ чему тутъ было принимать резолюціи, какой въ нихъ былъ толкъ?

Сначала Дума подробнѣе останавливалась на обработкѣ редакціи вносимыхъ запросовъ, а потомъ, когда увидѣла, что дѣло сводится къ бюрократическимъ отпискамъ, перестала заниматься этимъ дѣломъ.

Г. Аладьинъ по поводу одного запроса указалъ, что люди, которыми руководитъ только чувство мести, всегда сумѣютъ обойти всякія формы, и что запросъ имѣетъ только тотъ смыслъ, что отвѣтственность за совершаемыя «легальныя убійства» переноситъ на головы тѣхъ, кто не захочетъ принять никакихъ мѣръ.

Дума согласилась съ такой точкой зрѣнія и принимала запросы одинъ за другимъ, почти безъ преній и безъ вѣры, что изъ этого что-либо выйдетъ.

Только одинъ запросъ на нѣкоторое время вернулъ Думѣ надежду, что удастся спасти жизнь хоть одному человѣку. Это былъ запросъ по поводу приговора къ смертной казни нѣкоего Паная. Этотъ юноша былъ приговоренъ военно-окружнымъ судомъ г. Варшавы къ каторжнымъ работамъ, но главный военный судъ въ порядкѣ исправленія приговора каторжныя работы замѣнилъ смертной казнью. Вѣсть объ этомъ была получена по телеграфу, и депутатъ Ледницкій явился иниціаторомъ срочнаго запроса, немедленно поставленнаго на обсужденіе Думы. По этому вопросу г. Кузьминъ-Караваевъ далъ рядъ цѣнныхъ юридическихъ указаній.

У насъ существуетъ три уголовныхъ кодекса: старое уложеніе о наказаніяхъ, новое уголовное уложеніе и воинскій уставъ.

Старое уложеніе не знаетъ смертной казни для несовершеннолѣтнихъ. Новое ее категорически воспрещаетъ, а что касается воинскаго устава, то въ немъ содержится прямое требованіе, что относительно несовершеннолѣтнихъ судъ обязанъ понизить наказаніе, по крайней мѣрѣ, на одну степень. Такимъ образомъ, и по воинскому уставу смертная казнь по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть примѣняема. Если смертная казнь, тѣмъ не менѣе, примѣняется, то это дѣлается,—по мнѣнію г. Кузьмина-Караваева,—вопреки ясному требованію закона и лишь на основаніи произвольнаго толкованія, допущеннаго главнымъ военнымъ судомъ.

Послѣ этихъ разъясненій компетентнаго юриста Дума надѣялась, что на этотъ разъ жизнь юноши будетъ спасена. Прошло нѣсколько дней, вѣсть о казни Паная, совершенной какъ разъ въ тотъ день, когда Дума приняла о немъ спѣшный запросъ, облетѣла всѣ газеты, и послѣ этого военное министерство предупредительно увѣдомило Думу, что запросъ о смертномъ приговорѣ надъ Панаемъ... препровожденъ къ предсѣдателю совѣта министровъ.

Дума даже не реагировала на этотъ «отвѣтъ», силъ не хватило, она слушала молча эти извѣщенія министровъ, «слагая ихъ въ сердцѣ своемъ».

Такъ дни шли за днями.

Истекъ мѣсячный срокъ, на соблюденіи котораго настояло министерство, заявивъ, что вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни слишкомъ сложенъ и что оно не готово къ его обсужденію. Дума, наконецъ, получила формальную возможность перейти къ одному изъ важнѣйшихъ актовъ своей дѣятельности.

Передъ ней первый законопроектъ, законопроектъ колоссальной важности.

Не записка, а законопроектъ, прошедшій всѣ предварительныя стадіи, выдержавшій всѣ сроки, установленные творцами нашей конституціи, и Дума съ волненіемъ, въ сознаніи важности наступающаго момента, приступаетъ къ работѣ. Это волненіе сказалось въ общемъ настроеніи отдѣльныхъ депутатскихъ группъ во время перерыва.

Къ моменту возобновленія засѣданія всѣ уже на мѣстахъ. А вотъ явились и «они»—официальные представители власти, чтобы сказать и свое слово въ историческій моментъ.

Мѣсяцъ тому назадъ они заявили, что они не готовы, что вопросъ о смертной казни слишкомъ сложенъ, что имъ нуженъ для подготовки большой срокъ. Министрамъ былъ данъ срокъ, установленный положеніемъ о Государственной Думѣ. И вотъ гг. министры явились послѣ мѣсячной подготовки, въ сопровожденіи своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Явились гг. Щегловитовъ, Шванебахъ, Кауфманъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Макаровъ, главный морской прокуроръ Матвѣевъ и... г. Павловъ. Появленіе послѣдняго рѣшило многое въ дальнѣйшей тактикѣ Думы. Аудиторія сразу насторожилась и приняла выжидательную позицію.

— Засѣданіе возобновляется,—объявляетъ предсѣдатель.—Слово принадлежитъ докладчику комиссіи.

На каѳедру всходитъ Кузьминъ-Караваевъ. Если подойти къ его рѣчи съ точки зрѣнія ораторскаго искусства и внѣшняго эффекта,—ее нельзя считать ни особенно сильною, ни особенно яркою. Но въ томъ-то и состоитъ достоинство этой рѣчи, что это была не филиппика противъ смертной казни, а, такъ сказать, объяснительная записка къ внесенному реальному законопроекту.

Ораторъ поставилъ своей цѣлью доказать, что внесенный законопроектъ продиктованъ не порывомъ чувства, не велѣніемъ сердца, а является рѣшеніемъ спокойной, разсудочной работы. На основаніи историческаго очерка института смертной казни ораторъ приходитъ къ выводу, что этотъ институтъ находится въ періодѣ вымиранія. Затѣмъ ораторъ переходитъ къ критикѣ доводовъ, выставляемыхъ защитниками смертной казни. Главнѣйшій изъ этихъ доводовъ—устрашительное дѣйствіе смертной казни, но въ наше время нѣтъ необходимости останавливаться на этомъ доводѣ.

— Несмотря на сплошныя казни,—восклицаетъ ораторъ,—развѣ преступленія прекратились, развѣ они сократились и хоть кто-нибудь устрашенъ?..

Смертная казнь является безнравственной, безсмысленной, ненужной,—и, тѣмъ не менѣе, смертная казнь примѣняется.

— Здѣсь-то мы и видимъ проявленіе чувствъ. Мы видимъ, что государство еще не свободно отъ этихъ импульсивныхъ побужденій.

Смертную казнь за политическія преступленія ораторъ находитъ совершенно недопустимою въ виду ея абсолютной безцѣльности, ибо нельзя, убивая людей, искоренить идеи. Тѣмъ не менѣе,

нигдѣ въ мірѣ, кромѣ развѣ Китая, смертная казнь не примѣняется въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, какъ у насъ.

Затѣмъ, послѣ подробнаго анализа статей воинскаго устава, ораторъ переходитъ къ выводамъ. Внесенный законопроектъ, состоящій изъ двухъ статей, изъ коихъ одна отмѣняетъ смертную казнь, а другая замѣняетъ ее слѣдующимъ по тяжести наказаніемъ, разсчитанъ на мирное время. Въ мирное время смертная казнь отмѣняется для всѣхъ, въ томъ числѣ и для военныхъ. Наконецъ, ораторъ ставитъ послѣдній вопросъ: является-ли въ настоящее время отмѣна смертной казни своевременною? Ораторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно: именно теперь и необходимо отмѣнить смертную казнь.

— Намъ говорятъ: сперва успокойтесь, а потомъ мы вамъ дадимъ реформы. Но вѣдь это абсурдъ. Вѣдь движеніе ведется во имя реформы, такъ какъ же можно сказать: вы не требуйте реформъ, забудьте о нихъ, перестаньте ихъ желать, тогда мы вамъ дадимъ ихъ. Мы переживаемъ революціонную эпоху. Исторія говоритъ намъ, что именно въ революціонный моментъ отмѣна смертной казни является своевременною.

Ораторъ напоминаетъ собранію 1789 годъ и тѣ казни, которыми омрачила себя французская революція. Онъ не хочетъ этихъ казней для своей родины.

Громъ аплодисментовъ покрываетъ слова г. Кузьмина-Караваева.

— Слово предоставляется г. министру юстиціи,—объявляетъ предсѣдатель.

Г. Щегловитовъ собираетъ разложенныя передъ нимъ бумаги и быстро всходитъ на каѳедру. Онъ приготовился, ему потребовался цѣлый мѣсяцъ для того, чтобы изготовить свой отвѣтъ. И онъ сообщилъ Думѣ... нѣсколько всѣмъ извѣстныхъ фактовъ изъ исторіи уголовнаго законодательства. Мы узнали, что въ Россіи за общія преступленія смертная казнь отмѣнена еще при Елисаветѣ Петровнѣ, что новое уголовное уложеніе не знаетъ смертной казни для несовершеннолѣтнихъ, что оно вообще допускаетъ замѣну смертной казни другими наказаніями. Это все, что г. министръ собралъ за мѣсяцъ по части исторіи вопроса. А вотъ и сужденіе по существу, для настоящаго времени. У насъ теперь,—видите-ли, «развелись соціалистическія ученія, а развитіе соціализма привело къ анархизму и замѣнѣ положительныхъ идеаловъ однимъ общимъ, разрушительнымъ идеаломъ».

Такимъ образомъ, формула для оправданія казней была г. министромъ найдена.

— Анархизмъ угрожаетъ всему человѣчеству,—говоритъ г. Щегловитовъ,—и наиболѣе чуткія законодательства считаютъ необходимымъ съ нимъ бороться.

Превративъ борцовъ за свободу въ анархистовъ, г. министръ юстиціи уже прямо съ умилительной легкостью доказалъ, что отмѣна смертной казни является совершенно несвоевременною. У него нашлась и пара примѣровъ изъ литературы по данному вопросу, и даже изъ законодательной практики Сѣверной Америки, гдѣ въ четырехъ штатахъ вновь введена смертная казнь. Послѣ такого краткаго обзора г. министръ переходитъ къ выводамъ:

Надо считаться съ переживаемыми нами условіями, уносящими въ могилу добросовѣстныхъ исполнителей служебнаго долга. Отмѣнить теперь смертную казнь—это все равно, что не защищать власть.

Собраніе все время слушало спокойно, но этотъ старый, затасканный доводъ, словно вырванный изъ статей «Московскихъ Вѣдомостей», заставилъ потерять терпѣніе.

— Довольно! Вонъ его!—раздаются протестующіе голоса.

Лѣвая поднимаетъ шумъ.

— Господа,—протестуетъ г. Муромцевъ,—въ наказѣ нѣтъ такого способа прекращенія преній. *(Смѣхъ и аплодисменты).*

Г. Щегловитовъ продолжаетъ. Онъ полагаетъ, что актъ объ амнистіи 22-го октября, когда неисполненные смертные приговоры были замѣнены каторгой, способствовалъ лишь увеличенію преступныхъ посягательствъ.

— Сами виноваты! Сами это вызвали!—раздаются голоса.

Г. Щегловитовъ продолжаетъ. Онъ цитируетъ извѣстнаго криминалиста Листа, который въ одномъ изъ своихъ сочиненій высказалъ сомнѣніе, можетъ-ли такое государство, какъ Россія, обойтись безъ смертной казни. Подводя итоги, г. Щегловитовъ заявляетъ, что отмѣна смертной казни является несвоевременной. Впрочемъ, только за политическія преступленія, а за общія преступленія смертная казнь примѣняться не должна, и г. министръ заявляетъ, что онъ готовъ согласиться на отмѣну смертной казни за преступленія... карантинныя.

Подъ шиканье г. Щегловитовъ покидаетъ каѳедру.

— Главный прокуроръ,—начинаетъ г. Муромцевъ...

Но едва аудиторія услышала слово «прокуроръ»,—поднимается страшный шумъ и крики:

— Долой! Мы не будемъ слушать!..

Но на каѳедру входитъ не г. Павловъ, а Матвѣевъ—главный военно-морской прокуроръ.

— Фамилія?.. Какъ его фамилія?—требуетъ лѣвая.

— Г. морской министръ прислалъ главнаго военно-морского прокурора г. Матвѣева,—начинаетъ пояснять г. Муромцевъ...

— А, это не Павловъ,—раздаются голоса, и аудиторія стихаетъ.

Г. Матвѣевъ отвѣшиваетъ низкій поклонъ и начинаетъ говорить тихимъ, едва слышнымъ голосомъ. Онъ пришелъ заявить, что, по мнѣнію г. морского министра, измѣненіе военно-морского устава не входитъ въ компетенцію Думы.

И это все. И на этотъ отвѣтъ тоже потребовался цѣлый мѣсяцъ.

Снова низкій поклонъ, и г. Матвѣевъ покидаетъ каѳедру.

— Г. главный военный прокуроръ, — произноситъ г. предсѣдатель.

И г. Павловъ дѣлаетъ попытку взойти на каѳедру.

Поднимается страшный шумъ.

— Вонъ! Палачъ! Убійца! Долой! — слышатся возгласы.

— Разбойникъ! Кровопійца! — прорѣзаютъ воздухъ голоса крестьянскихъ депутатовъ.

Г. Павловъ стоитъ съ лицомъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, и пытается начать рѣчь.

Шумъ переходитъ въ сплошные крики, въ какой-то вопль. Лѣвая половина залы—«трудовики» и часть «кадетовъ»—стоятъ. «Трудовики» стучатъ пюпитрами, бьютъ кулаками.

А этотъ человѣкъ стоитъ неподвижно. Улыбка, кривая улыбка, перекосила лицо...

Г. Муромцевъ прекращаетъ засѣданіе и самъ покидаетъ залу.

Только тогда г. Павловъ сходитъ съ каѳедры и занимаетъ мѣсто въ ложѣ министровъ.

Шумъ разростается. Всѣ уже встали со своихъ мѣстъ, и прямо въ лицо г. Павлова летятъ проклятія. Тогда онъ, наконецъ, понялъ, что пора уходить.

Онъ прошелъ мимо ложи журналистовъ на разстояніи нѣсколькихъ сантиметровъ. Онъ старался итти медленно, не озираясь, но дрожащія колѣна выдавали его волненіе. Очутившись въ кулуарахъ, онъ судорожно вынулъ папиросу и затянулся... Онъ остановился, но и здѣсь провожали его крики, и онъ медленно направился къ министерскому подъѣзду.

За нимъ послѣдовали гг. министры.

Аванзалъ гудѣлъ отъ шума голосовъ переполнившихъ его депутатовъ. Никто не зналъ, вернутся-ли министры, и въ группахъ шли споры о дальнѣйшей тактикѣ. «Трудовики» негодовали, «октябристы» старались ихъ успокоить. «Кадеты» удалились на верхъ и тамъ вели совѣщаніе.

— Мы должны его выслушать, по основнымъ законамъ...

— Нѣтъ такихъ законовъ! Обокрали насъ! Нѣтъ законовъ, чтобы людей рѣзать! — протестуетъ г. Лосевъ.

Графъ Гейденъ и кн. Волконскій усиленно агитируютъ, стараясь убѣдить въ необходимости выслушать г. Павлова. Но ихъ агитація не увѣнчалась успѣхомъ. Даже польское «коло», наиболѣе умѣренная группа, рѣшила не слушать г. Павлова и покинуть залъ при его появленіи. То же рѣшеніе приняли и другія группы.

Звонокъ предсѣдателя призываетъ всѣхъ въ залъ. Министерская ложа опустѣла. Въ ней остались только два товарища министра — гг. Макаровъ и Чаплинъ.

Слово предоставляется г. Макарову—товарищу министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ явился объяснить, что внесенный законопроектъ не имѣетъ прямого отношенія къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Къ нему имѣетъ прямое отношеніе положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, но съ отмѣной смертной казни ее нельзя будетъ примѣнять и въ этомъ порядкѣ. Что касается этого положенія вообще, то оно нуждается въ измѣненіяхъ, но объ этомъ рѣчь будетъ при разсмотрѣніи проекта о неприкосновенности личности.

Г. Макаровъ кончилъ. Ни протеста, ни шиканья. Депутатъ Аникинъ проситъ слова къ порядку дня.

— По поводу появленія господъ министровъ, которыхъ мы сію минуту, только сейчасъ выгнали *(смѣхъ и взрывъ апплодисментовъ)*, я долженъ объяснить, чѣмъ вызвано наше поведеніе. Оно объясняется чувствомъ охватившаго насъ негодованія. Сначала оно насъ сковало. Мы увидѣли проявленіе вопіющаго невѣжества, когда здѣсь министръ юстиціи смѣшивалъ соціалистовъ съ анархистами. *(Снова взрывъ апплодисментовъ)*. На этой священной каѳедрѣ,—продолжаетъ ораторъ, — не должны появляться люди, вся жизнь которыхъ—кровь и убійства. Мы пришли дѣлать мирное дѣло, и всякій видъ крови насъ возмущаетъ, и это мы показали. Пусть страна знаетъ, что мы не терпимъ крови. *(Аудиторія апплодируетъ)*.

Слова проситъ гр. Гейденъ. Онъ остается вѣрнымъ себѣ и находитъ, что во имя свободы слова необходимо было выслушать г. Павлова. Но противъ этого протестуетъ г. Винаверъ.

— Есть предѣлъ человѣческому терпѣнію. Вѣдь посылку г. Павлова нельзя иначе понять, какъ вызовъ, брошенный Государственной Думѣ.

Г. Винавера поддерживаетъ рядъ ораторовъ. Г. Аладьинъ отъ имени трудовой группы заявляетъ, что они будутъ слушать какого угодно уполномоченнаго военнаго министра, но только не г. Павлова.

— Г. Павловъ ни сегодня, ни завтра и никогда не будетъ имѣть возможности говорить съ этой каѳедры. Мы готовы дать слово людямъ, которые удовлетворяютъ хоть минимуму чести и порядочности. Г. Павловъ этому не удовлетворяетъ.

Г. Аладьина смѣняетъ г. Рамишвили, который заканчиваетъ свою краткую рѣчь словами: «Долой министровъ!» «Долой людоѣдовъ!»

Затѣмъ Дума принимаетъ рѣшеніе не прекращать засѣданія до принятія законопроекта и переходитъ къ продолженію общихъ сужденій.

Слово предоставляется г. Набокову. Онъ иронически выражаетъ сожалѣніе по поводу отсутствія г. министра юстиціи, поспѣшившаго покинуть залъ.

— Г. министръ заявилъ, что стоитъ за отмѣну смертной казни за преступленія карантинныя, и я хотѣлъ его спросить, когда былъ послѣдній случай смертнаго приговора за такое преступленіе и много-ли вообще было такихъ случаевъ за послѣднее полустолѣтіе? Но здѣсь я вижу г. товарища министра,—быть-можетъ, онъ отвѣтитъ?..

Ораторъ обращается къ министерской ложѣ и выдерживаетъ паузу.

— Отвѣта нѣтъ!..

Смѣхъ и аплодисменты.

Г. Набоковъ подвергаетъ отвѣтъ министерства безпощадной критикѣ.

— Вѣдь все дѣло въ принципіальной постановкѣ вопроса, а гг. министры отдѣлываются общими мѣстами и общими фразами. Г. министръ юстиціи выучился читать Листа... Я бы посовѣтывалъ ему прочесть послѣднюю рѣчь Листа, которую онъ произнесъ на митингѣ протеста по поводу бѣлостокскаго погрома, и вспомнить, что Листъ говорилъ по адресу нашего правительства.

Цитата, приведенная г. министромъ, дѣйствительно имѣется въ одномъ изъ сочиненій знаменитаго криминалиста, но это сочиненіе написано 25 лѣтъ тому назадъ, и тамъ Россія разсматривается, какъ восточная деспотія.

Затѣмъ ораторъ переходитъ къ критикѣ существующихъ научныхъ ученій, трактующихъ о смертной казни.

Оратора изумляетъ ссылка на Западную Европу, сдѣланная г. министромъ юстиціи.

— Тамъ, дѣйствительно, смертная казнь сохранилась, но за тягчайшія общія преступленія, а не за политическія. И я не понимаю ссылокъ на Западную Европу, когда говорятъ о подобномъ отношеніи къ политическимъ преступникамъ, когда предлагаютъ лишать жизни людей, которые со временемъ, при измѣнившихся условіяхъ, станутъ, быть-можетъ, вождями народа и которые являются иногда народными героями. *(Аплодисменты)*. Эта ссылка на Западную Европу—или недоразумѣніе, или что-нибудь еще хуже.

Ораторъ переходитъ къ критикѣ существующаго законодательства.

— Статья 99-я новаго уложенія угрожаетъ смертью не только за посягательство противъ Особы Государя, но даже за попытку ограничить Его верховную власть. Если бы примѣнить эту статью, то первымъ слѣдовало бы казнить того, кто первый поднесъ для подписи Государю манифестъ 17-го октября. Слѣдующая статья угрожаетъ смертью за покушеніе на Особъ Царствующаго Дома, но въ этихъ преступленіяхъ нѣтъ ничего политическаго, ибо эти особы смѣшиваются съ жизнью, и мотивы покушенія могутъ быть самые разнообразные.

Ораторъ переходитъ къ итогамъ и напоминаетъ собранію очень интересный фактъ: составители уголовнаго уложенія, которое писалось черезъ годъ послѣ 1-го марта 1881 года, выразили мысль о необходимости полной отмѣны смертной казни.

— А черезъ 25 лѣтъ русскіе министры заявляютъ, что они безъ смертной казни жить не могутъ.

Ораторъ кончаетъ свою рѣчь:

— Всѣ русскіе юристы высказывались противъ смертной казни, противъ нея высказались всѣ тѣ, которые принадлежали къ лучшему русскому обществу. За смертную казнь высказывались изданія типа «Московскихъ Вѣдомостей» и лица типа Грингмута. Теперь эти типы пріобрѣтаютъ себѣ достойныхъ сотоварищей. *(Шумные, долгіе аплодисменты)*.

Г. Набокова смѣняетъ г. Ледницкій и въ яркой рѣчи говоритъ о безконечномъ количествѣ жертвъ, погибшихъ за дѣло свободы, о легендарныхъ бойцахъ и герояхъ.

— Для чего они оставляютъ смертную казнь въ уголовныхъ законахъ? Для чего имъ нуженъ палачъ? Нуженъ для того, чтобы казнить идею, чтобы разстрѣлять идею, чтобы штыкомъ проколоть ее. Но министръ забылъ, что, разстрѣливая тѣхъ, которые шли во имя идеи на вѣрную смерть, ибо знали о смертной казни, онъ разстрѣливалъ русское правосудіе, разстрѣливалъ остатки довѣрія къ власти, къ тому авторитету, именемъ котораго государственная власть дѣйствуетъ.

Затѣмъ слово предоставляется г. Родичеву. Это была одна изъ самыхъ сильныхъ и яркихъ его рѣчей.

— Какими жалкими доводами защищаетъ себя смертная казнь! Вы слышали г. министра юстиціи. Министръ юстиціи, по-русски, значитъ—«служитель правосудія». А слышали-ли вы хоть одно слово о справедливости? Наши министры повторяютъ политику французскихъ террористовъ конца XVIII вѣка: какъ тѣ, они жестоки, какъ тѣ, они безумны, но съ тою разницею, что тѣ жертвовали своею жизнью и богатствомъ безкорыстно, а эти жертвуютъ чужія жизни и своею корыстью не поступаются. Кому нужны эти казни? Говорятъ, что онѣ нужны Монарху,—это значитъ оскорблять имя Монарха. Кого можетъ почтить перспектива пролитія крови? Короля людоѣдовъ, властителя зулусовъ?!. Зачѣмъ приносятся эти жертвы?!. Я съ ужасомъ часто перечитываю исторію царствованія послѣднихъ дней впавшаго въ безуміе Фридриха-Вильгельма IV. Этотъ король выискивалъ смертные приговоры и ихъ утверждалъ... Такъ отжившій режимъ, утратившій разумъ, трясется надъ смертными приговорами и хочетъ ими упиться.

Оглушительные аплодисменты прерываютъ оратора.

— Но вѣдь это отравленіе народной совѣсти, и понимаетъ-ли г. министръ юстиціи, какой развратъ вноситъ онъ въ души судей своими словами! Господа,—стономъ вырывается изъ груди оратора,—какимъ малымъ количествомъ совѣсти и какимъ малымъ количествомъ ума управляется наша страна. Вѣдь это національное униженіе, и мнѣ въ моемъ патріотическомъ чувствѣ нанесено оскорбленіе!

Подъ громъ всей, долго не смолкавшей, залы ораторъ покидаетъ каѳедру.

Слово предоставляется священнику Огневу. Онъ подходитъ къ вопросу съ точки зрѣнія священнослужителя. Смертная казнь противна христіанству.

— Если вы скажете противоположное сужденіе, то это—не мнѣніе церкви, а вѣдомства православнаго исповѣданія.

Ораторъ подтверждаетъ свою мысль текстами изъ священнаго писанія.

— Распятый Господь нашъ Іисусъ Христосъ—вѣчный символъ укора для всякаго правительства, дѣйствующаго путемъ насилій и мучающаго людей.

Оратора приводитъ въ ужасъ возможность ошибокъ человѣческаго суда, возможность казни людей, составляющихъ, быть-можетъ, славу и украшеніе человѣчества. Никакая власть на землѣ не имѣетъ права отнимать жизнь у человѣка! — заканчиваетъ ораторъ.

Вопросъ освѣщенъ настолько сильно и ярко, что цѣлый рядъ ораторовъ отказывается отъ своего слова. Затѣмъ законопроектъ ставится на баллотировку и принимается единогласно. По положенію о Государственной Думѣ, послѣ принятія Думой основныхъ положеній законопроекта, онъ для разработки передается соотвѣтствующему министру, и только въ случаѣ отказа послѣдняго можетъ быть сданъ въ думскую комиссію. Дума признала, что министры отказались выработать законопроектъ, и немедленно передала основныя положенія въ комиссію, но такъ какъ въ законѣ для работы комиссіи не установлено никакого срока, то Дума предоставляетъ комиссіи... *четверть часа.* Дума продѣлала всю формальную процедуру. Черезъ четверть часа комиссія вынесла свое заключеніе, повторяющее законопроектъ. Законопроектъ былъ поставленъ на вторичную баллотировку и принятъ единогласно.

Такимъ образомъ, 19-го іюня 1906 г. первый русскій парламентъ въ законодательномъ порядкѣ отмѣнилъ смертную казнь...

А спустя два мѣсяца почти повсемѣстно въ Россіи были... введены военно-полевые суды.

X.

Законопроектъ о гражданскомъ равноправіи.

Законопроекту о гражданскомъ равноправіи, приложенному къ запискѣ 150-ти депутатовъ, Государственная Дума посвятила нѣсколько засѣданій.

Пренія по этому вопросу были открыты г. Кокошкинымъ.

Онъ взялъ на себя задачу сдѣлать вступленіе къ внесенному законопроекту и отмѣтить его основныя положенія.

Предлагаемый законопроектъ во имя равенства и свободы требуетъ уничтоженія ограниченій въ трехъ областяхъ: для податныхъ сословій, для инородцевъ (въ частности для евреевъ) и для женщинъ.

Ораторъ не считаетъ нужнымъ останавливаться на сословныхъ различіяхъ.

Сословное начало было искусственно привито къ русской жизни и въ значительной степени заимствовано съ Запада въ тѣ времена, когда сословія на Западѣ начали разрушаться. Никогда сословное начало не прививалось прочно къ русской жизни. Реформы Александра II въ значительной степени подорвали эти начала и сгладили разницу между сословными группами. Впослѣдствіи, въ 80—90-хъ годахъ, была произведена реставрація этихъ принциповъ. Этой реставраціи, однако, не удалось совершенно стереть всѣ слѣды реформъ Александра II. Въ настоящее время это дѣло находится у насъ въ такомъ положеніи, которое обѣщаетъ облегчить законодательную работу.

Нѣсколько подробнѣе г. Кокошкинъ останавливается на неравенствѣ, созданнымъ нашимъ законодательствомъ на почвѣ національно-религіозной, на характеристикѣ этого «средне-вѣкового варварскаго пережитка» ограниченія правъ отдѣльныхъ національностей.

Ораторъ отмѣчаетъ ограниченія, созданныя для евреевъ, выросшія въ реальной жизни въ какое-то «огромное, грязное, кровавое пятно».—«Устраненіе этого пятна—наша историческая и нравственная обязанность»,—говоритъ Кокошкинъ.

Переходя къ равноправію женщинъ, ораторъ высказываетъ увѣренность, что Россія подготовлена къ этой реформѣ. Въ общемъ реформа о равноправіи, конечно, представляется очень обширной и сложной, затрогивающей почти всѣ отрасли нашего законодательства. Но эта реформа является не только актомъ справедливости, но и дѣломъ государственной важности.

— Вѣдь у насъ нѣтъ теперь гражданскихъ правъ, а есть только права состоянія, вѣдь у насъ нѣтъ націи въ политическомъ смыслѣ, вѣдь мы еще не народъ, въ смыслѣ юридическомъ.

— Гр. Гейденъ,—произноситъ предсѣдатель.

Появленіе на каѳедрѣ титулованнаго лидера «октябристовъ» по такому вопросу привлекаетъ вниманіе.

— На мою долю выпадаетъ всегда неблагодарная роль—входить на каѳедру послѣ аплодисментовъ по адресу предыдущаго оратора и ему возражать. Но я долженъ возражать.

Это заявленіе заставляетъ насторожиться.

— Г. Кокошкинъ ломится въ открытую дверь. По вопросу о равноправіи нѣтъ двухъ мнѣній. Равноправіе всѣхъ—азбучная истина, выдвинутая во всѣхъ программахъ. Гражданское неравенство —это дѣйствительно остатокъ старины, и съ нимъ нужно покончить.

Послѣ категоричныхъ и опредѣленныхъ заявленій гр. Гейденъ переходитъ къ разсмотрѣнію внесенной записки и подвергаетъ ее мелочной и придирчивой критикѣ. У него есть вѣрныя положенія, но онъ засоряетъ ихъ мелкими и довольно жалкими придирками. Его изумляетъ, что записка все только отмѣняетъ и ничего не создаетъ положительнаго. Старыя учрежденія отмѣняются, а на ихъ мѣсто не предлагается ничего новаго. Создается какое-то «безвоздушное пространство».

Отмѣчая недостатки записки и указывая на пропуски, ораторъ старается иллюстрировать свою мысль примѣрами, мелкими и очень неудачными.

— Вы отмѣняете дворянскія привилегіи, а вотъ дѣти придворныхъ пѣвчихъ, почтальоновъ, канцелярскихъ служителей тоже пользуются привилегіями,—надо и ихъ отмѣнить...

— А у крестьянъ развѣ нѣтъ привилегій?—совсѣмъ сбивается старый графъ.—Вотъ въ уголовномъ законѣ для нихъ установлены преимущества. За одно и то же преступленіе дворянина лишаютъ правъ, а крестьянина посадятъ подъ арестъ.

И графъ такимъ серьезнымъ тономъ говоритъ объ этомъ «privelegium odiosum», что аудиторія начинаетъ недоумѣвать.

— Потомъ крестьяне, напримѣръ, могутъ приписываться къ обществу и пріобрѣтать надѣлы, а дворяне лишены этой привилегіи...

Это заявленіе приводитъ аудиторію въ веселое настроеніе, и она разражается смѣхомъ.

— Да, вы вотъ смѣетесь, а я знаю одного дворянина, который выхлопоталъ Высочайшее разрѣшеніе на приписку къ крестьянскому обществу и на полученіе надѣла.

Бѣдные дворяне! Чѣмъ помянулъ старый графъ, когда пришлось заговорить объ отказѣ отъ привилегій. Далѣе, гр. Гейденъ, въ виду сложности законопроекта, рѣшительно высказывается противъ передачи его въ одну комиссію. По мнѣнію графа, допустить

такую передачу, значитъ, замѣнить Думу комиссіей, въ которой большинство будетъ диктовать законы меньшинству.

Рядъ ораторовъ возражаетъ графу Гейдену. Ксендзъ Трасунъ ограничивается двумя-тремя фразами.

— Я, какъ латышъ, представитель истерзаннаго крестьянскаго народа и какъ самъ я изъ крестьянъ, скажу о привилегіяхъ, что крестьяне и теперь бы охотно помѣнялись съ дворянами.

Безыскусственная простая рѣчь покрывается аплодисментами.

Даже г. Петражицкаго, этого сухого человѣка, который самъ такъ любитъ копаться въ деталяхъ и мелочахъ, изумляетъ критика гр. Гейдена.

— Нельзя же противопоставлять великимъ принципамъ пропускъ о какихъ-то мелочахъ и по этому поводу еще иронизировать. Вѣдь ограниченія въ равноправіи установлены путемъ изъятія, и въ этомъ отношеніи слово «отмѣнить» есть уже законъ. Вычеркнуть эти изъятія—уже великое дѣло.

Г. Петражицкаго поддерживаетъ г. Котляревскій. Онъ указываетъ на то, что внесенная записка не есть еще законопроектъ, онъ протестуетъ противъ заявленія гр. Гейдена о попираніи большинствомъ правъ меньшинства: до сихъ поръ никогда не замѣчалось посягательства на мнѣнія меньшинства.

Затѣмъ говоритъ г. Родичевъ.

— Господа, о чемъ споръ? О принципахъ? Нѣтъ. Вѣдь еще на ноябрьскомъ земскомъ съѣздѣ было выставлено требованіе равноправія, и его однимъ изъ первыхъ подписалъ гр. Гейденъ. Такъ не будемъ же забывать, что передъ нами задача великой важности и что у насъ нѣтъ времени на казуистическія препирательства. Господа, намъ необходимо равноправіе! Вѣдь мы еще не нація, вѣдь у насъ до сихъ поръ нѣтъ отечества!

Слово вновь предоставляется г. Кокошкину.

Онъ удачно парируетъ ударъ, направленный гр. Гейденомъ. При всемъ своемъ пессимистическомъ отношеніи къ русскому законодательству, онъ все же не думаетъ, что если отмѣнить ограниченія, чтобы такъ-таки ничего не осталось и образовалось «безвоздушное пространство».

— Въ безвоздушномъ пространствѣ дышать нельзя, а мы думаемъ, что если выбросить весь этотъ законодательный мусоръ, то дышать станетъ легче въ воздухѣ, наполненномъ здоровымъ кислородомъ.

Отвѣтная реплика была предоставлена гр. Гейдену только въ слѣдующемъ засѣданіи.

Онъ желаетъ отвѣтить своимъ оппонентамъ. Съ какой-то стариковской настойчивостью онъ возвращается къ крестьянскимъ привилегіямъ.

Напрасно надъ его заявленіями смѣются. Онъ вотъ подумалъ и еще нашелъ важную привилегію у крестьянъ, которой лишены дворяне, это—право собираться на сельскіе сходы.

— У насъ, такъ-называемаго высшаго сословія, нѣтъ этого элементарнаго права, и я лично ему завидую.

Въ аудиторіи смѣхъ.

Старый графъ такъ настойчиво говоритъ о крестьянскихъ привилегіяхъ, что это становится прямо забавнымъ. Далѣе графъ опять начинаетъ повторять то, что онъ говорилъ наканунѣ. Онъ за самое широкое равноправіе, за уравненіе сословій и національностей.

— Нельзя, конечно, допустить, чтобы евреи оставались паріями и какими-то отщепенцами.

Но все же гр. Гейденъ настаиваетъ на необходимости ряда отдѣльныхъ законопроектовъ и на невозможности передачи внесеннаго законопроекта въ одну комиссію.

Послѣ гр. Гейдена слова проситъ одинъ изъ депутатовъ-мусульманъ, почтенной внѣшности старикъ въ кафтанѣ и тюбютейкѣ. Онъ тоже требуетъ равноправія, но не для мусульманъ вообще, а для мусульманскаго духовенства, представители котораго въ послѣднюю войну призывались на дѣйствительную службу.

Затѣмъ говорятъ представители «трудовой» группы гг. Локоть и Болдыревъ. Они стоятъ за вотированіе общихъ принциповъ и за немедленную передачу въ одну комиссію.

Эту мысль, въ извѣстной степени, поддерживаетъ одинъ изъ авторовъ внесенной записки—г. Винаверъ. Онъ напоминаетъ гр. Гейдену одну изъ славныхъ страницъ русской исторіи, когда создавался одинъ изъ величайшихъ памятниковъ законодательнаго творчества—судебные уставы. Тогда тоже комитетъ приступилъ къ работѣ лишь только были намѣчены общія основныя начала предполагаемой реформы.

— Къ великому моменту надо подходить съ великой рѣшительностью, и мы теперь не станемъ тратить время на детали.

Г. Винавера смѣняетъ кн. Волконскій. Онъ проситъ слова, чтобы поддержать гр. Гейдена, но поддержка оказалась плохою.

Нельзя передавать вопросовъ въ комиссію, потому что этотъ вопросъ для него еще не ясенъ,—такова основная мысль кн. Волконскаго.

— Вотъ, напримѣръ, еврейскій вопросъ. Этотъ вопросъ, если не ошибаюсь, даже на Западѣ еще нигдѣ не рѣшенъ окончательно...

Аудиторія отвѣчаетъ молчаніемъ на эти заявленія.

Затѣмъ слово предоставляется проф. Петражицкому.

Его рѣчь посвящена вопросу о равноправіи женщинъ.

Ораторъ подходитъ къ разрѣшенію вопроса съ высокой точки зрѣнія политическаго мыслителя.

Въ предоставленіи женщинамъ политическихъ правъ и въ возложеніи на нихъ политическихъ обязанностей и отвѣтственности ораторъ видитъ могучее средство насажденія общественности, въ высокомъ смыслѣ слова, средство заставить людей отрѣшиться отъ эгоистической узкости интересовъ и поднять ихъ на болѣе высокую ступень общественной точки зрѣнія, радѣнія къ общему благу.

— Насъ не должно смущать то,—говоритъ г. Петражицкій,— что матери будутъ интересоваться политикой; напротивъ, именно важно, чтобы матери сами интересовались общественными дѣлами и могли внушить такіе же интересы дѣтямъ. Дѣти такихъ матерей, которыя съ энтузіазмомъ будутъ относиться къ общественнымъ идеямъ и задачамъ, впитаютъ въ себя общественную культуру, будутъ выдающимися работниками на почвѣ общаго блага. Интересы общаго блага и культуры требуютъ отъ насъ, чтобы мы предоставили женщинамъ политическія, т.-е. общественныя права и обязанности.

Послѣ г. Петражицаго слово предоставляется И. Петруневичу.

Онъ не гонится за внѣшнимъ эффектомъ, не заботится объ обработкѣ фразы, говоритъ просто и искренно Онъ останавливаетъ вниманіе аудиторіи на сопоставленіи внесеннаго вопроса о равноправіи—съ появившимся въ то время въ газетахъ адресомъ представителей русскаго дворянства.

— Въ этомъ адресѣ умирающее, отживающее сословіе костенѣющими руками своими хватается за тронъ и кричитъ, что оно опять расцвѣтетъ и дастъ снова тѣ цвѣты, которые теперь сорваны бурей. Если бы этотъ противникъ былъ уже побѣжденъ, былъ бы уже безсиленъ, то, конечно, Дума могла бы пройти мимо такого адреса, но противникъ еще не сраженъ, онъ еще обладаетъ

достаточной силой, и я былъ радъ, что именно въ этотъ день Дума могла реагировать на этотъ фактъ.

Ораторъ продолжаетъ.

— Мы должны остановиться съ особымъ вниманіемъ на вопросѣ о равноправіи потому, что видимъ въ немъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ источниковъ бѣдствій, переживаемыхъ всей Россіей. Вся Россія выросла на началѣ неравноправія, на немъ построены всѣ ея учрежденія, на немъ зиждутся почти всѣ переживаемыя ею бѣдствія. Нѣкоторыя лица заявляютъ, что въ настоящее время неравенство и сословность почти исчезли,—нѣтъ, не исчезли, они усилились и руководятъ дѣйствіями всѣхъ учрежденій и лицъ. Законами ограничены тѣ или иныя сословія, но жизнь, воспитанная на этихъ законахъ, еще болѣе создала препятствій, создавая фактическое неравноправіе, еще болѣе тяжелое, чѣмъ то, которое существуетъ въ законѣ. Намъ говорятъ, что если коснемся этого зла, придется коснуться привилегій, о которыхъ не думали составители записки, нанести обиду придется крестьянамъ, имѣющимъ рядъ привилегій. Гр. Гейденъ ограничивается двумя привилегіями крестьянъ, но если стать на его точку зрѣнія, то этихъ привилегій можно считать гораздо больше. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» одинъ публицистъ напечаталъ цѣлый рядъ крестьянскихъ привилегій. Если посмотрѣть на число этихъ привилегій, то можно подумать, что крестьяне—самое привилегированное сословіе. Но стоитъ всмотрѣться въ эти привилегіи, чтобы увидѣть, что въ нихъ заключается презрѣніе къ крестьянамъ, и этимъ презрѣніемъ и руководился законодатель, давая привилегіи. Говорятъ, что за нѣкоторыя преступленія крестьянъ наказываютъ мягче, чѣмъ другія сословія, но вѣдь мягкость наказанія обусловлена презрѣніемъ къ крестьянскому сословію. Украдетъ дворянинъ,— съ него, какъ съ развитого человѣка, надо взыскать строго; украдетъ крестьянинъ,—вѣдь онъ—существо низшее, непонимающее нравственныхъ началъ, его можно наказать какъ-нибудь. Вѣдь его поступки серьезнаго значенія не имѣютъ. Я увѣренъ, что крестьяне охотно откажутся отъ такихъ привилегій. Укажу еще одну привилегію. Много лѣтъ подъ-рядъ извѣстный публицистъ кн. Мещерскій, доказывалъ, что крестьяне имѣютъ серьезную привилегію,—только ихъ однихъ сѣкутъ. Я не шучу, эта мысль проповѣдывалась серьезно. Доказательства исходили изъ того положенія, что всѣ другія наказанія поражаютъ интересы не только преступника, но и близкихъ къ нему лицъ. Тюрьма, штрафы, все это

тяжело отражается на семьѣ преступника, но порка касается его одного. Вотъ какія бываютъ привилегіи... Мы рѣшительно желаемъ порвать со всѣми привилегіями. Намъ незачѣмъ провозглашать здѣсь декларацію, но мы можемъ сказать, что должно быть уничтожено все, что составляетъ право одного и не свойственно другому. Провозглашеніе этого принципа—не только наше право, нѣтъ, провозглашая его, мы можемъ создать новое положеніе, на основахъ котораго можетъ быть построена будущность Россіи. Мы должны сказать: въ Россіи нѣтъ дворянъ, крестьянъ, нѣтъ никакихъ другихъ сословій, а есть граждане.

Громъ аплодисментовъ покрываетъ слова оратора.

Ораторъ переходитъ къ еврейскому вопросу.

— Вамъ говорятъ, что еврейскій вопросъ не ясенъ, что онъ не рѣшенъ за границей, но за границей нѣтъ этого проклятаго вопроса. Мы видимъ, что творится. Бѣлостокъ, быть-можетъ, только начало. Здѣсь говорили о зачеркиваніи, о красныхъ чернилахъ. Мы должны помнить, что эти кровавыя чернила могутъ вычеркнуть всю нашу конституцію.

Подъ громъ аплодисментовъ ораторъ покидаетъ каѳедру.

Его смѣняетъ г. Кругликовъ. Это безпартійный крестьянинъ, человѣкъ самостоятельный и прямолинейный.

— Чтобы бабамъ права давать—мы не согласны. Нешто бабъ берутъ въ солдаты, нешто онѣ равны? Господь Богъ создалъ Адама, а Еву ему въ помощницы далъ, а апостолъ Павелъ говоритъ: «Жена да убоится своего мужа».

Смѣхъ.

Отецъ Концевичъ и рядомъ съ нимъ Яковъ Ильинъ, возсѣдающіе на крайнихъ правыхъ скамьяхъ, такъ и сіяютъ и усердно аплодируютъ.

— И земли имъ нельзя дать,—добирается черноземный человѣкъ до «сути», потому,—гдѣ ее взять, землю-то? Ежели всѣмъ права давать, такъ и православной вѣрѣ придется погибать! Не согласны мы женскому полу права давать! Себѣ еще правъ не достали, а раздавать стали.

Самъ не замѣчая, онъ риѳмуетъ окончанія фразъ, говоритъ съ большимъ воодушевленіемъ и ломится напрямикъ.

Его смѣняетъ Родичевъ.

Онъ напоминаетъ аудиторіи объ исполнившейся въ этотъ день знаменательной годовщинѣ, когда покойному князю С. Н. Трубецкому удалось выразить передъ верховной властью надежды, чаянія и вѣру русскаго народа.

— У меня еще звенитъ въ ушахъ этотъ голосъ, передъ которымъ должны были раскрыться самыя сухія сердца: «Вы не Царь дворянъ, не Царь крестьянъ, а Царь всея Руси». Не должно быть обездоленныхъ. Каждый гражданинъ долженъ имѣть право называть Россію своимъ отечествомъ... Мы создадимъ лучшій памятникъ, если немедленно примемъ основныя положенія и перейдемъ къ ихъ осуществленію. Мы положимъ начало новой Россіи, гдѣ всѣ равны и гдѣ всѣ перегородки—сословныя и національныя—сняты и унесены навсегда.

Слово предоставляется г. Карѣеву. Онъ также высказывается за необходимость вотированія общихъ принциповъ.

Его смѣняетъ Розенбаумъ. Онъ отъ имени еврейства возражаетъ гр. Гейдену, и, главнымъ образомъ, кн. Волконскому. Рисуя безправное положеніе еврейской націи, онъ говоритъ, что вопросъ слишкомъ ясенъ, и высказываетъ мысль, что еврейскій вопросъ является по преимуществу вопросомъ русскимъ.

Отмѣтимъ еще рѣчь ксендза Трасуна. Онъ просилъ слова, чтобы отвѣтить гр. Гейдену. Онъ и не думалъ смѣяться надъ графомъ. Онъ слишкомъ серьезно относится къ обсуждаемому вопросу, чтобы позволить себѣ насмѣшку. Но его изумляютъ заявленія гр. Гейдена. Вотъ графъ вспоминаетъ о новой привилегіи крестьянъ—собираться на сельскіе сходы, а совершенно забываетъ, что приговоры этихъ сходовъ подлежатъ утвержденію тѣхъ же дворянъ.

Въ послѣднемъ засѣданіи, посвященномъ обсужденію внесеннаго законопроекта, пренія шли тѣмъ же темпомъ, безъ принципіальныхъ возраженій, а съ замѣчаніями формальнаго характера.

Отмѣтимъ рѣчь Аладьина. Это была одна изъ наименѣе удачныхъ рѣчей лидера «трудовиковъ», но въ видѣ иллюстраціи къ своей мысли о необходимости уничтоженія административной юрисдикціи, онъ сообщилъ интересный фактъ.

— Нѣсколько дней тому назадъ,—говоритъ онъ,—сюда являлся одинъ генералъ-лейтенантъ. Ихъ превосходительству угодно было спросить относительно меня у курьера, гдѣ сидитъ этотъ... Я не доскажу. И, поглядывая на люстру, ихъ превосходительству угодно было добавить: «А хорошо бы на этой люстрѣ подвѣсить нѣсколько «трудовиковъ».

Предсѣдатель безпокойно наклоняется къ оратору.

— Позвольте...

— Это фактъ, это было при свидѣтеляхъ,—заявляетъ ораторъ.— Я оскорбленъ. Никому другому я бы не позволилъ говорить со мной на языкѣ сапожника, и привлекъ бы его къ отвѣтственности. Но, чтобы привлечь къ суду генералъ-лейтенанта, мнѣ необходимо разрѣшеніе военнаго министра.

Ораторъ переходитъ къ существу вопроса.

— Здѣсь у насъ есть два наиболѣе уважаемыхъ сословія, потомственное почетное... крестьянство и городскіе рабочіе. Мы отказываемся отъ своихъ сословныхъ привилегій.

Ораторъ призываетъ и дворянъ отказаться отъ своихъ привилегій, заявляя, что жалѣть имъ не придется.

Аладьину отвѣчаетъ гр. Гейденъ.

По поводу примѣра, приведеннаго г. Аладьинымъ, онъ заявляетъ, что генералъ дѣйствительно сдѣлалъ большую глупость, но никто не мѣшаетъ привлечь его къ отвѣту у мирового судьи, ибо въ данномъ случаѣ онъ дѣйствовалъ, какъ частное лицо.

Что касается призыва отказаться отъ дворянскихъ привилегій, то, по заявленію стараго графа, не отъ чего отказываться.

Онѣ растаяли уже, эти дворянскія привилегіи. Ничего реальнаго отъ нихъ не осталось, и прошлое только гипнотизируетъ другія сословія.

Только чувство стыдливости не позволяетъ отказаться отъ какихъ-то пустяковъ. Вѣдь какъ-то даже неловко принести на алтарь отечества право... быть земскимъ начальникомъ.

Передовое дворянство опирается не на привилегіи, а на свое личное достоинство.

— Напрасно на меня нападаютъ,—продолжаетъ графъ,—что я сижу справа. Не въ томъ дѣло, гдѣ я сижу, а въ томъ, что говорю. Я думаю, не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто. Меня сравнивали съ старцами Государственнаго Совѣта—съ этимъ я согласенъ, но только наполовину. Пожалуй, я могу быть причисленъ къ старцамъ (*смѣхъ*), но вотъ меня косвенно сравнивали съ дѣятелями «Московскихъ Вѣдомостей» и «Гражданина», такъ тутъ я даже наполовину сходства не нашелъ.

Добродушный смѣхъ прерываетъ оратора.

Въ заключеніе графъ возвращается къ своей мысли о скороспѣлости внесеннаго законопроекта.

Слово предоставляется г. Левину.

Онъ отвѣчаетъ гр. Гейдену и кн. Волконскому отъ имени еврейства. Рисуя безправное положеніе евреевъ, онъ приводитъ

очень удачный примѣръ юридическаго хаоса, въ которомъ мы живемъ.

Онъ, какъ еврей, не имѣетъ даже права жительства въ Петербургѣ и можетъ быть высланъ въ 24 часа, и онъ же, какъ депутатъ, принимаетъ участіе въ созданіи законовъ для русскаго народа.

Примѣръ, дѣйствительно, какъ нельзя болѣе яркій и мѣткій.

Г. Левина смѣняютъ одинъ за однимъ представители мусульманъ, которые говорятъ объ ограниченіяхъ, существующихъ для ихъ единовѣрцевъ.

Пренія по внесенному законопроекту заканчиваетъ г. Кокошкинъ. Когда Дума приступила къ обсужденію законопроекта о равноправіи, онъ взялъ на себя задачу ввести аудиторію въ кругъ разсматриваемаго вопроса. На его же долю выпало резюмировать возраженія, сдѣланныя длиннымъ рядомъ ораторовъ.

Разбирая всѣ доводы, выставленные противъ внесеннаго проекта, г. Кокошкинъ приходитъ къ выводу, что указанныя критиками законопроекта затрудненія отнюдь не принципіальнаго, а техническаго характера.

Ораторъ остается при своей мысли, что гражданское равноправіе — цѣльный недѣлимый институтъ, и потому разсмотрѣніе всѣхъ законовъ, относящихся къ этой области, должно быть возложено на одну комиссію.

Общія пренія по законопроекту о равноправіи закончены.

Пренія эти въ общемъ не имѣли остраго и очень оживленнаго характера.

Идея гражданскаго равноправія, развѣ за самыми рѣдкими исключеніями, такъ глубоко проникла въ умы народныхъ представителей, что трудно было и ожидать какихъ-нибудь принципіальныхъ возраженій.

Вотъ только относительно одной части вопроса, равноправія женщинъ, дѣло обстояло не такъ просто.

Большинство крестьянъ не считало нужнымъ вовсе высказываться по этому вопросу.

Въ кулуарахъ, правда, они охотно высказывали свои сужденія.

Были между ними такіе, для которыхъ женское равноправіе не составляло никакого вопроса. Они чрезвычайно просто подходили къ разрѣшенію этого большого вопроса.

Жена—помощница, жена—мать, жена—работница, и она должна пользоваться равными правами.

Но такихъ было немного.

Большинство же крестьянскихъ депутатовъ считали вопросъ о женскомъ равноправіи не то что спорнымъ, а какъ бы недостаточно серьезнымъ и преждевременнымъ.

— Дайте права сначала мужику, а тамъ посмотримъ, годовъ черезъ пять, али десять: къ лучшему будемъ, и женщинамъ права предоставить можно.

Такъ резюмировалъ одинъ изъ депутатовъ мнѣніе своихъ товарищей-крестьянъ.

Вообще говоря, судя по характеру преній и по тому мѣсту, которое было отведено вопросу о женскомъ равноправіи, могло казаться, что большинство Думы не склонно останавливаться на радикальномъ разрѣшеніи этого вопроса, хотя въ защиту женскаго равноправія раздавались горячія рѣчи.

Такъ въ самыхъ общихъ чертахъ можно охарактеризовать пренія по этому законопроекту.

Мысль объ образованіи одной общей комиссіи для разработки всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ институтомъ гражданскаго равноправія, была принята Думой.

На этомъ вопросъ оборвался: внезапный роспускъ Думы похоронилъ этотъ законопроектъ.

XI.

Вопросъ о погромахъ. Выступленіе министерства. Бѣлостокъ.

Кто устраивалъ погромы, кто организовалъ эти страшныя побоища, эти кровавыя бани, которыя покрыли позоромъ Россію и заставили содрогнуться отъ ужаса весь цивилизованный міръ?

Много и усердно поработала Дума надъ разрѣшеніемъ этого страшнаго вопроса въ глубокомъ сознаніи, что погромы въ Россіи это не случайныя вспышки, а глубокая ужасная язва.

Еще почти въ самомъ началѣ своей дѣятельности Дума приняла запросъ, касавшійся фактовъ, оглашенныхъ въ печати, относительно дѣйствій департамента полиціи, который въ особой типографіи печаталъ возмутительныя воззванія, призывающія къ избіенію инородцевъ и интеллигенціи.

Запросъ былъ выраженъ въ такой формѣ: «Извѣстны-ли министру внутреннихъ дѣлъ приведенные факты, какія мѣры приняты имъ къ предотвращенію таковыхъ и извѣстно-ли министру, что администрація переполнила тюрьмы заключенными и содер-

жить ихъ свыше опредѣленнаго срока безъ предъявленія какого бы то ни было обвиненія». Въ связи съ этимъ запросомъ находились другіе—о погромахъ въ Вологдѣ, Царицынѣ и Калязинѣ.

Отвѣчая на эти запросы, г. Столыпинъ впервые выступилъ передъ Думой. Это былъ его первый отвѣтъ. До этого дебюта г. министръ внутреннихъ дѣлъ не выступалъ передъ Думой ни съ какими заявленіями, словно во внутреннихъ дѣлахъ все обстояло благополучно.

На каѳедрѣ появляется высокая фигура человѣка сравнительно еще молодого, съ энергичнымъ лицомъ, коротко, «подъ машинку», выстриженной головой и черной, какъ смоль, бородой. Г. Столыпинъ рѣзко выдѣляется среди своихъ плѣшивыхъ и сѣдовласыхъ коллегъ.

Онъ начинаетъ говорить быстро, видимо, волнуясь.

— На предъявленный мнѣ 12-го мая запросъ я не могъ отвѣтить Государственной Думѣ раньше, такъ какъ счелъ необходимымъ отправить въ нѣкоторые города, гдѣ были безпорядки, особо уполномоченныхъ мною лицъ для провѣрки происшедшаго. Теперь нужныя свѣдѣнія получены, и я могу дать подробныя объясненія, но я желалъ бы сначала совершенно ясно и опредѣленно поставить тѣ вопросы, которые, очевидно, интересуютъ Государственную Думу. Вникнувъ въ запросъ и расчленивъ его, я нахожу, что онъ заключаетъ три предмета: 1) обвиненіе противъ дѣятельности департамента полиціи, 2) заявленіе, что безпорядки, происходившіе въ Царицынѣ, Вологдѣ и другихъ мѣстахъ, обусловлены, вѣроятно, проявленіями этой дѣятельности, и 3) какъ министерство относится къ дѣятельности нѣкоторыхъ чиновъ департамента полиціи, и какія мѣры оно намѣрено принять для устраненія этой агитаціи. По моему мнѣнію, согласно ст. 58-й учрежд. Государственной Думы, министерство должно отвѣчать лишь на запросы, касающіеся незакономѣрныхъ дѣйствій, возникшихъ послѣ 27-го апрѣля. Я дѣлаю эту оговорку потому, что если смотрѣть на дѣло иначе, то пришлось бы отвѣчать на такую массу запросовъ, что на это не хватило бы никакихъ силъ. Но въ данномъ случаѣ я рѣшилъ отвѣтить на запросъ во всѣхъ частяхъ. Главный интересъ, мнѣ кажется, лежитъ въ этомъ запросѣ не въ обвиненіи должностныхъ лицъ,— отдѣльныя лица всегда могутъ быть виновны, — обвиненіе тутъ касается всего департамента полиціи, на него взводится обвиненіе въ возбужденіи одной части населенія противъ другой, послѣдствіемъ чего были массовыя убійства мирныхъ гражданъ.

Я нахожу, что новому министру необходимо разобраться въ этомъ дѣлѣ и важно всесторонне выяснить всѣ его обстоятельства, чтобы уяснить степень пригодности для службы не отдѣльныхъ только лицъ, но и удовлетворительность исполненія своихъ обязанностей цѣлымъ учрежденіемъ. Я скажу теперь вкратцѣ о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ департамента полиціи и его чиновъ. Я буду говорить безъ недомолвокъ и совершенно правдиво все, что мнѣ извѣстно. Суть рапорта чиновника особыхъ порученій Макарова заключается въ слѣдующемъ: департаментъ полиціи обвиняется въ оборудованіи преступной типографіи и въ распространеніи воззваній, возбуждающихъ одну часть населенія противъ другой, въ участіи ротмистра Будаговскаго въ распространеніи прокламацій такого же характера и въ бездѣятельности властей департамента, не принявшихъ своевременно мѣръ къ прекращенію преступныхъ дѣяній. При тщательномъ разслѣдованіи оказалось слѣдующее: въ désinѣ декабря жандармскій офицеръ отпечаталъ на конфискованной по одному политическому дѣлу машинкѣ воззваніе къ солдатамъ, призывающее солдатъ свято исполнить свой долгъ при столкновеніяхъ съ мятежниками. Это воззваніе было послано въ Вильну въ количествѣ 200—300 экземпляровъ. Кромѣ того, былъ сдѣланъ наборъ другого воззванія къ избирателямъ Государственной Думы. Но въ это время начальству его стало извѣстно объ этомъ дѣяніи, и оно указало на всю несовмѣстимость его политической агитаціи съ его служебнымъ положеніемъ и потребовало прекращенія этой дѣятельности; ему было внушено, что оставленіе на службѣ при продолженіи такой дѣятельности невозможно. Наборъ воззваній къ избирателямъ былъ уничтоженъ, и въ Вильну была послана телеграмма объ уничтоженіи экземпляровъ воззванія къ солдатамъ. Что касается дѣйствій ротмистра Будаговскаго, то выяснилось, что на почвѣ борьбы съ декабрьскимъ возстаніемъ у него установились отношенія къ организаціи, которая именовалась александровскимъ союзомъ 17-го октября и александровской боевой дружиной, при чемъ Будаговскій употреблялъ свое вліяніе на распространеніе воззваній этихъ организацій среди населенія. Будаговскій для объясненія своихъ дѣйствій былъ вызываемъ въ Петербургъ, и ему сдѣлано было строгое внушеніе. Что же касается самаго департамента полиціи, то онъ обвиняется въ организаціи этихъ дѣйствій, затѣмъ, точно такъ же, въ бездѣйствіи. Долженъ сказать, что хотя ротмистру Будаговскому не было сдѣлано своевременнаго распоряженія, но такое

промедленіе слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что эти донесенія были получены между 3-мъ и 10-мъ декабря, то-есть въ разгаръ московскаго возстанія; въ то время завѣдующій политической частью Рачковскій находился въ Москвѣ, а затѣмъ послѣ 14-го декабря былъ освобожденъ отъ завѣдыванія политическою частью.

Повторяю, ротмистръ Будаговскій былъ вызванъ въ Петербургъ и ему было сдѣлано соотвѣтствующее внушеніе. Я долженъ сказать, что всегда, какъ только достигали слухи о готовящихся безпорядкахъ, немедленно посылались распоряженія и приказанія о прекращеніи. Мнѣ кажется, что нѣкоторыя основанія неправильныхъ дѣйствій вышеназванныхъ жандармскихъ офицеровъ слѣдуетъ почерпнуть въ воспоминаніи о тѣхъ ужасныхъ событіяхъ, которыя переживала Россія минувшей осенью и зимой. Въ частности, относительно ротмистра Будаговскаго надо имѣть въ виду обстановку, при которой ему приходилось дѣйствовать. Не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго числа войскъ, видя захватъ желѣзнодорожной станціи мятежной толпой, захватъ земскаго начальника, онъ рѣшилъ, опираясь на сочувствующія ему общественныя группы, подавить безпорядки, за что и получилъ Высочайшую награду, а никакъ не за агитацію, о которой не было извѣстно. Изъ всего вышеизложеннаго видно, что департаментъ полиціи не оборудовывалъ преступной типографіи, что послѣдствіемъ его дѣйствій не было массы убійствъ невинныхъ людей, но несомнѣнно, что отдѣльные члены корпуса жандармовъ позволили себѣ вполнѣ самостоятельныя дѣйствія, вмѣшавшись въ политическую агитацію и въ политическую борьбу. Если эти дѣйствія неправильны, министерство обязывается принять самыя энергичныя мѣры, чтобы подобное не повторялось. Я смѣю ручаться, что повторенія не будутъ.

Г. Столыпинъ переходитъ ко второй части своей рѣчи, къ погромамъ въ Вологдѣ, Царицынѣ и Калязинѣ.

Переходя къ погрому въ Вологдѣ, г. Столыпинъ заявляетъ, что «трудно даже себѣ представить, какъ возможно обвинять въ этомъ погромѣ мѣстную администрацію».

— Погромъ возникъ вслѣдствіе насильственнаго закрытія лавокъ массой демонстрантовъ. Погрома не удалось прекратить своевременно благодаря малочисленности мѣстной полиціи и опозданію вызванныхъ войскъ. Если командовавшій стражниками ротмистръ Пышкинъ не стрѣлялъ въ толпу погромщиковъ, то потому, что получилъ соотвѣтствующее приказаніе отъ губернатора.

Однако,—считаетъ нужнымъ присовокупить г. Столыпинъ,—если бы судебное слѣдствіе, которое ведется по этому дѣлу, выяснило обратное, то министерство не преминетъ распорядиться.

Обстоятельства, бывшія въ городѣ Царицынѣ,—продолжаетъ г. Столыпинъ,—даютъ основательные поводы къ нареканіямъ на дѣйствія полиціи, при чемъ дѣло слѣдствія выяснить степень отвѣтственности каждаго должностного лица. Какъ теперь выяснилось, дѣло произошло такимъ образомъ. День перваго мая протекалъ спокойно, но къ вечеру, часовъ въ 6—7, полицеймейстеръ получилъ извѣстіе, что по улицамъ двигается толпа манифестантовъ. Полицеймейстеръ, не собравъ никакихъ справокъ, послалъ отрядъ казаковъ разсѣять толпу, но оказалось, что это толпа ополченцевъ. Собралась немедленно негодующая толпа горожанъ. Приходитъ полицеймейстеръ, проситъ толпу разойтись, но въ отвѣтъ послѣдовало насиліе въ видѣ брошенныхъ камней. Раздался залпъ, оказалось восемь раненыхъ, изъ нихъ трое тяжело, и они умерли.

Г. Столыпинъ быстро переходитъ къ другому погрому, въ Калязинѣ.

Обычное объясненіе. Толпа домогалась свиданія съ арестованнымъ, такъ какъ разнесся слухъ, что его въ тюрьмѣ повѣсили. Полиція убѣждала разойтись.

— Ложь!—громко, на весь залъ, раздается съ депутатскихъ скамей, прерывая министра.

Онъ пропускаетъ этотъ протестъ мимо ушей и продолжаетъ:

— Полиція убѣждала, убѣжденія оказались тщетными. Полетѣли камни, и... полиція дала залпъ. Въ результатѣ—двое убитыхъ, и «послѣ этого спокойствіе было возстановлено».

— Въ данномъ случаѣ, я не могу признать вины полицейской власти.

— Еще бы!—раздается ироническое замѣчаніе съ депутатскихъ скамей.

Г. Столыпинъ переходитъ къ резолютивной части своей рѣчи.

— Покончивъ съ описаніемъ бывшихъ послѣ моего вступленія въ должность событій, я долженъ сдѣлать оговорку. Запросы Думы касаются только тѣхъ явленій, которыя могутъ скрывать неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ. Мнѣ кажется, что отсюда нельзя сдѣлать вывода, что большинство моихъ подчиненныхъ совершаютъ неправильныя дѣйствія. Наоборотъ, въ большинствѣ эти люди свято исполняютъ свой долгъ,

любятъ свою родину и умираютъ за нее. Съ октября мѣсяца 288 изъ нихъ убито, 383 ранено и, кромѣ того, было 156 неудавшихся покушеній. Я бы могъ на этомъ закончить, но меня спрашиваютъ, что намѣренъ я дѣлать въ будущемъ, извѣстно-ли мнѣ, что тюрьмы переполнены лицами, завѣдомо невиновными. Я не отрицаю, что въ это смутное время могли быть ошибки и недосмотры, могли быть неправильныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ. Я скажу только, что съ моей стороны сдѣлано все для ускоренія пересмотра этихъ дѣлъ, и этотъ пересмотръ въ полномъ ходу. Насъ упрекаютъ, что мы желаемъ насадить вездѣ военное положеніе, что мы желаемъ управлять страною при помощи исключительныхъ законовъ. У насъ этого желанія нѣтъ, а есть желаніе и обязанность водворить порядокъ.

— Довольно! Довольно!—протестуютъ депутаты.

Г. Столыпинъ, нѣсколько повышая тонъ, продолжаетъ:

— Намъ такъ же, какъ всему обществу, желателенъ переходъ къ нормальному положенію вещей. Порядокъ нарушается всѣми средствами; нельзя даже во имя склоненія на свою сторону симпатій совершенно обезоружить правительство и итти сознательно по пути его дезорганизаціи.

Крики «довольно!» становятся громче и энергичнѣе.

Предсѣдатель берется за звонокъ:

— Каждому должно быть предоставлено слово въ этомъ залѣ.

Г. Столыпинъ продолжаетъ:

— Нельзя не считаться съ опасеніемъ, что бездѣйствіе власти правительства ведетъ къ анархіи. Министерство должно требовать отъ своихъ подчиненныхъ осмотрительнаго и осторожнаго, но твердаго исполненія своего долга и закона. Я предвижу возраженія, что законы, существующіе нынѣ, настолько несовершенны, что всякое ихъ исполненіе можетъ вызвать только ропотъ. Мнѣ рисуется заколдованный кругъ, изъ котораго выходъ только одинъ. Примѣнять существующіе законы до созданія новыхъ, ограждая, по мѣрѣ возможности и всѣми силами, права и интересы отдѣльныхъ лицъ. Нельзя сказать часовому, стоящему на посту: «у тебя старое кремневое ружье, брось его». Часовой долженъ отвѣтить: «Пока я на посту и мнѣ не дано новаго оружія, я буду стараться дѣйствовать какъ можно лучше старымъ». Въ заключеніе повторяю, что обязанность правительства—оградить спокойствіе и охранять свободу, и я буду принимать въ этомъ направленіи всѣ мѣры для осуществленія самыхъ широкихъ реформъ и водворенія порядка...

— Наша дѣятельность знаменуетъ не реакцію, а порядокъ,— закончилъ г. Столыпинъ.

Подъ шумъ и крики: «Вонъ, долой!»—онъ покидаетъ каѳедру.

— Князь Урусовъ!—произноситъ предсѣдатель.

На каѳедрѣ появляется бывшій товарищъ министра, что заставляетъ насторожиться залъ.

Въ своей, исполненной спокойствія и достоинства, рѣчи онъ приподнялъ завѣсу съ самыхъ сокровенныхъ тайниковъ нашей государственной жизни. Тайное стало явнымъ. Передъ Думой были обнаружены самыя сокровенныя пружины государственной машины.

Аудиторія слушала князя Урусова съ напряженнымъ вниманіемъ.

Слушали его и министры, возсѣдавшіе въ своей ложѣ.

— Я просилъ слова, господа народные представители, чтобы представить вашему вниманію нѣкоторыя соображенія свои по поводу запроса Государственной Думы министерству и только-что выслушаннаго нами отвѣта на этотъ запросъ. Я полагаю, что извѣстіе о скрывавшейся въ тайникахъ департамента полиціи бостонкѣ, печатавшей воззванія къ народу, съ призывомъ его къ междуусобной войнѣ, мы разсматриваемъ не столько въ видѣ факта прошлаго, интересующаго насъ, въ отношеніи отвѣтственности виновныхъ лицъ, сколько въ видѣ тревожнаго вопроса о возможности дальнѣйшаго участія правительственныхъ чиновниковъ въ подготовленіи тѣхъ кровавыхъ драмъ, которыя за послѣднее время печально прославились и которыя, какъ показали событія послѣдняго времени, продолжаютъ разыгрываться, возбуждая негодованіе всѣхъ, кому дорога человѣческая жизнь и кому дорого достоинство русскаго государства. При этомъ оговорюсь: я ни минуты не сомнѣваюсь въ искренности заявленія министра внутреннихъ дѣлъ и не противъ министерства направлены тѣ слова, которыя я хочу вамъ высказать. Напротивъ, все значеніе, весь интересъ, вся важность разсматриваемаго нами вопроса именно въ томъ и заключается, что погромы и междуусобная рѣзня, по обстоятельствамъ, имѣющимъ и теперь мѣсто и находящимся въ сферѣ правительственнаго воздѣйствія, продолжаются и будутъ продолжаться внѣ зависимости отъ отношенія къ нимъ того или другого министра. Заявленіе министра въ этомъ отношеніи представляется мнѣ недостаточно убѣдительнымъ, и я сейчасъ постараюсь объяснить, почему я такъ думаю. Съ этой цѣлью мнѣ придется коснуться вопроса о погромахъ

и попутно выяснить ту роль, которую играла при этомъ заинтересовавшая насъ типографія. Внимательное изученіе такъ-называемыхъ погромовъ ставитъ ихъ изслѣдователя лицомъ къ лицу съ опредѣленными, всегда одинаковыми явленіями. Во-первыхъ, погрому всегда предшествуютъ слухи о его подготовленіи, сопровождаемые распространеніемъ возбуждающихъ населеніе воззваній, однородныхъ по стилю и по содержанію, и появленіемъ своего рода буревѣстниковъ въ лицѣ мало кому извѣстныхъ представителей подонковъ населенія. Затѣмъ офиціально указываемый при возникновеніи погрома поводъ его всегда впослѣдствіи оказывается ложнымъ. Далѣе, въ дѣйствіяхъ погромщиковъ усматривается извѣстная планомѣрность, лишающая эти дѣйствія характера случайнаго, стихійнаго явленія. Погромщики дѣйствуютъ въ сознаніи какого-то права, въ сознаніи безнаказанности и дѣйствуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока это сознаніе не будетъ въ нихъ поколеблено, послѣ чего погромъ прекращается быстро и легко. Еще далѣе,—въ дѣйствіяхъ полиціи никогда не бываетъ единства, и въ то время, какъ нѣкоторые полицейскіе участки подвергаются сплошному разгрому, при наличности значительныхъ полицейскихъ силъ, другіе участки остаются почти нетронутыми, вслѣдствіе охраны ихъ полицейскими чинами, исполнявшими свой долгъ увѣренно и энергично. Наконецъ, погромъ прекращенъ, произведены аресты, и посѣщающее арестантовъ начальство не можетъ избѣгнуть впечатлѣнія, что передъ нимъ стоятъ не столько преступники, сколько обманутые кѣмъ-то темные люди. Итакъ, чувствуется какая-то организація, однородная и широко задуманная. Ошибаются тѣ, которые, назвавъ ее правительственной, думаютъ, что вопросъ рѣшенъ и дѣло ясно, но ошибаются не вполнѣ, и событія прошедшей зимы, послужившія поводомъ къ нашему запросу, помогутъ намъ отчасти разобраться въ туманѣ, окутывающемъ эти безъ того темныя дѣла. Въ январѣ 1906 года къ одному изъ лицъ, занимавшему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ второстепенное положеніе, но извѣстному въ качествѣ противника погромной политики,—я говорю не о себѣ,—стали поступать въ большомъ количествѣ образцы воззваній, чистой работы, широко распространяемыхъ въ главныхъ центрахъ юга и запада Россіи, а также тревожныя жалобы, съ указаніемъ на подготовленіе погромовъ въ Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Кіевѣ, Николаевѣ, Александровскѣ и другихъ городахъ. Гомельскій январскій погромъ подтвердилъ основательность высказываемыхъ опасеній и побудилъ упо-

мянутое лицо употребить всѣ средства къ предупрежденію остальныхъ погромовъ, что и удалось сдѣлать благодаря распоряженіямъ предсѣдателя совѣта министровъ, постепенно ознакомившагося съ ходомъ негласнаго дознанія. При этомъ отчасти выяснилась, хотя и въ нѣкоторомъ туманѣ, слѣдующая картина дѣятельности «мастеровъ погромныхъ дѣлъ». Группа лицъ, составляющихъ какъ бы боевую дружину одного изъ нашихъ «патріотическихъ» собраній, въ единеніи съ лицами, близко стоящими къ редакціи одной не-петербургской газеты, предприняла борьбу съ революціей. Будучи «патріотами» въ томъ смыслѣ, какой недавно придалъ здѣсь этому слову представитель Тверской губерніи, и людьми «истинно-русскими», они причину смуты усматривали въ инородцахъ-жителяхъ окраинъ и черты еврейской осѣдлости; русское населеніе, а также особо русскіе солдаты призывались къ расправѣ съ крамольниками въ десяткахъ тысячъ воззваній самаго возмутительнаго содержанія. Воззванія эти отвозились членами сообщества на мѣста и вручались вѣрнымъ мѣстнымъ сочленамъ и союзникамъ, которые, въ свою очередь, распространяли эти воззванія осмотрительно и съ толкомъ. Получались оригинальныя, съ точки зрѣнія охраненія единства власти, послѣдствія: помощникъ полицеймейстера (говорю для примѣра) распространяетъ воззванія безъ вѣдома своего начальника полицеймейстера. Или, напримѣръ, приставъ, скажемъ, 1-го участка, былъ удостоенъ довѣрія, котораго приставъ 2-го участка былъ лишенъ. У кого-нибудь изъ служащихъ въ жандармскомъ управленіи или въ охраномъ отдѣленіи появились какія-то особыя суммы, къ нимъ начинали ходить какіе-то темные люди, въ городѣ ходили слухи о какихъ-то приготовленіяхъ; къ губернатору ѣздили напуганные люди, губернаторъ ихъ успокаивалъ, чувствуя, однако, что далеко не все спокойно. Изъ министерства летѣли телеграммы о принятіи мѣръ къ охранѣ спокойствія, и мѣры часто принимались, но распоряженіямъ, дѣлаемымъ въ этомъ смыслѣ, далеко не всѣ довѣряли. Случалось, что чины полиціи совершенно добросовѣстно полагали, что мѣры принимаются такъ, для вида, для приличія, но что имъ извѣстна настоящая цѣль правительства; они читали между строкъ и слушали, поверхъ губернаторскаго приказа, какой-то голосъ издалека, которому больше вѣрили. Словомъ, шла невѣроятная путаница, полная дезорганизація и полная деморализація власти. Между тѣмъ, въ Петербургѣ еще осенью 1905 года (и, кажется, до вступленія въ должность октябрьскаго министерства), въ

домѣ № 16-й, на Фонтанкѣ, заработалъ въ какой-то отдаленной комнатѣ департамента полиціи печатный станокъ, пріобрѣтенный на средства департамента, на казенныя суммы. Къ станку былъ приставленъ жандармскій офицеръ—въ штатскомъ платьѣ,—Комиссаровъ, который съ нѣсколькими помощниками усердно готовилъ ранѣе упомянутыя воззванія. Тайна существованія этой подпольной типографіи была такъ хорошо соблюдена и дѣйствія ея организаторовъ были столь конспиративны, что не только въ министерствѣ, но и въ самомъ департаментѣ полиціи мало кто объ ней и зналъ. Между тѣмъ, работа сообщества, очевидно, шла успѣшно, такъ какъ на вопросъ лица, случайно напавшаго на слѣдъ организаціи, о ходѣ дѣла, Комиссаровъ отвѣчалъ: «Погромъ устроимъ какой угодно, угодно на 10 челевѣкъ, а угодно на 10 тысячъ». Господа, эта фраза историческая (*въ залѣ среди депутатовъ большое движеніе*). Къ свѣдѣнію депутатовъ кіевлянъ добавлю, что въ Кіевѣ на 3-е февраля былъ назначенъ погромъ на «10 тысячъ», но его удалось предотвратить. (*Большое движеніе*).

Предсѣдатель совѣта министровъ испыталъ, какъ говорятъ, сильнѣйшій припадокъ нервной астмы, когда ему сообщены были разсказанные сейчасъ факты. Онъ вызвалъ къ себѣ Комиссарова, который доложилъ ему о своихъ полномочіяхъ, а черезъ нѣсколько часовъ въ департаментѣ не было болѣе ни станка, ни воззваній, ни оригинала—осталась пустая комната. И вотъ почему никто, въ томъ числѣ и министръ внутреннихъ дѣлъ, не будетъ имѣть возможности удовлетворить законное желаніе Думы узнать имена тѣхъ лицъ, которыя объединяли дѣйствія организаціи, обезпечивали ей безнаказанность, магически дѣйствовали на умы полицейскихъ и другихъ правительственныхъ чиновниковъ и даже дали возможность добиваться повышенія и наградъ для тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались наиболѣе дѣятельными. Примѣровъ такихъ награжденій я не могу привести на память, такъ же какъ и другихъ подробностей всего этого дѣла. Теперь мнѣ приходится говорить безъ справокъ и безъ подготовки, я многое невольно пропускаю. Кромѣ того, я утомилъ уже ваше вниманіе. (*Многочисленные возгласы: «Продолжайте, просимъ!»*). Пора перейти къ выводамъ изъ всего мною сказаннаго.

Первый выводъ заключается въ томъ, что объясненіе министра внутреннихъ дѣлъ не даетъ намъ серьезныхъ гарантій относительно прекращенія дѣятельности организацій, занимающихся подготовле-

ніемъ массовыхъ избіеній и привлекающихъ къ участію въ этой дѣятельности правительственныхъ чиновниковъ. Да оно и понятно: главные организаторы и вдохновители находятся внѣ сферы воздѣйствія министерства—и для ихъ дѣла, собственно говоря, безразлично, будетъ-ли министръ внутреннихъ дѣлъ сохранять по отношенію къ нимъ благожелательный нейтралитетъ или выступитъ съ заявленіемъ, осуждающимъ ихъ дѣйствія. Болѣе того, я утверждаю, что никакое министерство, даже взятое изъ состава Думы, не сможетъ водворить въ странѣ порядка, пока какіе-то неизвѣстные намъ люди, стоящіе въ сторонѣ, за недосягаемой оградой, будутъ грубыми руками хвататься за отдѣльныя части государственнаго механизма, изощряя свое политическое невѣжество опытами надъ живыми организмами, заниматься какой-то политической вивисекціей *(шумъ одобренія)*. Второй выводъ еще печальнѣе: онъ касается самой Государственной Думы. Господа народные представители! Мы принесли сюда со всѣхъ концовъ Россіи не только негодованіе и жалобы, но и горячую жажду дѣятельности, самоотверженія и истинный, чистый патріотизмъ. Здѣсь среди насъ много лицъ, живущихъ доходами съ имѣній, а слышали вы отъ нихъ хотя одно возраженіе, направленное противъ плана принудительнаго отчужденія земли въ интересахъ трудового земледѣльца? Насъ много здѣсь принадлежащихъ къ привилегированнымъ сословіямъ, а много-ли раздалось съ нашей стороны словъ противъ уничтоженія привилегій, противъ идеи гражданскаго равенства и противъ реформъ въ широкомъ народномъ, демократическомъ духѣ? И не эта-ли «революціонная» Дума съ самаго начала своей дѣятельности и до послѣднихъ дней старается бережно поднять Царскую корону, поставить ее выше политическихъ дрязгъ, выше нашихъ ошибокъ и оберечь отъ отвѣтственности за эти ошибки? Казалось бы, какой еще нужно Думы въ то время, когда настала пора неотложныхъ и неизбѣжныхъ реформъ, какъ не такой, въ составѣ которой частные интересы и классовая борьба уступили торжеству единаго народнаго и государственнаго блага. *(Шумные, продолжительные аплодисменты)*. И все же мы всѣ чувствуемъ, что тѣ же темныя силы вооружаются противъ насъ, ограждаютъ отъ насъ Верховную власть, подрываютъ къ намъ ея довѣріе. Нашей работѣ не даютъ протекать въ томъ единеніи съ этой властью, которое по закону, утверждающему нашъ новый строй, является необходимымъ условіемъ успѣха и залогомъ мирнаго развитія нашей государственной жизни. Здѣсь скрывается большая опасность, и она не исчезнетъ, пока на дѣла

управленія и на судьбы страны будутъ оказывать вліяніе люди, по воспитанію—вахмистры и городовые, а по убѣжденіямъ—погромщики. *(Шумные, весьма продолжительные аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ. Шумъ. Возгласы: «Въ отставку!». Съ верхнихъ скамей раздаются голоса: «Погромщики»).*

Рѣчь кн. Урусова произвела колоссальное впечатлѣніе. Вѣдь этотъ человѣкъ былъ товарищемъ министра. Онъ знаетъ всѣ тайники министерскихъ кабинетовъ, онъ бьетъ по самому больному мѣсту.

Урусова смѣняетъ Винаверъ. Онъ останавливается на характеристикѣ министерскаго отвѣта и подвергаетъ его безпощадной критикѣ, дѣлая рядъ новыхъ разоблаченій.

— Спокойная, увѣренная и исполненная истиннаго государственнаго достоинства рѣчь моего предшественника въ значительной мѣрѣ направила вниманіе собранія туда, куда оно должно быть направлено. Министръ внутреннихъ дѣлъ началъ рѣчь съ того, что онъ желалъ бы убѣдиться по долгу совѣсти, пригодно-ли орудіе власти, которое ему ввѣрено. Когда мы слышали эти слова и увѣренія въ томъ, что полуправда для министра нетерпима, то казалось, что въ результатѣ этой рѣчи и анализѣ мы получимъ оцѣнку заявленій въ нѣсколько болѣе широкомъ масштабѣ, чѣмъ сдѣлалъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Но тотъ выводъ, къ которому пришелъ министръ, привелъ меня въ глубокое смущеніе. Онъ, видимо, доволенъ орудіемъ власти, ввѣренной ему. Все сводится, по его мнѣнію, къ тому, что одинъ чиновникъ, гдѣ-то въ провинціи, участвуя въ мѣстныхъ союзахъ, распространялъ воззванія, что этому чиновнику было препровождено одной рукой предупрежденіе, а другой—вручена награда. *(Аплодисменты).* Этимъ оканчивается оцѣнка со стороны министра внутреннихъ дѣлъ. Когда я услышалъ эту часть рѣчи, мнѣ стало страшно за будущее наше не только потому, что стоятъ между нами и Верховной властью лица, такъ мѣтко и ярко охарактеризованныя моимъ предшественникомъ, но и потому, что тѣ, кто является представителями исполнительной власти передъ нами, такъ ограниченно понимаютъ размѣръ политическаго факта, который насъ такъ волнуетъ. Неужели вы полагаете въ самомъ дѣлѣ, что вся страна волнуется отъ того, что одинъ чиновникъ въ провинціи вообще занимался невинною политическою дѣятельностью, и отъ того, что правительство выразило ему предупрежденіе? А когда министръ внутреннихъ дѣлъ въ заключеніе приводилъ эти факты

и связалъ свою рѣчь съ тѣмъ, что страна нуждается во власти, что власть направлена ко благу гражданъ, что она призвана къ охраненію жизни, спокойствія и порядка, то стало страшно потому, что вы, значитъ, разумѣете, что этими средствами, которыя мы выставляемъ, какъ позоръ, вы думаете охранять жизнь, спокойствіе гражданъ. Для насъ эти явленія—не вопросъ мелкихъ преступленій отдѣльныхъ чиновниковъ, не вопросъ о томъ, участвуютъ-ли чиновники въ собраніяхъ, для насъ дѣло въ томъ, что тутъ пущены въ ходъ средства, никогда не употребляемыя ни одной государственной властью. Я не знаю, знаете-ли вы въ исторіи культурнаго человѣчества хоть одинъ моментъ, когда бы власть такими небывалыми средствами охраняла жизнь, порядокъ и спокойствіе гражданъ. Я, власть, имѣю своею задачею охранять жизнь гражданъ. Я уже преступенъ, когда я бездѣйствую и не ограждаю ее отъ другихъ, а вы приносите эту жизнь гражданъ въ жертву, вы ее дѣлаете орудіемъ для проповѣди политическихъ принциповъ. Ибо тѣ, которые предшествовали вамъ, сдѣлали именно взаимныя уничтоженія гражданъ нормальнымъ средствомъ политической борьбы. Въ этомъ заключается весь трагизмъ положенія, и этотъ трагизмъ обостряется тѣмъ, что вы этого положенія не понимаете. Вѣдь вы превосходно знаете то явленіе, о которомъ мы говоримъ. Отчего же вы эту правду отъ себя закрываете? Въ странѣ уже цѣлые годы подъ-рядъ раздается провокація погромовъ; когда впервые появились погромы, слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, когда эти погромы совпали съ подавленіемъ революціоннаго движенія и торжествомъ реакціи, тогда уже люди стали чуять въ этомъ совпаденіи нѣчто недоброе. Въ то время директоромъ департамента полиціи былъ Плеве. А когда черезъ 20 лѣтъ бывшій директоръ департамента полиціи сталъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и вспыхнулъ погромъ въ Кишиневѣ, пронесся слухъ о таинственной телеграммѣ, посланной изъ Петербурга мѣстному губернатору. И до сихъ поръ у всѣхъ насъ, несмотря на всѣ офиціальныя опроверженія, остается убѣжденіе, что телеграмма была, и что кишиневскіе ужасы были инсценированы. Когда-нибудь, я думаю, мы сумѣемъ представить тому и доказательства. И затѣмъ, вслѣдъ за Кишиневомъ, эта зараза разлилась по всей Россіи,—посѣвъ далъ ростки во всѣхъ углахъ обширной страны, и всюду жизнь гражданъ стала орудіемъ политической агитаціи правительственной власти. Можете-ли вы удержать дальнѣйшее распространеніе этой язвы, даже если бы захотѣли? И отчего вы эту сторону дѣла отъ насъ скрываете? Вѣдь

вы знаете, что достаточно было появиться въ какой-нибудь организаціи какимъ-нибудь зачаткамъ политической дѣятельности для того, чтобы мѣстная власть считала себя въ правѣ подавлять эти явленія, набрасывая одну часть населенія на другую. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы власти пользовались тѣми средствами, какія подобаютъ государственной власти. Министръ внутреннихъ дѣлъ считаетъ только простыми средствами политической пропаганды, когда чиновники въ его вѣдомствѣ на мѣстѣ распространяютъ воззванія, призывающія къ погрому евреевъ, какъ сказано въ воззваніяхъ Будаговскаго: «Противъ жидовъ и ихъ учителей и братьевъ социалъ-демократовъ», когда они кричатъ: «Долой жидовъ и ихъ братьевъ социалъ-демократовъ!» Когда чиновники эти воззванія не только распространяютъ, но объ этихъ своихъ подвигахъ доводятъ до свѣдѣнія начальства въ донесеніяхъ, то они, должно-быть, знаютъ, что это будетъ хорошо принято, что оно желательно тамъ, «на верху», въ дѣлѣ борьбы съ революціоннымъ движеніемъ. Вѣдь Будаговскій офиціально донесъ о распространеніи своихъ воззваній. Это была не частная переписка друзей, а бумага за номеромъ, писанная по начальству и попавшая въ надлежащія руки. Что же начальство дѣлаетъ? Эта бумага направляется въ особый отдѣлъ департамента полиціи. Такъ именуется совершенно своеобразное учрежденіе, которое стоитъ внѣ всякой связи съ нормальными, извѣстными всѣмъ намъ органами власти. Оно существуетъ тайно и имѣетъ право сноситься со всякими мелкими чиновниками, отъ которыхъ оно получаетъ непосредственныя донесенія и можетъ отсюда, слѣдовательно, руководить какими угодно дѣйствіями на мѣстѣ черезъ эту тайную машину. И вотъ въ этотъ особый отдѣлъ, скрытый отъ глазъ всѣхъ обывателей, направляются донесенія вверхъ и приказы внизъ. Мы имѣемъ тексты двухъ такихъ донесеній. Ихъ открылъ чиновникъ Макаровъ, завѣдующій этимъ отдѣломъ. Первое изъ нихъ было прислано въ ноябрѣ, именно 27-го, Второе было отъ 5-го декабря. Начальникомъ отдѣла былъ тогда чиновникъ Тимоѳеевъ. Онъ передалъ эти воззванія небезызвѣстному чиновнику Рачковскому, завѣдывавшему полиціей. И вотъ оказывается, что бумага пребывала въ рукахъ одного чиновника, другого, затѣмъ дошла до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. На этихъ бумагахъ были сдѣланы помѣтки. На одной была помѣтка: «Это воззваніе «союза 17-го октября» и безусловно натравливаетъ населеніе противъ евреевъ». Эта бумага ходила изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока чиновникъ Макаровъ случайно

не набрелъ на нее въ февралѣ мѣсяцѣ и не передалъ ее, куда слѣдуетъ. Затѣмъ прошли еще мѣсяцы, и только когда въ маѣ мѣсяцѣ она была оглашена въ печати,—о нихъ узнало русское общество. А вы, власти, что дѣлали за это время? Что дѣлалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, чиновникъ котораго распространялъ воззванія, натравляющія одну часть населенія противъ другой? Тутъ было сказано, что Будаговскій получилъ предупрежденіе. А что получили господа Рачковскій, Тимоѳеевъ? Вѣдь они знали объ этомъ, они знали, что подвластный имъ чиновникъ на мѣстѣ распространяетъ воззванія, натравляющія одну часть населенія на другую, что онъ это считаетъ долгомъ службы. А вѣдь они не сдѣлали ни одного шага для того, чтобы остановить его, чтобы раскрыть преступленіе. Наоборотъ, они приняли его донесеніе и поставили помѣтку. Что же, они преданы суду? Имъ тоже сдѣлано предупрежденіе? Министръ говоритъ, что послѣ московскаго возстанія Рачковскій оставилъ свой постъ вице-директора департамента полиціи. Не знаю, отвѣтитъ-ли мнѣ министерство сейчасъ и извѣстно-ли ему, что Рачковскій, бывшій вице-директоръ и переименованный въ чиновника особыхъ порученій, въ тотъ же день сѣлъ на то же вице-директорское кресло. И какъ исполнялъ, такъ и исполняетъ эту должность теперь, только подъ именемъ чиновника особыхъ порученій? Извѣстно-ли ему, министру, и пожелаетъ-ли онъ отвѣтить, что Рачковскому по случаю его переименованія были пожалованы 75,000 руб. *(На скамьяхъ «трудовиковъ» возгласы: «Ого!», «браво», «браво!»)*. Извѣстно-ли министру внутреннихъ дѣлъ, что господинъ Тимоѳеевъ, завѣдующій особымъ отдѣломъ въ департаментѣ полиціи, судьба котораго представляетъ нѣкоторый интересъ, ибо этотъ человѣкъ былъ юрисъ-консультомъ московскаго оберъ-полицеймейстера, когда оберъ-полицеймейстеромъ былъ генералъ Треповъ; былъ завѣдующимъ особымъ отдѣломъ департамента полиціи, когда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ Треповъ; состоялъ и состоитъ при дворцовомъ комендантѣ, когда дворцовымъ комендантомъ состоитъ генералъ Треповъ *(общій смѣхъ)*,—что этотъ чиновникъ Тимоѳеевъ и теперь пользуется властью? Что же Тимоѳеевъ, Рачковскій и министръ внутреннихъ дѣлъ Дурново, которымъ все было извѣстно,—по мнѣнію нынѣшняго министерства, являются они чиновниками, исполняющими свою власть, направленную къ охранѣ спокойствія, жизни и благосостоянія гражданъ? Власти, которыя стоятъ во главѣ управленія и знаютъ, что подвѣдомственныя

ему лица натравляютъ одну часть населенія противъ евреевъ, — знаютъ и молчатъ,—онѣ и есть истые виновники погромовъ. Благодаря этому благосклонному молчанію и содѣйствію, проявилъ себя не одинъ Будаговскій. Они расплодились во всѣхъ закоулкахъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, такимъ образомъ, ошибается, предполагая, что въ его рукахъ имѣется пригодное орудіе власти. Да и въ простой-ли ошибкѣ тутъ дѣло?

Сопоставляя факты, ораторъ приходитъ къ выводу, что власть порвала связь съ нравственными устоями, и вся проникнута гнилью. Эта разложившаяся власть, эта чиновничья анархія ведетъ страну къ гибели...

Слово предоставляется Набокову. Онъ подробно останавливается на погромѣ въ Вологдѣ и послѣдовательно опровергаетъ всѣ свѣдѣнія, сообщенныя министромъ внутреннихъ дѣлъ. Насильственное закрытіе лавокъ не могло быть причиной погрома, такъ какъ этого закрытія вовсе не было. А вотъ факты. Погромъ былъ направленъ противъ народнаго дома, въ которомъ, по свѣдѣніямъ полиціи, долженъ былъ собраться митингъ. Вотъ тутъ-то и начинается роль ротмистра Пышкина, того самаго, который отговаривался запрещеніемъ губернатора стрѣлять въ громилъ. По официальнымъ показаніямъ, пять лицъ слышали, какъ въ оффиціальномъ помѣщеніи, гдѣ живетъ ротмистръ, послѣдній около 6-ти час. веч. говорилъ съ кѣмъ-то по телефону на ты: «Черной сотни не тронь, въ революціонеровъ стрѣляй, патроновъ не жалѣй»,—послѣднее выраженіе, повидимому, заимствованное... *(Смѣхъ)*. И когда Пышкинъ, съ тридцатью стражниками во главѣ, прискакалъ на мѣсто разгрома, гдѣ находился и полицеймейстеръ, то изъ толпы крестьянъ была обращена къ нему просьба: «Позвольте ихъ бить». На это Пышкинъ отвѣтилъ: «Просите полицеймейстера, это въ его власти», на что полицеймейстеръ ничего не отвѣтилъ.

Г. Набоковъ продолжаетъ:

— Совершенно вѣрно, что губернаторъ, полицеймейстеръ и прокуроръ употребили всѣ усилія, чтобы остановить погромъ; совершенно вѣрно, что они сами пострадали, разгоняя толпу и чуть-ли не вступая въ драку. Полицеймейстеръ къ концу вечера былъ такъ измученъ, что не былъ въ состояніи держаться на ногахъ. Но погромъ произошелъ тогда, когда достаточно было залпа, даннаго въ воздухъ, чтобы прекратить его. Естественъ вопросъ: какъ могло все это произойти? И отвѣтъ на этотъ вопросъ получится, если сопоставить роль Пышкина, кото-

рый является тайнымъ правительствомъ, съ ролью явнаго правительства въ лицѣ губернатора, полицеймейстера и прокурора. И вотъ, гг., я нахожу, что это иллюстрируетъ положеніе всей Россіи: у насъ есть тайное правительство и явное, которое въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей, можетъ-быть, горячо желаетъ положить конецъ всему этому безобразію. Вологодскій губернаторъ понялъ, что когда рядомъ съ нимъ существуетъ и продолжаетъ до сихъ поръ свою благонамѣренную дѣятельность ротмистръ Пышкинъ, то вологодскому губернатору дѣлать, собственно, нечего. Вологодскій губернаторъ понялъ это и ушелъ въ отставку. Я думаю, что этотъ пріемъ, съ точки зрѣнія личнаго достоинства, заслуживаетъ подражанія.

Ударъ былъ нанесенъ такъ мѣтко, въ такой изящной формѣ, что залъ вздрогнулъ отъ апплодисментовъ.

На каѳедру всходитъ г. Родичевъ.

— Какимъ путемъ можно положить предѣлъ тому порядку вещей, который привелъ Россію къ состоянію анархіи, при которомъ массовыя убійства и подстрекательства къ убійствамъ со стороны властей являются вещью обыденною? Вѣдь они насъ перестали удивлять, вѣдь мы задыхаемся въ той атмосферѣ, въ которой живемъ. Намъ отвѣчаютъ: провинившійся чиновникъ подвергнется наказанію. Но развѣ въ людяхъ дѣло? Мы можемъ себѣ представить министромъ внутреннихъ дѣлъ честнаго человѣка, хотя это и не всегда бываетъ. *(Смѣхъ).* Но развѣ система мѣняется отъ этого? Положеніе таково, что люди съ лучшими намѣреніями остаются на старомъ пути и ничего сдѣлать не могутъ. Законъ въ Россіи пересталъ существовать, правосознаніе исчезло. Если администраторъ желаетъ сдѣлать карьеру, для него было и до сихъ поръ остается лучшимъ средствомъ участвовать въ какомъ-нибудь усмиреніи, расправѣ. Это до сихъ поръ вѣрный путь въ Сенатъ или въ Государственный Совѣтъ. До сихъ поръ порка крестьянъ и учиненіе погромовъ открываетъ карьеру и вѣрный путь. Мы видѣли примѣръ удаленія губернатора, одно присутствіе котораго успокаивало Минскъ и гарантировало свободу отъ погромовъ, а вслѣдъ затѣмъ назначенія туда лица, прославившагося маленькими погромами и большой поркой. А когда это лицо было повышено въ должности, произошелъ большой погромъ, и я боюсь, что эта практика еще не прекратилась. Вы видите изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя дастъ министръ внутреннихъ дѣлъ, въ добросовѣстности котораго нѣтъ сомнѣній, вы видите, какъ мало онъ освѣдомленъ. Министръ,

если онъ добросовѣстенъ, освѣдомленъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это допускаютъ современные представители администраціи. Давно въ Россіи существуютъ два закона и два устава: одинъ писаный, а другой неписаный. По писаному уставу погромы не допускаются, а по неписаному уставу натравливаніе одной части населенія на другую награждается, и все это дѣятели администраціи знаютъ великолѣпно. Развѣ каждый изъ насъ не видалъ 10 разъ въ жизни примѣровъ, что подчиненные не подчинялись, зная, что они найдутъ поддержку въ Петербургѣ, и что въ Петербургѣ честность не всегда служитъ залогомъ оставленія у власти. Это личное воздѣйствіе неискоренимо. Два года тому назадъ была составлена комиссія о введеніи законности въ Россіи. Старый режимъ оставилъ намъ разложеніе и безчестность, и вы съ нимъ не справитесь старыми средствами. Вы говорите: вамъ нужна власть. Нельзя брать у часового изъ рукъ ружье, хотя бы оно и было кремневое. Но должно быть вырвано изъ рукъ администраціи ружье, которое она держитъ. Это ружье должно быть вырвано и сломано. Это оружіе—отрицаніе права—основа всего стараго режима.

— Былъ день,—обращается ораторъ къ министерскимъ скамьямъ,—когда министерство могло заявить, что оно отрекается отъ старыхъ путей лжи, былъ день, когда оно могло сказать, что оно готово пойти на обновленіе Россіи—этотъ день пропущенъ и навсегда. *(Аплодисменты прерываютъ оратора)*.

Г. Родичевъ продолжаетъ:

— Господа, несчастье наше состоитъ не въ томъ, что люди злы. Несчастье состоитъ въ отсутствіи государственнаго пониманія. Это есть бѣдствіе, съ которымъ мы тщетно боролись; это есть сила, которая можетъ задушить нашу страну. Тотъ режимъ, который власть хочетъ охранять, не признаетъ ни за кѣмъ ни малѣйшаго права. Намъ говорятъ: мы будемъ охранять право при помощи отрицанія права. Что же ожидаетъ нашу страну? Я долженъ сказать, что тѣ объясненія, которыя намъ были даны, будутъ на мѣстахъ истолкованы администраціею въ томъ смыслѣ, что и впредь гарантируется оправданіе тѣмъ, кто совершаетъ погромы. *(Крики слѣва: «Вѣрно, вѣрно!»)*. Мы чувствуемъ, что старый режимъ и его носители могутъ только угнетать и разорять страну. Не забудьте, гг., что политика послѣднихъ дней можетъ имѣть послѣдствіемъ государственное банкротство. Если дѣло пойдетъ такимъ образомъ, то государственное банкротство ждетъ насъ осенью. Если власть будетъ обнаруживать то же непо-

ниманіе, какъ и теперь, то государство поплатится разореніемъ раньше, чѣмъ они поплатятся за это. Когда мы требуемъ экспропріаціи земли, намъ говорятъ: вы хотите уничтожить частную собственность. Когда мы требуемъ уничтоженія усиленной охраны и снятія военнаго положенія, намъ говорятъ: вы хотите уничтожить власть. Да, мы хотимъ уничтожить власть, ту власть, которая ведетъ къ тому, что въ рядахъ ея представителей число честныхъ людей убавляется настолько, что на нихъ можно показывать пальцемъ. Но мы хотимъ создать ту власть, которая будетъ опираться на авторитетъ справедливости. Уже 20 лѣтъ мы все жертвовали Молоху власти и добились, что у власти нѣтъ иного авторитета, кромѣ военнаго положенія. Это самое большое несчастіе. Въ тотъ день, когда власти дадутъ урокъ преклоненія предъ законодательною властью, въ тотъ день мы будемъ имѣть возможность надѣяться, что миръ и порядокъ въ Россіи будутъ возстановлены. До того дня ослѣпленіе власти есть залогъ новыхъ потрясеній страны. Только покинувъ министерскія мѣста, они могутъ исполнить священный долгъ предъ родиной.

Ораторъ кончилъ. «Въ отставку»,—вторитъ аудиторія. Подъ шумъ и крики г. Столыпинъ вновь всходитъ на каѳедру. *(«Вонъ его», «Долой»,—раздаются протестующіе голоса).*

— Господа,—начинаетъ министръ,—я долженъ дать свои разъясненія теперь же, такъ какъ уѣзжаю въ совѣтъ министровъ и до конца засѣданія не могу оставаться. Я буду кратокъ. Тутъ въ рѣчахъ ораторовъ образно представилась мысль говорившихъ. Передо мной предстали ротмистръ Пышкинъ какъ эмблема и какъ реальность. Позволите и мнѣ расчленить въ своемъ отвѣтѣ точно такъ же образно. Мнѣ говорили, что я, описывая извѣстные факты, сдѣлалъ это неправдиво.

Набоковъ *(съ мѣста)*:—Не точно.

Г. Столыпинъ продолжаетъ:

— Изъ показаній полицеймейстера видно, что въ Вологдѣ произошло не такъ, какъ это было описано. Но у меня есть другіе источники. Я черпалъ свѣдѣнія еще, помимо полицеймейстера, и отъ прокурорской власти, но это деталь. Я скажу только о томъ, что относительно ротмистра Пышкина допущена неточность. Набоковъ сказалъ, что онъ стрѣлялъ въ народный домъ, но стрѣляли стражники, вызванные по распоряженію Пышкина, а не тѣ, которые были подъ его командой. Затѣмъ ротмистръ Пышкинъ былъ такъ малъ въ городѣ, что придавать ему такое большое значеніе не слѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдствіе рѣшитъ виновность

Пышкина, и, конечно, онъ отвѣтитъ за свои дѣйствія! Затѣмъ, что касается вологодскаго губернатора, то онъ раньше подалъ въ отставку, чѣмъ совершилось это событіе. Когда я его спросилъ по телеграфу объ этихъ слухахъ и нареканіяхъ, онъ отвѣтилъ, что это сплошная ложь (извиняюсь за выраженіе). Относительно замѣстителя вице-директора Рачковскаго я заявляю, что онъ этого мѣста не занимаетъ и на дѣла департамента большого вліянія не имѣетъ. Теперь перейду къ эмблемѣ Пышкина. Князь Урусовъ сказалъ, что я недостаточно освѣдомленъ. Я долженъ сказать, что употребилъ всѣ усилія, чтобы быть освѣдомленнымъ, и имѣлъ помощь въ лицѣ предсѣдателя совѣта министровъ. Я долженъ также дать нѣкоторыя объясненія по поводу тѣхъ обвиненій, которыя были брошены здѣсь предшествующими ораторами по моему адресу. Я буду кратокъ. Набоковъ сказалъ, что если даже министръ внутреннихъ дѣлъ одушевленъ самыми лучшими намѣреніями, то все же онъ лишенъ возможности фактически сдѣлать что-либо для умиротворенія страны, такъ какъ ему мѣшаетъ призракъ Пышкина. Я долженъ сказать, что, будучи призванъ приказомъ Государя на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, я получилъ всю полноту власти, и на мнѣ лежитъ вся тяжесть отвѣтственности. Если бы мнѣ мѣшали призраки, я бы или ушелъ, или разрушилъ ихъ. Этихъ призраковъ я не знаю. Я входилъ на эту каѳедру съ чистой совѣстью, я сказалъ то, что зналъ, и отмѣтилъ какъ хорошее, такъ и не хорошее. Депутатъ Винаверъ упрекаетъ меня, что я узко смотрю на дѣло, что я не понимаю государственнаго значенія переживаемыхъ нами событій. На это я отвѣчу, что если я признаю нежелательность и вредъ отъ извѣстнаго рода явленій, то этимъ самымъ признаю, что власть должна итти рука объ руку съ закономъ. Неправомѣрности въ распоряженіяхъ власти не должно быть мѣста. Мнѣ говорятъ, что я долженъ перемѣнить систему государственнаго правленія. Это дѣло не мое; я долженъ справедливо и твердо охранять порядокъ Россіи; это моя обязанность. *(Крики: «Въ отставку! Въ отставку! Погромщикъ!»).*

— Мнѣ мѣшаетъ этотъ шумъ, но не смущаетъ. Я заявляю, что измѣнить законы я не могу. Это принадлежитъ вашей компетенціи. Въ этомъ направленіи будете дѣйствовать вы!

— Въ отставку!—отвѣчаетъ аудиторія.

Г. Столыпинъ быстро покидаетъ каѳедру, собираясь оставить залъ. На каѳедру столь же быстро всходитъ г. Набоковъ. Онъ наноситъ послѣдній ударъ ретирующемуся противнику. Онъ за-

являетъ, что всѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщилъ о Вологдѣ, получены имъ отъ судебнаго слѣдователя.

Это заявленіе вызываетъ громъ аплодисментовъ.

Министры поспѣшно покидаютъ залъ. *(Крики: «Вонъ! Долой! Погромщики!»—летятъ имъ вслѣдъ).* Поднимается страшный шумъ. Многіе покинули свои мѣста. Въ это время на каѳедрѣ появляется г. Рамишвили, только-что прибывшій съ Кавказа.

— Господинъ министръ,—бросаетъ онъ вслѣдъ уходящему г. Столыпину,—подождите, еще факты будутъ... *(Аплодисменты, шумъ, крики: «Въ отставку! Погромщики!»).*

Г. Столыпинъ на секунду останавливается въ дверяхъ, весь красный отъ волненія, и прислушивается, потомъ быстро и рѣшительно покидаетъ залъ.

Г. Муромцевъ, въ виду возбужденія аудиторіи, закрываетъ засѣданіе.

Только въ слѣдующемъ засѣданіи Дума могла спокойнѣе разобраться въ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ новымъ выступленіемъ министерства. «Ихъ» уже нѣтъ. Пренія потеряли острый и страстный характеръ, и Дума вошла въ положеніе болѣе спокойнаго обсужденія переживаемаго момента.

Тогда казалось, что въ мертвомъ бюрократическомъ болотѣ пробилась какая-то новая, болѣе свѣжая струя. Дума сознавала, что эта струя, конечно, не въ состояніи оживить и очистить это болото, но казалось, что она проявилась; и это было отмѣчено

Послѣ рѣчей гг. Гурко и Павлова заявленія г. Столыпина должны были произвести болѣе благопріятное впечатлѣніе и казались чѣмъ-то болѣе искреннимъ и прямодушнымъ.

Но тѣмъ безотраднѣе было впечатлѣніе.

Г. Столыпинъ говорилъ о честномъ часовомъ.

Покойный Плеве сравнивалъ себя, какъ говорятъ, съ полицейскимъ.

Отъ полицейскаго до часового—вотъ мѣра культурнаго прогресса. Вотъ символическое обозначеніе длины эволюціоннаго пути.

Если ужъ суждено въ мирное время внутри страны жить подъ вѣчной охраной часовыхъ, то, конечно, честные часовые предпочтительнѣе безчестныхъ. Но все же они не болѣе какъ часовые. Однако, вѣдь часовымъ нельзя предоставлять «полноту власти»,—

какъ выразился г. Столыпинъ. Вѣдь не часовые составляютъ планъ государственной кампаніи, вѣдь часовые не разсуждаютъ, вѣдь имъ не приказано разсуждать.

Дума должна была выразить отношеніе страны къ этой аномаліи и сдѣлать свои выводы.

И гр. Гейденъ былъ не правъ, когда сѣтовалъ на то, что Дума полтора дня потратила на критику дѣятельности министерства. Онъ подсчиталъ, что Дума внесла 169 запросовъ, а министерство отвѣтило только на три запроса, и что если тратить столько времени, то потребуется 75 засѣданій.

Это была ариѳметика,—не больше, и совершенно не убѣдительная. Старый графъ сѣтовалъ на то, что только и говорятъ о министрахъ, что они протягиваютъ къ себѣ, «какъ болото», и не даютъ дѣло дѣлать. Но развѣ осушать это болото не дѣло, не одно изъ самыхъ важныхъ и неотложныхъ дѣлъ?

Дума не пошла за гр. Гейденомъ. Она сочла нужнымъ всесторонне освѣтить заявленія министерства и снова подчеркнуть весь трагизмъ и нелѣпость переживаемаго момента. При этомъ снова сказалась рознь между болѣе умѣренными и болѣе крайними элементами въ Думѣ.

Представителемъ послѣднихъ на этотъ разъ выступилъ вновь прибывшій депутатъ съ Кавказа Рамишвили.

— Вчера народный врагъ встрѣтился,—начинаетъ представитель Кавказа, сразу впадая въ негодующій тонъ.

— Ораторъ, я просилъ бы васъ не употреблять такихъ выраженій,—останавливаетъ г. Муромцевъ.

Но аудиторія протестуетъ:

— Просимъ не прерывать! Продолжайте!..

Муромцевъ берется за звонокъ больше, такъ сказать, для проформы и даетъ волю оратору.

Въ страстной рѣчи, исполненной ненависти и негодованія за пережитыя страданія и насилія, представитель «благодатнаго» края бросаетъ тяжкіе укоры вершителямъ нашихъ судебъ, старающимся при помощи жалкихъ увертокъ отдѣлаться отъ прямого отвѣта на обращенные къ нимъ запросы. Оно, полицейское министерство, проглотило у насъ все—и юстицію, и церковь, и вѣру.

— Полицейскіе въ рясахъ выступаютъ въ роляхъ провокаторовъ. Намѣстники Христа руководятъ всѣми темными дѣлами. Они кричатъ: «жиды и инородцы», забывая, что истинные творцы революціи—это голодный крестьянинъ и безправный рабочій.

Оратора совершенно не удовлетворяетъ система отдѣльныхъ запросовъ.

Онъ желаетъ предложить «хищникамъ народнаго дѣла» одинъ «общій запросъ по поводу сплошного преступленія, совершаемаго властью съ 17-го октября и по настоящее время». Ораторъ находитъ тактику Думы слишкомъ спокойной и предрекаетъ выступленіе на сцену народныхъ массъ.

Оратору много аплодируютъ. Но все же предложенная имъ формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, требующая «преданія суду администраціи сверху и донизу», была отвергнута подавляющимъ большинствомъ.

Изъ представителей трудовой группы говорилъ г. Аладьинъ. Онъ иронизируетъ по поводу появленія «почти европейской фигуры» г. Столыпина. Что-то произошло, что-то измѣнилось, и въ результатѣ совсѣмъ другой тонъ, почти просьба—простить старые грѣхи, и желаніе исправиться. Что же произошло?

Ораторъ обращается къ характеристикѣ интервью въ газетѣ «Times» съ однимъ изъ членовъ теперешняго министерства, перепечатаннаго во всѣхъ русскихъ газетахъ.

— Г. министръ сравнивалъ Думу съ совѣтомъ рабочихъ депутатовъ и съ союзомъ союзовъ. Это—комплиментъ,—съ моей точки зрѣнія,—въ виду славнаго прошлаго этихъ учрежденій и предрекаемаго безславнаго конца Думы. Это говорилъ министръ, анонимъ котораго слишкомъ прозраченъ и который пользуется наибольшимъ авторитетомъ среди своихъ коллегъ. Можетъ-ли онъ мнѣ возразить, если я скажу, что онъ черносотенецъ, и самый настоящій? Это интервью было сдѣлано для поднятія нашихъ фондовъ за границей. Министерство продолжало стараться и не постѣснялось прибить у себя на лбу надпись: «Бѣлостокъ». *(Аплодисменты)*.

Министерство готовило погромы. Ораторъ указываетъ и на мѣсто, назначенное для слѣдующаго погрома. Это—Гомель.

— Откуда получена телеграмма, сообщающая, что найдена бомба... у предсѣдателя «союза русскаго народа». Этотъ предсѣдатель — г. Макасаевскій, которому была передана типографія, отобранная у революціонеровъ. Кромѣ этихъ погромовъ, предполагалось сдѣлать репетицію возстанія въ Кронштадтѣ, якобы съ участіемъ нѣкоторыхъ членовъ Думы. Были широкіе планы, но волненіе въ войскахъ разстроило все дѣло, и вотъ эти «реальныя силы» вновь привели сюда министерство. Министер-

ство играетъ со всей страной, но скоро эти силы выбросятъ его изъ этой залы!—закончилъ ораторъ подъ аплодисменты лѣвой.

Одна интересная градація: въ отставку, уйдите, уходите вонъ, уходите добровольно, убирайтесь... И, наконецъ,—«выбросимъ»...

Депутатъ Алексинскій горячо призываетъ Думу сдѣлать новую попытку прекратить доносящіеся отовсюду народные стоны и вновь обратиться непосредственно къ Монарху, указавъ Ему на безвыходное положеніе страны и на необходимость смѣны министерства.

Слова проситъ М. Ковалевскій.

Онъ дѣлится съ аудиторіей своими впечатлѣніями по поводу министерскаго отвѣта.

Заявленія г. Столыпина о томъ, что онъ пользуется полнотою власти, ораторъ считаетъ наивнымъ утвержденіемъ, припоминая случай съ высылкой профессора Гредескула. Тогда министръ народнаго просвѣщенія и гр. Витте желали помѣшать этому беззаконію, но оказались безсильными передъ волей мѣстнаго администратора.

Г. Ковалевскаго замѣнилъ профессоръ Гредескулъ.

Онъ вспоминаетъ о своихъ товарищахъ по тюрьмѣ, о заключенныхъ. Онъ цитируетъ полученныя имъ отъ нихъ письма, рисующія ужасъ безвыходнаго положенія административо-ссыльныхъ, для которыхъ ссылка обращается въ медленную смертную казнь. Въ рукахъ правительства вовсе не старое кремневое ружье, а самой послѣдней конструкціи оружіе. И, тѣмъ не менѣе, оно безсильно, такъ какъ дѣло не въ физической силѣ, а въ авторитетѣ власти. Затѣмъ г. Гредескулъ отъ имени партіи «народной свободы» читаетъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ. Эта формула содержитъ указаніе на то, что въ происходившихъ и происходящихъ погромахъ и избіеніяхъ Дума усматриваетъ несомнѣнные признаки организаціи и явнаго соучастія въ нихъ должностныхъ лицъ, оставшихся безнаказанными. Далѣе, отмѣчая безсиліе министерства прекратить упомянутыя явленія и признавая, что только думское министерство можетъ устранить анархію, резолюція требуетъ немедленной отставки министерства.

Изъ остальныхъ рѣчей отмѣтимъ рѣчь Щепкина и крестьянина Ѳедченко. Щепкинъ указалъ на то, что нынѣшнему министерству никогда не удастся справиться со своими подчиненными, ибо теперь на службу не пойдетъ ни одинъ порядочный человѣкъ, ибо каждый порядочный человѣкъ, по крайней мѣрѣ, конституціоналистъ. Мы готовы исполнить

послѣднее желаніе министровъ, какъ исполняется желаніе приговореннаго къ казни. Можно уступить имъ пенсіи или аренды, но немыслимо вѣдь дожидаться, пока одинъ научится управлять безъ военныхъ положеній, а другой не изучитъ политической экономіи. Время дорого, и Дума не можетъ удовлетворить подобныхъ желаній. Одинъ нѣмецкій висѣльникъ изъявилъ передъ смертью желаніе изучить русскій языкъ, разсчитывая выиграть нѣсколько лѣтъ. Къ числу такихъ неисполнимыхъ желаній относятся и претензіи министерства.

Депутатъ Ѳедченко—простой крестьянинъ и «невольный участникъ» нѣкоторыхъ погромовъ. Его рѣчь—одна изъ тѣхъ, къ которымъ нельзя не прислушаться.

— Господа члены Думы отъ крестьянъ, къ вамъ я обращаюсь по поводу погромовъ. Вы слышали здѣсь много рѣчей. Одни винятъ правительство, другіе обвиняютъ революціонеровъ. Я самъ былъ невольнымъ и печальнымъ участникомъ двухъ погромовъ, былъ поневолѣ этимъ участникомъ. Одинъ погромъ, такъ - называемые антиеврейскіе безпорядки, произошелъ въ нашемъ уѣздѣ во время призыва запасныхъ нижнихъ чиновъ въ 1904 году. Взбунтовались нижніе чины въ числѣ 6,000 человѣкъ и разгромили неповинныхъ евреевъ, такихъ же угнетенныхъ, какъ и мы сами. Лавокъ десять разбили, и, конечно, предварительно разбили полицію. Другой погромъ, такъ называемые аграрные безпорядки или аграрное движеніе крестьянъ, произошелъ 16—17-го декабря 1905 года въ родномъ селѣ, и я былъ невольнымъ участникомъ. Двѣ ночи съ вилами и револьверомъ въ рукахъ защищалъ я усадьбу противъ этихъ самыхъ погромщиковъ. Конечно, явленіе печальное и жалкое. Кто здѣсь виноватъ, я не могу судить. Я только разскажу факты, какъ они были. Говорятъ, во всемъ виновато правительство. Можетъ-быть. Но, по моему мнѣнію, какъ же это можетъ быть? Правительство, призванное своею властью охранять Царскую державу, всю русскую землю и всѣхъ гражданъ, устраиваетъ погромы, призываетъ 6,000 нижнихъ чиновъ, и тѣ начинаютъ драться и биться! Какое же это правительство? Противъ кого оно вооружаетъ? Я приведу слѣдующій фактъ. Недалеко отъ города мирные крестьяне, полторы тысячи домохозяевъ, не знающіе никакой политической борьбы, взбунтовались такимъ же путемъ, зажигаютъ три помѣщичьи усадьбы, разгоняютъ владѣльцевъ, начинаютъ сами себя колотить. *(Смѣхъ)*. Что же это за порядокъ? Кто виноватъ? По моему мнѣнію, виновата здѣсь одна наша безправность, без-

просвѣтная темнота, наша забитость и угнетенность. «Высшіе» люди въ политической борьбѣ борются, а мы зачѣмъ? Мы, какъ темная физическая сила, направленная Богъ знаетъ куда и, наконецъ, на самихъ себя. По моему мнѣнію, междоусобіе, наихудшее изъ золъ, обращается въ концѣ-концовъ на крестьянъ. Зажигаютъ села, забираютъ сотнями, и опять крестьяне виноваты! И это тоже благодѣтели народа! Пишутъ въ газетахъ, что они ставятъ выше всего благоденствіе всѣхъ подданныхъ. То же самое соціалисты-революціонеры стоятъ за народъ и за его благоденствіе. Взбунтуютъ народъ, онъ подымется одинъ на другого, перерѣжутъ другъ друга, и опять льется кровь. Гдѣ же выходъ изъ такого положенія? По моему мнѣнію, здѣсь виной является наше безправіе, а не провокація. Сотни тысячъ запасныхъ нижнихъ чиновъ идутъ защищать какую-то Манчжурію, какія-то безконечныя земли. Крестьянинъ, скажемъ, имѣетъ двѣ десятины земли, а рядомъ съ нимъ сидитъ графъ, у котораго имѣніе въ 36 тысячъ десятинъ, у другого—8,000, у третьяго—9,000, у четвертаго—2,000 десятинъ, и никто изъ нихъ не идетъ на Дальній Востокъ. Почему же это такъ? По закону ясно, что защита престола—всеобщая повинность. Это первыя слова устава о воинской повинности, первыя статьи. Всѣ должны поголовно защищать престолъ. Я, безземельный, имѣющій пять дѣтей, иду защищать, мы имѣемъ четверть десятины земли, а тотъ имѣетъ 36,000 десятинъ и совсѣмъ не идетъ. Зло невольно какъ-то и разбираетъ. Какая это всеобщая воинская повинность. *(На скамьяхъ «трудовиковъ» голоса: «Браво! Браво!»).* Вотъ и причина, а не прокламаціи виноваты. Дайте этимъ самымъ крестьянамъ право, дайте свободную жизнь, дайте имъ науку, и посмотрите: черезъ 20 лѣтъ никакія прокламаціи и провокаціи не повліяютъ на крестьянъ. Они выйдутъ изъ темноты, а сейчасъ на крестьянина вліяетъ все это, потому что онъ видитъ неправду и не знаетъ, гдѣ правда. Другой поворотъ: крестьяне ограбили имѣніе. Говорятъ, можетъ-быть, виноваты прокламаціи? И то нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Жить стало невозможно! Корову меньше чѣмъ за 18 руб. не купишь, да еще денегъ не берутъ, а обработай десятины двѣ, когда своя земля не обработана. Можетъ-быть, помѣщикамъ стало труднѣе жить, не знаю, но я знаю, что крестьянамъ гораздо труднѣе. Арендная плата поднялась. Зло невыносимое. Какая же тутъ прокламація! *(Аплодисменты).* Дѣло въ томъ, что они трогаютъ больное мѣсто крестьянъ, они только имъ растравили раны. По моему

мнѣнію, грѣшно всѣмъ злоупотреблять чувствами и темнотой нашего крестьянства. Слѣдуетъ притти къ нему на помощь, дать ему всѣ права, землю, дать науку, просвѣщеніе. Какъ крестьяне любятъ своего Государя! Спросите любого крестьянина, какъ онъ стоитъ за своего Царя! Онъ не довѣряетъ никакимъ панамъ, никакимъ министрамъ. Ему нужно дать науку, и черезъ 20 лѣтъ вы не узнаете его. Онъ будетъ такой гражданинъ, какъ всѣ граждане государства, и не пойдетъ ни на какія прокламаціи или провокаціи. *(Аплодисменты)*.

Послѣ рѣчи Ѳедченко другими ораторами дѣлаются нѣкоторыя замѣчанія, и Дума переходитъ къ обсужденію резолютивной формулы.

Всѣ поправки, предложенныя различными ораторами, отвергаются и принимается вышеупомянутая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенная отъ имени конституціонно-демократической партіи проф. Гредескуломъ.

———

Такимъ образомъ, по поводу отдѣльныхъ запросовъ Думѣ пришлось высказать свое сужденіе о погромахъ и объ отношеніи къ нимъ правительства.

Разыгравшіеся ужасы Бѣлостока заставили Думу вновь вернуться къ этому страшному вопросу. Какъ только первыя вѣсти о погромѣ въ Бѣлостокѣ достигли Петербурга, группа депутатовъ въ 50 человѣкъ выработала текстъ запроса и внесла его срочнымъ предложеніемъ.

Это было во вторую половину дѣятельности Думы, когда къ запросамъ уже привыкли и большей частью принимали ихъ безъ преній.

Но вотъ читается запросъ о бѣлостокскомъ погромѣ.

Онъ задѣваетъ вопросъ принципіальный, острый и важный. Лучшіе выборные люди должны выразить свое отношеніе къ этимъ кровавымъ и позорнымъ явленіямъ.

Слова проситъ г. Набоковъ.

Онъ указываетъ на необходимость немедленно реагировать на подобныя явленія.

— Бѣлостокскій погромъ—это зловѣщій и очень грозный признакъ.

Мы знаемъ и можемъ судить по пережитому опыту, что такіе погромы, начавшись въ одномъ мѣстѣ, перебрасывались и на

другія мѣста и вызывали потрясающіе и леденящіе душу ужасы. Мы знаемъ, что во многихъ случаяхъ администраціи отнюдь не удавалось сбросить съ себя подозрѣніе въ томъ, что единовременность возникновенія погромовъ является результатомъ либо черносотенныхъ организацій съ вѣдома мѣстныхъ властей, либо, въ лучшемъ случаѣ, бездѣйствіемъ ихъ.

Изъ этихъ бывшихъ примѣровъ мы имѣемъ право выводить извѣстное заключеніе и предъявлять требованія.

Слово предоставляется депутату Левину.

Ему приходится впервые говорить передъ лицомъ русскаго парламента отъ имени шестимилліоннаго еврейскаго народа, интересамъ котораго этотъ человѣкъ такъ горячо и беззавѣтно преданъ.

Это была лучшая изъ его рѣчей.

— Мнѣ приходится сдѣлать надъ собой огромныя усилія,— начинаетъ ораторъ, видимо, сильно волнуясь,—чтобы не впасть въ недостойный тонъ для этого высокаго дома: трупы съ улицъ Бѣлостока еще не убраны. Я не хочу будить въ васъ чувства жалости. Когда дѣло касается судьбы 6-милліонной народности, жалость не при чемъ. Народность требуетъ только справедливости, а разъ рѣчь идетъ о ней, то нѣтъ мѣста для чувства жалости, потому что требованія справедливости могутъ быть обоснованы чисто логическимъ путемъ. Въ Бѣлостокѣ свершилось что-то страшное. Это тѣ же разстрѣлы, но безъ военнаго суда. Жертвами ихъ являются даже не тѣ, кто, съ точки зрѣнія полиціи, былъ бы виновенъ, а просто мирные граждане, безпомощные старики, старухи, дѣти. На бѣлостокскій погромъ мы не должны смотрѣть, какъ на единичное событіе. Это не есть самостоятельная монографія. Это одна глава изъ многотомной книги еврейскихъ погромовъ, авторъ которой—анонимъ; имя его извѣстно лучше всего департаменту полиціи. Бѣлостокъ не исключительный случай, это—звено изъ длинной цѣпи еврейскихъ страданій. Это есть слѣдствіе той системы, съ которой вы хотите бороться. Русскому правительству необходимо имѣть 6-милліонное слабое населеніе, лишенное правъ. Я скажу болѣе: если бы евреевъ въ Россіи не было и если бы правительство хотѣло проводить свои взгляды, ему пришлось бы выписать какое-либо безпомощное населеніе изъ другихъ странъ, чтобы въ критическій моментъ можно было направить гнѣвъ народныхъ массъ по линіи наименьшаго сопротивленія. И этимъ козломъ отпущенія является безправное еврейство. Масса воспитана на

томъ, что у насъ имѣются граждане 1-й, 2-й и 3-й категоріи; къ послѣдней категоріи относятъ 6-милліонное еврейское населеніе. Массы воспитаны въ тѣхъ взглядахъ, что въ отношеніи евреевъ все возможно, такъ какъ они граждане низшаго сорта и такъ какъ евреи не находятъ защиты, когда они нуждаются въ ней. Погромы, это—цѣлая система. Точно такъ же въ октябрьскіе дни, когда русскій народъ весь, какъ одинъ человѣкъ, сталъ освобождаться отъ путъ, правительство не нашло другого средства, чтобы бороться съ освободительнымъ движеніемъ, кромѣ извѣстнаго маневра—направленія гнѣва массъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Вы знаете, чѣмъ окончилась та глава исторіи. Теперь повторяется то же самое. Это второе неисправленное, но дополненное изданіе. Теперь созвана Дума. Въ ней имѣется выраженіе народной воли. Мы всѣ стремимся къ свободѣ, и эта воля народная встрѣчаетъ отпоръ. Я боюсь, что Бѣлостокъ является первой страницей этой главы. Это цѣлая система, она подготовлена и задумана коварно и столь же коварно исполняется. Во многихъ случаяхъ мы отлично знаемъ, что прокламаціи разсылаются жандармскими управленіями. Мы знаемъ и такихъ губернаторовъ, которые призывали нашихъ стариковъ и говорили имъ: если вамъ не удастся успокоить вашу молодежь, мы раздѣлаемся съ вами по-своему. Такъ могутъ только говорить люди, лишенные совѣсти и представленія объ элементарной справедливости. Не только губернаторы,—стражники, эти маленькіе самодержцы, и они устраиваютъ погромы противъ своихъ подданныхъ,—и у нихъ есть таковые, и они знаютъ, что ихъ подданные также различаются по категоріямъ,—и расправляются съ тою категоріею, которую они считаютъ послѣднею. Мы знаемъ разстрѣлы, производимые военными судами; но тамъ есть хоть намекъ на судебную форму. Здѣсь же и этого нѣтъ. Здѣсь судьями является дикая масса, которая охотно пользуется безнаказаннымъ правомъ истреблять. Правительство ограничило насъ. Оно не выноситъ нашего участія въ освободительномъ движеніи и хочетъ запереть насъ въ идейной чертѣ осѣдлости. Но тщетно. Черту осѣдлости можно провести лишь на географической картѣ, и то она сохранится лишь до поры, до времени. Правительство ошибается въ насъ. Мы будемъ втройнѣ сочувствовать освободительному движенію, сколько бы жертвъ оно ни стоило намъ. Правительство выдвинуло мотивъ коллективной отвѣтственности. Противъ этого мы въ Думѣ должны бороться всѣми силами. На бѣлостокскую исторію мы должны

смотрѣть, какъ на косвенный отвѣтъ на всѣ запросы, на которые министерство не нашло нужнымъ и возможнымъ отвѣчать тутъ. По безпроволочному телеграфу они намъ прислали отвѣтъ на всѣ запросы, отвѣтъ кровью невинныхъ жертвъ. Этому долженъ быть положенъ конецъ. Когда мы подписывали запросъ, мы не имѣли въ виду будить въ комъ-либо чувство жалости, потому что счастье еврейскаго народа, какъ и счастье всего русскаго народа, должно быть построено на началахъ справедливости, а не жалости. Мы имѣли въ виду раздвинуть хоть уголочекъ той страшной картины, которая пишется нашими министрами—художниками въ своей области. Краски для этой картины—черныя, сгущенныя кровью. Вотъ этотъ уголокъ картины я хотѣлъ развернуть передъ вами. Я думаю, что вы поймете насъ, если мы скажемъ, что мы вдвойнѣ возмущаемся. Какъ обидно, что даже въ освободительномъ движеніи мы служимъ мишенью. Правительство имѣетъ въ виду потопить все освободительное движеніе въ крови, и оно начало съ насъ. Поэтому я прошу, чтобы Дума признала запросъ спѣшнымъ, чтобы реагировать сколь возможно на тѣ гнусности, которыя совершаются на нашихъ глазахъ. И когда? Въ началѣ XX вѣка. И гдѣ? Передъ всей Европой!

Задушевность тона подкупила аудиторію, и она выразила свое сочувствіе оратору долгими аплодисментами.

Г. Левина смѣняетъ г. Жуковскій—депутатъ Гродненской губерніи, крестьянинъ. Онъ хорошо знаетъ Бѣлостокъ. Онъ знаетъ, въ честь чего совершается религіозная процессія, послужившая сигналомъ къ погрому. Эти процессіи совершаются въ память избавленія города отъ холеры. Такимъ образомъ, празднество не является чисто религіознымъ, а, такъ сказать, обще-гражданскимъ и въ немъ всегда принимаютъ живѣйшее участіе мѣстные евреи, украшая въ день процессіи свои дома цвѣтами и коврами,—«такъ что мило взглянуть»,—и поэтому ораторъ можетъ найти только одно объясненіе случившемуся: черносотенную агитацію.

Г. Жуковскаго смѣняетъ г. Рыжковъ.

— Ссылка на національную вражду и безсиліе власти—грубая ложь. Пусть правительство уйдетъ,—погромы прекратятся.

За нимъ говоритъ М. Ковалевскій.

— Дѣло идетъ о болѣе важномъ, нежели выраженіе чувства возмущенія, дѣло идетъ о достоинствѣ и чести нашей родины. Если мы желаемъ прослыть народомъ, заслуживающимъ всеобщаго уваженія и всеобщаго сочувствія, то должны разъ навсегда заявить, что всѣ граждане россійскіе наши братья и что

мы всѣ стоимъ другъ за друга, какъ одинъ человѣкъ. *(Апплодисменты).* Вскорѣ, я надѣюсь, на разстояніи нѣсколькихъ минутъ вы въ состояніи будете вашимъ единодушнымъ присоединеніемъ къ требованію о срочности запроса предъ лицомъ Россіи и всего міра заявить, что вы не допускаете различія національности, что всѣ мы граждане одной родины. Когда я пришелъ впервые въ Думу, я не могъ предположить, что намъ придется, подобно авторамъ первой въ мірѣ виргинійской деклараціи, говорить о правахъ человѣка на жизнь. А вотъ въ теченіе мѣсяца мы толкуемъ объ этихъ правахъ человѣка, представляемъ заявленія о необходимости амнистіи, высказываемся противъ смертной казни, дѣлаемъ запросъ министрамъ о томъ, чтобы не дозволяли проливать кровь россійскихъ гражданъ. Господа, помните, что минуты, которыя мы переживаемъ теперь, минуты историческія,— мы сейчасъ единогласно признаемъ, что для насъ нѣтъ различія національностей и вѣроисповѣданія и что мы, какъ одинъ человѣкъ, стоимъ за то, чтобы русское правительство охраняло всѣхъ россійскихъ подданныхъ и всѣхъ согражданъ. *(Взрывъ апплодисментовъ).*

Слова проситъ г. Аладьинъ.

Онъ не считаетъ нужнымъ долго останавливаться на этомъ простомъ и ясномъ вопросѣ.

— Русскій народъ,—говоритъ онъ,—какъ народъ, не причастенъ къ этимъ погромамъ, созданнымъ администраціей при помощи подонковъ общества.

Далѣе ораторъ выдвигаетъ необходимость командировать депутатовъ для разслѣдованія погрома на мѣстѣ.

Г. Котляревскій указываетъ коренную причину зла—безправіе. Законъ о гражданскомъ равноправіи положитъ конецъ ужасамъ.

Г. Родичевъ видитъ въ бѣлостокскомъ погромѣ отвѣтъ на запросъ Государственной Думы по поводу печатанія черносотенныхъ прокламацій. Устройство еврейскихъ погромовъ—дѣло департамента полиціи.

— Мы это знали. Внося запросъ, мы спрашивали правительство: принимаетъ-ли оно позорное наслѣдство, и получили отвѣтъ, что въ Россіи нѣтъ закона, останавливающаго убійства. Авторитетъ власти, построенный на горахъ труповъ, цементированный кровью невинныхъ жертвъ, безсиленъ спасти отъ позора и убійствъ. Дѣло идетъ о чести русскаго народа и безопасности отечества. Правительство, выбирая орудіемъ борьбы междоусобную войну, ста-

витъ вопросъ: быть или не быть Россіи? Отечество въ опасности пока они у власти.

Слово предоставляется священнику Пояркову.

Онъ указываетъ, какъ на одного изъ виновниковъ кровавыхъ ужасовъ, на «извѣстную» часть печати. Онъ требуетъ преданія ея суду.

Представители Царства Польскаго высказываются за неотложность. Запросъ принятъ вмѣстѣ съ формулой перехода къ очереднымъ дѣламъ, заключающей въ себѣ предъявленіе парламентской комиссіи требованія о немедленномъ разслѣдованіи событія на мѣстѣ.

Формула перехода принимается единогласно.

На мѣсто погрома были командированы три депутата: гг. Араканцевъ, Щепкинъ и Якубсонъ.

Изучивъ на мѣстѣ всѣ обстоятельства дѣла, они вернулись въ Петербургъ и представили парламентской слѣдственной комиссіи собранные ими матеріалы. Разобравъ эти матеріалы и систематизировавъ ихъ, комиссія представила Думѣ обширный докладъ.

Докладъ распадался на двѣ большія части: общіе выводы комиссіи, такъ сказать, обвинительный актъ и три тетради слѣдственнаго матеріала, заключающія свидѣтельскія показанія, копіи съ отношеній должностныхъ лицъ, образцы черносотенныхъ прокламацій и т. д.

Мы приводимъ лишь выводы доклада. При дальнѣйшемъ изложеніи преній, вызванныхъ этимъ докладомъ, мы опустили всѣ подробности, имѣющія частный и мѣстный характеръ, оставивъ все то, что представляетъ общій интересъ.

Выяснивъ число убитыхъ и раненыхъ во время погрома и подробно остановившись на разсмотрѣніи причинъ, вызвавшихъ этотъ погромъ, парламентская слѣдственная комиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ.

Во-первыхъ, никакой племенной, религіозной или экономической вражды между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ города Бѣлостока не существовало.

Во-вторыхъ, нескрываемая вражда къ евреямъ существовала только у полиціи и внушалась также и войскамъ на почвѣ обвиненія евреевъ въ участіи въ освободительномъ движеніи.

Въ-третьихъ, погромъ былъ подготовленъ заранѣе, и объ этомъ задолго было извѣстно какъ администраціи, такъ и самому населенію.

Въ-четвертыхъ, ближайшій поводъ къ погрому былъ также заранѣе пріуготовленъ, предсказанъ властями, и посему онъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ вспышка религіознаго или національнаго фанатизма.

Въ-пятыхъ, дѣйствія войскъ и гражданскихъ властей во время погрома представляются явнымъ нарушеніемъ установленныхъ на сей предметъ законовъ, а равно и правилъ 7-го февраля 1906 года. Это было систематическое разстрѣливаніе мирнаго еврейскаго населенія, не исключая женщинъ и дѣтей, подъ видомъ усмиренія революціонеровъ, ибо никакихъ революціонныхъ дѣйствій, какъ толпы, такъ и отдѣльныхъ лицъ, которыя дали бы основанія для принятія мѣръ усмиренія,—не установлено.

Въ-шестыхъ, гражданскія и военныя власти не только бездѣйствовали, не только содѣйствовали погрому, но во многихъ случаяхъ, въ лицѣ низшихъ агентовъ, производили его сами въ видѣ убійствъ, истязаній и грабежей.

Въ-седьмыхъ, официальныя донесенія въ изложеніи причинъ, поводовъ и хода событій (о стрѣльбѣ въ войска и христіанское населеніе, о революціонныхъ нападеніяхъ и т. п.) не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Въ залюченіе комиссія указала на необходимость привлеченія всѣхъ виновныхъ къ судебной отвѣтственности, смѣщенія мѣстныхъ властей и отмѣны военнаго положенія.

Докладчикомъ отъ имени комиссіи выступилъ г. Араканцевъ.

Прежде чѣмъ приступить къ обсужденію доклада, маленькій, но характерный инцидентъ. Представители правой—Стаховичъ, Способный и Румянцевъ — настаиваютъ на необходимости отложить слушаніе доклада, такъ какъ они не успѣли съ нимъ надлежащимъ образомъ ознакомиться.

Гг. Щепкинъ, Кокошкинъ и кн. Долгоруковъ протестуютъ, и Дума приступаетъ къ слушанію доклада.

Предъ ней развертывается страшная картина. Сколько ужасовъ и крови, сколько жестокостей и преступленій!

Дума слушаетъ молча.

Съ докладомъ комиссіи она уже знакома. Г. Араканцевъ дополняетъ докладъ нѣкоторыми подробностями и общими замѣчаніями.

Депутаты Государственной Думы встрѣтили въ Бѣлостокѣ полное довѣріе со стороны населенія; жители заявили, что пріѣздъ депутатовъ внесъ успокоеніе; для дачи показаній явилась масса лицъ, и, такимъ образомъ, депутаты имѣли возможность выби-

рать наиболѣе цѣнныя и обстоятельныя показанія... Относительно допроса каждаго свидѣтеля составлялся особый протоколъ, который прочитывался, а затѣмъ подписывался свидѣтелемъ. Сообщивъ эти предварительныя свѣдѣнія, г. Араканцевъ переходитъ къ фактическому изложенію дѣла и сопоставляетъ факты и выводы, къ которымъ пришла слѣдственная парламентская комиссія, со свѣдѣніями, которыя приводитъ правительственное сообщеніе. Далѣе, сопоставляя это правительственное сообщеніе съ рапортами генерала Бадера и товарища прокурора, г. Араканцевъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ противорѣчій. Главный пунктъ правительственнаго сообщенія состоитъ въ указаніи на то, что были брошены бомбы, между тѣмъ, тѣ женщины, которыя пострадали якобы отъ разрыва бомбы, оказались пораженными солдатскими пулями. Изложивъ фактическія обстоятельства дѣла, ораторъ переходитъ къ выводамъ.

— Что можетъ отвѣтить правительство? Оно сошлется на судебную власть. Но если обстоятельства не измѣнятся, ничего вѣрнаго она не добьется. Слѣдователи обращаются за совѣтами къ той же полиціи. Населеніе боится и не довѣряетъ слѣдователямъ. Судебной власти не удастся открыть виновныхъ при теперешнихъ условіяхъ. Я по прокурорскому опыту знаю эту пѣсню о судебной власти. Скверная эта пѣснь... Это, такъ сказать,—закрыться судебною властью—ни больше, ни меньше. Во имя справедливости, правды и спасенія обрывковъ и остатковъ разгромленнаго Муравьевымъ новаго суда, я буду вездѣ кричать, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ удалена вся бѣлостокская администрація, не будутъ удалены войска и не будетъ снято военное положеніе, истинной правды мы не добьемся. Дѣло сведется къ тому, что возьмутъ какого-нибудь городового и предадутъ его суду, и въ то время, когда этотъ «стрѣлочникъ» будетъ страдать, истинные виновники погрома будутъ сидѣть въ мягкихъ креслахъ и посмѣиваться.

Ораторъ переходитъ къ поведенію войскъ во время погрома.

— До сихъ поръ наши войска не участвовали въ дѣлахъ противъ евреевъ, мы не слышали, чтобы честный мундиръ нашего воинства былъ запачканъ кровью мирныхъ гражданъ. А тутъ это было. Войска дѣйствовали бокъ о бокъ съ полицейскими. Я не беру все войско, а только часть его—скверную часть.

Ораторъ переходитъ къ выводамъ.

— Русскій народъ не повиненъ въ погромахъ,—я боюсь оскорбить его. Погромы—дѣло русскаго правительства. Ему нужно

ослабить, перессорить и натравить другъ на друга мирныя народности. Оно не остановилось передъ тѣмъ, чтобы втянуть въ это страшное дѣло и нашу армію. Прикрываясь высокимъ именемъ Царя, оно направило русскія войска противъ народа,—рѣку освободительнаго движенія оно постаралось окрасить кровью и завалить тѣлами, оно заставило армію служить интересамъ имущихъ, нести полицейскую службу, охранять покой фабриканта, противопоставило вооруженнаго солдата... голодному рабочему.

Но армія просыпается и скоро прозрѣетъ. Тогда горько придется угнетателямъ русскаго народа.

Докладчикъ закончилъ предложеніемъ почтить память погибшихъ вставаніемъ.

Всѣ встали, какъ одинъ человѣкъ.

Въ это время въ министерской ложѣ изъ министровъ былъ только г. Столыпинъ.

Взоры обратились въ его сторону. Онъ оставался неподвиженъ.

— Онъ сидитъ, убійца сидитъ!—раздалось среди тишины.

———

Въ слѣдующемъ засѣданіи г. Щепкинъ дополнилъ докладъ, сдѣланный наканунѣ г. Араканцевымъ. Онъ подошелъ къ разсматриваемому вопросу съ точки зрѣнія историка.

Умѣло группируя факты, онъ заявляетъ, что изучилъ погромы подъ руководствомъ такого опытнаго въ этихъ дѣлахъ спеціалиста, какъ г. Нейдгардтъ. Его выводы таковы: полиція должна быть муниципализована, подчиненные не должны исполнять явно незаконныхъ распоряженій начальства; населеніе не можетъ быть лишено права самозащиты съ оружіемъ въ рукахъ.

Г. Щепкина смѣняетъ третій думскій эмиссаръ г. Якубсонъ. Онъ рисуетъ потрясающія картины погрома и подвергаетъ негодующей критикѣ «политику отвлеченія».

— Когда ловятъ вора, онъ часто самъ кричитъ, указывая на перваго встрѣчнаго: «Вотъ онъ, держи его!» Такой политики придерживается наше правительство.

Рѣчь, исполненная искренняго чувства и подъема, многократно прерывалась аплодисментами.

Переходя къ критикѣ правительственнаго сообщенія, ораторъ видитъ въ немъ новый призывъ къ погрому и оканчиваетъ свою рѣчь выраженіемъ увѣренности, что русскій народъ «отброситъ

скверную, подлою клевету», приписывающую ему, народу, устройство погрома.

Слова проситъ депутатъ г. Ѳедоровскій.

Это человѣкъ очень умѣренныхъ взглядовъ—старый офицеръ. Онъ выражаетъ увѣренность, что «русскій народъ заклеймитъ именемъ Каина» виновниковъ погрома, и что въ народномъ сердцѣ не найдется никакого другого чувства, кромѣ омерзѣнія. Оратору больно за честь нашей арміи, и онъ призываетъ бережно относиться къ ея имени, не прибѣгая къ огульнымъ обвиненіямъ.

— Только тогда прекратятся эти ужасы, когда испарится этотъ духъ безправія, и когда каждый подчиненный будетъ знать, что не обязанъ исполнять явно незаконныя распоряженія, и когда армія проникнется сознаніемъ, что охраненіе конституціоннаго строя—ея главная обязанность.

— Священникъ Аѳанасьевъ,—произноситъ предсѣдатель.

И на каѳедрѣ появляется небольшая фигура священника-депутата.

— Бѣлостокскій погромъ—только часть общаго погрома. Вся Россія раздѣлена на два лагеря—угодныхъ и не угодныхъ. Однимъ—чины и награды за ихъ варварскія расправы, а всѣмъ прочимъ—военное положеніе.

Ораторъ напоминаетъ о «славныхъ завоевателяхъ», подвизавшихся въ Москвѣ, Томскѣ, Ростовѣ и другихъ городахъ. Они разстрѣливали правыхъ и виноватыхъ, заполнили тюрьмы и остроги... И все же должны были уступить, и Государственная Дума была дана. Хотѣлось вѣрить во все свѣтлое, лучшее. Но «они» увидѣли, что идея не умерла, а близка къ намѣченной цѣли. И тогда начали сочинять прокламаціи и кричать, что Дума «жидовская», что она идетъ противъ Царя. Страшно подумать, что этимъ не кончится. Казалось, въ тѣ дни, когда народные представители взялись за работу, надлежало быть разсвѣту... Но вновь встаютъ черные столбы крови и мести, и хочется крикнуть этимъ людямъ: «Слышите вы, что творится? Или Богъ умеръ въ вашей душѣ, и вы хотите уподобиться Ироду, купающемуся въ крови. Но уже чаша переполнена, кровь неповинныхъ вопіетъ къ небу, и васъ ждетъ уже страшный судный день».

Слова священника покрываются громомъ аплодисментовъ.

Послѣ священника Аѳанасьева о бѣлостокскомъ погромѣ говорило много ораторовъ въ цѣломъ рядѣ засѣданій: Дума долго останавливалась на этомъ вопросѣ, сознавая, что Бѣлостокъ—это не случайный разгромъ мѣстнаго еврейскаго населенія, а страш-

ная язва всей современной жизни и первый этапъ по пути новыхъ ужасовъ.

Говорили русскіе, поляки, евреи.

Остановимся на самыхъ интересныхъ моментахъ преній.

Послѣ православнаго священника Аѳанасьева, который въ глубоко искренней рѣчи раскрылъ, что называется, свою душу, въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій слово было предоставлено католическому епископу барону Роопу.

Баронъ Роопъ представлялъ собой одну изъ выдающихся фигуръ нашего перваго парламента, фигуру сложную и интересную.

Онъ сумѣлъ сочетать университетскій значокъ съ епископской сутаной, званіе священнослужителя—съ работой политическаго дѣятеля, баронскій титулъ—съ рѣчами демократическаго характера, дипломатическій умъ—съ іерейскимъ безпристрастіемъ.

Сочетанія сіи сложныя. И рѣчь барона Роопа о бѣлостокскомъ погромѣ также представляла собою рядъ сложныхъ сочетаній.

Подъ общимъ знакомъ пастырскаго спокойствія и безпристрастія онъ, съ одной стороны, выразилъ увѣренность, что бѣлостокскій погромъ былъ, несомнѣнно, организованъ, даже дни были распредѣлены, и объ этомъ знали рѣшительно всѣ; съ другой стороны, онъ убѣжденъ, что высшая администрація была непричастна къ этой организаціи. Съ одной стороны, онъ заявилъ, что мѣстное крестьянское населеніе вполнѣ мирно уживается съ евреями; съ другой стороны, онъ полагаетъ, что евреи подали поводъ къ враждѣ и насиліямъ.

Въ общемъ, это была умная и очень тонкая рѣчь.

Послѣ Роопа слово предоставляется г. Винаверу.

Винаверъ начинаетъ съ критики правительственнаго сообщенія о бѣлостокскомъ погромѣ. Это сообщеніе говоритъ о полномъ разстройствѣ полиціи, о невозможности бороться съ революціей. Но изъ этого открытаго заявленія вытекаетъ только одинъ выводъ: правительство безсильно, оно утратило авторитетъ и должно уступить мѣсто другому. Другой выводъ тотъ, что правительство словно заявляетъ: «Я буду давить невинныхъ, чтобы устранить революцію». Ораторъ задается цѣлью доказать, что погромы—дѣло рукъ центральнаго правительства, а мѣстныя власти являются только исполнителями. Для этого онъ сопоставляетъ тексты черносотенныхъ прокламацій и воззваній. Въ слѣдственномъ матеріалѣ о бѣлостокскомъ погромѣ имѣется прокламація, содержащая воззваніе къ солдатамъ и призывающая ихъ къ насильственной

борьбѣ съ евреями. Точно такого же содержанія прокламація получена ораторомъ изъ Екатеринослава. На ней имѣется помѣтка: «Дозволено цензурой». Напрасно г. Столыпинъ заявлялъ, что въ департаментѣ полиціи была напечатана лишь сотня прокламацій, Онѣ были отпечатаны въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, и съ мѣстъ обращались къ г. Рачковскому за присылкой новыхъ транспортовъ этихъ прокламацій. Прокламаціи, призывавшія къ избіенію евреевъ, распространялись нѣкіемъ Лавровымъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, состоящимъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Этотъ Лавровъ—калужскій землевладѣлецъ, подъ весьма прозрачнымъ псевдонимомъ «Калужскій», выпустилъ цѣлую книгу подъ названіемъ: «Дружескій совѣтъ евреямъ», гдѣ русскій народъ призывается къ истребленію евреевъ тысячами.

— И эта книга, вышедшая въ текущемъ году вторымъ изданіемъ, отпечатана въ типографіи петербургскаго градоначальника! Своимъ послѣднимъ правительственнымъ сообщеніемъ о Бѣлостокѣ самъ г. Столыпинъ вошелъ въ область той литературы, которую распространялъ г. Лавровъ и друг.—замѣчаетъ ораторъ.

Громъ аплодисментовъ покрываетъ эти слова. Ораторъ доказываетъ, что за революціонную дѣятельность части еврейской молодежи правительство хочетъ сдѣлать отвѣтственнымъ все еврейство. Ораторъ сопоставляетъ факты—измышленія, всегда оказывавшіяся ложными, предлоговъ къ погромамъ; переводъ полицейскихъ чиновъ, уличенныхъ въ содѣйствіи въ погромѣ на высшія должности; исчезновеніе изъ слѣдственнаго матеріала документовъ и т. д. На основаніи этихъ фактовъ ораторъ устанавливаетъ связь мѣстныхъ организацій съ центромъ. Но ораторъ заявляетъ, что еврейскій народъ, несмотря ни на что, своего пути не измѣнитъ и останется вѣренъ освободительному движенію, ибо онъ знаетъ, что только въ свободной Россіи все его спасеніе.

— У насъ есть сила—это сила отчаянія. У насъ есть союзникъ—это проникнутый истиннымъ человѣколюбіемъ русскій народъ.

Аудиторія долго гремѣла рукоплесканіями.

Затѣмъ слово предоставляется г. Родичеву.

Это была не рѣчь, а какой-то сплошной стонъ. Г. Родичевъ, несомнѣнно, одинъ изъ наиболѣе чуткихъ представителей партіи «народной свободы». Его начинаетъ давить эта безрезультатность двухмѣсячной напряженной работы въ Думѣ, эта страшная слѣпота тѣхъ, къ кому она взываетъ. Въ его послѣднихъ рѣчахъ

начинаютъ звучать нотки отчаянія и отголосокъ ужаса передъ надвигающейся грозой, которая начинаетъ ему казаться уже неизбѣжной, близкой, неотвратимой.

— Мы не слыхали отъ нихъ даже словъ отреченія,—начинаетъ ораторъ.—Развѣ они сдѣлали хотя попытку къ открытію правды въ этомъ дѣлѣ. Нѣтъ, у нихъ одна цѣль—залгать это дѣло.

«Залгать»—такъ, кажется, не говорятъ, но это слово вырвалось изъ груди оратора. Онъ говоритъ, что вся наша система управленія построена на лжи.

— Всякій чиновникъ знаетъ, что для того, чтобы попасть въ коллеги къ г. Столыпину, надо лгать; всякій губернаторъ знаетъ о той правдѣ, которую повѣдалъ кн. Урусовъ, но не посмѣетъ ее сказать,—его раздавятъ. Ложные доносы и организація лжесвидѣтельства—вотъ лучшій способъ для начала карьеры. Не полиція деморализована, а вся власть, вся деморализована режимомъ насилія и лжи. А отречься отъ лжи нѣтъ у нихъ ни силы, ни патріотизма.

Ораторъ переходитъ къ выясненію роли арміи въ погромахъ.

— Истинными развратителями арміи являются тѣ, кто преступленіе называетъ исполненіемъ долга.

Бурные аплодисменты прерываютъ оратора.

— Тѣ—кто ведетъ ее на убійство,—возмутители арміи противъ своего отечества. Мы попали въ трагическое положеніе,—продолжаетъ ораторъ,—два мѣсяца мы взываемъ къ нимъ: прекратите кровопролитія, перестаньте лгать, уйдите вы, ибо вѣдь нельзя править страной въ полномъ разладѣ съ народнымъ представительствомъ. Вѣдь это утопія—править стомилліоннымъ народомъ въ спорѣ и во враждѣ, въ войнѣ съ его представителями. Вѣдь это грязь и кровь. Они этому рады, они сочиняютъ прокламаціи даже противъ Государственной Думы. Итакъ, одинъ изъ органовъ правительства возстаетъ на другой, но вѣдь это уже полная дезорганизація, полное разложеніе власти. Распустить Думу они боятся: народъ можетъ отвѣтить явнымъ возстаніемъ. И ради корысти эти люди ведутъ насъ къ разгрому. Но если нѣтъ у васъ совѣсти, нѣтъ патріотизма, такъ поймите, что подымется физическая сила. Когда, подъ вліяніемъ фактовъ, вы скажете: «Пора уходить!»—тогда будетъ уже поздно.

Оратору отвѣчали бурными аплодисментами.

Г. Родичева смѣняетъ г. Левинъ.

Въ горячей, страстной рѣчи говоритъ онъ о рецидивѣ варварства.

— Погромы были и раньше, но они носили другой характеръ. То было въ эпоху инквизиціи, когда все устраивалось во имя Бога... Исторія говоритъ, что великіе инквизиторы не столько радѣли о заблудшихъ душахъ, сколько руководствовались возможностью конфисковать имущества въ свою пользу. Теперь происходитъ то же самое. Тогда говорили: «Ты противъ Бога,—иди на костеръ». Теперь говорятъ другое: «Ты противъ режима, ты противъ боговъ, носящихъ эполеты,—иди на костеръ». *(Бурные аплодисменты)*. Раньше все это дѣлалось грандіозно, во имя Бога воздвигались костры; теперь это дѣлается тайкомъ, на чердакахъ, въ закоулкахъ. Тотъ богъ, во имя котораго это дѣлается, происхожденія темнаго, мрачнаго, онъ не выноситъ свѣта. *(Рукоплесканія)*.

Ораторъ говоритъ о безысходномъ, тяжеломъ положеніи еврейскаго народа, который уже потерялъ даже способность плакать.

Во имя общихъ интересовъ онъ призываетъ всѣхъ бороться противъ погромной агитаціи.

Послѣ того, какъ рядъ ораторовъ, выступившихъ, такъ сказать, въ первую очередь, освѣтили вопросъ, пренія стали расплываться. Какъ-то само собой случилось, что ораторы расширили рамки вопроса и, обсуждая бѣлостокскія событія, приводили въ видѣ иллюстраціи воспоминанія о погромахъ въ Томскѣ, Одессѣ, Черниговѣ и т. д.

Послѣ такой страшной полосы погромовъ, которую перенесла Россія непосредственно за объявленіемъ гражданской свободы, почти не было города, который не далъ бы своему представителю матеріала для характеристики погромной политики.

Говорилъ длинный рядъ ораторовъ. Отмѣтимъ наиболѣе яркіе моменты.

Ксендзъ Сангайло выражалъ глубокое сочувствіе жертвамъ погрома. Онъ предлагаетъ обратиться къ помощи предсѣдателя Думы и довести до Верховной власти правду объ этомъ ужасномъ дѣлѣ.

Вновь прибывшій изъ Сибири депутатъ г. Макушинъ говоритъ объ ужасахъ погрома въ Томскѣ. Тѣ же черты провокаціи и пропаганды, какъ и въ другихъ городахъ.

То же было и въ Черниговѣ, по словамъ депутата Шрага. Онъ довольно подробно останавливается на черносотенной агитаціи, которую открыто и безнаказанно ведутъ мѣстныя «Губернскія Вѣдомости». Но ораторъ вѣритъ, что этимъ ужасамъ

скоро наступитъ конецъ, народъ начинаетъ уже проявлять нетерпѣніе.

Затѣмъ слово предоставляется г. Стаховичу. Намъ пришлось прочесть въ одной газетѣ, что г. Стаховичъ мечется въ пространствѣ между гр. Гейденомъ и Ерогинымъ. Послѣ рѣчи г. Стаховича по поводу бѣлостокскаго погрома ни для кого не составитъ особаго труда опредѣлить, къ которому изъ этихъ двухъ полюсовъ онъ ближе. Г. Стаховичъ выступилъ, по выраженію г. Кокошкина, «адвокатомъ министерскихъ скамей»,—задача въ высшей степени трудная и неблагодарная, и г. Стаховичу слѣдовало бы считаться съ трудностями этой задачи.

Можно было бы ожидать, что онъ станетъ опровергать факты, сообщенные слѣдственной комиссіей, противопоставлять имъ другіе, группировать доказательства. Но нѣтъ—ни фактовъ, ни доказательствъ не оказалось въ распоряженіи г. Стаховича, а только, такъ сказать, одно нутро и общія разглагольствованія на тему о любви къ отечеству и о народной гордости. На всѣ факты г. Стаховичъ отвѣчаетъ очень просто:

— Не вѣрю я въ участіе правительства въ организаціи погромовъ.

Это основной мотивъ. Что же касается доводовъ, то ихъ немного, и они носятъ характеръ предположеній.

— Зачѣмъ было правительству устраивать погромы? Послѣ погромовъ биржа заволновалась, цѣнности упали, пошли непріятности, дипломатическія осложненія... Зачѣмъ это правительству? Это вѣдь для него чистая бѣда. Нельзя же правительству отказывать даже въ чувствѣ самосохраненія!

Докладъ слѣдственной комиссіи г. Стаховичъ находитъ совершенно неудачнымъ.

— Онъ окрашенъ субъективнымъ чувствомъ изслѣдователей. Собраны и выяснены показанія только одной стороны. Правительство уже впередъ осуждено, еще до разслѣдованія. Такъ бываетъ съ людьми, пользующимися дурной славой: гдѣ бы ни совершилось преступленіе,—на нихъ падаетъ подозрѣніе. Собранныя данныя слишкомъ односторонни и преувеличены. Сама комиссія въ своемъ докладѣ заявляетъ, что пока не снято военное положеніе, немыслимо правильное освѣщеніе вопроса, а между тѣмъ, комиссія выноситъ суровый приговоръ и поспѣшно валитъ на голову правительства тяжкія обвиненія. Комиссія не указываетъ руководителей погрома; напротивъ, она отвѣчаетъ, что

организатора погрома, пристава Шереметова, не было въ городѣ во время погрома. Какая же должна была быть точность диспозиціи и какъ велика должна была быть степень организованности, если погромщики могли дѣйствовать безъ руководителей?

Ораторъ полагаетъ, что погромъ относится къ числу такихъ явленій, которыя и изслѣдовать-то нельзя.

— Это явленіе стихійное,—взрывъ силъ, неопредѣленныхъ, неисчисленныхъ,—это изверженіе вулкана. Только исторія сумѣетъ опредѣлить причины явленій, а не современники, волнуемые чувствомъ негодованія и возмущенія. Мы какъ разъ переживаемъ время стихійныхъ вспышекъ. То, что въ обыкновенное время разрѣшается ссорами, спорами и судбищами, то въ наше время вызываетъ погромы, мятежи и насилія.

Затѣмъ, повидимому, рѣшивъ, что онъ въ достаточной мѣрѣ опровергъ всѣ заключенія комиссіи, ораторъ переходитъ къ патетической части рѣчи.

— Гг., я увѣренъ, что ни потрясенія и никакія другія несчастія не оставятъ такого ужаснаго слѣда, какъ униженіе русской государственной власти. Ее сдѣлали постылой.

Ораторъ продолжаетъ въ томъ же духѣ, съ большою легкостью отождествляя русскую власть съ русскимъ народомъ.

— Когда говорятъ, что быть русскимъ стыдно, то я понимаю, если это исходитъ отъ пострадавшихъ, но я не понимаю тѣхъ великороссовъ, которые этому аплодируютъ. Тутъ невольно поникнешь головой. Къ чему тутъ хлопать въ ладоши, когда ясно, что это униженіе того, что есть самаго дорогого у насъ,— униженіе русской государственной власти.

— Наша задача умиротворить страну,—продолжаетъ ораторъ, —и, преслѣдуя эту задачу, мы не должны дѣлать того, что предлагаетъ дѣлать докладъ. Мы не въ правѣ произнести безъ доказательствъ обвиненія многимъ людямъ, самоотверженная дѣятельность которыхъ проходила черезъ тяжкія испытанія.

Ораторъ вспоминаетъ о рядѣ покушеній на чиновъ полиціи, казаковъ и солдатъ.

— Поймите, что тутъ могло быть возмущеніе, которое, конечно, нельзя оправдать, а можно судить, но развѣ можемъ мы уже теперь объявить всенародно, что гражданская и военная власть не только бездѣйствовала, но даже содѣйствовала погрому.

Ораторъ переходитъ къ участію солдатъ въ погромѣ. Оговорка, что не армія принимала участіе въ погромѣ, а отдѣль-

ные солдаты, его не удовлетворяетъ—все равно тѣнь ложится на всю армію. Дума не можетъ санкціонировать позора и безчестія,—это заключительная мысль оратора.

Эта рѣчь произвела впечатлѣніе. Г. Стаховичу возражаетъ цѣлый рядъ ораторовъ. Слово предоставляется докладчику слѣдственной комиссіи г. Токарскому. Ораторъ замѣчаетъ, что г. Стаховичъ не уяснилъ себѣ задачи. Никакого судебнаго процесса Государственная Дума не ведетъ и вести не можетъ, но она должна установить характеръ явленій.

— Что же, замалчивать факты?! Вѣдь установлено, что губернаторъ покинулъ городъ во время погрома, вѣдь доказано, что люди были ранены штыковыми ударами и убиты солдатскими пулями, и я скажу, не трогая русскаго солдата, оберегая его честь, что если солдатъ дѣйствуетъ не по-солдатски, не исполняетъ своего долга, то это не солдатъ, а преступникъ.

Затѣмъ говоритъ Джапаридзе отъ имени соціалъ-демократической фракціи. Фракція предлагаетъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, сущность которой сводится къ указанію необходимости для народа взять дѣло въ свои руки, а органамъ самоуправленія оказать въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе.

Наиболѣе сильную отповѣдь г. Стаховичу пришлось выслушать отъ г. Кокошкина. Оратора прямо изумляетъ указаніе г. Стаховича на то, что правительство не стало бы предпринимать дѣйствій, направленныхъ къ колебанію принципа власти.

— Гдѣ находился г. Стаховичъ въ послѣдніе два мѣсяца, что онъ выдвигаетъ такіе доводы? Вѣдь правительство дѣлало рѣшительно все, чтобы подорвать свой авторитетъ. Взять хотя бы только разсылку пресловутой деклараціи, которая вызвала революціонное движеніе даже тамъ, гдѣ его не было.

Затѣмъ г. Кокошкинъ говоритъ, что, вопреки заявленію г. Стаховича, въ распоряженіи Думы имѣются показанія и другой стороны: это правительственное сообщеніе, то самое сооообщеніе, которое не рѣшилось воспроизвести даже офиціальнаго разслѣдованія, произведеннаго камеръ-юнкеромъ Фришемъ. Это сообщеніе производитъ на оратора впечатлѣніе разсказа свидѣтеля, который путается въ своихъ показаніяхъ, словно самъ боится, чтобы не попасть на скамью подсудимыхъ.

— Г. Стаховичъ воспользовался заявленіемъ комиссіи, что безъ снятія военнаго положенія невозможно полное ислѣдованіе. Но вѣдь мысль комиссіи ясна: свидѣтели, сообщившіе извѣстные

факты, если бы не боялись отвѣтственности, конечно, не измѣнили бы своихъ показаній, а дополнили бы ихъ. Г. Стаховичъ сравниваетъ погромъ съ изверженіемъ вулкана, и хотѣлъ бы все скрыть въ дыму этого вулкана, но, продолжая его сравненіе, можно замѣтить, что существуютъ аппараты, опредѣляющіе за много сотенъ верстъ колебанія почвы. Эти аппараты находятся въ департаментахъ полиціи и въ отдѣленіяхъ губернскихъ канцелярій... *(Взрывъ аплодисментовъ)*.

— Навѣрно, тотъ чиновникъ,—продолжаетъ г. Кокошкинъ,—который говорилъ, что можно устроить погромъ и на 10 человѣкъ, и на 10 тысячъ, очень благодушно смѣется надъ депутатомъ Стаховичемъ и его вулканическими сравненіями.

Затѣмъ ораторъ переходитъ къ критикѣ послѣдней части рѣчи г. Стаховича.

— Я знаю эту теорію замалчиванія,—многія корпораціи руководствуются ею, не рѣшаясь исключить опозорившаго корпорацію члена, но этотъ путь замалчиванія ведетъ къ безславію и позору. Еще во времена великаго нашего сатирика Гоголя говорили: есть раны, которыхъ не надо трогать, а надо скрывать. Благодаря такой теоріи, масса преступленій остаются необнаруженными. Но мы должны бороться противъ этой теоріи всѣми силами. Намъ говорятъ: униженіе государственной власти. Но къ власти мы въ правѣ предъявлять и извѣстныя нравственныя требованія—есть нравственный уровень, ниже котораго ни одно правительство не можетъ опускаться. Но наше правительство опустилось ниже этого уровня. *(Снова долго несмолкаемые аплодисменты)*.

Ораторъ энергично протестуетъ противъ отождествленія министерства съ государственной властью. Онъ напоминаетъ г. Стаховичу, что Государственная Дума—часть государственной власти.

— И она не хочетъ брать на себя чужого позора!—восклицаетъ ораторъ. *(Крики: «Хорошо! Браво, браво!»)*.

Докладъ комиссіи долженъ быть принятъ, по мнѣнію оратора, именно въ интересахъ нашего національнаго самолюбія. Въ заключеніе г. Кокошкинъ предлагаетъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, сущность которой сводится къ воспроизведенію выводовъ доклада слѣдственной комиссіи.

Послѣ г. Кокошкина говорило нѣсколько ораторовъ. Заслуживаетъ быть отмѣченною рѣчь г. Способнаго. Онъ беретъ на себя

роль безпристрастнаго изслѣдователя, говоритъ о необходимости сближенія между русскимъ и еврейскимъ населеніемъ. Онъ даже готовъ протянуть руку депутату Левину...

Г. Способный и бывшій раввинъ Левинъ, протягивающіе другъ другу руки!.. Картина, дѣйствительно, умилительная.

Но, какъ безпристрастный наблюдатель, г. Способный считаетъ нужнымъ предупредить евреевъ, что ихъ, быть-можетъ, ждетъ Крестовый походъ. Въ этомъ виновато не все еврейство, а еврейская молодежь, зараженная анархизмомъ. Но г. Способный утѣшаетъ, что анархизмъ такая болѣзнь, которая къ двадцати годамъ обыкновенно проходитъ, и г. Способный вѣритъ въ возможность мирнаго сожительства русскихъ и евреевъ. Въ заключеніе онъ даже считаетъ нужнымъ ополчиться на правительство за его близорукую политику раздѣленія, отсутствія политическихъ идеаловъ и т. п.

Такимъ образомъ, вопросъ былъ освѣщенъ всесторонне и слѣва, и справа.

Дальнѣйшее обсужденіе вопроса было на время прервано.

Надвинулись новыя событія, которыя отвлекли и всецѣло поглотили вниманіе Думы. Правительство выпустило свое преслотое сообщеніе по аграрному вопросу, которое всколыхнуло Думу и заставило ее приступить къ выработкѣ отвѣта на сообщеніе, отвѣта рокового для жизни Думы.

Новыя событія такъ захватили Думу, что она нескоро могла вернуться къ продолженію преній о бѣлостокскомъ погромѣ.

Перерывъ преній продолжался болѣе недѣли, а недѣля въ наше бурное время—большой срокъ, и продолженіе преній явилось бы, такъ сказать, анахронизмомъ. Дума поняла это и приняла рѣшеніе прекратить пренія и заняться обсужденіемъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Были предложены двѣ основныхъ формулы: г. Джапаридзе отъ с.-д. фракціи и г. Кокошкинымъ отъ партіи к.-д. Формула г. Джапаридзе предлагала Думѣ «призвать населеніе взять охрану своей жизни и имущества въ свои руки и предложить органамъ самоправленія и другимъ общественнымъ учрежденіямъ оказать населенію въ этомъ дѣлѣ самообороны полное содѣйствіе». Эта формула отвергнута подавляющимъ большинствомъ. Осталась формула Кокошкина. Формула г. Кокошкина констатируетъ, что разгромъ мирнаго еврейскаго населенія въ Бѣлостокѣ былъ вызванъ и поддерживался не враждой христіанскаго населенія къ евреямъ, а исключительно непланомѣрными дѣйствіями власти, что отвѣтственность за дѣйствія эти должна

лечь не на однѣ мѣстныя власти, но, главнымъ образомъ, на центральное правительство. Далѣе формула отмѣчаетъ правительственную пропаганду, замалчиваніе истины въ извѣстномъ правительственномъ сообщеніи и говоритъ, что правительство, сознающее свое безсиліе въ борьбѣ съ революціей, стремится къ подавленію ея посредствомъ устрашающихъ экспедицій, направленныхъ противъ мирныхъ гражданъ. Исходъ изъ создавшагося «безпримѣрнаго въ исторіи культурныхъ странъ положенія» формула видитъ въ преданіи суду всѣхъ отвѣтственныхъ лицъ и немедленной отставкѣ министерства.

Интересной представляется поправка, внесенная г. Бондаревымъ отъ имени трудовой группы. Поправка распадается на три части. Сущность ея заключается въ болѣе широкомъ обобщеніи бѣлостокскаго погрома. Она говоритъ, что путемъ организаціи пропаганды правительство борется не только противъ евреевъ и другихъ инородцевъ, но и противъ интеллигенціи и всѣхъ борцовъ за освобожденіе родины. Эта часть поправки принята. Вторая часть гласитъ: «Правительство держитъ все населеніе Россіи въ напряженномъ страхѣ и не даетъ ему возможности предаваться мирному труду. Въ виду этого, при сохраненіи нынѣшняго безотвѣтственнаго министерства страна быстро пойдетъ по пути ужасающей анархіи, повсемѣстныхъ возстаній, взрывовъ отчаянія приниженнаго народа и общаго разоренія страны». Эта часть тоже принята. Третья часть предупреждаетъ, что если министерство попрежнему будетъ продолжать держать власть въ своихъ рукахъ, Дума будетъ принуждена поставить въ извѣстность населеніе о необходимости взять въ свои руки защиту личности, имущества и жизни. Эта часть была отвергнута.

Вопросъ, такимъ образомъ, былъ рѣшенъ.

Но Дума предполагала, что ей придется къ нему вновь вернуться. Дѣло въ томъ, что въ концѣ послѣдняго засѣданія предсѣдательствовавшій кн. Долгоруковъ довелъ до свѣдѣнія Думы, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ готовъ дать объясненія на запросъ о бѣлостокскомъ погромѣ.

Это было въ пятницу, 7-го іюля. А на слѣдующій день, 8-го, Дума была распущена...

Страшный вопросъ такъ и остался безъ отвѣта со стороны министерства, и былъ похороненъ вмѣстѣ съ Думой, которая посвятила его освѣщенію столько труда и времени.

XII.

Законопроектъ о свободѣ собраній. Выступленіе соціалъ-демократической фракціи.

Общимъ преніямъ по поводу законопроекта о свободѣ собраній Дума посвятила нѣсколько засѣданій.

Законопроектъ этотъ былъ выработанъ и внесенъ партіей «народной свободы».

На плечахъ этой партіи въ первой Государственной Думѣ лежала вся подготовительная, сложная работа, служившая матеріаломъ для критики слѣва и справа.

Вступительная рѣчь докладчика по внесенному вопросу проф. Шершеневича знакомитъ съ основными чертами внесеннаго законопроекта.

Проектъ становится цѣликомъ на точку зрѣнія французскаго законодательства и совершенно отказывается отъ системы предварительнаго разрѣшенія. Дѣло ограничивается однимъ только заявленіемъ. И то такія заявленія нужны лишь для собраній публичныхъ, т.-е. собраній, не обусловливаемыхъ личными приглашеніями, затѣмъ для собраній, на которыхъ обсуждаются вопросы государственнаго и общественнаго характера, и, наконецъ, для собраній, которыя происходятъ въ самомъ городѣ или пятиверстномъ отъ него разстояніи. Проектъ отказывается даже отъ системы заявленій для собраній, происходящихъ за предѣлами города, такъ какъ если могутъ существовать какія-либо опасенія, что собранія публичныя подъ открытымъ небомъ могутъ стѣснить уличное движеніе и создать какое-либо неудобство для части населенія, то за предѣлами города такихъ неудобствъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть. Что касается другихъ условій для открытія собраній, то они доведены до минимума въ смыслѣ стѣсненія. Прежде всего проектъ касается вопроса о мѣстѣ собраній. Собранія не должны происходить тамъ, гдѣ они препятствуютъ общественному движенію, напр., на улицахъ и площадяхъ, но только въ томъ случаѣ, если это собраніе является дѣйствительно такимъ препятствіемъ. Безусловно запрещаются собранія на полотнѣ желѣзной дороги. Есть еще одно мѣстное ограниченіе. Запрещаются собранія на разстояніи одной версты въ окружности отъ мѣста засѣданій Государственной Думы или дѣйствительнаго пребыванія Государя Императора. Въ этомъ случаѣ законопроектъ считается

съ возможностью давленія на самоопредѣленіе Думы со стороны близко находящагося собранія. Подобное ограниченіе существуетъ и въ англійскомъ законодательствѣ. Проектъ совершенно не допускаетъ стѣсненій въ отношеніи времени. Во Франціи существуетъ ограниченіе времени собраній 11-ю часами вечера. Установленіе такого срока проектъ находитъ неудобнымъ, такъ какъ нѣкоторые классы населенія, напримѣръ, рабочіе поздно освобождаются отъ своихъ занятій. Никакихъ стѣсненій въ отношеніи возраста въ проектѣ нѣтъ. Въ собраніе допускаются и несовершеннолѣтніе. Въ вопросѣ о наблюденіи за собраніями существуютъ двѣ системы: надзоръ администраціи явный и тайный. Проектъ стоитъ за первую систему.

Администраціи предоставляется, но это, конечно, необязательно, посылать на собраніе уполномоченное лицо, которое непремѣнно должно быть въ присвоенной ему формѣ для того, чтобы каждый изъ участниковъ собранія зналъ, съ кѣмъ собраніе имѣетъ дѣло. Я понимаю, что со стороны членовъ Думы можетъ возникнуть вопросъ: чѣмъ гарантируются вырабатываемыя нами правила. Мы предоставляемъ администраціи право надзора, а какой надзоръ будетъ за сомой администраціей. Всякая попытка установить такой надзоръ представляется совершенно невозможной. Была мысль приложить къ этому закону о свободѣ собраній судебную гарантію, но составители проекта были принуждены отказаться. Центръ тяжести въ томъ мѣстѣ, около котораго мы всѣ здѣсь, въ Думѣ, постоянно вертимся, а именно, —въ высшей администраціи. Какой бы законъ мы ни изобрѣли, какой бы лучшій образецъ мы ни переняли, онъ долженъ неизбѣжно зачахнуть въ атмосферѣ административнаго произвола, который будетъ господствовать до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдвинутъ главный камень, лежащій на пути.

Только смѣна министерства, только министерство, пользующееся довѣріемъ Думы, можетъ обезпечить судьбу этого закона, какъ и вообще всякаго другого закона,—таковъ естественный выводъ, къ которому приходитъ г. Шершеневичъ.

Общій очеркъ, сдѣланный г. Шершеневичемъ, былъ дополненъ цѣннымъ замѣчаніемъ г. Ледницкаго, который указалъ на необходимость сдѣлать особую оговорку о свободѣ національнаго языка въ собраніяхъ.

Затѣмъ слово предоставляется г. Джапаридзе, представителю соціалъ-демократической парламентской фракціи.

Эта фракція къ тому времени только что еще успѣла образоваться.

Она насчитывала всего 16 человѣкъ.

Въ составъ фракціи вошли нѣкоторые члены трудовой группы—Михайличенко, Савельевъ и друг. и представители Кавказа—Жорданія, Рамишвили, Гамартели и друг. Вновь образовавшаяся фракція, такъ сказать, формально заявила о своемъ существованіи и включеніи въ семью парламентскихъ группъ. Этого вступленія ждали, и сама фракція придавала ему большое значеніе. Она заготовила декларацію, въ которой излагаетъ свое политическое credo.

Высказывались опасенія, что предсѣдатель Думы не допуститъ оглашенія этой деклараціи. Опасенія оказались совершенно напрасными,—никто этому оглашенію деклараціи не помѣшалъ, она была прочитана цѣликомъ... и не произвела сколько-нибудь значительнаго впечатлѣнія. Дума не проявила ни особаго интереса, ни особаго вниманія къ новому парламентскому собрату, который своимъ появленіемъ не оказалъ сколько-нибудь серьезнаго вліянія на соотношеніе парламентскихъ силъ. Быть-можетъ, впослѣдствіи это вліяніе и сказалось бы, но безпристрастный наблюдатель долженъ констатировать незначительность впечатлѣнія, произведеннаго первымъ выступленіемъ новой фракціи.

Россійская соціалъ-демократическая рабочая партія не получила въ первомъ русскомъ парламентѣ представительства, соотвѣтствующаго ея дѣйствительной силѣ и значенію.

Поводомъ для выступленія фракціи послужилъ законопроектъ о свободѣ собраній, внесенный партіей «народной свободы».

Объявленіе своей деклараціи фракція возложила на г. Джапаридзе.

Въ этой деклараціи не было ничего новаго. Она, въ сухомъ перечнѣ, повторяетъ требованіе соціалъ-демократической партіи: объ учредительномъ собраніи, о переходѣ всей власти къ народу, 8-часовомъ рабочемъ днѣ, замѣнѣ арміи милиціей и т. д. Декларація отмѣчаетъ отношеніе къ Думѣ фракціи: на Думу фракція смотритъ, какъ на этапъ по пути къ учредительному собранію и собирается обратить Думу въ органъ общенароднаго движенія, пробуждающаго въ массахъ жажду борьбы.

Предсѣдатель, князь Долгоруковъ, останавливаетъ оратора и напоминаетъ, что вопросъ идетъ о свободѣ собраній.

— Просимъ продолжать!—протестуетъ лѣвая.

— Тише, тише!—поддерживаютъ предсѣдателя правая и центръ.

Ораторъ, наконецъ, переходитъ къ критикѣ внесеннаго законопроекта. Онъ ограничивается немногими замѣчаніями: рабочему люду нужны улицы и площади, и онѣ не должны быть закрыты для собраній. Ораторъ полагаетъ, что весь законъ о свободѣ собраній долженъ состоять только изъ двухъ параграфовъ: первый устанавливаетъ эту свободу, второй устанавливаетъ наказанія для администраціи за нарушеніе этой свободы.

— Собираться могутъ всѣ, всегда и вездѣ.

Къ такой лаконической формулѣ долженъ сводиться законъ, по мнѣнію представителя соціалъ-демократической партіи.

Г-на Джапаридзе поддерживаетъ г. Брамсонъ, который отмѣчаетъ двойственность внесеннаго законопроекта, старающагося согласовать интересы свободы съ интересами полицейскаго порядка. Онъ ссылается на примѣръ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ къ собраніямъ предъявляется лишь одно требованіе—отсутствіе оружія.

Г. Брамсона смѣняетъ г. Рамишвили.

Намъ еще не приходилось останавливаться на характеристикѣ этого оратора, являющагося однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей соціалъ-демократической фракціи. Это уже далеко не молодой человѣкъ, ярко выраженнаго восточнаго типа, съ черной бородой, густо покрывающей щеки съ сильно посѣдѣвшей головой и живыми, симпатичными глазами. Въ небольшой фигурѣ ничего рѣзкаго и хищнаго. Онъ говоритъ съ большой экспрессіей и съ сильнымъ акцентомъ. Первое впечатлѣніе нѣсколько комическое, но если вслушаться, то эта пѣвучая рѣчь, эти выкрики, въ которыхъ вложено столько души и страданія, перестаютъ казаться смѣшными.

Г. Рамишвили сопоставляетъ въ своей рѣчи двѣ Россіи—Россію господствующую, офиціальную, вооруженную, и Россію трудовую, гонимую, подневольную. Одна пользуется всѣми правами,—другая лишена ихъ.

— Первая Россія предоставила второй только одно право: трудиться и кормить высшую, офиціальную, полицейскую Россію.

Государственная Россія въ гробъ заколотила весь русскій народъ.

— Она стоитъ противъ народнаго пробужденія со своими нагайками, штыками и временными правилами.

— Въ то время, когда господствующіе классы, капиталисты, помѣщики, священники и бюрократія собираются совершенно свободно, создаются запрещенія только для крестьянъ и рабочихъ. Запрещаютъ собираться крестьянамъ и рабочимъ потому, что стонъ крестьянина, сѣятеля и хранителя русской земли, принимаютъ за бунтъ.

Внесенный законопроектъ совершенно его не удовлетворяетъ, такъ какъ въ немъ сквозитъ недовѣріе къ народнымъ массамъ. Ихъ надо, по выраженію оратора,—«подпустить поближе».

— Господа составители проекта!—съ большой экспрессіей восклицаетъ г. Рамишвили.—Когда васъ здѣсь рѣзать будутъ, отъ кого будете ждать спасенія, какъ не отъ народа?..

Если бы предсѣдательствовалъ г. Муромцевъ, то онъ навѣрно бы остановилъ оратора и поучалъ бы его, что Государственную Думу рѣзать нельзя. Но кн. Долгоруковъ, по благодушію своему, промолчалъ. Однако, нѣсколько минутъ спустя, онъ поправилъ оратора, когда тотъ, вмѣсто министерства, сказалъ правительство:

— Дума тоже часть правительства.

Но г. Рамишвили протестуетъ.

— Я не часть правительства, которое устраиваетъ погромы...

Смѣхъ и аплодисменты.

Ораторъ говоритъ о безсилии своей фракціи:

— Мы слабы здѣсь, у насъ нѣтъ приличнаго общественнаго воспитанія *(смѣхъ)*, но за насъ народъ. Мы знаемъ, что безъ возстанія и возмущенія гарантій не будетъ...

Его смѣняютъ представители той же фракціи, гг. Ершовъ и Бусловъ. Они дѣлаютъ нѣкоторыя частичныя замѣчанія къ законопроекту, находя его совершенно неудовлетворительнымъ.

На заявленіе представителей соціалъ-демократической фракціи отвѣчаетъ гр. Гейденъ. На долю стараго графа выпала исключительная и трудная роль въ нашемъ парламентѣ. Онъ, въ сущности, одинъ олицетворяетъ собой серьезную и честную оппозицію радикальнымъ теченіямъ въ Думѣ. Можно съ нимъ не соглашаться, но нельзя ему отказать въ послѣдовательности, искренности и честности, и—часто—въ остроуміи. Если бы не та форма, въ которую онъ облекаетъ свои реплики, не этотъ нѣсколько брюзжащій, но, въ сущности, добродушный старческій тонъ, лѣвая не простила бы ему многихъ вылазокъ по ея адресу и реагировала бы на нихъ не такъ мягко. Убѣжденный конституціоналистъ, старый графъ стоитъ за правовое государство. Соціалистическаго государства онъ не хочетъ: въ такомъ государствѣ «только

пролетаріатъ имѣетъ право жить и дышать», а онъ стоитъ на «старо-буржуазной» точкѣ зрѣнія и смѣетъ думать, что и другимъ — не пролетаріямъ — надо позволить дышать воздухомъ». *(Смѣхъ)*. Онъ говоритъ, что «культура создается не только людьми физическаго труда, а дѣятелями ума». Онъ приглашаетъ представителей лѣвой «оставить лексиконъ митинговыхъ выраженій». Онъ стоитъ за полицію, не за «теперешнюю, конечно,— беззаконную и безотвѣтственную», а за необходимость полиціи вообще. Онъ не хочетъ послушаться совѣта г. Рамишвили относительно необходимости «общенія съ народомъ» и «подпусканія его поближе».

— Общенія могутъ быть разныя,—иронизируетъ графъ,—и черносотенное бываетъ общеніе. Не одни пролетаріи могутъ соединяться, но и другіе благодѣтели... *(Смѣхъ)*. И я такого общенія не желаю.

Переходя къ серьезному тону, гр. Гейденъ полагаетъ, что волна должна итти сверху, а не снизу.

— Вотъ оно что!—иронически замѣчаютъ слѣва.

Онъ находитъ, что регламентація собраній необходима, и что въ общемъ внесенный законопроектъ представляется удовлетворительнымъ.

Затѣмъ слово предоставляется проф. Гредескулу. Гредескулъ большой дипломатъ. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что его дипломатія проистекаетъ не отъ лукаваго ума, а отъ чистаго сердца: въ немъ много чуткости и широкой гуманной терпимости. Онъ привѣтствуетъ образованіе соціалъ-демократической фракціи въ парламентѣ и радъ этому образованію.

Когда г. Гредескулъ говоритъ, что онъ радъ, этому можно вѣрить: это очень искренній человѣкъ.

Но критика, къ которой прибѣгла эта фракція, совершенно не удовлетворяетъ оратора. Онъ подходитъ къ своей основной мысли съ оригинальной точки зрѣнія: онъ критикуетъ заявленіе представителей соціалъ-демократической фракціи съ точки зрѣнія задачъ самой же соціалъ-демократіи и приходитъ къ выводу, что сдѣланное заявленіе этимъ задачамъ совершенно не соотвѣтствуетъ.

Представители соціалъ-демократической фракціи хотятъ выбросить за бортъ всякую регламентацію, а между тѣмъ, именно соціалъ-демократія и стоитъ за широкое урегулированіе общественной жизни. Представители соціалъ-демократической фракціи

развиваютъ въ данномъ случаѣ анархическую точку зрѣнія. Анархизмъ — очень почтенное ученіе, но это не соціалъ-демократія.

Нельзя вообще подходить къ вносимымъ законопроектамъ съ точки зрѣнія революціонной эпохи.

— Я думаю, что еще не рѣшенъ вопросъ, кто создастъ новый строй: наши-ли законодательныя попытки или революція,—замѣчаетъ ораторъ.—Но все же законъ надо создать въ расчетѣ на обыкновенныя государственныя условія, а не на революціонную эпоху.

Затѣмъ ораторъ подвергаетъ всестороннему детальному анализу внесенный законопроектъ, находя его вообще удовлетворительнымъ.

Послѣ перерыва говорили снова представители крайней лѣвой. Говорили гг. Куриленко, Чурюковъ, Савельевъ, Масловъ. Ихъ рѣчи носятъ одинъ общій отпечатокъ: эти простые люди чувствуютъ и сознаютъ великія услуги, которыя оказалъ пролетаріатъ освободительному движенію. Они на своей спинѣ въ большей степени, чѣмъ кто-либо другой, испытали всю тягость ограниченія свободы собраній, знаютъ, во что обращались эти ограниченія въ рукахъ администраціи, и потому критически и подозрительно относятся къ «кадетскому» законопроекту. Имъ все кажется, что онъ слишкомъ отдаетъ полицейскимъ душкомъ. «Кадеты» ихъ утѣшаютъ, что вѣдь будетъ другая полиція, другое министерство, что, говоря словами профессора Шершеневича, «Карѳагенъ будетъ, наконецъ, разрушенъ», но этому они не очень вѣрятъ и думаютъ, что лучше въ самомъ законѣ яснѣе написать. У нихъ нѣтъ достаточно знаній и образованія, чтобы подвергнуть научной критикѣ внесенный законопроектъ, но они чувствуютъ, что это не то, чего они ожидали. Вотъ почему намъ кажется лишеннымъ чуткости рѣзкое замѣчаніе, которое себѣ позволилъ профессоръ Петражицкій, заявивъ, что представители соціалъ-демократической фракціи «критикуютъ только для процесса критики, для оказательства лѣваго направленія независимо отъ здраваго смысла». Г. Петражицкій не хочетъ считаться съ тѣмъ, была-ли у этихъ людей возможность подготовиться къ серьезной юридической критикѣ. Эти люди иногда просто не умѣютъ формулировать свою мысль, и если подчасъ и прибѣгаютъ къ непарламентскимъ выраженіямъ, то только потому, что у нихъ нѣтъ другихъ въ запасѣ.

Эти люди критиковали вопросъ, по удачному выраженію г. Маслова, не съ точки зрѣнія тѣхъ, которые пишутъ законы, а—

тѣхъ, для которыхъ пишутъ законы, а съ такой критикой необходимо считаться.

Переходя къ изложенію дальнѣйшихъ преній по вопросу о свободѣ собраній, необходимо прежде всего отмѣтить рѣчь проф. М. Ковалевскаго.

Соціалъ-демократическая фракція, неожиданно для себя и для Думы, встрѣтила въ лицѣ почтеннаго профессора по вопросу о свободѣ собраній сильнаго и надежнаго союзника. Тѣ недостатки внесеннаго законопроекта, которые представители соціалъ-демократической фракціи намѣтили вѣрнымъ чутьемъ, М. Ковалевскій освѣтилъ съ точки зрѣнія европейской науки и конституціонной практики. Онъ находитъ, что этотъ законопроектъ является сколкомъ съ французскаго закона, стоящаго на полицейской точкѣ зрѣнія и проникнутаго идеей опеки. Только англо-американская практика стоитъ, по мнѣнію оратора, на правовой точкѣ зрѣнія. Англія не знаетъ даже особаго закона о свободѣ собраній. Право собраній слагается изъ свободы передвиженія и свободы слова. Предварительное извѣщеніе полиціи является излишнимъ. Единственное право и обязанность полиціи—это охраненіе собранія. До тѣхъ поръ, пока собраніе отъ словъ не перешло къ насильственнымъ дѣйствіямъ, представителямъ власти нечего дѣлать. Поэтому ораторъ находитъ внесенный законопроектъ съ его подробной полицейской регламентаціей настолько несовершеннымъ, что высказывается даже противъ передачи его въ комиссію.

Крайняя лѣвая дружно аплодируетъ лидеру партіи демократическихъ реформъ. «Кадеты» и правая молчатъ. Докладчикъ комиссіи профессоръ Шершеневичъ даетъ объясненія.

Гг. соціалъ-демократы, встрѣтивъ поддержку, снова выступили на защиту своихъ позицій и подвергли «кадетскій» законопроектъ болѣе рѣзкой критикѣ.

Долго и длинно говорилъ г. Рамишвили, онъ словно читаетъ какую-то безконечную молитву, нараспѣвъ и съ патетическими выкриками.

Онъ вѣритъ въ революцію и только въ революцію. Народъ въ данный историческій моментъ требуетъ большей свободы и большаго демократизма, чѣмъ ему предоставляетъ внесенный законопроектъ, и пойдетъ дальше Западной Европы. Засимъ ораторъ беретъ на себя миссію доказать, что соціалъ-демократическая парламентская фракція вовсе не представляется одинокой и безсильной—у нея есть крѣпкія связи съ пролетаріатомъ различныхъ

городовъ Россіи, и въ доказательство этого ораторъ читаетъ письма и телеграммы: отъ каспійскихъ моряковъ, отъ гражданъ г. Самарканда и изъ другихъ мѣстъ.

— Они за насъ,—говоритъ ораторъ,—и пойдутъ, когда мы позовемъ этотъ народъ, а не вы.

Собраніе начинаетъ терять терпѣніе. Раздаются голоса: «довольно», но г. Рамишвили читаетъ длинную вереницу полученныхъ имъ заявленій. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ заявленіяхъ заходитъ рѣчь объ учредительномъ собраніи, кн. Долгоруковъ считаетъ своей обязанностью остановить оратора. Ораторъ дѣлаетъ попытку протестовать, но затѣмъ чтеніе продолжается. Послѣ этого г. Рамишвили принимается критиковать возраженіе гр. Гейдена.

— Снизу подымается пролетаріатъ,—поетъ ораторъ.—Вотъ онъ идетъ!.. Вотъ онъ наступаетъ!.. Графъ, оглянитесь!.. Графъ, посмотрите!..

Ораторъ такъ часто выкрикиваетъ слово «графъ», что гр. Гейденъ считаетъ нужнымъ подать реплику:

— Да я васъ слушаю! — замѣчаетъ старикъ подъ дружный смѣхъ и аплодисменты.

Наконецъ, г. Рамишвили кончилъ. Его смѣняетъ другой представитель Кавказа—г. Жорданія.

Онъ также выражаетъ увѣренность, что только народныя массы сумѣютъ завоевать истинную свободу. Затѣмъ на защиту внесеннаго законопроекта поднимаются гг. Кокошкинъ и Винаверъ.

Г. Винаверъ замѣчаетъ, что если бы конституціонно-демократическая партія стала душить свободу, то она уничтожила бы подъ собою почву. Вѣдь это значило бы рубить сукъ, на которомъ сидишь. Вотъ почему ораторъ считаетъ совершенно неосновательными нападки лѣвой. Тѣмъ болѣе считаетъ онъ неосновательной критику законопроекта, внесенную профессоромъ М. Ковалевскимъ. Профессоръ придалъ своимъ возраженіямъ видимость учености. Онъ является защитникомъ англійской системы, совершенно упустивъ изъ виду, что въ Англіи всѣ блага общежитія построены на обычномъ правѣ.

— А намъ некогда ждать. Желаетъ-ли г. Ковалевскій, чтобы мы вступили въ новый строй, основываясь на обычномъ нашемъ правѣ?

И ораторъ приводитъ нѣсколько опытовъ изъ этой области обычнаго права.

— Нѣтъ, дайте намъ законъ,—приходитъ онъ къ выводу изъ этихъ опытовъ,—положительный, категорическій.

Г. Винаверъ выражаетъ увѣренность, что одного общаго, декоративнаго принципа совершенно недостаточно для дѣйствительной гарантіи свободы. Эту гарантію Дума создастъ внесеннымъ законопроектомъ, который отнюдь не преслѣдуетъ полицейской точки зрѣнія, а лишь старается, создавая свободу собраній, не нарушать другихъ свободъ и считаться съ условіями общежитія.

Г. Винавера поддерживаетъ г. Кокошкинъ. Онъ умѣло группируетъ всѣ возраженія противъ внесеннаго законопроекта. Онъ полагаетъ, что они продиктованы подозрительностью лѣвыхъ, тѣхъ, кто боится: нѣтъ-ли въ законопроектѣ какого-нибудь подвоха. Ораторъ подвергаетъ безпощадной критикѣ замѣчанія, сдѣланныя профессоромъ Ковалевскимъ, который просто далъ невѣрную картину существующаго въ Англіи порядка вещей, который просто не дочиталъ той книжки Дайси, которую онъ цитировалъ. Говоря о царящей въ Англіи свободѣ собраній, профессоръ Ковалевскій совершенно забылъ, что въ Англіи существуетъ понятіе о незаконномъ сборищѣ, что противъ такихъ сборищъ принимаются не только карательныя мѣры, но и мѣры предупредительныя въ административномъ порядкѣ. Регламентація свободы собраній, по мнѣнію г. Кокошкина, является совершенно необходимою: уничтожить совершенно всякое усмотрѣніе исполнительной власти невозможно. Его можно и должно только ограничить и свести до минимума. Полное устраненіе администраціи невозможно.

Вѣдь мы сами жалуемся на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ администрація не принимаетъ необходимыхъ мѣръ и проявляетъ бездѣйствіе власти. Дѣло не въ участіи администраціи, а въ самой ея организаціи и отвѣтственности передъ судомъ. Передача полиціи органамъ самоуправленія и строгая отвѣтственность администраціи передъ судомъ устранитъ на практикѣ кажущіеся недостатки внесеннаго законопроекта.

Затѣмъ слово предоставляется докладчику г. Шершеневичу, который дѣлаетъ нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія и объясненія.

Дума приняла рѣшеніе передать законопроектъ въ особую комиссію. Общія пренія по законопроекту о свободѣ собраній были окончены.

Но и этотъ законопроектъ, прошедшій первую стадію обсужденія, не увидѣлъ свѣта Божьяго: роспускъ Думы похоронилъ его въ числѣ другихъ законопроектовъ.

XIII.

Вопросъ о казачествѣ.

Обсужденіе этого вопроса, столь остраго и жгучаго, было вызвано однимъ запросомъ, внесеннымъ группой казацкихъ депутатовъ.

Запросъ касался незаконной мобилизаціи полковъ второй и третьей очереди и примѣненія ихъ для внутренней полицейской службы.

Въ запросѣ указывались слѣдующія обстоятельства.

По статьѣ 427-й пол. о казачьихъ войскахъ, мобилизація полковъ можетъ быть произведена Высочайшимъ указомъ, распубликованнымъ черезъ Правительствующій Сенатъ. Такого распубликованія Высочайшаго указа относительно полковъ, призываемыхъ для надобностей внутренней службы, не было сдѣлано.

Помимо этого, были допущены слѣдующія неправильности. Новыя правила относительно содѣйствія войскъ гражданскимъ властямъ устанавливаютъ, что войска могутъ призываться только въ случаяхъ крайней необходимости, и, во всякомъ случаѣ, на войска нельзя возлагать какихъ бы то ни было полицейскихъ обязанностей. Между тѣмъ, казачьи войска сплошь и рядомъ исполняютъ именно полицейскія функціи, содѣйствуютъ обыскамъ и выемкамъ и очень часто находятся подъ командой даже не своихъ офицеровъ, а полицейскихъ чиновъ. Такимъ образомъ, при мобилизаціи казачьихъ полковъ второй и третьей очереди не былъ соблюденъ порядокъ, требуемый закономъ, съ одной стороны, а съ другой стороны—было явно незаконное использованіе этихъ полковъ для полицейской службы. На основаніи всего вышеизложеннаго запросъ былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: «На какомъ основаніи казачьи полки второй и третьей очереди призваны на службу безъ соотвѣтствующаго опубликованія Высочайшаго повелѣнія черезъ Правительствующій Сенатъ и извѣстно-ли г. военному министру, что казачьи части обращены на постоянную полицейскую службу, выражающуюся въ томъ, что казачьи части раздѣляются на отдѣльныя команды, производятъ обыски и аресты, что имъ поручаются часто экзекуціи? Какія мѣры приметъ министерство къ роспуску неправильно мобилизованныхъ полковъ второй и третьей очереди?»

Нѣкоторые изъ депутатовъ, подписавшихъ запросъ, находили необходимымъ признать его срочнымъ.

Въ защиту срочности предложенія выступилъ депутатъ области войска Донского, г. Харламовъ.

На основаніи приговоровъ, телеграммъ и писемъ, полученныхъ имъ отъ донцовъ, онъ говоритъ о пробужденіи въ казакахъ гордаго духа свободы, заглушеннаго самодержавно-бюрократическимъ гнетомъ. Въ письмахъ говорится о несовмѣстимости несенія полицейской службы съ достоинствомъ воинскаго званія. «Рабочіе и крестьяне—наши братья,—пишутъ съ Дона,—а правительство, не желающее удовлетворить требованія народа, мы не считаемъ народнымъ. Отказываемся служить интересамъ помѣщиковъ и богачей, выжимающихъ послѣдніе соки изъ народа».

Далѣе ораторъ обращаетъ вниманіе на экономическое положеніе казаковъ, требующее распущенія ихъ на родину.

Но предложеніе признать запросъ срочнымъ было отвергнуто Думой, и для окончательнаго редактированія и мотивировки запросъ былъ переданъ въ комиссію.

И только, когда комиссія представила свои мотивированныя заключенія, весь вопросъ во всемъ его цѣломъ былъ подвергнутъ всестороннему освѣщенію.

Пренія разгорѣлись съ такой силой, приняли такой бурный и страстный характеръ, что всѣ остальные запросы дня были сняты съ очереди.

По запросу высказались почти всѣ представители областей, населенныхъ казаками. Говорили донцы, оренбуржцы, кубанцы, астраханцы и кавказцы. Это былъ, по выраженію одного изъ депутатовъ, какой-то «казачій бенефисъ».

Начавшись съ общихъ замѣчаній, пренія постепенно приняли характеръ страстнаго и сильнаго турнира, исполненнаго, по условіямъ переживаемаго момента, особаго интереса.

Представители казаковъ разбились на два явно враждебныхъ лагеря. На одной сторонѣ оказались интеллигенты и передовые станичные атаманы, а на другой—только три депутата, бывшіе казачьи урядники, которые, нѣсколько неожиданно, внесли въ пренія холодную черную струю «патріотизма».

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ и въ какомъ тонѣ говорили о казакахъ посланные ими въ Думу представители интеллигенціи. Это были не холодные обвинители, а люди, болѣющіе душой «за тотъ позоръ и проклятья, которые русскій народъ обрушилъ на головы людей, родныхъ и близкихъ имъ по крови». Они вышли сами изъ казачьихъ рядовъ. Имъ дорога старая казацкая слава. Имъ дорогъ и любъ образъ казака-воина, гордаго

своей силой и волей. Но, какъ честные люди, они предъ народнымъ представительствомъ, предъ лицомъ страны не хотятъ умолчать о тяжкихъ преступленіяхъ казачества, совершенныхъ надъ родиной.

— Не вините ихъ! — восклицаетъ депутатъ Araканцевъ.— Они тоже жертвы. Они такъ же виноваты, какъ солдаты подъ командой Мина, Сиверса и Соллогуба. Не по своей волѣ занимались онѣ позорнымъ ремесломъ братоубійства! *(Аплодисменты).*

— Соединимся же вмѣстѣ для общей борьбы противъ общаго врага! — заканчиваетъ представитель Донской области подъ громъ аплодисментовъ.

Другой представитель той же области, г. Крюковъ, въ пространной, обстоятельной рѣчи останавливается на описаніи тѣхъ условій, въ которыхъ живетъ и формируется современный казакъ, и на характеристикѣ той системы, которая путемъ безпощадной муштровки обращаетъ простыхъ рабочихъ людей въ какія-то машины. Заглушая всякую самодѣятельность, закрывая пути къ просвѣщенію, держа людей въ темнотѣ,—система эта превращаетъ ихъ въ звѣрей.

Ораторъ вспоминаетъ о прошломъ казачества, когда въ его ряды шли всѣ вольные и смѣлые, всѣ, кто не хотѣлъ мириться съ панской неволей, кривдой судовъ и насиліями чиновниковъ. Но пробуждается уже прежній вольный духъ казачества, и протестъ противъ гнета растетъ въ его рядахъ съ каждымъ днемъ. Распущеніе казачьихъ полковъ является прямой необходимостью. Убогія казацкія хаты, тощая скотина, безпризорныя дѣти ждутъ возврата своихъ кормильцевъ.

Ораторъ останавливается на секретныхъ циркулярахъ администраціи, въ которыхъ казаковъ старались убѣдить, что «революціонеры поклялись сжечь ихъ станицы». Теперь этимъ циркулярамъ плохо стали вѣрить. Запросъ является неотложнымъ. Дума—единственный путь, черезъ который можетъ быть услышанъ истинный голосъ казаковъ.

— Повторенный бюрократическимъ эхомъ, этотъ голосъ можетъ превратиться въ голосъ безпредѣльной преданности и готовности... вцѣпиться въ глотку ближняго.

Оратору много аплодируютъ.

На каѳедрѣ появляется И. Васильевъ, представитель правой, бывшій казацкій урядникъ. Онъ протестуетъ противъ запроса о роспускѣ казачьихъ полковъ, находя, что такой запросъ нарушаетъ прерогативы Государя Императора.

— Меня,—говоритъ онъ,—о роспускѣ казаки не просили. Они не ропщутъ на службу, а только на крамолу. Они попросту мнѣ сказали: «Если вамъ придется въ Думѣ говорить съ революціонерами, то скажите имъ, что они шутятъ опасную шутку. Поглумились, и довольно. А то всколыхнется тихій православный Донъ,—тогда плохо будетъ.

Подъ смѣхъ и крики «довольно» г. Васильевъ покидаетъ каѳедру.

Слово предоставляется священнику Аѳанасьеву, тоже представителю области войска Донского. По поводу заявленія г. Васильева о. Аѳанасьевъ замѣчаетъ, что:

— Тутъ ужъ пошелъ разговоръ по части такъ-называемаго патріотизма.

Смѣхъ. Но ораторъ знаетъ ему цѣну.

— Это не патріотизмъ, а патріотическое кликушество. Во имя этого патріотизма мы и войну съ Японіей затѣяли, которая привела къ Цусимѣ, Мукдену и неслыханному позору.

Ораторъ ссылается на письмо, полученное съ Дона, въ которомъ казаки просятъ довести до свѣдѣнія Монарха, что они хотятъ жить мирно съ ихъ братьями.

— И мы этого хотимъ—итти рука объ руку съ обновленной Россіей.

Аѳанасьева смѣняетъ Куркинъ, донской урядникъ. Онъ раздѣляетъ мнѣніе Васильева и находитъ запросъ излишнимъ; хотя Высочайшаго повелѣнія о мобилизаціи не было, но нельзя допускать мысли, чтобы она совершилась безъ вѣдома Его Императорскаго Величества. Казаки это знаютъ и будутъ дожидаться, пока ихъ будетъ угодно распустить.

Третій урядникъ, Севастьяновъ, поддерживаетъ своихъ товарищей. На мобилизацію была воля Государя, и казаки не пойдутъ домой и не оставятъ Его знаменъ.

— Какой это будетъ казакъ и гражданинъ,—продолжаетъ ораторъ,—если онъ никому не будетъ подчиняться. Нельзя вырывать изъ-подъ знаменъ Государя Императора казаковъ, когда по всей странѣ безпорядки, аграрные и другіе.

Тутъ ужъ раздаются энергичные протесты. Шиканье и крики: «Довольно!» «Позоръ!»

Затѣмъ слово предоставляется Бородину, представителю уральскаго казачества. По его мнѣнію, появленіе такихъ представителей, какъ гг. Васильевъ и Куркинъ, объясняется вліяніемъ администраціи при выборахъ. Казаки усвоили идею конституціонализма.

Они говорили г. Бородину такъ, что вотъ русскій народъ уже на возрастѣ, и поэтому Отецъ-Царь передаетъ ему часть власти. Спачала у него были приказчики, а теперь дѣти подросли. Ораторъ замѣчаетъ, что туманъ ложнаго патріотизма уже начинаетъ испаряться.

— Въ доказательство я приведу нѣсколько выдержекъ изъ писемъ, мною полученныхъ, какъ депутатомъ, изъ Пензы отъ 7-го Уральскаго полка: «Мы обращаемся къ вамъ, нашему избраннику, а черезъ васъ ко всей Государственной Думѣ. Не забудьте, что мы, казаки, клялись передъ св. Евангеліемъ быть защитниками Царя и отечества и службу дѣлать, а насъ, по приказанію полицейской власти, помимо нашего желанія, посылали обижать бѣднаго мужика, который старается найти себѣ хлѣбъ, чтобы не умереть съ голода, а полицейская власть приказывала топтать и бить нагайками, а они, унося своихъ искалѣченныхъ братьевъ, посылали намъ проклятія. Если бы не этотъ случай, не проклинали бы насъ, не называли бы врагами нашего отечества». Затѣмъ телеграмма изъ Казани отъ казаковъ: «Семьи наши голодаютъ, пособій нѣтъ, просимъ увеличить наше хозяйство, отъ государственной службы не отказываемся, а богатыхъ помѣщиковъ охранять не будемъ». *(Аплодисменты).*

Сопоставляя эти факты съ заявленіями казачьихъ урядниковъ, ораторъ выражаетъ сомнѣніе, не совѣтовались-ли гг. донскіе депутаты съ кѣмъ-нибудь изъ высшихъ военныхъ начальниковъ. *(Смѣхъ и аплодисменты).*

Слово предоставляется г. Гробовецкому. Онъ не казакъ, а представитель Малороссіи, но, по его заявленію, всѣ казаки вышли изъ Малороссіи. Такъ и въ пѣсняхъ поется: «казакъ уѣзжае, дивчина плаче», а теперь «дивчина плаче, когда казакъ пріѣзжае *(смѣхъ)*, и пытае (спрашиваетъ) дивчина: выдкиля (откуда) ты взявся».

Ораторъ замѣчаетъ, что если патріоты взбудоражатъ Донъ, то «це буде не патріотизмъ, а идіотизмъ. У насъ теперь такъ: кто більше патріотъ, тотъ и есть идіотъ». *(Снова смѣхъ).* Ораторъ дальше сообщаетъ, что онъ недавно вернулся изъ своей Кіевской губерніи и разсказываетъ о случаяхъ безчинства казаковъ, которые, пьяные, устраиваютъ скандалы и избиваютъ населеніе.

— Якъ воны на дурные панскіе гроши привыкнутъ до пьянства, то яки вони казаки,—ни въ станици, ни въ строю, це уже не казакъ, а Богъ знае что.

Г. Гробовецкаго смѣняетъ г. Сѣдельниковъ, представитель оренбургскихъ казаковъ. На основаніи писемъ и телеграммъ, получен-

ныхъ съ родины, изъ области войска Донского и изъ Терской области, онъ сообщаетъ факты о пробуждающемся духѣ протеста среди казаковъ, которые требуютъ, чтобы съ нихъ «сняли черное пятно и вернули на родину къ мирной работѣ». Пародируя слова г. Васильева, ораторъ замѣчаетъ:

— Тѣмъ, кто натравливалъ казаковъ, пора бросить эту опасную игру, ибо когда поднимется не одинъ тихій Донъ, а вся Россія, тогда дѣйствительно худо будетъ.

Слово предоставляется г. Харламову, одному изъ авторовъ запроса, представителю Донской области. Онъ протестуетъ противъ извращенія основной мысли запроса. Никто не касается прерогативы Монарха, а дѣло идетъ лишь о незаконныхъ дѣйствіяхъ исполнительной власти, и люди, возражающіе противъ запроса, просто не хотятъ отдѣлить высокаго Имени и злоупотребляютъ этимъ Именемъ.

Ораторъ сообщаетъ интересные факты. Онъ получилъ письмо отъ 41-го Донского казачьяго полка; казаки просятъ ходатайствовать, чтобы ихъ отпустили на родину не позже 20-го іюня, «если не распустятъ, — ѣдемъ домой». Ораторъ обращаетъ вниманіе на серьезность этого факта. Далѣе онъ цитируетъ письмо донскихъ казачекъ, въ которомъ онѣ требуютъ возвращенія мужей домой и пишутъ: «Скажите Царю, что, въ случаѣ войны, мы своихъ мужьевъ опять отпустимъ и сами пойдемъ, если будетъ нужно».

Г. Харламова смѣняетъ вновь прибывшій депутатъ Кавказа г. Бардижъ, казачій выборный. Его фигура въ черкескѣ съ погонами рѣзко выдѣляется на каѳедрѣ. Онъ удостовѣряетъ, что 2-лѣтняя командировка казаковъ для несенія внутренней службы—слишкомъ тяжелое бремя и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ смыслѣ. Передъ нимъ казаки, эти закаленные люди, плакали, жалуясь на свою участь, а показателемъ того, насколько эта командировка является для нихъ тяжелой нравственно, могутъ служить слѣдующія слова. Когда казаки узнали объ этой командировкѣ, они говорили: «Куда это насъ гонятъ? Лучше бы насъ на войну послали». Затѣмъ ораторъ довольно подробно останавливается на психологіи казака, какъ солдата, и на значеніи дисциплины, которая дѣлаетъ его послушнымъ орудіемъ.

Затѣмъ одинъ за другимъ выступаютъ представители оренбургскаго казачества—г. Свѣшниковъ, рядовой казакъ, и г. Выдринъ, старый, сѣдовласый станичный атаманъ. Они требуютъ возвращенія казаковъ на родину, заявляютъ отъ имени избирателей,

что казаки тяготятся своей службой, и предупреждають, что многіе полки скоро разъѣдутся самовольно.

Затѣмъ между уже говорившими ораторами происходитъ обмѣнъ краткими репликами. Г. Араканцевъ заявляетъ:

— На выборахъ намъ казаки сказали: «Выведите насъ изъ этой тины, выведете насъ на другую сторону, гдѣ лучше и свѣтлѣе. Постойте за насъ». Тогда гг. урядники самодовольно провели руками по усамъ и сказали: «Мы постоимъ». И они «постояли»!— негодующе восклицаетъ ораторъ.—Они омрачили стѣны этой Думы чернымъ словомъ!

Г. Васильевъ отвѣчаетъ своимъ оппонентамъ. Онъ заявляетъ, что ничего такого имъ казаки не говорили, что Араканцевъ разсказываетъ. Что касается письма казачекъ, которое цитировалъ г. Харламовъ, то, по мнѣнію г. Васильева, это г. Харламовъ ихъ научилъ, чтобы онѣ ему такое письмо прислали. Онъ, Васильевъ, получилъ благодарность отъ казаковъ за то, что протестовалъ противъ уничтоженія казачества, какъ военнаго сословія.

Слово предоставляется г. Родичеву.

— Я просилъ слова для того, чтобы возстать противъ той точки зрѣнія, которая на главу Государя возлагаетъ отвѣтственность за всякое незаконное дѣяніе, противъ той точки зрѣнія, которая провозглашаетъ, что такъ какъ Государь—верховный вождь, то, слѣдовательно, всякія распоряженія, сдѣланныя по арміи, не подлежатъ обсужденію Государственной Думы. Нѣтъ, господа, эта точка зрѣнія разрушительна, и если бы я позволилъ себѣ квалификацію различныхъ мнѣній, то я бы сказалъ, что эта точка зрѣнія крамольна. Россійская имперія управляется на точныхъ основаніяхъ законовъ. На точномъ основаніи закона должно состояться всякое Высочайшее повелѣніе, и когда состоялось повелѣніе, несогласное съ закономъ, мы обращаемся къ министрамъ и на нихъ возлагаемъ отвѣтственность за незаконность. Мы говоримъ: Государь не можетъ дѣлать зла. Зло и несправедливость, совершаемыя отъ Его имени, происходятъ не отъ него. Когда намъ здѣсь говорятъ, чтобы не касаться того, что совершается по Высочайшему повелѣнію,—къ чему насъ приглашаютъ? Насъ приглашаютъ признать, что кровь, которую проливаютъ въ Россіи, вся кровь, которою запачканы казацкія знамена, пролита по Высочайшему повелѣнію. Никогда! *(Аплодисменты)*. Мы знаемъ, что есть много охотниковъ запятнать Царское имя въ пролитой крови. Мы здѣсь слышали объ этомъ отъ тѣхъ, кто иногда распоряжается судьбою Россіи.

Развѣ улицы Петербурга были залиты кровью 9-го января по Высочайшему повелѣнію? Никогда!! *(Апплодисменты)*. Обязанность русскаго вѣрноподданнаго—возставать противъ такой точки зрѣнія. И когда вамъ говорятъ, что васъ ведутъ бороться съ крамольниками, то ваша обязанность—раскрыть глаза слѣпому рядовому и показать, что тѣ, кто ведетъ ихъ противъ народа—измѣнники. Съ того дня, какъ мы собрались сюда, мы передъ русскимъ народомъ и Царемъ обязались обличать всякое беззаконіе, хотя бы оно совершалось Его именемъ. Обличать всякую неправду, хотя бы въ заголовкѣ стояло имя Царя. Тѣ, кто говоритъ: моя присяга заставила исполнить долгъ,—прикрываются ложью и безсильнымъ лицемѣріемъ. Предъявить этотъ запросъ—не только наше право, но и обязанность, отъ которой не можетъ отрекаться никто. Дерзость, господа, полагать, что имя Царя можетъ быть оскорблено заявленіемъ о необходимости отмѣны нѣкоторыхъ распоряженій. Дерзость полагать, что Царь не въ состояніи понять справедливыхъ требованій народа. Это дерзость и презрѣніе къ Царскому имени, оно позоритъ уста, его произносящія.

Рѣчь была произнесена съ большой экспрессіей. Она явилась нѣсколько неожиданной, и поэтому не вызываетъ особенно шумныхъ аплодисментовъ.

Г. Родичева смѣняетъ Галецкій. Обращаясь къ донскимъ урядникамъ, онъ говоритъ:

— Воротитесь къ вашимъ избирателямъ и скажите, что это не революціонеры бунтуютъ, а нищая, голодная Россія.

Представитель кубанскихъ казаковъ г. Качевскій, впервые выступая передъ Думой, привѣтствуетъ ее отъ имени казаковъ и заявляетъ, что кубанцы тоже требуютъ роспуска.

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, сдѣланныхъ гг. Крюковымъ и Сѣдельниковымъ, слово предоставляется г. Скворцову, представителю астраханскихъ казаковъ. Его основная мысль такова: присяга связываетъ казака по рукамъ и ногамъ, и потому, прежде всего, необходимо упорядочить государственную жизнь, тогда не будетъ необходимости и въ услугахъ казаковъ для внутренней службы.

Слово предоставляется Аладьину. Онъ останавливается на образѣ казака-воина, который съ юности рисовался въ его воображеніи. Онъ констатируетъ, что противъ казаковъ, какъ казаковъ, никто въ Думѣ не произнесъ ни одного слова, а говорили лишь противъ тѣхъ, кто изъ «славнаго образа, хочетъ оставить одну грязь и

кровь, кто благородную часть нашей арміи заставляетъ исполнять полицейскія обязанности».

— Представители разныхъ областей казачества глубоко ошибаются, если они думаютъ, что мы, представители лѣвыхъ, имѣемъ что-нибудь противъ казаковъ.

— Но съ другой стороны,—продолжаетъ г. Аладьинъ,—я не думаю, чтобы среди самого казачества нашелся хотя одинъ представитель, который доволенъ былъ бы ролью, исполняемой казаками у насъ въ деревняхъ. Правда, грабить мирное, безоружное населеніе очень легко, потери не будетъ, а бываетъ и нѣкоторый выигрышъ, какъ, напримѣръ, случайно попавшаяся курица или столь же случайно попавшаяся красивая дѣвушка. Это призъ, это то, что достается въ награду казачеству, но я хотѣлъ бы знать, найдется-ли среди казаковъ хоть одинъ, который съ гордостью сказалъ бы передъ своими товарищами: «Я подвизался въ Курмышскомъ уѣздѣ на усмиреніи аграрныхъ безпорядковъ», и найдется-ли здѣсь хоть одинъ представитель, который не пожелалъ бы во имя блага, во имя славы казачества, чтобы возможно скорѣе такія безобразія прекратились. Для этого есть только одинъ путь, но этотъ путь закрытъ до тѣхъ поръ, пока въ странѣ не будетъ власти исполнительной, организованной или, по крайней мѣрѣ, идущей вмѣстѣ съ нами шагъ за шагомъ. До тѣхъ поръ и уральское, и донское, и астраханское казачество будетъ исполнять ту грязную работу, которую исполняло оно до настоящаго времени. И если это продлится еще нѣсколько лѣтъ, то, конечно, отъ славнаго образа казака останется въ памяти у русскаго народа другой образъ, и подъ этимъ образомъ будетъ крупными буквами написано: «разбойникъ». Если казачество дорожитъ своимъ прошлымъ, если казачество хочетъ жить въ мирѣ съ русскимъ народомъ,—у него въ настоящее время есть только одинъ путь, именно отказаться отъ представленія о томъ, что есть какіе-то революціонеры, которые зовутъ его на разрушеніе какихъ-то устоевъ, и признать, что существуетъ только русскій народъ, который борется за свое существованіе. Вотъ единственный путь, открытый для всякаго честнаго человѣка, будь онъ атаманъ казаковъ или кто-либо иной, и этотъ путь—итти вмѣстѣ съ русскимъ народомъ. А у насъ, народныхъ представителей, остается тоже одинъ единственный путь, это—отдать изъ нашихъ казаковъ какъ можно меньшее число на грязную и позорную службу у современнаго правительства.

Пренія по запросу кончились. Запросъ ставится на баллотировку и, сверхъ всякаго ожиданія, принимается единогласно: даже урядники, которые такъ энергично протестовали, присоединились къ запросу.

Отвѣта на этотъ запросъ Дума не получила.

XIV.

Неприкосновенкость депутатовъ.

На вопросѣ о неприкосновенности депутатовъ Думѣ приходилось останавливаться дважды. Въ первый разъ Думѣ пришлось остановить свое вниманіе на дѣлѣ депутата Ульянова. Прокуроръ с.-петербургской судебной палаты увѣдомилъ Государственную Думу, что депутатъ г. Ульяновъ, редакторъ закрытой газеты «Дѣло Народа», привлеченъ къ уголовной отвѣтственности по 1-му, 2-му и 5-му пунктамъ 129-й ст., а равно по 128 и 103-й стт. уголовнаго уложенія.

Знакомыя статьи!

По закону Думѣ принадлежитъ право временнаго устраненія отъ депутатскихъ обязанностей членовъ Думы, привлеченныхъ къ уголовной отвѣтственности.

Слова проситъ г. Кокошкинъ.

Путемъ умѣлаго толкованія соотвѣтствующихъ статей положенія о Государственной Думѣ, онъ доказываетъ, что право устраненія членовъ Государственной Думы, привлеченныхъ къ суду, принадлежитъ Думѣ и не зависитъ отъ требованій какой-либо другой власти. Это право Дума осуществляетъ въ качествѣ верховной инстанціи.

Переходя къ данному конкретному случаю, г. Кокошконъ обращаетъ вниманіе на преступленія, за которыя привлеченъ депутатъ Ульяновъ. Эти преступленія совершены путемъ печати, и эти дѣла нашъ судъ уже давно обратилъ въ орудіе политической борьбы и за одни и тѣ же дѣла милуетъ однихъ и отправляетъ въ тюрьмы другихъ. Къ такому суду нельзя питать никакого довѣрія. Г. Кокошкинъ предлагаетъ дать отвѣтъ г. прокурору судебной палаты въ видѣ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ: «Дума, не находя достаточныхъ основаній для примѣненія въ данномъ случаѣ правъ, предоставленныхъ ей 21-й ст. учрежденія Государственной Думы, переходитъ» и т. д.

Слова проситъ депутатъ Семеновъ.

— Слѣдуетъ принципіально выразить отношеніе къ подобнымъ заявленіямъ судебной власти. Устраненіе депутатовъ недопустимо, если къ нимъ предъявлено обвиненіе, вызванное ихъ политическими или религіозными убѣжденіями.

На каѳедрѣ появляется депутатъ Жилкинъ. Онъ выступаетъ рѣдко, по самымъ больнымъ и острымъ вопросамъ.

— Отдавать человѣка въ руки нашего суда,—говоритъ г. Жилкинъ,—это все равно, что отдавать въ руки администраціи. Въ дѣлѣ преслѣдованія свободнаго слова судъ показалъ, что умѣетъ служить старому позорному режиму не хуже чиновниковъ. Преданіе суду—только одно изъ средствъ борьбы съ неугоднымъ составомъ парламента. Пользуясь этимъ средствомъ, можно въ нѣсколько недѣль переселить весь парламентъ въ тюрьму. Но Дума не уступитъ. Ей нужны всѣ работники, всѣ заступники народныхъ правъ.

Г. Жилкина поддерживаетъ депутатъ Арканцевъ, бывшій товарищъ прокурора. Онъ знаетъ цѣну современному суду, являющемуся только прикрытіемъ для произвола.

— Такому суду мы скажемъ: мы вамъ не отдадимъ нашего товарища! Онъ намъ нуженъ здѣсь, чтобы работать, чтобы васъ обуздывать!

Депутатъ Аникинъ развиваетъ мысль, высказанную предыдущими ораторами. Онъ говоритъ о гоненіяхъ на печать, о томъ «форменномъ денномъ грабежѣ», который учиняетъ правительство, преслѣдуя неугодныя ему газеты.

— Теперь они хотятъ,—говоритъ г. Аникинъ,—вырвать изъ нашей среды нашего товарища. Они его привлекли за газетныя статьи... А градоначальники, печатавшіе черносотенныя прокламаціи, призывавшія къ грабежу и убійству, привлечены?!..

Громъ аплодисментовъ прерываетъ оратора.

— Редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» привлеченъ? А Крушеванъ на скамьѣ подсудимыхъ, а редакторъ «Правительственнаго Вѣстника» привлеченъ?

Снова взрывъ аплодисментовъ.

Ораторъ напоминаетъ, что и другой депутатъ, Корнильевъ, редакторъ «Народнаго Вѣстника», тоже привлеченъ къ уголовной отвѣтственности.

Послѣ рѣчей другихъ ораторовъ принята формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенная г. Кокошкинымъ.

Дѣло Ульянова послужило великолѣпной иллюстраціей ко внесенной въ то же засѣданіе запискѣ съ законопроектомъ о неприкосновенности членовъ Государственной Думы.

Сущность законопроекта сводится къ тому, что возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ депутатовъ, ограниченія и лишенія ихъ свободы ставится въ зависимость отъ согласія самой Государственной Думы. Этотъ законопроектъ, конечно, не встрѣтилъ никакихъ возраженій по существу и послѣ нѣсколькихъ общихъ замѣчаній передается для разработки въ комиссію.

Въ виду роспуска Думы этотъ законопроекъ не получилъ дальнѣйшаго движенія.

———

Второй разъ по вопросу о неприкосновенности депутатовъ Дума вынуждена была вернуться, взволнованная инцидентомъ, происшедшимъ съ депутатомъ г. Сѣдельниковымъ. На этотъ разъ дѣло шло о нарушеніи неприкосновенности въ смыслѣ непосредственнаго физическаго воздѣйствія.

Г-на Сѣдельникова просто избила полиція.

Тяжкое, жестокое оскорбленіе, нанесенное Думѣ въ лицѣ ся сочлена, всколыхнуло всѣхъ депутатовъ.

Г. Сѣдельникова полиція избила безъ всякаго повода и зная, что передъ нею членъ Государственной Думы.

Это случилось подъ вечеръ. Фактическая сторона дѣла, на основаніи показанія самого г. Сѣдельникова и присутствовавшаго при избіеніи депутата Мокрунова, представляется въ слѣдующемъ видѣ. На бульварѣ, противъ дома, гдѣ квартируетъ г. Сѣдельниковъ, собралась толпа народа. Услыхавъ крики «ура», г. Сѣдельниковъ вышелъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Въ это время впереди г. Сѣдельникова прошелъ отрядъ городовыхъ, вооруженныхъ винтовками; городовые подскакивали на ходу, стараясь штыками достать тѣхъ, кто высовывался изъ оконъ. При приближеніи городовыхъ толпа, среди которой было много нянекъ съ дѣтьми, разбѣжалась. Когда городовые замѣтили г. Сѣдельникова, одинъ изъ нихъ обратился къ нему и грубо спросилъ:

— Ты кто такой?

— Я членъ Государственной Думы,—отвѣчалъ г. Сѣдельниковъ.

— А что у тебя въ карманѣ?

— Револьверъ.

При этихъ словахъ г. Сѣдельниковъ почувствовалъ страшный ударъ по лицу, а затѣмъ городовые набросились на него и стали бить прикладами. Когда г. Мокруповъ вздумалъ протестовать, полицейскіе отвѣтили:

— Молчать, а то и тебѣ то же будетъ!

Затѣмъ окровавленнаго, избитаго г. Сѣдельникова отнесли на квартиру. Здѣсь, однимъ изъ первыхъ, его посѣтилъ г. Ледницкій, жившій въ томъ же домѣ. Онъ-то и явился инціаторомъ заявленія, внесеннаго въ видѣ неотложнаго предложенія въ Государственную Думу. Заявленіе всколыхнуло всю Думу, всѣ были потрясены и возмущены этимъ случаемъ. Г. Аладьинъ произнесъ рѣчь, продиктованную неудержимымъ порывомъ гнѣва и негодованія. Если вы прочтете эту рѣчь у себя дома въ спокойной обстановкѣ, она покажется вамъ чрезмѣрно рѣзкой, исполненной ненужныхъ вызывающихъ эксцессовъ, но, производя оцѣнку этой рѣчи, надо помнить, чѣмъ она была вызвана и въ какой атмосферѣ она была признесена.

— Мнѣ трудно начать... Правительство рѣшило, что съ нами церемониться нечего—остается и намъ съ нимъ не церемониться. *(Аплодисменты слѣва).* Я думаю, что мои товарищи изъ трудовой группы не разойдутся со мной, когда я здѣсь скажу: если еще разъ дотронутся до одного изъ депутатовъ въ условіяхъ, въ которыхъ былъ избитъ Сѣдельниковъ, то мы заявляемъ, что ни одинъ министръ съ этой трибуны не произнесетъ никогда ни одного слова. Мало того, мы заявляемъ, что если дотронутся до одного изъ товарищей-депутатовъ, пусть министры не являются сюда, мы снимаемъ съ себя отвѣтственность за ихъ неприкосновенность. *(Аплодисменты слѣва).* Вы не забывайте, что наступаетъ время, когда одна единственная искра можетъ освѣтить массу головъ. Не забывайте, что за насъ народъ, что мы одни сдерживаемъ границы его гнѣва; намъ нужно только сказать, что мы не въ силахъ больше ничего сдѣлать, и всѣ сидящіе на этихъ мѣстахъ не удержатся.

Горе министрамъ,—негодующе обращается ораторъ къ министерской ложѣ,—которые посмѣютъ притти сюда высказывать сомнѣнія или недовѣріе къ фактамъ, сообщеннымъ депутатомъ. Мы выставляемъ конституціонный принципъ, по крайней мѣрѣ, наша группа. Достаточно одного слова нашего депутата Сѣдельникова, чтобы ни одно показаніе полиціи не могло быть противопоставлено ему, и этотъ конституціонный принципъ, я увѣренъ, русскій народъ поддержитъ. Раньше чѣмъ я сойду съ этой

каѳедры, я напомню еще одинъ фактъ. Если дотронутся до насъ, если одинъ изъ насъ падетъ, не забудьте, что уже наступило время, когда ружья арміи склоняются предъ народными представителями. *(Аплодисменты).* Насъ раздавить, конечно, ничего не стоитъ; насъ только 450 человѣкъ, не больше. Но зато всѣ, кто только причастенъ къ министерству, если мы падемъ, русскій народъ не позволитъ, чтобы они жили послѣ насъ. *(Бурные и долго не смолкающіе аплодисменты).*

Аплодировали не только «трудовики», но и весь центръ и большинство правой. Но въ значительной степени эти аплодисменты являлись не одобреніемъ по адресу оратора, а выраженіемъ протеста противъ насилій администраціи. Въ этомъ можно было убѣдиться на основаніи бесѣдъ со многими депутатами.

Непосредственно послѣ г. Аладьина слово представляется гр. Гейдену. Онъ, видимо, взволнованъ и съ трудомъ подыскиваетъ слова. Но онъ остается вѣренъ себѣ. Находя случай съ г. Сѣдельниковымъ въ высшей степени серьезнымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что нѣтъ основанія выступать съ угрозами,— «вѣдь не министръ билъ, а городовой».

Взволнованная аудиторія не признаетъ слишкомъ прямолинейнаго и неудачнаго довода и отвѣчаетъ графу внушительнымъ шиканьемъ.

Но вотъ, волоча ногу, со слѣдами побоевъ на лицѣ, на каѳедру подъ громъ аплодисментовъ подымается самъ г. Сѣдельниковъ...

Избитый городовыми депутатъ предъ лицомъ русскаго парламента. Картина совсѣмъ во вкусѣ нашей «конституціи».

Г. Сѣдельниковъ произноситъ рѣчь нѣсколько скомканную и растянутую, но замѣчательную по искренности тона и по широтѣ основной точки зрѣнія. Онъ сообщаетъ, что до избранія его въ члены Государственной Думы онъ «никогда не былъ объектомъ насилія», только разъ, въ Омскѣ, къ нему привязался пьяный офицеръ и хотѣлъ его застрѣлить. За это генералъ-губернаторъ выслалъ его изъ города,—не пьянаго офицера, а его самого, г. Сѣдельникова.

— Таковъ у насъ порядокъ.

Но послѣ принятія званія депутата и прибытія въ Петербургъ г. Сѣдельниковъ былъ битъ полиціей дважды,—первый разъ на митингѣ въ домѣ Нобеля, когда полиція сочинила протоколъ, будто онъ былъ пьянъ и возбуждалъ толпу. Тогда г. Сѣдельниковъ не счелъ нужнымъ апеллировать къ Думѣ, но теперь онъ посвящаетъ собраніе во всѣ подробности происшедшаго.

У него дѣйствительно въ карманѣ находился заряженный револьверъ, необходимость ношенія котораго объясняется очень просто: съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ на себя депутатскія полномочія, онъ получилъ четыре смертныхъ приговора. Городовые даже не спросили его, есть-ли у него разрѣшеніе на оружіе, а прямо стали бить. На утро помощникъ пристава принесъ къ нему на квартиру протоколъ, представляющій, по словамъ оратора, «замѣчательное художественное произведеніе», въ которомъ сообщалось, будто г. Сѣдельниковъ возбуждалъ толпу и кричалъ: «Бей полицію, бей крамольниковъ и фараоновъ!»

Аудиторія подчеркиваетъ смѣхомъ нелѣпость этого протокола.

Ораторъ заявляетъ, что «на своей шкурѣ испыталъ, какъ укрощаютъ безпорядки», и онъ пришелъ къ выводу... что внесенный законопроектъ о неприкосновенности личности депутатовъ надо оставить безъ дальнѣйшаго движенія, а прежде и раньше всего надо установить неприкосновенность личности русскихъ гражданъ.

— Себя мы должны оставить въ сторонѣ. Не о себѣ, а о пославшемъ насъ народѣ должны мы заботиться. Народъ понялъ, что путь такъ-называемаго мирнаго обновленія негоденъ. Подумайте объ этомъ. Страшно подумать, что произойдетъ, когда народное терпѣніе лопнетъ. Мы можемъ довести народъ до тупика, мы сдѣлаемся свидѣтелями анархіи. Мы не грозимъ, а говоримъ для того, чтобы предотвратить бѣду.

Громъ аплодисментовъ прерываетъ оратора.

Во время рѣчи г. Сѣдельникова, когда тотъ разсказывалъ, какъ его избивали городовые, въ залѣ появляется министръ внутреннихъ дѣлъ г. Столыпинъ и занимаетъ мѣсто въ министерской ложѣ.

Г. Сѣдельникова смѣняетъ г. Ледницкій, который дополняетъ фактическую картину. Онъ видѣлъ лицо этихъ городовыхъ и можетъ удостовѣрить, что это были дѣйствительно «звѣрскія лица».

Затѣмъ читается запросъ. Его результативная часть распадается на два вопроса: 1) извѣстны-ли г. министру внутреннихъ дѣлъ обстоятельства, сопровождавшія избіеніе г. Сѣдельникова, и 2) какія мѣры приняты для привлеченія виновныхъ лицъ къ отвѣтственности.

Г. Аладьинъ настаиваетъ на исключеніи перваго вопроса.

— Обстоятельства избіенія должны быть ему извѣстны. Если бы онъ о нихъ не зналъ, это было бы преступно. Надо лишь спросить—раскассирована-ли полиція, допустившая избіеніе.

Ораторъ полагаетъ, что гг. министры въ душѣ даже рады происшедшему. Отвѣчая графу Гейдену, ораторъ замѣчаетъ:

— Здѣсь пытались свести данный случай къ тому, что какой-то городовой, человѣкъ необразованный, смѣшалъ члена Государственной Думы съ обывателемъ, а такъ какъ онъ, городовой, обыкновеннаго обывателя привыкъ бить, то и примѣнилъ это обращеніе къ члену Государственной Думы.

Но ораторъ становится на болѣе серьезную точку зрѣнія. Полицейскіе, по его мнѣнію,—воспитанники нашихъ министровъ.

— Возьмите послѣднія сто лѣтъ и вспомните, били-ли городовые хоть одного министра?.. *(Смѣхъ и аплодисменты)*.

Г. Столыпинъ, сидящій на разстояніи нѣсколькихъ вершковъ отъ Аладьина, повернулъ къ нему голову.

— Нѣтъ. У нихъ великолѣпная теорія насчетъ своей собственной неприкосновенности,—ни одинъ министръ не позволитъ сомнѣваться въ томъ, что онъ—министръ и что его, какъ простого обывателя, бить не слѣдуетъ. Мы говоримъ министрамъ: хотятъ они или не хотятъ, но мы сдѣлаемъ такъ, чтобы званіе депутата, званіе народнаго представителя было болѣе священнымъ, чѣмъ всѣ министры, взятые вмѣстѣ!

Аудиторія отвѣчаетъ громомъ аплодисментовъ.

— Браво, браво!—раздается изъ центра и справа.

— Долой ихъ!—остается вѣрной себѣ лѣвая.

По мнѣнію оратора, отъ министровъ зависитъ только то, какъ будетъ установлена эта неприкосновенность.

— Послѣднее зависитъ отъ нихъ. Увидятъ-ли они или не увидятъ болѣе свѣтлое будущее,—я желалъ бы, чтобы они увидѣли его,—но они должны вдолбить въ головы своихъ подчиненныхъ конституціонную теорію. Если они отвѣтятъ, что это невозможно, то они лгутъ. Это можно сдѣлать въ 24 часа, если министры скажутъ: народные представители такъ же неприкосновенны, какъ каждый изъ насъ. Тогда вся эта орда, которая находится подъ ихъ властью, никогда не осмѣлится не узнать въ лицо члена Государственной Думы.

Какъ немедленную мѣру, ораторъ предлагаетъ смѣнить верхи полиціи, «начиная съ градоначальника». *(«Начиная съ министра»,—громко заявляетъ лѣвая)*.

— О министрахъ мы позаботимся,—отвѣчаетъ ораторъ на поданную реплику,—и мы ни на минуту не сомнѣваемся, что мы заставимъ ихъ убраться.

Подъ аплодисменты ораторъ покидаетъ каѳедру.

Общія замѣчанія по внесенному запросу окончены.

Г. Муромцевъ хочетъ поставить вопросъ на баллотировку, но г. Петражицкій дѣлаетъ попытку вызвать г. Столыпина на объясненіе.

— Навѣрно, у г. министра есть свѣдѣнія. Немедленное разъясненіе было бы желательно,—говоритъ г. Петражицкій.

Г. Муромцевъ перегибается и дѣлаетъ очень тихо г. Петражицкому замѣчаніе. Смыслъ замѣчанія тотъ, что, молъ, совершенно непарламентарно тянуть г. министра за языкъ, но г. Столыпинъ самъ проявляетъ согласіе дать объясненіе и всходитъ на каѳедру. Онъ заявляетъ, что онъ готовъ отвѣтить «на нареканія». У него есть нѣкоторыя свѣдѣнія, но не вполнѣ достаточныя, и фактическая картина для него самого еще неясна. Онъ дастъ отвѣтъ, когда будетъ вооруженъ всѣми фактами, и, во всякомъ случаѣ, приметъ всѣ мѣры, чтобы виновные были наказаны, А сейчасъ, онъ надѣется, Дума не станетъ требовать отъ него объясненій. Версія, въ которой ему представлено событіе, расходится съ тѣмъ, что онъ слышалъ въ Думѣ, и сообщеніе извѣстныхъ ему, но еще не провѣренныхъ фактовъ можетъ способствовать разжиганію страстей.

— «Ваша же инструкція»,—замѣчаетъ крайняя лѣвая.—«Долой градоначальника!» «И васъ долой!» «Давно пора»,—раздаются отдѣльные голоса.

Но Муромцевъ протестуетъ.

— Господа, не найдете-ли вы разъ навсегда, что личныя пререканія и оскорбительныя выраженія ниже достоинства Государственной Думы?

Центръ и правая дрогнули отъ аплодисментовъ. Г. Муромцевъ не ограничивается только простымъ замѣчаніемъ, а дѣлаетъ строгій выговоръ. Это вышло у г. Муромцева удачно и авторитетно.

— Господа. Старый строй пріучилъ къ тому, что люди, стоящіе у власти, считали себя въ правѣ наносить зависящимъ отъ нихъ лицамъ оскорбленія вмѣсто того, чтобы ограничиться указаніемъ на неправильные поступки. Неужели же мы, представители русскаго народа, ставшіе во властное положеніе, будемъ этому подражать!

Аудиторія рукоплещетъ. Въ это время секретарь Думы кн. Шаховской напомнилъ г. Муромцеву, что, кажется, депутатъ Аладьинъ внесъ поправку къ запросу. Г-нъ Муромцевъ остановилъ его, заявивъ, что при всемъ своемъ уваженіи къ г.

секретарю, онъ полагаетъ, что не его дѣло поправлять предсѣдателя.

Наконецъ, запросъ ставится на баллотировку. Дума громаднымъ большинствомъ соглашается съ мнѣніемъ г. Аладьина, и исключаетъ изъ запроса первую часть. Запросъ признанъ срочнымъ и принятъ единогласно.

Г. Набоковъ проситъ слова для личнаго объясненія. Это очень характерное объясненіе. Хотя г. Набоковъ говорилъ отъ своего имени, но, судя по аплодисментамъ центра, такъ думаютъ гг. «кадеты». Г. Набоковъ заявляетъ:

— Я просилъ бы г. Аладьина и его товарищей, если въ такихъ условіяхъ, какъ г. Сѣдельниковъ, окажусь я, не примѣнять только-что высказаннаго имъ правила относительно министровъ и выслушивать ихъ.

Ораторъ полагаетъ, что выступленіе на путь личныхъ репрессалій совершенно несовмѣстимо съ законодательною дѣятельностью народныхъ представителей. Г. Набокову дружно аплодируютъ.

Запросъ по поводу избіенія г. Сѣдельникова былъ принятъ. Отвѣта на него Дума не получила.

Постигла-ли какая кара тѣхъ, кто избилъ депутата, остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ.

Въ газетахъ появилось лишь извѣстіе, что кара постигла... избитаго г. Сѣдельникова въ видѣ штрафа въ суммѣ 500 рублей за ношеніе оружія.

Это—реальный фактъ, а вопросъ о неприкосновенности депутатовъ остался въ области предположеній.

XV.

Помощь голодающимъ. Конституціонный первенецъ.

Приблизительно въ серединѣ краткотечной сессіи до Думы начали доходить извѣстія о тяжкой полосѣ неурожаевъ, вновь постигшей многія мѣстности Россіи.

Дума немедленно выработала запросъ по поводу мѣръ, касающихся помощи голодающимъ вообще и закрытія столовыхъ въ частности, и адресовала его г. министру внутреннихъ дѣлъ.

Уже обсужденіе самаго запроса вызываетъ интересный обмѣнъ мнѣній.

Говорятъ по этому запросу, главнымъ образомъ, крестьяне и рабочіе—люди, близко знающіе цѣну страшному деревенскому горю.

Министерскія скамьи пустуютъ, но къ нимъ направлены новыя страстныя обвиненія—простыя и ясныя, идущія изъ глубины изстрадавшейся души.

На каѳедрѣ появляется высокая, худая фигура г. Жилкина.

Это спокойный и уравновѣшенный ораторъ. Но выдвинутый вопросъ задѣваетъ его за живое, и онъ собираетъ силы, чтобы выразить свое возмущеніе и негодованіе.

— Я понимаю, если они борются противъ газетъ, противъ школъ,—противъ идей, разрушающихъ ихъ благополучіе... Но когда читаешь, что они обрекли цѣлыя мѣстности на вымираніе, что люди по ихъ милости пухнутъ съ голоду,—всякое сердце должно дрогнуть. Вѣдь это не люди! Здѣсь нужно имѣть сердце звѣря! Они все подавляютъ, топчутъ и губятъ самую жизнь!

Рядъ ораторовъ смѣняетъ г. Жилкина, и всѣ говорятъ о причинѣ всѣхъ золъ—о ненавистномъ врагѣ, котораго гонятъ и клянутъ, но который не хочетъ уходить, который цѣпляется за власть, не останавливаясь передъ массовыми убійствами.

Черноземный и религіозный депутатъ Лосевъ видитъ въ преступленіяхъ власти наказанія за грѣхи передъ Господомъ Богомъ, пославшимъ людей, которые ничего не хотятъ знать и ни передъ чѣмъ не останавливаются.

Радикальный г. Михайличенко готовъ смести эту власть, которая создаетъ такое нелѣпое положеніе, когда голоднаго нельзя накормить «безъ свидѣтельствъ».

Такъ текутъ рѣчи о великомъ народномъ горѣ, о необходимости жалости и милосердія. Но вотъ на каѳедрѣ появляется одинъ изъ іереевъ, засѣдающихъ въ Думѣ, о. Гумма. Онъ просилъ слова, чтобы заявить, что «помощь не всегда полезна тому, кому она оказывается, и рождаетъ иной разъ лѣность и безпечность». И «однихъ уподобляетъ муравьямъ, а другихъ стрекозамъ». Послѣ этихъ заявленій батюшка довольно неожиданно предлагаетъ собрать съ присутствующихъ лепту, но останавливается предсѣдателемъ, который напоминаетъ ему, что это не частное собраніе, а законодательная палата, и о. Гумма не безъ смущенія покидаетъ каѳедру.

Далѣе пошли замѣчанія по поводу редакціи запроса. Одни находили ее слишкомъ расплывчатой и требовали болѣе конкректныхъ указаній, другіе, наоборотъ, указывали, что запросъ надо поставить

широко, чтобы побудить министерство дать отвѣтъ: какія вообще мѣры оно намѣрено принять для борьбы съ голодомъ, постигшимъ многія мѣстности Россіи.

И уже въ то время во всѣхъ этихъ предложеніяхъ звучала нота какой-то неувѣренности. Запросы вносятся одинъ за другимъ, но каковы будутъ отвѣты?

Запросъ былъ принятъ.

Г. Столыпинъ медлилъ отвѣтомъ, и только въ повѣсткѣ о засѣданіи 12-го іюня было напечатано: «Отвѣтъ г. министра внутреннихъ дѣлъ на запросъ о мѣрахъ борьбы съ голодомъ».

Этого отвѣта ждали.

Вотъ въ ложѣ появляется г. Столыпинъ, а вслѣдъ за нимъ г. Гурко.

Рядомъ съ плотной, высокой фигурой г. Столыпина, г. Гурко кажется такимъ низенькимъ, тщедушнымъ, съ его маленькой головой, большимъ носомъ и острымъ подбородкомъ.

Слово предоставляется г. Столыпину.

Его встрѣчаютъ спокойно.

Онъ старается быть обстоятельнымъ и отвѣтить на всѣ части запроса. Онъ признаетъ, что помощь голодающему населенію— вопросъ громадной государственной важности. Министерство это знаетъ. И отсюда выводъ:

— Мы стоимъ передъ необходимостью затратить громадныя средства...

Очень характерно это «мы». Это было уже не горемыкинское «мы», гдѣ подъ этимъ словомъ разумѣлось только министерство, какъ будто Думы и не существовало вовсе. «Мы» г. Столыпина звучало уже какъ «мы» и «вы». Впрочемъ, это объясняется очень просто:

— Скоро будетъ внесенъ въ Думу проектъ,—заявляетъ г. Столыпинъ,—о разрѣшеніи многомилліоннаго расхода.

Г. Столыпинъ понимаетъ, что тутъ уже одни «мы» дѣлу не помогутъ, а нужны и «вы».

— Нуженъ планъ дѣйствій,—продолжаетъ г. Столыпинъ,—который можно было бы использовать при первой тревогѣ.

Затѣмъ г. Столыпинъ переходитъ къ картинѣ минувшей продовольственной кампаніи. Онъ разбиваетъ эту кампанію на два періода: на сѣменную и собственно продовольственную. Онъ сообщаетъ цифры: голодали 24 губерніи и 2 области. Когда обрисовались громадные размѣры предстоящей потребности, было созвано особое совѣщаніе, состоящее не только изъ должностныхъ

лицъ, но и изъ представителей земствъ, биржъ, хлѣбныхъ фирмъ и желѣзныхъ дорогъ.

Г. Столыпинъ подчеркиваетъ это участіе общественныхъ элементовъ.

Помощь на мѣстахъ была организована при участіи крестьянскихъ учрежденій и при содѣйствіи вѣдомства удѣловъ, земствъ, попечительствъ о домахъ трудолюбія. На закупку хлѣба было израсходовано свыше 54-хъ милліоновъ; на организацію общественныхъ работъ—свыше 3-хъ милліоновъ и т. д. А всего свыше 73-хъ милліоновъ рублей.

Г. Столыпинъ приводитъ цифры точныя—въ рубляхъ и въ копейкахъ.

А если причислить запасные магазины, то всего было израсходвано 8 милліоновъ рублей на обезпеченіе населенія до новаго урожая. А осталось въ настоящее время... 300 тысячъ рублей.

Г. Столыпинъ не счелъ нужнымъ подчеркнуть эту цифру и быстро перешелъ къ дальнѣйшему докладу. Но, нужды нѣтъ,—аудиторія запомнила эту цифру и отмѣтила ее.

Что касается слуховъ объ эпидемическихъ заболѣваніяхъ отъ голода, то дѣло обстоитъ очень просто: слухи эти частью вымышлены, частью преувеличены печатью. Эпидемическихъ заболѣваній не было,—такъ, были отдѣльные случаи заболѣванія на почвѣ «недоѣданія», но они носили «спорадическій характеръ». Такъ было въ Воронежской губерніи. Въ Рязанской губерніи, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, заболѣваній вовсе не было.

Печать, значитъ, выдумала.

Въ Казанской губерніи—тамъ дѣйствительно были случаи заболѣванія цынгой, но «среди татаръ».

— Это повторяется изъ года въ годъ,—беззаботно заявляетъ г. министръ.

Такіе, молъ, пустяки, что и вниманія не стоитъ обращать.

Г. Столыпинъ переходитъ къ послѣдней части запроса: лишенію продовольственной помощи крестьянъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ безпорядкахъ, и закрытію общественныхъ столовыхъ.

Дѣйствительно, въ министерствѣ возникъ вопросъ о продовольственныхъ ссудахъ крестьянамъ, участвовавшимъ въ аграрныхъ безпорядкахъ, но рѣшено было, что это рѣшеніе семей касаться не можетъ. Что касается закрытія столовыхъ, тутъ просто произошли «нѣкоторыя недоразумѣнія». Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ уполномоченныхъ, на-ряду съ благотворительностью, были «уличены въ томъ, что занимались дѣятельностью

другого рода». Эти лица были арестованы и привлечены къ судебной отвѣтственности, а вмѣсто закрытыхъ столовыхъ были открыты новыя. Такимъ образомъ,—по словамъ г. Столыпина,—все сводилось къ «нѣкоторымъ недоразумѣніямъ» и препятствіямъ.

Таковы объясненія относительно прошлаго.

Насчетъ будущаго г. Столыпинъ заявляетъ, что ни общественныя организаціи, ни частныя лица не только не будутъ встрѣчаться съ препятствіями, но, напротивъ, найдутъ полное сочувствіе администраціи, но... Правительство, конечно, не можетъ допустить, чтобы благотворительностью прикрывались для цѣлей противозаконныхъ.

Г. Столыпинъ кончилъ.

Ни шума, ни шиканья. Только съ верхней лѣвой скамьи раздался одинокій голосъ: «Въ отставку!», но, не встрѣтивъ поддержки даже среди лѣвыхъ, такъ и замеръ.

Первымъ г. Столыпину отвѣчалъ депутатъ Долженковъ. Онъ такъ ставитъ вопросъ: кто пойдетъ работать на помощь голодающимъ? Люди, у которыхъ есть стремленіе дѣлать общественное дѣло, а отсюда въ глазахъ нашей администраціи—одинъ шагъ до политической неблагонадежности.

Въ опроверженіе заявленія г. министра, что общественныя учрежденія не встрѣчаютъ препятствій, г. Долженковъ приводитъ рядъ фактовъ.

— Уполномоченные комитета, которые въ Ефремовскомъ уѣздѣ, Тульской губ., устроили столовыя, хотѣли устроить въ Измаильскомъ уѣздѣ пекарни для того, чтобы притти на помощь голодающимъ, но въ этомъ они не могли успѣть. Когда были посланы матеріалы (мука и проч.) для изготовленія хлѣба, то явился урядникъ и не допустилъ печь хлѣба. Когда пожаловались исправнику, онъ заявилъ: «Если вы вздумаете явиться сюда съ пекарнями, то я пошлю войска». По донесеніямъ уполномоченныхъ Пензенской губ., тамъ въ концѣ апрѣля не позволено было открыть столовыхъ. Въ Тамбовской губ. уполномоченные Ѳедосѣева и Ѳедоровская были увѣдомлены, что дальнѣйшее оказаніе помощи населенію воспрещается. Это три факта за послѣднее время. Что касается прежняго времени, то препятствія частной иниціативѣ оказывались еще больше. Не только потому запрещалось оказывать частную помощь, что уполномоченные занимались, помимо кормленія, пропагандой. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ, въ Витебской и Симбирской, уполномоченные вольно-

экономическаго общества вовсе не были допущены. Имъ было сказано, что если они попытаются устроить какое-либо учрежденіе, то оно будетъ закрыто; тутъ политическая неблагонадежность не играла роли. Таково было общее отношеніе къ частной помощи.

Затѣмъ говоритъ депутатъ Васильевъ, бывшій членъ казанскаго комитета общественной помощи. Онъ заявляетъ, что свѣдѣнія г. министра «едва-ли соотвѣтствуютъ истинѣ». Столовыя закрывали грубо и дерзко мѣрами низшей полиціи, но новыми ихъ не замѣняли. Администрація систематически противодѣйствовала общественнымъ начинаніямъ, и когда земское собраніе хотѣло заняться вопросомъ о продовольственной помощи, казанскій губернаторъ запретилъ касаться этого вопроса.

Г. Васильева смѣняетъ кн. Львовъ.

Много поработалъ этотъ общественный дѣятель по продовольственному дѣлу и имѣлъ возможность изучить его хорошо и всесторонне.

Онъ смотритъ на дѣло какъ нельзя болѣе пессимистически.

— Никогда у насъ не было ничего подготовлено. Неурожай насъ встрѣчаетъ всегда неподготовленными. Печальный опытъ прошлыхъ лѣтъ нисколько насъ ни подготовляетъ для будущихъ случаевъ. Я напомню голодъ 1891 года, когда громадное бѣдствіе постигло Россію. Все было тогда въ рукахъ земства. Вы помните, что въ то время, когда это громадное бѣдствіе впервые охватило Россію, произошли первыя столкновенія съ правительствомъ. Правительство тогда было въ другомъ положеніи, чѣмъ теперь. Правительство вступило въ борьбу съ земствомъ, чтобы доказать, что голода нѣтъ, но въ концѣ-концовъ правда взяла верхъ. Выступила нужда, и тогда посыпалась помощь. Было роздано до 170 милліоновъ. Правительство было почти въ сторонѣ отъ дѣла. Оно только давало средства. Всю работу вело земство. Земство вышло съ честью изъ этой борьбы, и, можетъ-быть, этимъ навлекло на себя гнѣвъ, новую борьбу съ правительствомъ. Правительство усмотрѣло въ успѣхѣ земства нѣкоторую опасность для себя, нѣкоторый плюсъ авторитета земства, даже возможность на этомъ поприщѣ дѣятельности совмѣстно съ земствомъ нѣкоторой тенденціи къ конституціонному поползновенію, которое оно хотѣло остановить. Оно рѣшило разработать такой планъ дѣйствій, который совершенно устранилъ бы отъ дѣятельности земство. Выработанныя въ 1900 году временныя правила изъяли продовольственное дѣло изъ рукъ земства

и передали его правительственнымъ учрежденіямъ и мѣстнымъ его органамъ. Вся помощь цѣликомъ почти была сосредоточена въ рукахъ правительственной власти и мѣстныхъ ея агентовъ. Надо сказать, въ чемъ состоитъ самое существо закона, что такое эти временныя правила. По существу, я думаю, само правительство прекрасно сознаетъ, что они въ тѣхъ цѣляхъ, въ которыхъ были изданы, не выдерживаютъ критики. Это никуда негодный законъ. Эти правила, въ сущности, проникнуты насквозь ложью. На самомъ дѣлѣ этотъ законъ развращаетъ и самые органы власти, и все населеніе... Я представляю себѣ,—продолжаетъ г. Львовъ,—всю трагичность положенія. Я нахожу, что мы не можемъ поручить помощь населенію ни мѣстному начальству, ни мѣстнымъ административнымъ властямъ, ни центральнымъ органамъ, ни министерству. Говорю: некому поручить этого дѣла, и, мнѣ кажется, мы должны прежде всего передать нашей комиссіи, избранной Думой, обсудить это положеніе и спасти отъ бѣдствія и отъ того политическаго хаоса, въ которомъ находится страна. *(Аплодисменты).*

Г. Львовъ говоритъ тихо, едва слышно. Аудиторіи приходилось сильно напрягать вниманіе.

— Г. Аладьинъ,—произноситъ предсѣдатель.

Аудиторія встрепенулась. Г. Аладьина многіе не любили въ Думѣ за рѣзкій, вызывающій тонъ, за нѣкоторую долю фразерства и рисовки, но его слушали съ большимъ вниманіемъ. Лѣвая всегда готова была горячо поддерживать его знаками одобренія. Ораторъ не хочетъ останавливаться на «исторіи продовольственнаго дѣла».

— Исторію писали гг. министры, а русскій народъ ее терпѣлъ. И если кто довелъ насъ до сумы,—такъ это гг., сидящіе отъ меня направо.

Лѣвая бурно аплодируетъ. «Кадеты» и правая молчатъ.

— Намъ здѣсь заявили,—продолжаетъ ораторъ,—что невыдачу продовольственной ссуды рѣшено было не распространять на семьи лицъ, замѣшанныхъ въ аграрныхъ безпорядкахъ, но у меня относительно этого есть маленькій документикъ, и я его оглашу. Къ начальнику продовольственнаго отдѣла г. Ватаци обратился дѣйствительный статскій совѣтникъ...

Ораторъ выдерживаетъ паузу.

— Господинъ... Гурко,—рѣзко и отрывисто бросаетъ ораторъ, словно хочетъ ударить, оскорбить этимъ словомъ. — И предложилъ лишить всѣхъ крестьянъ продовольственной помощи.

Лѣвая грянула взрывомъ аплодисментовъ, а г. Гурко облокотился на барьеръ ложи и сталъ прислушиваться внимательнѣе.

— Но комитетъ не принялъ этого предложенія. Даже комитетъ не принялъ! Тогда дѣйствительный статскій совѣтникъ, господинъ Гурко...

Ораторъ очень иронически подчеркиваетъ слова «дѣйствительный статскій совѣтникъ».

— ...въ порядкѣ подчиненности внесъ это предложеніе г. Дурново, и губернаторамъ было приказано крестьянамъ пособія не выдавать. Такъ вотъ этотъ г. Гурко теперь назначенъ завѣдывать всѣмъ продовольственнымъ дѣломъ въ имперіи!

— Вонъ его! Долой!—раздается взрывъ негодованія слѣва.

— Г. Дурново уже отошелъ въ исторію, а г. Гурко думаетъ еще заняться въ будущемъ. Вы говорите,—негодующе обращается ораторъ къ министерской ложѣ,—что вы семей крестьянъ куска хлѣба не лишали, а я вамъ докажу, что вы у женщинъ и ребятъ вырывали кусокъ хлѣба.

— Еще хуже было!—раздаются голоса.

— У меня на рукахъ много документовъ, но я прочту одинъ. Мнѣ пишутъ изъ Курмышскаго уѣзда, что земскій начальникъ Таушевъ лишаетъ пособія семьи крестьянъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ безпорядкахъ. Эти безпорядки произошли въ имѣніи г. Таушева. Это уже месть и злоба.

— Позоръ!—раздается возгласъ.

— Гг. министры у себя подъ носомъ ничего не знаютъ. Вы заговорили о своевременности! Когда заходитъ рѣчь о снятіи военнаго положенія или чрезвычайной охраны, вы не торопитесь, а тутъ, когда потребовалась многомилліонная затрата, являетесь своевременно.

— Вѣрно, вѣрно!—раздаются голоса.

— Мы знаемъ, три четверти денегъ остаются въ карманахъ, начиная съ министерства внутреннихъ дѣлъ. Грабить русскій народъ гг. министры никогда не опоздаютъ. *(Громъ аплодисментовъ слѣва)*. Но мы возьмемъ дѣло народа въ наши незамаранныя руки.

Ораторъ предлагаетъ послать на мѣсто депутатовъ по одному отъ каждой губерніи, которые совмѣстно съ земскими учрежденіями организовали бы дѣло продовольственной помощи.

— А отъ гг. министровъ мы потребуемъ, и у нихъ не будетъ силы отказать намъ въ этомъ требованіи, несмотря на штыки и пулеметы, чтобы всѣ суммы, которыя остались неизрасходован-

ными, поступили въ нашу комиссію, но чтобы дать хотя бы одну копейку тому министерству, гдѣ находится г. Гурко, этого не будетъ. *(Снова аплодисменты)*. Зайдетъ-ли рѣчь о продовольственной помощи или о другихъ какихъ вопросахъ, они отъ насъ услышатъ одинъ отвѣтъ: Когда же у васъ хватитъ порядочности и чести, чтобы убраться отсюда вонъ!—заканчиваетъ ораторъ, и, подъ аплодисменты и крики: «Долой», «Уйдите прочь», по адресу министерства, покидаетъ каѳедру.

Г. Аладьина смѣняетъ г. Родичевъ. Онъ указываетъ на основную причину зла—на нашу систему управленія, которая довела страну до обнищанія. По поводу требованія политической благонадежности при оказаніи помощи голодающимъ, ораторъ замѣчаетъ, что нигдѣ въ мірѣ, даже преступнику, не запретили бы печь хлѣбъ и кормить голодныхъ.

— Мы не имѣемъ права благотворительствовать?.. Вѣдь это неслыханная вещь! Министерство лишаетъ права подавать милостыню! Вѣдь не пустили врачей къ голодающимъ! Это вопіющее превышеніе власти! Какое военное положеніе это дозволяетъ? Въ какомъ законѣ, въ какой совѣсти это писано? Это не натяжка и не софизмъ, если я скажу, что страна будетъ голодать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать дѣленіе на благонадежныхъ и неблагонадежныхъ. Вѣдь это дѣленіе—изобрѣтеніе парижской революціи, но даже и Маратъ не запрещалъ кормить голодныхъ! *(Громъ аплодисментовъ)*.

Ораторъ приходитъ къ выводу, что страна только тогда будетъ сыта, когда она будетъ жить свободнымъ трудомъ и когда прекратится разрушеніе страны самимъ правительствомъ.

Послѣ двухъ-трехъ замѣчаній слѣдующихъ ораторовъ, слово вновь предоставляется г. Столыпину.

— Я вхожу на каѳедру, чтобы внести нѣкоторыя поправки.

Г. Столыпинъ приводитъ эти поправки.

— Что же касается ораторовъ слѣва, то на ихъ анекдоты, клеветы и угрозы...

С. А. Муромцевъ, который такъ внимательно слѣдилъ, чтобы не было непарламенскихъ выраженій, не догадался или не успѣлъ остановить оратора, и лѣвая отвѣтила бурнымъ взрывомъ протеста.

— Вонъ! Долой! Онъ оскорбилъ депутата!

Разыгрывается невиданная сцена. Г. Столыпинъ, русскій министръ внутреннихъ дѣлъ, стоитъ на трибунѣ, весь вытянувшись, въ вызывающей позѣ, съ красными пятнами на щекахъ и,

почти задыхаясь, старается перекричать представителей крайней лѣвой русскаго парламента.

— Я представитель закона!—выкрикиваетъ министръ.

— Вонъ его! Долой!—стонетъ лѣвая.

«Я носитель»... «Захватить»... «Исполнительную власть»,—долетаютъ отдѣльныя фразы г. Столыпина среди страшнаго шума.

Дальше уже ничего не слышно: крикъ, шумъ; многіе вскочили съ мѣстъ. Г. Муромцевъ безпомощно машетъ колокольчикомъ...

Но вотъ министръ кончилъ и занялъ свое мѣсто.

Аудиторія стихла.

Черезъ минуту г. Столыпинъ покидаетъ залу. Но онъ не ушелъ, а только вышелъ въ кулуары на нѣсколько минутъ перевести духъ послѣ жаркой схватки. Его окружаютъ нѣсколько депутатовъ—гг. Кединъ, Львовъ и др.—тутъ же вертятся журналисты.

Затѣмъ г. Столыпинъ возвращается.

Общія пренія по поводу отвѣта министра кончились. Идетъ споръ о редакціи перехода къ очереднымъ дѣламъ. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какимъ образомъ была выработана эта формула. Основой для формулы послужилъ слѣдующій текстъ, предложенный г. Набоковымъ отъ имени партіи к.-д.: «Государственная Дума, признавая, что дѣло продовольственной помощи населенію тормозилось больше всего вмѣшательствомъ администраціи, руководившейся въ этомъ святомъ дѣлѣ помощи соображеніями о политической благонадежности, полагая необходимой организацію помощи при участіи общественныхъ элементовъ, разработку плана и организацію поручаетъ продовольственной комиссіи и переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Но затѣмъ, подъ давленіемъ «трудовиковъ», въ формулу были внесены поправки.

Наиболѣе существенная поправка принята по настоянію г. Аладьина. Она состояла въ порученіи существующей парламентской продовольственной комиссіи составить такой продовольственный планъ, при которомъ расходованіе всѣхъ суммъ находилось бы подъ постояннымъ контролемъ Думы. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ «трудовиковъ» былъ сдѣланъ послѣдовательный и логическій выводъ изъ основнаго положенія формулы, что дѣло помощи голодающимъ тормозится министерствомъ, которое руководствуется соображеніями о политической неблагонадежности. Заслуживаетъ далѣе быть отмѣченнымъ, что поправка, предложенная депутатомъ Галецкимъ и заключающая требованіе, чтобы нынѣшнему министерству не была отпущена ни одна копейка денегъ

на организацію продовольственнаго дѣла, была отвергнута. По выраженію одного изъ ораторовъ, принять такое рѣшеніе—это значитъ осуществить поговорку: «паны дерутся, а у хлопцевъ чубы болятъ».

Формула перехода къ очереднымъ дѣламъ принята. Вопросъ исчерпанъ, и г. Столыпинъ съ г. Гурко собираются уходить, но какъ только они поднялись со своихъ мѣстъ, снова начался шумъ и крики: «долой». Они остановились. На лицѣ г. Гурко, худомъ и блѣдномъ, играла злая улыбка. Черезъ минуту, когда вниманіе аудиторіи было отвлечено отъ министерской ложи, г. Гурко быстро повернулся и поспѣшно покинулъ залу.

———

Обѣщаніе внести законопроектъ объ ассигнованіи многомилліоннаго расхода на продовольственное дѣло, о которомъ говорилъ г. Столыпинъ, министерство не замедлило исполнить.

Кстати сказать, это было единственное «обѣщаніе», которое оно исполнило: такія обѣщанія всегда исполняются... Министерство внутреннихъ дѣлъ потребовало 50 милліоновъ на продовольственную кампанію и просило министра финансовъ изыскать эти средства путемъ новыхъ кредитныхъ операцій.

Намъ нужны деньги,—заявило министерство,—ассигнованіе необходимо, а взять деньги неоткуда. Остается одно средство—новый заемъ.

Предложеніе министерства поступило на обсужденіе продовольственной и бюджетной комиссій.

Комиссіи работали день и ночь. Одно изъ засѣданій продолжалось 13 часовъ подъ-рядъ. На этомъ засѣданіи (не публичномъ, согласно положенію о Государственной Думѣ) присутствовали гг. Коковцевъ и Столыпинъ и давали свои объясненія. Комиссіи представили свои заключенія Думѣ.

Думѣ предстояла трудная задача.

Первый бюджетный вопросъ явился очень серьезнымъ моментомъ. По условіямъ переживаемаго времени онъ представлялъ задачу особенно трудную: съ одной стороны, неотложная нужда, а съ другой—итоги хищническаго хозяйничанья стараго режима. Была и третья причина, усложнившая задачу Думы. Дума всего нѣсколько дней, какъ успѣла избрать бюджетную комиссію, которой сразу пришлось столкнуться съ вопросомъ огромной важности, и въ довершеніе всего комиссіи пришлось имѣть дѣло съ

такимъ опытнымъ и вѣрнымъ слугой стараго режима, какъ г. Коковцевъ. Но, несмотря на всѣ эти трудности, Дума съ честью выполнила возложенныя на нее задачи.

Сущность заключеній, предложенныхъ Думѣ бюджетной комиссіей, сводилась къ слѣдующему:

Обѣ комиссіи соглашались съ первою частью министерскаго предложенія, признавъ ассигнованіе на продовольственную кампанію неотложнымъ и безусловно необходимымъ.

Но онѣ, во-первыхъ, нашли, что нѣтъ необходимости въ ассигнованіи 50-ти милліоновъ и что пока можно ограничиться 15-ю милліонами. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, относительно источника для покрытія этого непредвидѣннаго расхода онѣ, такъ сказать, роковымъ образомъ разошлись съ офиціальными представителями власти. Тѣ предлагали старый рецептъ — заемъ. Комиссіи твердо отвѣтили: «Ни за что!».

Мотивировку заключеній, къ которымъ пришли комиссіи, взяли на себя отъ имени продовольственной комиссіи кн. Львовъ, и отъ имени бюджетной—г. Герценштейнъ. Кн. Львовъ доложилъ Думѣ, что, по свѣдѣніямъ продовольственной комиссіи о размѣрахъ бѣдствія, постигшаго неурожайныя мѣстности, придется потратить сумму болѣе значительную, чѣмъ испрашиваетъ министерство.

Но ближайшіе расходы на обсѣмененіе полей могутъ ограничиться 15-ю милліонами рублей. Поэтому продовольственная комиссія и пришла къ заключенію о необходимости ассигновать эту сумму, поручивъ завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ мѣстнымъ организаціямъ и поставивъ дѣятельность министерства въ борьбѣ съ голодомъ подъ постоянный контроль Государственной Думы.

Въ то время, какъ на долю кн. Львова выпала, такъ сказать, позитивная часть даннаго вопроса, г. Герценштейнъ взялъ на себя часть критическую, и съ свойственнымъ ему умѣньемъ, знаніемъ и остроуміемъ разбилъ предложеніе министерства.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и нареканій, отъ которыхъ, впрочемъ, впослѣдствіи недобросовѣстные люди и не подумали избавить Думу, г. Герценштейнъ ясно и категорически заявилъ:

— Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что мы безъ всякой урѣзки и сокращеній, безъ всякаго торга должны ассигновать все то, что необходимо на нужды продовольствія. Отъ имени обѣихъ комиссій, я заявляю, что мы безусловно признаемъ не-

обходимымъ итти навстрѣчу обоимъ министрамъ, что мы не желаемъ сокращать назначенную сумму и признаемъ необходимымъ, можетъ-быть, даже и увеличить ее. Но вотъ все дѣло въ томъ, откуда взять деньги?

Этому вопросу г. Герценштейнъ посвящаетъ особое вниманіе.

— Министръ финансовъ былъ столь любезенъ, что помогъ намъ въ этомъ. Онъ намъ сказалъ: «Зачѣмъ вамъ безпокоиться, я выпущу ренту на нужную сумму, и весь вопросъ разрѣшенъ». Правда, у насъ нѣтъ полной свободы печати, но печатный станокъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ всегда въ его распоряженіи.

Смѣхъ прерываетъ оратора.

— Но тутъ-то мы съ нимъ и несогласны. На засѣданіи членовъ бюджетной комиссіи министръ финансовъ раскрылъ передъ нами такую картину, послѣ которой у насъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что путемъ займовъ мы дѣлу помочь не можемъ. Онъ намъ сказалъ: «Мы жили слишкомъ широко и не по средствамъ». Это большая заслуга со стороны министра финансовъ, что онъ напомнилъ намъ, что мы жили не по средствамъ и что впредь, значитъ, надо жить по средствамъ...

Снова смѣхъ.

— Онъ сказалъ: «Положеніе наше гораздо хуже, чѣмъ вы думаете. Вы полагаете, что наше положеніе вѣрно обрисовано во всеподданнѣйшемъ отчетѣ? Нѣтъ, туда попали только извѣстныя суммы; есть такія суммы, которыхъ тамъ нѣтъ и которыя были опубликованы только тогда, когда была рѣчь о новомъ займѣ». Для чего, собственно, понадобился этотъ заемъ? Тутъ только мы узнали, что у насъ есть старые большіе грѣхи. При такихъ условіяхъ становится поневолѣ страшно. Если у насъ есть грѣхи, о которыхъ мы узнаемъ только попутно, если у насъ есть долги на довольно крупную сумму, если оказывается, что на ликвидацію этой несчастной войны потребуются еще сотни милліоновъ, то мы поневолѣ должны остановиться на вопросѣ: неужели мы впредь будемъ дѣлать такіе новые займы на большія суммы? Попробуемъ, нельзя-ли иначе дѣйствовать?

— Остается одинъ путь,—говоритъ далѣе г. Герценштейнъ,—жить по средствамъ. Мы и предложили г. министру финансовъ пересмотрѣть смѣту.

— Но вѣдь остается всего полгода. Такіе пустяки. Вѣдь пересмотрѣть смѣту—это такъ непріятно. Мы лучше въ будущемъ станемъ жить по средствамъ и итти путемъ добродѣтели. Но

г. министръ самъ сказалъ, что денегъ намъ нигдѣ не дадутъ. Если выпустить ренту, то это понизитъ цѣнность уже существующихъ бумагъ. Такъ сдѣлаемъ сегодня то, что совѣтуютъ сдѣлать завтра. Перейдемъ, наконецъ, къ мирному, скромному, бытьможетъ, мелочному веденію хозяйства.

Ораторъ выражаетъ надежду, что г. министръ этому поможетъ.

— Это съ его стороны будетъ, конечно, большая жертва. Мы знаемъ, что за каждой цифрой бюджета стоитъ живой человѣкъ, стоитъ учрежденіе, которое цѣпко держится за благопріобрѣтенное. Но что же дѣлать? Съ того дня, какъ явилась Дума, каждая копейка должна быть на учетѣ!

Громъ аплодисментовъ прерываетъ оратора. Г. Герценштейнъ доказываетъ, что извлеченіе изъ нашего бюджета новыхъ средствъ и сокращеніе расходовъ вполнѣ возможны. Онъ приводитъ два примѣра:

— Вѣдь вотъ нашлись же деньги—одинъ милліонъ сто шестнадцать тысячъ—на усиленное довольствіе пограничной стражи. *(Смѣхъ)*. Или вотъ въ текущемъ году ассигновано пять милліоновъ на переселеніе крестьянъ. Г. главноуправляющій земледѣліемъ и землеустройствомъ—большой сторонникъ переселеній, но въ этомъ году и онъ, вѣроятно, не думаетъ переселять крестьянъ.

Попутно г. Герценштейнъ отмѣчаетъ еще одну цифру въ 1.770,000 рублей на аренды.

— Земель ужъ нѣтъ. Даютъ денежную аренду. Вѣдь это, я думаю, можно сократить?!.

Снова аплодисменты.

Ораторъ не находитъ нужнымъ останавливаться на другихъ примѣрахъ и вновь выражаетъ увѣренность, что министръ финансовъ поможетъ,—благо ему техника извѣстна и хорошо изучена. Путь къ займамъ расточителенъ и опасенъ. Пора, наконецъ, его совершенно оставить.

Г. Герценштейна смѣняетъ г. фонъ-Рутценъ. Онъ останавливается на картинѣ неописуемаго состоянія, въ которомъ находится нашъ кредитъ. Такія государства, какъ Португалія и Румынія, достаютъ деньги на болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ Россія. Итти путемъ дальнѣйшихъ займовъ немыслимо. Остается одинъ путь: сокращеніе расходовъ на всю эту массу ненужныхъ учрежденій и дорого стоящихъ должностей, но здѣсь страна снова сталкивается съ министерствомъ. Оно не въ состояніи удовлетворять

духовнымъ запросамъ. Теперь оказывается, оно не въ состояніи удовлетворить и хозяйственнымъ нуждамъ.

— Пусть же они уйдутъ,—закончилъ ораторъ,—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Лѣвая словно ждала этихъ словъ и разразилась криками:«Въ отставку». Г. Коковцеву, возсѣдающему въ министерской ложѣ въ единственномъ числѣ, приходится принять этотъ вызовъ на свой собственный счетъ.

— Г. министръ финансовъ,—произноситъ въ это время предсѣдательствующій, кн. Долгоруковъ.

Г. Коковцевъ не безъ нѣкотораго видимаго смущенія подымается на каѳедру.

Во-первыхъ, это его первый дебютъ передъ Думой, а во-вторыхъ, положеніе щекотливое—это онъ отлично сознаетъ.

— Неблагодарная задача—всходить на каѳедру послѣ оратора, который подъ аплодисменты закончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что министерство должно уйти въ отставку,—начинаетъ г. Коковцевъ.

Лѣвая услыхала слово: «Въ отставку» и отвѣчаетъ возгласомъ: «Да, да!».

Но г. Коковцевъ считаетъ своею обязанностью говорить.

Его рѣчь, съ внѣшней стороны, не оставляла желать ничего большаго.

Джентльменъ, совершеннѣйшій джентльменъ!

Конечно, могло казаться, что джентльменъ бы не сталъ оставаться послѣ того, какъ ему столь усиленно и недвусмысленно указывали на дверь, но это между прочимъ.

Плавная рѣчь, нѣсколько, правда, скомканная и изобилующая повтореніями, была безусловно корректна и крайне сдержанна.

По тону, повторяемъ, это была отличная рѣчь, а по существу—старая пѣсня, давно и хорошо знакомая: денегъ нѣтъ, взять ихъ неоткуда, деньги, между тѣмъ, необходимы, ибо нужда стучится въ дверь.

— Дѣло заключается въ томъ, что мы всѣ здѣсь, не взирая на существующую разницу между нами, мы всѣ находимся передъ нуждою. Теперь не время говорить о довѣріи или недовѣріи.

Въ аудиторіи смѣхъ.

— Въ отставку!—закричали «трудовики», которые остаются вѣрными своей тактикѣ.

Это смутило г. Коковцева, и краска бросилась ему въ лицо, но, сдерживая себя, онъ продолжалъ:

— 15-ти милліоновъ положительно не хватитъ. Это только частица. Получивъ такое ассигнованіе, правительство будетъ облечено полномочіями недостаточными.

Ораторъ поясняетъ, что правительство будетъ лишено возможности своевременно сдѣлать закупки. И потому—сразу нужны всѣ деньги. Затѣмъ ораторъ переходитъ къ предмету, по его выраженію, «болѣе ему близкому»—къ вопросу о смѣтѣ. Онъ заявляетъ свою искреннюю готовность на сокращеніе смѣты, но сдѣлать это невозможно.

— Надо говорить истинную правду,—замѣчаетъ министръ,—какъ ни сокращать смѣту, не то что всѣхъ 50-ти милліоновъ, а и 15-ти не набрать. Таково глубокое убѣжденіе г. министра финансовъ. Если Дума вынесетъ постановленіе искать, то онъ сочтетъ долгомъ передъ Думой искать, но напередъ заявляетъ, что ничего не найдетъ.

Это былъ уже новый тонъ министерской рѣчи. Министръ уже говорилъ о «долгѣ» передъ Думой и согласіи исполнять ея постановленія.

Ораторъ продолжаетъ:

— Сократить статьи расходовъ на отдѣльныя учрежденія невозможно,—мы связаны закономъ.

Ораторъ продолжаетъ, что, быть-можетъ, можно сократить штаты отдѣльныхъ учрежденій, но это можетъ произойти въ законодательномъ порядкѣ. На это нужно время, а нужда не ждетъ. Отвѣчая на замѣчаніе г. Герценштейна, г. министръ заявляетъ, что 1.116,000—усиленное довольство пограничной стражи—дѣйствительно были ассигнованы, но до сихъ поръ этотъ расходъ не произведенъ, за отсутствіемъ средствъ. Въ концѣ концовъ, г. Коковцевъ все-таки сдается и заявляетъ, что министерство отпуститъ 15 милліоновъ, но затѣмъ оно не произведетъ другихъ обязательныхъ расходовъ. Г. министръ говоритъ объ общемъ состояніи финансовъ. Плачевное состояніе... Еще въ 1905 году остались невыполненные расходы, а въ будущемъ предстоятъ еще многочисленные расходы.

— Министръ финансовъ не исполнилъ бы своего долга передъ Государственной Думой, если бы не довелъ объ этомъ до ея свѣдѣнія,—замѣчаетъ ораторъ.

Г. Коковцевъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Онъ повторяетъ, что министерство не отказывается изыскивать средства, но, все равно, новые источники необходимы, и придется восполнить образовавшійся пробѣлъ.

— Въ скоромъ времени мы или наши преемники придутъ въ Государственную Думу...

— При этихъ словахъ лѣвая не пропустила случая крикнуть: «Въ отставку!».

Г. Коковцевъ переходитъ къ вопросу о займѣ.

— Не думайте, что заключать займы—это удовольствіе, особенно для министра финансовъ. Но когда неурожай въ 130 уѣздахъ, когда въ закромахъ ни зерна,—надо найти деньги.

Г. Коковцевъ заявляетъ, что въ компетенцію Государственной Думы входитъ лишь предоставленіе полномочій на изысканіе источниковъ, а порядокъ изысканія относится къ области верховнаго управленія.

— Ого! Вотъ оно что!—раздаются голоса.

Г. Коковцевъ переходитъ къ выводамъ и въ десятый разъ повторяетъ, что безъ новыхъ источниковъ не выйти изъ финансовой нужды.

Подъ крики: «въ отставку», онъ покидаетъ каѳедру.

Слово предоставляется г. Іоллосу. Онъ напоминаетъ г. министру, какъ легко увеличиваются отдѣльныя статьи смѣты. Такъ, въ текущемъ году бюджетъ министерства внутреннихъ дѣлъ увеличенъ на 23 милліона рублей, потребовавшихся на содержаніе стражниковъ.

— Ага! Вотъ какъ!—раздаются голоса.

— По подсчету одного изъ депутатовъ,—заявляетъ г. Іоллосъ,—тѣхъ денегъ, которыя расходуются въ его губерніи на содержаніе стражниковъ, хватило бы на обсѣмененіе полей въ этой губерніи.

Ораторъ замѣчаетъ, что было бы просто стыдно для великой державы, если бы она для того, чтобы достать 15 милліоновъ, была вынуждена прибѣгнуть къ займу.

— Г. министръ словно хочетъ показать, что Государственной Думѣ недостаточно дороги интересы голодающихъ, но русскій народъ никогда этому не повѣритъ.

Громъ аплодисментовъ.

Ораторъ напоминаетъ г. министру объ увеличеніи въ текущемъ году промыслового налога, объ остаткахъ по военному бюджету.

Г. Коковцевъ считаетъ нужнымъ немедленно отвѣтить г. Іоллосу и снова всходитъ на каѳедру. Напрасно г. Іоллосъ приписываетъ г. министру финансовъ намекъ на то, что, будто Го-

сударственная Дума недостаточно тепло отнеслась къ нуждамъ голодающихъ.

— Я не позволяю себѣ ни намековъ, ни догадокъ, ни умолчаній,—замѣчаетъ г. Коковцевъ.

Отвѣчая на вопросы г. Іоллоса, министръ доводитъ до свѣдѣнія Думы, что увеличеніе промысловаго налога уже принято во вниманіе при составленіи текущей смѣты, а что касается военнаго вѣдомства, то никакихъ остатковъ тутъ не имѣется.

Снова крики: «въ отставку», и г. Коковцевъ покидаетъ каѳедру.

Слово снова предоставляется г. Герценштейну. Онъ подчеркиваетъ заявленіе, сдѣланное г. министромъ. 15 милліоновъ будутъ даны,—слѣдовательно, инцидентъ исчерпанъ, а что касается будущаго, то министерство войдетъ съ новыми предложеніями, и Дума не задержитъ ихъ разсмотрѣніе, а пока г. Герценштейнъ даетъ г. министру «одинъ маленькій совѣтъ», какъ сократить расходы:

— Ремонтируйте квартиры своихъ сотоварищей поскромнѣе и «хороните» ихъ по болѣе дешевому тарифу!

Смѣхъ и взрывъ аплодисментовъ. Крики: «Дурново!» «Двѣсти тысячъ!».

Г. Коковцевъ не выдержалъ и покидаетъ залъ. Онъ прошелъ мимо, весь красный, съ каплями пота на лбу. Въ дверяхъ онъ на минуту остановился, а затѣмъ, словно раздумавъ, вернулся въ ложу.

Говоритъ Родичевъ. Онъ освѣщаетъ вопросъ съ точки зрѣнія общей политики.

— Г. министръ въ засѣданіи комиссіи объяснилъ, что въ прошломъ году первые мѣсяцы поступленія доходовъ шли хорошо, но послѣдніе два мѣсяца, ноябрь и декабрь, все испортили, совершенно непредвидѣнно. Но вѣдь въ этомъ все дѣло. Они не предвидѣли того, что всѣ предвидѣли, всѣ, кто наблюдалъ и думалъ. Всѣ знали, къ чему приведетъ ихъ политика. Что же, въ этомъ году то же предвидится?—спрашиваетъ ораторъ.

Онъ напоминаетъ, что въ текущемъ году ассигновано 20 милліоновъ бакинскимъ нефтепромышленникамъ. Это значитъ, что князь Голицынъ и г. Накашидзе обошлись государству въ 20 милліоновъ рублей. Вѣдь это всѣ предвидѣли. Въ государствѣ не хватаетъ средствъ. А если оно станетъ тратить ихъ на оборудованіе революціи въ странѣ?.. *(Смѣхъ)*.

Ораторъ продолжаетъ:

— Я говорю, что вопросъ въ рукахъ личнаго состава министерства. Есть средство поднять наши бумаги. Когда онѣ подпимаются? Когда на биржѣ распространяется слухъ объ уходѣ министерства. И вотъ когда этотъ слухъ станетъ фактомъ, тогда будетъ положено начало упорядоченію русскихъ финансовъ и возстановленію русскаго кредита. И въ финансовомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, представляется слѣдующая альтернатива: либо —порядокъ, либо—министерство. Когда же, наконецъ, это поймутъ гг. министры?

Ораторъ выражаетъ надежду, что защиту новаго законопроекта о будущихъ ассигновкахъ министръ уже передастъ своему преемнику.

Дума постановляетъ не прерывать засѣданія до окончательнаго разрѣшенія стоящаго на очереди вопроса.

Слово предоставляется г. Рамишвили, который отъ лица своей партіи, соціалъ-демократовъ, заявляетъ, что потребуются большія затраты.

— Я не видалъ ни одного министра,—говоритъ онъ,—ни одного губернатора, ни одного городового, который бы голодалъ. Но на одни расходы по содержанію приставовъ можно спасти отъ голода нѣсколько крестьянскихъ семей. Г. министръ финансовъ говорилъ объ учрежденіяхъ, о неприкосновенности суммъ, ассигнованныхъ на эти учрежденія, а развѣ русское крестьянство не составляетъ учрежденія?—восклицаетъ Рамишвили.

Аудиторія рукоплещетъ. Затѣмъ г. Рамишвили вноситъ предложеніе, сущность котораго сводится къ тому, чтобы не допускать администрацію къ продовольственной помощи и взять все дѣло въ свои руки.

Деп. Локоть возвращается къ мысли о необходимости сокращенія бюджета 1906 г.

— По бюджету 1906 г. обыкновенные расходы сравнительно съ 1905 г. увеличились на 102 милл. руб.

На что же пошло это превышеніе обыкновенныхъ расходовъ? Самой крупной статьей этого превышенія являются платежи $^0/_0{}^0/_0$ по займу 32-хъ милліоновъ. Затѣмъ характерна статья въ $24^1/_2$ милліона на усиленіе штата чиновъ полиціи и земскихъ стражниковъ. Въ моментъ, когда Россія переживаетъ полное разореніе, находятся средства на усиленіе стражниковъ. Далѣе, характерна статья въ 31 милл. на улучшеніе продовольствія войскамъ. Мы знаемъ, чѣмъ вызванъ этотъ расходъ. Конечно, не заботливостью бюрократіи объ улучшеніи положенія нижнихъ

чиновъ въ арміи и флотѣ, но только опасеніемъ того, что эти нижніе чины арміи и флота уже заражены смутою, а это можно остановить только улучшеніемъ матеріальнаго положенія нижнихъ чиновъ. Это былъ политическій ходъ бюрократическаго правительства, который не привелъ къ улучшенію положенія дѣла.

Итакъ, единственный выходъ—сокращеніе бюджета.

Эта мысль была воспринята всей Думой, и послѣ нѣсколькихъ дополнительныхъ замѣчаній, заключеніе, предложенное бюджетной комиссіей, принимается цѣликомъ.

———

Это—былъ единственный законъ, принятый Думой и получившій дальнѣйшее движеніе въ законодательномъ порядкѣ: одобренный послѣ бурныхъ преній Государственнымъ Совѣтомъ, онъ былъ санкціонированъ Верховной властью.

Это былъ конституціонный первенецъ, который пока остается единственнымъ.

Но увы! Не прошло и нѣсколькихъ недѣль, какъ этотъ единственный конституціонный законъ потерялъ всякое значеніе.

Того, что гг. министрамъ не удалось при существованіи Думы, они добились послѣ ея роспуска, и ассигнованія на продовольственное дѣло были имъ предоставлены въ желательныхъ для нихъ формѣ и размѣрахъ.

XVI.

Запросы. Отвѣты министровъ.

Наряду съ законодательной работой Дума несла передъ страной тяжкую повинность, столь трудную и изнуряюще-утомительную, какая врядъ-ли выпадала на долю другого парламента.

Эта повинность заключалась въ запросахъ о незакономѣрныхъ и преступныхъ дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ.

Дума должна была откликаться на доносящіеся къ ней со всѣхъ сторонъ вопли истерзанной страны, должна была поддержи-

вать свой моральный авторитетъ, становиться защитницей и заступницей за попираемыя права.

Но запросы все росли и росли, поглощая многіе часы и цѣлые дни, въ ущербъ законодательному творчеству, грозили превратиться въ гору.

Тогда думали, что эта гора раздавитъ министерство.

И Дума безъ устали трудилась надъ разработкой запросовъ и въ особой комиссіи и въ общихъ собраніяхъ.

Запросы большей частью носили однообразный характеръ.

Они говорили о голодовкахъ въ тюрьмахъ, истязаніяхъ арестованныхъ, ссылкахъ безъ слѣдствія и суда, разстрѣлахъ и убійствахъ.

Они говорили, они кричали о томъ нелѣпомъ, ужасномъ, сумбурномъ состояніи, въ которомъ и въ то время находилась Россія съ ея конституціей для Таврическаго дворца и царствомъ полнаго произвола для всего остального государства.

Въ Таврическомъ дворцѣ засѣдалъ парламентъ, обсуждались законопроекты, говорились громкія рѣчи.

Предсѣдатель слѣдилъ за соблюденіемъ парламентскаго ритуала, и останавливалъ ораторовъ за «непарламентскія» выраженія. Каждый шагъ обсуждался съ точки зрѣнія законности и парламентаризма.

А кругомъ продолжали твориться ужасы, отъ которыхъ кровь стыла въ жилахъ и которые переносили въ самые страшныя времена средневѣковья.

Запросы говорили, какъ о неопровержимыхъ фактахъ, о такихъ вещахъ, какъ истязанія голодомъ, вырываніе волосъ, присыпаніе свѣжихъ ранъ солью, распарываніе животовъ, о безнаказанныхъ убійствахъ стражниками мирныхъ жителей, о пыткахъ усовершенствованными способами и т. п.

И не хотѣлось вѣрить, что объ этомъ говорятъ въ XX вѣкѣ, въ стѣнахъ русскаго парламента!

Никакая дьявольская фантазія не могла придумать болѣе ужаснаго, безсмысленнаго и кроваваго кошмара.

Но это было. Запросы вносились десятками, ихъ обсуждали, редактировали, принимали, признавали срочными, а они все росли и росли съ каждымъ днемъ. Положеніе становилось настолько невыносимымъ и нелѣпымъ, что, казалось,—страна должна будетъ стряхнуть съ себя этотъ страшный кошмаръ.

И только вѣра въ благополучный исходъ давала силы Думѣ для этой трудной, неблагодарной, прямо изнуряющей работы.

Дума начинала и кончала засѣданія запросами, вставала и засыпала съ этими проклятыми вопросами, это была ея утренняя и вечерняя молитва, то горячая и страстная, то тоскливая и флегматичная.

Мы не станемъ останавливаться на обзорѣ всей массы редактированныхъ и принятыхъ Думой запросовъ: это была бы тоже тяжелая и въ виду роспуска Думы совершенно безцѣльная работа.

Но нѣкоторые запросы настолько важны и характерны для дѣятельности покойной Думы и пережитаго историческаго періода, что на нихъ необходимо остановиться.

Одни изъ этихъ запросовъ, въ виду ихъ совершенно самостоятельнаго значенія и обширности, какъ-то: вопросъ о помощи голодающимъ, о бѣлостокскомъ погромѣ и мобилизаціи казачьихъ полковъ, выдѣлены въ особыя главы. О другихъ будетъ рѣчь въ этой главѣ, значительная часть которой посвящена отвѣтамъ министровъ на внесенные запросы.

———

Еще въ самомъ началѣ своей дѣятельности, по собственной инициативѣ, Дума выработала и приняла одинъ запросъ, который по многимъ причинамъ, въ виду своего значенія, заслуживаетъ быть поставленнымъ во главѣ всѣхъ прочихъ запросовъ.

Это былъ запросъ о печатаніи черносотенныхъ телеграммъ въ офиціальной части «Правительственнаго Вѣстника».

Въ теченіе ряда дней нашъ офиціальный органъ печаталъ телеграммы отъ разныхъ черносотенныхъ организацій стереотипныя, циничныя, человѣконенавистническія, пахнущія кровью. Все, что оставалось въ Россіи низменнаго, подлаго, отверженнаго, приведенное въ движеніе рукою, дѣйствующею изъ центра, слало свои проклятія возрождающейся обновленной Россіи.

И всѣ проклятія и инсинуаціи нашли себѣ радушный пріемъ на страницахъ правительственнаго органа, который съ какимъ-то злорадствомъ ихъ группировалъ.

Эта дѣятельность правительственнаго органа не могла не обратить на себя вниманія народныхъ представителей, и въ результатѣ появился запросъ, авторы котораго совершенно справедливо внесли его въ видѣ срочнаго предложенія.

Противъ безотлагательнаго разсмотрѣнія предложенія высказался только одинъ человѣкъ.

Это былъ кн. Волконскій.

«Человѣка можно иной разъ узнать по мелочамъ».

Кн. Волконскій противъ самаго предложенія по существу не возражалъ. Онъ только, недоумѣвая, пожималъ плечами:

— Господа, что тутъ экстреннаго, неотложнаго? Я, право, не знаю.

Г. Набокову пришлось дать недоумѣвающему кн. Волконскому нѣкоторое объясненіе.

— Эти телеграммы возбуждаютъ общественное мнѣніе противъ высшаго законодательнаго учрежденія и возбуждаютъ одну часть населенія противъ другой.

Кн. Волконскій, когда ему это повторили, кажется, убѣдился или сдѣлалъ видъ, что убѣдился. По крайней мѣрѣ, когда запросъ былъ поставленъ на баллотировку, уже никто въ Думѣ не возражалъ противъ.

Любопытно отмѣтить нѣкоторыя замѣчанія товарищей кн. Волконскаго по партіи—гр. Гейдена и г. Стаховича.

Въ мотивировкѣ запроса, между прочимъ, говорилось, что «телеграммы колеблютъ достоинство лица, къ которому онѣ обращены».

Г. Стаховичъ предлагаетъ исключить эту фразу. Никакія нелѣпыя дѣйствія авторовъ телеграммъ не могутъ поколебать достоинство Государя.

Г. Набоковъ объяснилъ, что телеграммы не колеблютъ достоинство Государя, а лишь направлены къ его колебанію, такъ какъ призываютъ Государя «убрать» Думу и къ другимъ дѣйствіямъ, несогласнымъ съ основными законами, утвержденными самимъ Государемъ.

Но г. Стаховича поддерживаетъ гр. Гейденъ, который полагаетъ, что имени Государя не надлежитъ вовсе касаться, и г. Набоковъ, какъ одинъ изъ авторовъ запроса, соглашается исключить отмѣченную фразу, разъ она вызываетъ нѣкоторыя возраженія.

Запросъ былъ принятъ единогласно.

Дальнѣйшая исторія этого запроса очень любопытна.

Дума признала запросъ срочнымъ, Дума хотѣла скорѣй положить конецъ этимъ инсинуаціямъ по адресу парламента.

Прошла недѣля, и вотъ г. предсѣдатель совѣта министровъ прислалъ свое «отношеніе», сухое и корректное, но звучащее, какъ новое оскорбленіе, какъ новое издѣвательство надъ народными представителями.

Г. министръ «не усматриваетъ, чтобы запросъ непосредственно касался дѣлъ, разсматриваемыхъ въ Думѣ», и потому не считаетъ нужнымъ отвѣчать по существу.

Это отношеніе вызвало бы новый взрывъ,—увы!—безплоднаго и безсильнаго,—негодованія.

Но г. Муромцевъ предупредилъ этотъ взрывъ.

Доложивъ объ «отношеніи» министра, г. Муромцевъ довелъ до свѣдѣнія Думы, что онъ лично отвѣтилъ на это отношеніе письмомъ, въ которомъ пояснилъ, что забота о достоинствѣ высшихъ государственныхъ учрежденій составляетъ неизмѣнный предметъ постояннаго дѣла Думы».

И тонъ письма, и его форма, начинающаяся словами: «М. Г. Иванъ Логиновичъ!»—вполнѣ удовлетворили собраніе, и оно наградило своего предсѣдателя дружными, долго не смолкавшими аплодисментами.

Формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающая одобреніе дѣйствіямъ предсѣдателя, была принята единогласно.

Уже тогда Дума почуяла въ этой бюрократической отпискѣ, столь корректной по формѣ, затаенное злорадство, поняла, что нарочно вставляютъ палки въ ея колеса.

Но Дума благополучно перескочила черезъ камень, который бросило министерство.

Но и письмо г. Муромцева не помогло: г. Горемыкинъ опять отписался, заявивъ, что достоинство высшаго государственнаго учрежденія ему то же дорого, но печатаніе телеграммъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» Думы не касается.

Дума тогда измѣнила редакцію запроса и предложила г. премьеру отвѣтить, преданы-ли суду тѣ, кто печатаетъ телеграммы, натравливающія одну часть населенія на другую.

Но и это не помогло. Г. Горемыкинъ отвѣчалъ лаконически: Печатаніе телеграммъ къ вѣдѣнію Думы никакого отношенія не имѣетъ. И все тутъ. Какъ должна была реагировать Дума? Выразить негодованіе, порицаніе, возмущеніе?.. Все это уже было. Не каждаго человѣка можно пронять словами. Дума поступила просто: она заявила въ особой резолюціи, что остается при прежнемъ своемъ мнѣніи о дѣятельности г. министра.

Такъ Дума на этотъ запросъ отвѣта и не получила, фактъ, какъ нельзя болѣе характерный.

———

Запросъ о разгромѣ «крестьянскаго союза» всколыхнулъ Думу, особенно «трудовую» группу.

Депутатъ Аникинъ въ обстоятельной рѣчи останавливается на постепенномъ развитіи крестьянскихъ организацій и на борь-

бѣ съ ними администраціи. Г. Аникинъ любитъ говорить примѣрами и, какъ представитель Саратовской губерніи, подробно останавливается на разгромѣ, произведенномъ г. Столыпинымъ въ бытность его саратовскимъ губернаторомъ.

Г. Столыпинъ оказывалъ давленіе на земскихъ начальниковъ и на старшинъ, принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы разбить крестьянскіе культурные центры. Крестьянскіе дѣятели были арестованы, и организаціи разрушены.—Г. Столыпинъ,—увѣряетъ г. Аникинъ,—позволялъ, однимъ словомъ, всѣ «дѣйствія, которыя обыкновенно называются хулиганствомъ».

Г. Аникинъ не любитъ стѣсняться въ выраженіяхъ.

С. А. Муромцевъ протестуетъ.

— Къ чему это? Зачѣмъ эти оскорбительныя выраженія?..

Но г. Аникинъ стоитъ на своемъ и въ продолженіе остальной части своей рѣчи еще дважды обозвалъ нашихъ правителей хулиганами. Онъ настаиваетъ на неотложности запроса и выражаетъ надежду, что Дума отнесется къ нему съ полнымъ вниманіемъ.

Затѣмъ говоритъ г. Михайличенко. Онъ остается вѣренъ себѣ. Бюрократія и буржуазія пьютъ народную кровь.

Затѣмъ слово предоставляется г. Жилкину. Это служитъ показателемъ того, что трудовая группа придаетъ запросу важное значеніе.

Г. Жилкинъ—ораторъ совсѣмъ другого порядка. У него нѣтъ выкриковъ, онъ не гонится за рѣзкимъ словомъ и умѣетъ углубиться въ сущность вопроса. Онъ отмѣчаетъ громадную важность крестьянскихъ союзовъ, какъ организацій мирныхъ, умѣющихъ направлять стихійное крестьянское движеніе по болѣе спокойному руслу. Крестьянская Русь, на которой у насъ держится, въ сущности, весь государственный механизмъ, поняла силу и значеніе этихъ союзовъ, и топтать эти союзы, развившіеся послѣ манифеста 17-го октября, значитъ, уже ронять авторитетъ верховной власти. Эта власть не должна покрывать насильниковъ, ибо это значило бы колебать въ народѣ самые устои монархическаго строя.

Послѣднимъ по запросу говорилъ кн. Долгоруковъ. Онъ пришелъ, «чтобы съ этого высокаго мѣста облегчить свою совѣсть передъ народнымъ представительствомъ».

Послѣ манифеста 17-го октября, гдѣ ясно и прямо говорилось о свободѣ союзовъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ иниціаторовъ крестьянскихъ организацій. Онѣ быстро разрослись, и вотъ вскорѣ

пришлось видѣть, какъ было разгромлено дорогое для него дѣло, какъ тысячи людей, принявшихъ участіе въ созданныхъ имъ организаціяхъ, были заключены въ тюрьмы и сосланы въ ссылку, и это гнететъ его совѣсть. Они, его сподвижники,—въ тюрьмѣ и ссылкѣ, а онъ занимаетъ почетное мѣсто народнаго представителя. Онъ говоритъ о крестьянскихъ организаціяхъ Курской губерніи. Тамъ мѣстные администраторы, въ сущности, не были плохими людьми, но все же они совершали звѣрства, ибо все зависитъ не отъ людей, а отъ системы. Но эти звѣрства—агонія стараго режима. Князь считаетъ нужнымъ, однако, отмѣтить, что чѣмъ дольше будетъ продолжаться эта агонія и преслѣдованіе крестьянскихъ союзовъ, тѣмъ сильнѣе будутъ революціонизироваться крестьянскія массы.

Эта исповѣдная рѣчь была встрѣчена громомъ аплодисментовъ. Общія пренія по запросу окончены, и для окончательной разработки было рѣшено передать его въ комиссію.

Отвѣта на этотъ запросъ Дума не дождалась.

———

Въ связи съ запросомъ о разгромѣ крестьянскаго союза находился запросъ объ одномъ изъ членовъ этого союза Антонѣ Щербакѣ.

Этотъ запросъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что для отвѣта на этотъ запросъ сочли нужнымъ явиться гг. Столыпинъ и Щегловитовъ, и, во-вторыхъ, потому, что это былъ единственный случай изъ цѣлой груды, массы запросовъ, когда Думѣ удалось кое-что сдѣлать, чтобы облегчить участь того, на чью судьбу она обратила вниманіе. Щербакъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ крестьянскаго союза и наиболѣе виднымъ делегатомъ на московскомъ съѣздѣ этого союза.

Когда начался разгромъ союза, Щербакъ попалъ въ тюрьму, откуда его не сочли нужнымъ освободить даже послѣ того, какъ члены центральнаго бюро союза были отпущены на свободу.

М. Ковалевскій засвидѣтельствовалъ передъ лицомъ Думы, что онъ лично знаетъ г. Щербака, какъ человѣка умѣренныхъ политическихъ взглядовъ, и просилъ признать запросъ о Щербакѣ срочнымъ.

Г. Щегловитовъ, отвѣчая на запросъ, почему судебная палата не пожелала измѣнить мѣры пресѣченія по отношенію къ

г. Щербаку, упомянулъ о судебныхъ преслѣдованіяхъ, которыя возбуждены противъ Щербака, и заявилъ, что, кромѣ судебныхъ дѣлъ, о Щербакѣ производится дѣло о высылкѣ его въ порядкѣ чрезвычайной охраны.

— Но объ этомъ вамъ дастъ свѣдѣнія г. министръ внутреннихъ дѣлъ,—закончилъ г. Щегловитовъ, уступая мѣсто г. Столыпину.

Г. Столыпинъ объяснилъ, съ своей стороны, что по полученіи свѣдѣній о Щербакѣ, онъ внесъ его дѣло въ особое совѣщаніе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которое постановило дѣло о Щербакѣ въ порядкѣ охраны прекратить.

———

Запросъ о звѣрствахъ на Кавказѣ въ виду того вниманія, которое Дума посвятила его обсужденію, заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ.

По этому вопросу говорили представители Кавказа, «нашей жемчужины», по выраженію г. Родичева.

Сколько ужасовъ, крови! Сколько тяжкихъ, гнусныхъ преступленій.

Говорятъ представители армянъ, грузинъ, чеченцевъ; говорятъ объ ужасахъ племенной вражды, провокаторски вызванной администраціей, натравливающей другъ на друга сожительствовавшія мирно племена, поднявшей кровавое оружіе междуусобной борьбы.

— Такъ жить немыслимо!—заканчиваетъ одинъ изъ ораторовъ, г. Зіатхановъ.—Уже два года плаваемъ мы въ крови, уже два года мы ходимъ по трупамъ! Достаточно, довольно! Довольно любоваться изувѣченными трупами и слушать стоны умирающихъ!..

— Что вы сдѣлали съ нашимъ краемъ?.. За что вы обратили въ развалины нашу родину? — стономъ вырывается изъ груди людей, видѣвшихъ неслыханныя страданія.

За что, за что?

Гробовымъ молчаніемъ отвѣчаетъ на этотъ стонъ пустующая министерская ложа.

— Дайте намъ возможность устроить свою жизнь! Дайте намъ возможность назвать васъ братьями.

И страстныя призывныя рѣчи текутъ и текутъ, ища отклика и отвѣта. Каждый говоритъ отъ имени своей націи. И только одинъ г. Рамишвили остается вѣрнымъ завѣтамъ соціалъ-демократіи, не признающимъ отдѣльныхъ націй, и вѣритъ въ одну силу—въ великій пролетаріатъ, начертавшій на своемъ знамени:

«Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь».

Эти слова впервые были произнесены въ русскомъ парламентѣ, и лѣвая отвѣтила на нихъ громомъ аплодисментовъ. Запросъ о разгромѣ Кавказа, заключавшій указанія на злоупотребленія властей, приведшія къ междуусобной войнѣ, былъ принято единогласно.

Отвѣтъ на него Дума не получила.

Дни шли за днями, а запросы росли. Появились запросы новаго характера,—по поводу неразрѣшенія земскими начальниками сельскихъ сходовъ и преслѣдованія крестьянъ за сношенія со своими депутатами, своими излюбленными людьми, по поводу дѣйствій нѣкоторыхъ губернаторовъ, которые въ своихъ объявленіяхъ стали распространять завѣдомо ложныя извѣстія о дѣятельности Думы, утверждая, будто Дума хочетъ отобрать землю у крестьянъ-землевладѣльцевъ, и т. д., и т. д.

Это былъ уже рядъ запросовъ о новыхъ видахъ злоупотребленій власти, направленныхъ уже противъ самой Думы.

А на ряду съ этимъ шли старые запросы, по которымъ Думѣ пришлось вернуться послѣ разработки ихъ въ коммисіяхъ. Снова замелькали избіенія, аресты, высылки и погромы, снова потянулся безконечно длинный мартирологъ. Дума большей частью слушаетъ молча. Ни возраженій, ни замѣчаній.

С. А. Муромцевъ монотоннымъ голосомъ повторяетъ:

— Запросъ № такой-то... Замѣчанія?.. Баллотируется... Возражающіе встаютъ... Возраженій нѣтъ... Принято.

И такъ тянется длинной вереницей. Въ номераціи запросовъ уже замелькали трехзначныя цыфры.

Такъ тянулось изо-дня въ день. Но вотъ, наконецъ, гг. министры прислали свои первые отвѣты.

Они сами не явились, а прислали своихъ товарищей. Слово предоставляется товарищу министра юстиціи, г. Солертинскому. Новая фигура на думской трибунѣ,—сенаторъ, старый, почтенный человѣкъ. Странное и какое-то жалкое впечатлѣніе производитъ его рѣчь. Вѣдь молодость этого человѣка прошла въ эпоху обновленія и расцвѣта нашего суда. Онъ до сихъ поръ, кажется, по привычкѣ, говоритъ о судѣ не иначе, какъ въ возвышенномъ стилѣ—о святыхъ принципахъ судейской независимости, о правдѣ и милости и т. д. Но служба, долголѣтняя служба старому режиму насилія и

гнета постепенно такъ его засосали, что онъ, кажется, искренно не замѣчаетъ того страшнаго разгрома, которому подверглись наши судебные уставы и не видитъ, что отъ нихъ остались лишь одни обломки. Его прислалъ г. Щегловитовъ дать отвѣтъ на обращенные Думою запросы.

Первый запросъ касается посѣщенія тюремъ мировыми судьями въ цѣляхъ провѣрки документовъ арестованныхъ и освобожденія тѣхъ, кто содержится безъ надлежащаго основанія. Прежде всего, г. Солертинскій заявляетъ, такъ сказать, отводъ: аресты въ порядкѣ охраны къ вѣдѣнію министерства юстиціи не относятся. Тѣмъ не менѣе, г. министръ готовъ дать отвѣтъ. Какъ извѣстно, мировые судьи, посѣщая тюрьмы, пользовались правомъ, предоставленнымъ имъ 10-й ст. уст. угол. судопр.

— Эта статья служитъ доказательствомъ того, что отдѣльныя законоположенія, не согласованныя съ общимъ режимомъ, являются нежизнеспособными.

И это говоритъ товарищъ министра! А послѣ этого заявленія онъ продолжаетъ увѣрять Думу, что министерство, теперешнее министерство, при нынѣшнихъ порядкахъ, будетъ представлять Думѣ правду, только правду.

Но послушаемъ дальше г. Солертинскаго.

— Съ этой статьей, являющейся одной изъ минимальныхъ гарантій личности, произошла печальная исторія. Полномочія, представленныя мировымъ судьямъ, захирѣли, омертвѣли и успѣли забыться, а когда мировые судьи объ этихъ полномочіяхъ вспомнили, это произвело нѣкоторый переполохъ не только среди тюремнаго персонала, но и среди прокурорскаго надзора. Прокурорскому надзору,—поясняетъ г. Солертинскій,—предоставлены тѣ же полномочія, и прокурорскій надзоръ постарался самымъ ограничительнымъ образомъ толковать эти полномочія,—свои собственныя полномочія!

Далѣе г. Солертинскій напоминаетъ, что вопросъ о правахъ мировыхъ судей, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ изданія законовъ, показался настолько новымъ Правительствующему Сенату, что онъ передалъ его на разрѣшеніе общаго собранія. Г. Солертинскій говоритъ, не скрывая ироническихъ нотъ. Аудиторія прямо недоумѣваетъ, но... дальше все становится ясно и просто. Дальше заговорила служба. Г. Солертинскій говоритъ о заслугахъ своего патрона г. Щегловитова, который немедленно «пошелъ навстрѣчу», увѣдомилъ, распорядился, разослалъ циркуляры, чтобы мировымъ судьямъ въ тюрьмахъ не чинили никакихъ препятствій.

Второй запросъ касается безпорядковъ въ екатеринославской тюрьмѣ, гдѣ надзиратели избили и изранили шашками 25 человѣкъ. Этого факта г. Солертинскій не отрицаетъ. Да, это было какъ разъ въ день «пролетарскаго праздника». Арестованные устроили демонстрацію и «стали пѣть пѣсни изъ репертуара такъ-называемыхъ революціонныхъ пѣсенъ». Надзиратели бросились на пѣвцовъ и... въ результатѣ 25 пострадавшихъ, изъ нихъ четыре—тяжело.

— Но я счастливъ заявить,—спѣшитъ успокоить Думу г. Солертинскій,—что они всѣ здоровы. Старшій надзиратель уволенъ, а противъ остальныхъ возбуждено преслѣдованіе.

Третій запросъ касается безпорядковъ въ николаевской тюрьмѣ. Переходя къ изложенію событій, происшедшихъ въ этой тюрьмѣ, г. Солертинскій дѣлаетъ заявленіе поистинѣ изумительное:

— Говоря отъ имени министерства, *не пользующагося довѣріемъ Думы,* я буду ссылаться *на объективные документы,* представляющіе показанія одного изъ потерпѣвшихъ. Вы сами увидите по языку, что это показаніе *не выдумано.*

Такъ говоритъ представитель власти! Какого же мнѣнія эта власть о своемъ нравственномъ авторитетѣ, если она считаетъ нужнымъ предъ лицомъ Государственной Думы оговариваться, что она въ данномъ случаѣ не лжетъ и не выдумываетъ?

На изложеніи фактической обстановки событій, по поводу которыхъ сдѣланъ запросъ, г. Солертинскій останавливается долго и подробно, но эта сторона объясненій интереса не представляетъ, и мы не станемъ на немъ останавливаться. Общій выводъ г. Солертинскаго,—что тюремныя власти дѣйствовали закономѣрно.

На запросъ о томъ, почему судебный слѣдователь города Александровска отказывался записывать показанія тѣхъ лицъ, которыя свидѣтельствовали о погромной дѣятельности ротмистра Будаговскаго, г. Солертинскій объяснилъ, что нельзя, молъ, расширять рамокъ слѣдствія и извращать судебную перспективу.

Старая пѣсня: «Это къ дѣлу не относится».

Послѣдній запросъ касается отобранія подписки о невыѣздѣ отъ члена Государственной Думы Ульянова, привлеченнаго къ отвѣтственности по 129 ст.

— Г. министръ юстиціи,—заявляетъ г. Солертинскій,—къ этому запросу отнесся съ особымъ вниманіемъ и поспѣшностью. Въ данномъ случаѣ на прокурора судебной палаты возводится обвиненіе въ превышеніи власти, въ посягательствѣ на Высочайше дарованныя членамъ Государственной Думы прерогативы.

Но объясненіе очень простое: обвиненіе, видите-ли, направлено не по тому адресу. Вѣдь опредѣленіе о привлеченіи г. Ульянова сдѣлала судебная палата, такъ какъ же могъ прокуроръ этого опредѣленія не исполнить? При этомъ г. Солертинскій, конечно, не упускаетъ случая сказать нѣсколько патетическихъ фразъ объ основныхъ началахъ и священныхъ принципахъ независимости суда. Предугадывая, что его могутъ спросить, почему же прокуроръ не опротестовалъ незаконнаго опредѣленія палаты, г. Солертинскій спѣшитъ отвратить этотъ ударъ. Но какъ? Онъ отвѣчаетъ вопросомъ на вопросъ:

— Почему прокуроръ не протестовалъ? А почему г. Ульяновъ не обжаловалъ?

Вотъ и всѣ доводы, а въ заключеніе опять заявленіе въ патетическомъ тонѣ:

— Престижъ народныхъ избранниковъ, конечно, непререкаемо великъ, но авторитетъ независимости суда долженъ также свято охраняться.

Г. Солертинскій кончилъ и тихо сходитъ съ каѳедры. Ему не шикали. Даже вѣрная своей тактикѣ лѣвая ни разу не крикнула: «Въ отставку!» Этотъ старый человѣкъ показался просто жалкимъ.

Г. Солертинскому отвѣчаетъ г. Родичевъ. Онъ не громитъ противника, а смѣется горькимъ, язвительнымъ смѣхомъ. Онъ съ наслажденіемъ слушалъ заявленія объ авторитетѣ и независимости судебной власти и думалъ: когда же, наконецъ, слова станутъ дѣйствительностью? Онъ вѣритъ въ искренность г. Солертинскаго, въ его субъективную искренность, но все же онъ долженъ констатировать, что г. Солертинскій именно всей правды-то и не сообщилъ. Да всей правды и не искали. Вѣдь запросъ о посѣщеніи тюремъ мировыми судьями относился въ большей степени къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а не къ министерству юстиціи. Такъ эти вѣдомства всегда вмѣстѣ, а когда дѣло къ отвѣту, они оказываются разграниченными. И послѣ этого говорятъ о «всей правдѣ». Ораторъ иронизируетъ надъ господами министрами:

— Они плакали, что законы плохи, а случайно оказался хорошій законъ,—они всполошились, словно спросонокъ: гдѣ, что?..

Г. Родичевъ останавливается на самомъ главномъ вопросѣ всего дѣла, на томъ, что постановленія о продленіи ареста фабриковались заднимъ числомъ и изготовлялись ad hoc, что людей держали въ тюрьмахъ по постановленію вовсе не компетентной власти.

— Возьмемъ случай невѣроятный: если бы предсѣдатель Государственной Думы отдалъ приказаніе о личномъ задержаніи г. министра юстиціи, вѣдь его бы не задержали? *(Смѣхъ)*. Но вѣдь съ обыкновеннымъ смертнымъ мы не церемонимся...

Ораторъ замѣчаетъ, что г. Солертинскій умаляетъ власть и полномочія прокурорскаго надзора. Прокуроръ облеченъ надлежащими полномочіями, и онъ обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы людей не держали въ тюрьмахъ больше срока.

— Но вѣдь все дѣло въ томъ, что министерство юстиціи давно обратилось въ служанку министерства внутреннихъ дѣлъ.

Взрывъ аплодисментовъ прерываетъ оратора. Онъ останавливается на грустной картинѣ развращенія судебныхъ нравовъ. Прокурора, вздумавшаго серьезно возбудить преслѣдованіе противъ градоначальника, переводятъ изъ Петербурга въ Харьковъ. Другой прокуроръ, который сдѣлалъ ложный доносъ и которому товарищи рѣшили не подавать руки, повышается по службѣ. Въ аудиторіи много юристовъ. Они отлично знаютъ, о комъ говоритъ г. Родичевъ. Каждый изъ нихъ могъ бы назвать имена лицъ, о которыхъ говоритъ ораторъ.

Слова г. Родичева неоднократно прерываются аплодисментами.

— Правда и милость!—съ горечью восклицаетъ ораторъ.— Правду съѣлъ ракъ лжи и произвола, который такъ долго культивировали наши правители и въ ихъ числѣ министръ юстиціи. Тамъ, гдѣ министръ юстиціи палладіумъ охраненія порядка видитъ въ висѣлицѣ, тамъ не ищутъ порядка, тамъ не ищутъ правды. Наши суды, политическіе суды попрежнему полны неправды черной.

Снова громъ аплодисментовъ.

— Вы помните, какъ въ дѣлѣ Спиридоновой исправникъ угрожалъ убійствомъ слѣдователю за то, что тотъ хотѣлъ исполнить свою обязанность? И что же? Министръ юстиціи г. Акимовъ въ своемъ объясненіи даже не упомянулъ объ этомъ, и мы не видимъ г. Акимова на скамьѣ подсудимыхъ. Вмѣсто правды и милости у насъ царятъ ложные доносы и низкопоклонство передъ преступниками, если они облечены властью.

Ораторъ напоминаетъ всѣмъ извѣстный случай, когда предсѣдатель департамента петербургской судебной палаты, по ошибкѣ, прочелъ заранѣе приготовленный приговоръ по слѣдующему, *еще не заслушанному дѣлу*.

— И это даже никого не удивило! Впрочемъ, этотъ же составъ палаты искупилъ свой грѣхъ, оперируя надъ редакторами по-

временныхъ изданій при помощи 129 ст. Если вы хотите правды,— обращается ораторъ къ министерскимъ скамьямъ,—проявите ее къ члену вашего кабинета оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода г. Ширинскому-Шихматову. Вѣдь установлено, что онъ дѣлалъ ложные доносы министру внутреннихъ дѣлъ, и этотъ человѣкъ въ вашей средѣ является основой нравственнаго авторитета. У васъ были ротмистры Будаговскій, Пышкинъ и всякіе иные. Теперь у васъ новый товарищъ—гордитесь имъ!

Аудиторія застонала отъ аплодисментовъ.

Затѣмъ объявляется краткій перерывъ, послѣ котораго говорятъ нѣсколько ораторовъ. Говорятъ кратко, и общій мотивъ всѣхъ рѣчей одинъ—это повтореніе въ сотый разъ требованія, обращеннаго къ министрамъ: «Уходите же, наконецъ!». Кажется, объ этомъ такъ много говорили, но Дума прямо доходила до виртуозности въ повтореніи на разные лады этого требованія.

Въ томъ же засѣданіи долженъ былъ говорить товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Макаровъ, который явился отвѣтить на тридцать три запроса, но до него очередь не дошла.

———

Г. Макарову пришлось говорить только въ слѣдующемъ засѣданіи.

Онъ говорилъ долго, глухимъ голосомъ, почти безъ интонацій.

Аудиторія слушала, угнетенная и подавленная: это была длинная, тяжкая, какъ кошмаръ, и тоскливая, какъ отходная, рѣчь.

Много рѣчей на своемъ короткомъ вѣку слышала Дума, не разъ выступали передъ ней представители власти, но ни одна не произвела такого гнетущаго впечатлѣнія, не вызывала такой безысходной тоски.

Нѣтъ нужды передавать эту рѣчь со всѣми подробностями.

Это была какая-то сухая арбакадабра, состоящая изъ сцѣпленія именъ, статей, примѣчаній, дополненій и приложеній.

И слушая эту рѣчь, несмотря на то, что нервы были притуплены, минутами становилось жутко.

Чувствовалось, что изъ этого переплета статей, примѣчаній и дополненій различныхъ видовъ охраны безмѣрно трудно вытащить, вызволить однажды попавшаго въ нихъ человѣка.

Г. Макаровъ отвѣчалъ на десятки запросовъ, внесенныхъ въ Думу. Онъ разбилъ ихъ на группы. Группа первая—тюремное заключеніе сверхъ срока и безъ предъявленія какихъ-либо обви-

ній. Предъявленные запросы касаются десятковъ лицъ, подвергнутыхъ такому заключенію, и указываютъ на рядъ незакономѣрныхъ дѣйствій. Но, оказывается, напрасны эти указанія, совершенно напрасны. Вотъ мировые судьи при посѣщеніи тюремъ констатируютъ, что цѣлый рядъ лицъ, содержался въ тюрьмахъ безъ предъявленія обвиненій и выше срока, который могутъ назначать мѣстныя власти на основаніи всякаго рода исключительныхъ положеній. Запросы указывали, что срокъ заключенія этимъ лицамъ не былъ продленъ своевременно распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Г. Макаровъ объясняетъ, что это не такъ, что министерство распоряженіе о продленіи срока сдѣлало своевременно, но только мѣстныя власти не позаботились объявить своевременно его заключеннымъ, такъ что Дума напрасно безпокоится: все было по закону.

Г. Макаровъ переходитъ къ отдѣльнымъ примѣрамъ. Люди мѣсяцами содержались въ тюрьмахъ безъ предъявленія обвиненія. Это дѣйствительно было, но если посмотрѣть, то опять окажется по закону. Вотъ по отношенію къ одному изъ заключенныхъ документально установлено, что возбужденное противъ него слѣдствіе было прекращено за отсутствіемъ признаковъ какого-либо преступленія, но его не выпустили. Почему? Да потому, что онъ, кромѣ слѣдователя, «числился» за градоначальникомъ. А кто былъ свободенъ отъ градоначальника, тотъ, оказывается, числился за начальникомъ жандармскаго управленія, а кто былъ свободенъ и отъ слѣдователя, и отъ начальника жандармскаго управленія, и отъ градоначальника, тотъ числился за губернаторомъ. Кто не подлежалъ отсидкѣ въ тюрьмѣ ни въ порядкѣ судебномъ, ни въ видѣ мѣры пресѣченія, ни въ порядкѣ охраны, того можно было держать въ тюрьмѣ за неисполненіе тѣхъ или иныхъ обязательныхъ постановленій, издаваемыхъ мѣстною властью. Лицъ, за которыми «россійскій гражданинъ» можетъ числиться, и не перечтешь, а вѣдь душа, такъ сказать, у гражданина одна, и она отбываетъ мытарства то въ одномъ, то въ другомъ порядкѣ, и въ результатѣ даже жаловаться не на что, потому что все оказывается по закону. Да за что же, наконецъ, всѣ эти мытарства, весь этотъ ужасъ?! На этотъ вопросъ вы не найдете прямого и яснаго отвѣта въ объясненіяхъ г. Макарова. Въ этихъ объясненіяхъ имѣются лишь такого рода общія указанія, какъ: «за агитацію», «за противоправительственную дѣятельность», «за вредное вліяніе на окружающую среду». Въ чемъ выразилась эта агитація, въ чемъ проявилась противоправительственная дѣя-

тельность, на это сколько-нибудь обстоятельнаго отвѣта нѣтъ. Г. Макаровъ, впрочемъ, совершенно искренно, кажется, полагаетъ, что онъ даетъ какъ нельзя болѣе подробный отвѣтъ и отвѣчаетъ какъ разъ на то, о чемъ его спрашиваютъ. Вотъ, для примѣра, образецъ его объясненій. Что касается такого-то, то онъ содержался на основаніи приложенія къ примѣчанію подъ статьей и т. д. А кто этотъ содержащійся человѣкъ, что онъ сдѣлалъ, на основаніи какихъ свѣдѣній засадили его въ тюрьму, кто провѣрялъ эти свѣдѣнія,—неизвѣстно. Г. Макаровъ повѣтствуетъ спокойно и ровно, какъ «дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый». Только когда съ лѣвой крикнутъ: «Вонъ его! Пора кончить!»—онъ встрепенется, а тамъ опять зачиталъ. Нѣкоторыя объясненія г. Макарова очень характерны.

Возьмемъ, для примѣра, дѣло Титова.

— Противъ Титова,—сообщаетъ г. Макаровъ,—было возбуждено одновременно два производства: въ порядкѣ охраны и полицейское дознаніе. И по обѣимъ перепискамъ Титовъ былъ заключенъ подъ стражу.

Полицейское дознаніе привело къ слѣдствію, но слѣдователь дѣло прекратилъ, а Титовъ продолжалъ сидѣть.

— Только особое совѣщаніе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которое усмотрѣло, что переписка велась параллельно со слѣдствіемъ и въ значительной степени имѣла предметомъ своимъ тѣ же обстоятельства, постановило переписку прекратить. Только тогда Титова выпустили.

Г. Макаровъ такъ милъ, что въ отвѣтъ на одинъ изъ запросовъ, въ которомъ было указано, что матеріаломъ для дознанія въ порядкѣ охраны послужилъ ложный доносъ, заявляетъ, что въ дѣлѣ не имѣется свѣдѣній о ложномъ доносѣ. Г. Макаровъ откровенно заявляетъ, что есть дѣла, для которыхъ имѣются формальныя основанія, а есть такія, для которыхъ такихъ основаній не имѣется. Онъ говоритъ буквально слѣдующее:

— Тѣ дѣла, для которыхъ есть формальное основаніе, обращаются къ судебному разсмотрѣнію, и по нимъ производятся формальныя разслѣдованія.

Затѣмъ г. Макаровъ продолжаетъ:

— Этотъ *пріемъ* судебнаго разслѣдованія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ является желательнымъ, но не можетъ быть примѣненъ, къ крайнему сожалѣнію, въ настоящее тяжелое и смутное время, всѣми нами переносимое.

Такимъ образомъ, правильно организованный судъ является для г. Макарова только «пріемомъ» и притомъ несовершеннымъ и несвоевременнымъ.

— Не можетъ быть этотъ пріемъ примѣняемъ потому, что когда идетъ смута, является опасная агитація, является общая опасность нарушенія порядка. И вотъ положеніе объ охранѣ имѣетъ въ виду именно эту общую опасность и не преслѣдуетъ карательныхъ цѣлей. Общая опасность не всегда совпадаетъ съ преступностью, и не всякое дѣло, которое представляется общеопаснымъ, съ точки зрѣнія государственнаго порядка, можетъ быть обращено въ судебное дѣло.

Эти откровенныя ламентаціи такъ заинтересовали аудиторію, что послышались голоса:

— Да укажите примѣры?

Г. Макаровъ готовъ:

— Вотъ, напримѣръ,—начинаетъ онъ,—идетъ подстрекательство къ погрому...

Интересный примѣръ въ устахъ товарища министра, когда еще Дума не покончила съ Бѣлостокомъ, и аудиторія поднимаетъ шумъ:

— Вонъ его! Въ отставку! Долой!

Предсѣдатель призываетъ къ порядку.

Г. Макаровъ продолжаетъ. Оказывается, что онъ хотѣлъ говорить совсѣмъ не о тѣхъ погромахъ, а о погромахъ помѣщичьихъ усадебъ, и вотъ, именно, эти погромы, по мнѣнію г. Макарова, не укладываются въ юридическія рамки. Г. Макаровъ отлично знаетъ, что:

— Для наказуемости за подстрекательство необходимо, чтобы подстрекательство было, во-первыхъ, опредѣленное и, во-вторыхъ, имѣло бы за собою извѣстныя дѣйствія. Безъ этого никто, въ общемъ порядкѣ, за подстрекательство наказанъ быть не можетъ. Исключительные случаи подстрекательства только тогда наказуемы, когда эти случаи предусмотрѣны въ законѣ.

Г. Макаровъ полагаетъ, что такое положеніе вещей является ненормальнымъ, чтобы сажать въ тюрьму только за такія дѣянія, которыя въ законѣ предусмотрѣны.

— Бываютъ случаи, когда виновныхъ нельзя привлечь къ отвѣтственности, а между тѣмъ, проявляемая ими агитація является слишкомъ общеопасной.

Поэтому г. Макаровъ думаетъ, что не слѣдуетъ административную власть связывать уголовными законами. Онъ идетъ да-

лѣе и высказываетъ прямо изумительныя сужденія. По его мнѣнію, нѣкоторыхъ дѣлъ нельзя передавать суду потому, что на судѣ не всѣ свидѣтели правду говорятъ.

— Настоящее смутное время, вызвавшее цѣлый рядъ террористическихъ актовъ, не можетъ не отразиться на гражданскомъ мужествѣ и спокойствіи населенія. Мы знаемъ, что свидѣтели, которые дѣйствительно могли бы показать и изобличить лицъ виновныхъ, теперь часто, къ сожалѣнію, слишкомъ часто, въ судъ не идутъ, а если ихъ спросятъ, они никакихъ объясненій не представляютъ.

— А въ полиціи они показываютъ?—раздаются протестующіе голоса.

По мѣрѣ того, какъ г. Макаровъ отъ отдѣльныхъ фактовъ начинаетъ углубляться въ область, такъ сказать, бюрократической лирики, аудиторія становится все нетерпѣливѣе.

Въ заключеніе первой части своей рѣчи г. Макаровъ считаетъ нужнымъ вообще заявить,—по примѣру своихъ предшественниковъ,—что пока законы не отмѣнены, то, какъ бы они ни были плохи, они должны примѣняться.

Вторая группа запросовъ касается административныхъ высылокъ и расправъ полицейскихъ съ толпой. Въ селѣ Ногатинѣ толпа ворвалась въ волостное правленіе и разбила телефонный аппаратъ. Особое совѣщаніе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ рѣшило отправить зачинщиковъ въ Вологодскую губернію, но потомъ передумало и переложило гнѣвъ на милость: зачинщики признаны просто озорниками и оставлены на мѣстахъ. Почему въ данномъ случаѣ не предали крестьянъ суду, а собирались расправиться въ административномъ порядкѣ, почему этотъ случай не входитъ въ юридическія рамки,—г. Макаровъ не объясняетъ.

Второй случай касается расправы, произведенной стражниками надъ толпой въ деревнѣ Титовой. Стражники стрѣляли, одного крестьянина убили, а трехъ ранили. Тутъ ужъ и г. Макаровъ понимаетъ, что никакія ссылки на примѣчанія и приложенія ко всякимъ статьямъ не выручатъ его, и заявляетъ, что по данному дѣлу производится слѣдствіе.

Послѣдняя часть рѣчи г. Макарова касается запросовъ по поводу незакономѣрныхъ дѣйствій администраціи въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи. Добравшись до этой части, г. Макаровъ чувствуетъ видимое облегченіе и спѣшитъ заявить, что тамъ, гдѣ военное положеніе, тамъ г. министръ внутреннихъ

дѣлъ не при чемъ,—тамъ дѣйствуютъ генералъ-губернаторы, которые являются вполнѣ самостоятельными.

— Самодержавными,—иронически замѣчаютъ съ депутатскихъ скамей.

Но вотъ послѣдній вопросъ: Дума указала въ своихъ запросахъ на то, что по основнымъ законамъ военное положеніе можетъ быть объявлено только по Высочайшему повелѣнію, а между тѣмъ, оно существуетъ во многихъ мѣстахъ на основаніи распоряженія мѣстныхъ начальниковъ. Да, г. Макаровъ знаетъ этотъ законъ, но онъ знаетъ и то, что законы обратной силы не имѣютъ, и потому онъ считаетъ себя свободнымъ отъ дальнѣйшихъ объясненій.

Г. Макаровъ, наконецъ, кончилъ. Онъ занялъ такъ много времени, что изъ 22-хъ записавшихся ораторовъ говорить пришлось только пятерымъ, которые подвергли объясненія г. Макарова всесторонней критикѣ. Мы не станемъ останавливаться въ отдѣльности на каждой изъ этихъ рѣчей. Ораторы говорили тяжело, какъ-то апатично, словно сознавая, что уже все давно сказано, что этихъ людей, которые приходятъ давать отвѣты на запросы, уже не проймешь никакими словами, и общій смыслъ рѣчей былъ таковъ, что отъ этихъ людей и нельзя было ничего ждать, что они и не могли ничего сдѣлать, и что впредь до коренного измѣненія существующихъ порядковъ ни о какой свободѣ личности говорить не приходится. Эти люди все толкуютъ о законности, носятся со старыми законами, развязывающими руки произволу, совершенно забывъ, что актъ 17-го октября вдохнулъ новый духъ въ наше законодательство, что съ этимъ актомъ должны быть согласованы всѣ мѣропріятія правительства. Дума начинала сознавать, что у нея и безъ того слишкомъ много матеріала для обвинительнаго акта противъ правительства, что этотъ актъ давно уже написанъ и что приговоръ давно уже вынесенъ, но до сихъ поръ онъ остается еще безъ исполненія.

Однако, такъ или иначе Дума, какъ цѣлое, должна была опредѣленно выразить свое отношеніе къ выслушаннымъ отвѣтамъ.

Къ этой задачѣ ей пришлось вернуться въ послѣдній день своего существованія.

Это было 7-го іюля, въ пятницу, какъ разъ въ «запросный» день.

Дѣло въ томъ, что запросовъ постепенно накопилось такъ много, что подъ конецъ своей дѣятельности Дума должна была посвятить имъ особый день въ недѣлю.

Уже одинъ этотъ фактъ, необходимость выбрать особый день спеціально для запросовъ, какъ нельзя болѣе ярко характеризуетъ тѣ условія работы, въ которыя была поставлена дѣятельность Думы.

Какъ и во всѣ предыдущіе дни, и въ послѣдній день потянулись передъ Думой запросы длинной вереницей.

Въ одномъ мѣстѣ преслѣдуютъ и выселяютъ учителей, виновныхъ только въ томъ, что они разъясняли народу манифестъ 17-го октября; во второмъ—стражники избивали крестьянъ; въ третьемъ—осетины, охраняющіе помѣщичьи владѣнія, прямо охотятся на крестьянъ, разстрѣливая ихъ «разрывными пулями»; въ четвертомъ—полиція истязуетъ арестованныхъ, не щадя дѣтей и восьмидесятилѣтнихъ стариковъ; въ пятомъ—казаки сожгли цѣлое селеніе; въ шестомъ—безъ всякой причины застрѣлили политическаго арестованнаго; въ седьмомъ—разстрѣляли толпу, собравшуюся на кладбищѣ; въ восьмомъ—полиція избила беременную женщину такъ, что та преждевременно разрѣшилась отъ бремени; въ девятомъ—изнасиловали крестьянокъ; въ десятомъ, и т. д... Аресты, высылки... Все новые и новые запросы не о томъ, что было давно, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а о томъ, что было недѣлю тому назадъ, вчера, сегодня, что будетъ завтра... Запросы выростаютъ въ цѣлую гору, а Дума словно уже не надѣется перебраться черезъ нее. Такъ и плетется медленно и апатично. Аудиторія наполовину пустуетъ. Запросы почти не вызываютъ преній и принимаются одинъ за другимъ. Вотъ одинъ новый запросъ, нѣсколько всколыхнувшій аудиторію. Запросъ касается не отдѣльныхъ злоупотребленій, а цѣлой системы, цѣлой гаммы произвола и насилія—военнаго положенія въ Царствѣ Польскомъ. Депутатъ г. Новодворскій посвятилъ цѣлый часъ разсказу о горѣ и страданіи родного края. Все уже извѣстно, все уже сказано. Фактами никого не удивишь, новаго ничего не разскажешь.

Наконецъ Дума перешла къ преніямъ по поводу отвѣтовъ г. Макарова. Дума рѣшила, такъ сказать, ликвидировать это дѣло,—довольно дебатовъ и преній. Заключительный аккордъ беретъ г. Щепкинъ. На основаніи опыта, пережитаго въ Одессѣ, ораторъ говоритъ о военномъ положеніи подробно и обстоятельно. Его выводы таковы.

Съ точки зрѣнія теоретической, военное положеніе, это—организованное насиліе, а въ практическомъ—мѣра подкупа со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ по отношенію къ армейскимъ

генераламъ. Есть предѣлы преступленію и безумію исполнительной власти. Если она переходитъ эти предѣлы, то для населенія остается два выхода: если оно склонно къ квіэтизму, то оно должно примириться съ гибелью и съ гніеніемъ, если же населеніе жизнеспособно, то оно должно дѣйствовать путемъ силы, потому что нѣтъ другого выхода, когда исчезаетъ вѣра въ правительство и законодательную власть.

— За послѣднія двѣ недѣли въ системѣ управленія при помощи военнаго положенія министръ г. Столыпинъ перешелъ этотъ предѣлъ. Министръ г. Столыпинъ открыто сталъ на путь борьбы со свободой, со всѣмъ освободительнымъ движеніемъ, и полумилліонное населеніе Одессы моими устами шлетъ министру Столыпину пожеланіе неудачъ, пораженія и гибели, шлетъ ему свое народное проклятіе.

Затѣмъ ораторъ предлагаетъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Содержаніе перехода таково: Государственная Дума, усматривая изъ отвѣта товарища министра внутреннихъ дѣлъ, что министерство настаиваетъ на невозможности отказаться отъ исключительныхъ положеній, видитъ единственный выходъ именно въ отмѣнѣ этихъ положеній и, конечно, въ отставкѣ министерства. Этотъ переходъ принимается единогласно. Конецъ засѣданія посвящается новымъ запросамъ. Говорятъ представители Кавказа гг. кн. Бараговъ, Джапаридзе, Жорданія по поводу нападенія казаковъ на грузинскую гимназію. Говорятъ горячо, страстно, но чувствуется, что люди уже кричатъ изъ послѣднихъ силъ и не вѣрятъ въ то, что изъ этихъ словъ что-нибудь выйдетъ.

Инстинктивное предчувствіе не обмануло людей.

Прошелъ еще только одинъ день, и Дума была распущена, похоронивъ всѣ запросы.

Депутаты полагали, что этими запросами о незаконныхъ дѣйствіяхъ административныхъ властей, они похоронятъ министерство.

Увы!—они себѣ рыли могилу.

XVII.

Послѣдніе дни существованія Думы. Правительственное сообщеніе по аграрному вопросу. Отвѣтъ Думы.

Дѣятельность Думы находилась въ полномъ разгарѣ. Отдѣльныя части парламентской машины работали полнымъ ходомъ, въ комиссіяхъ кипѣла работа, въ общихъ собраніяхъ ключомъ била жизнь.

Въ это время появились первые признаки надвигающейся грозы.

Было опубликовано правительственное сообщеніе по аграрному вопросу.

Сообщеніе это сыграло роковую роль въ жизни Думы и въ судьбахъ всей страны.

Министерство мимо Думы, игнорируя Думу, черезъ голову Думы обратилось непосредственно къ народу.

Вотъ текстъ этого пресловутаго сообщенія.

«Исполняя Высочайшее повелѣніе о немедленномъ принятіи мѣръ къ улучшенію быта земельнаго крестьянства, правительство внесло въ Государственную Думу свои предположенія о способахъ улучшенія и расширенія крестьянскаго землевладѣнія и измѣненія порядка землепользованія крестьянъ на ихъ надѣльныхъ земляхъ. Сознавая, что потребности крестьянства велики и разнообразны, правительство полагаетъ, что наибольшую нужду испытываютъ малоземельные крестьяне, при чемъ особенно недостаточны земельныя владѣнія тѣхъ крестьянъ, которые получили такъ-называемые дарственные надѣлы. Вслѣдствіе сего, заботы государства должны быть, прежде всего, направлены къ увеличенію площади землепользованія этихъ крестьянъ.

Однако, заботы государства не должны быть обращены исключительно на малоземельныхъ крестьянъ. Крестьяне, въ достаточной мѣрѣ обезпеченные землей, вслѣдствіе малой урожайности своихъ земель, также нуждаются въ улучшеніи ихъ хозяйственнаго положенія. Неурожайность крестьянскихъ полей происходитъ по различнымъ причинамъ. Такъ, во многихъ селеніяхъ крестьянскому хозяйству наноситъ вредъ отдаленность ихъ угодій отъ усадебной осѣдлости. Отдаленность эта порождаетъ безплодную трату времени въ переѣздахъ и переходахъ къ обрабатываемымъ полямъ и невозможность удобрять дальнія полосы, вслѣдствіе чего получаемый съ этихъ полосъ урожай совершенно ничтоженъ. Устранить этотъ существенный недостатокъ возможно посредствомъ разселенія и обмѣновъ земли. Внутренняя и внѣшняя чрезполосность надѣльныхъ земель и дробность полосъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ крестьянамъ, также чрезвычайно вредитъ крестьянскому хозяйству. Разверстать чрезполосныя земли, свести отдѣльныя полосы въ болѣе крупные участки поэтому существенно важно. Наконецъ, въ обществахъ, въ которыхъ производятся передѣлы земли, наиболѣе предпріимчивые домохозяева не рѣшаются улучшать состоящіе въ ихъ пользованіи участки общинной земли, опасаясь, что при слѣдующемъ передѣлѣ участки эти

будутъ отъ нихъ отобраны и переданы другимъ крестьянамъ. Для устраненія этого слѣдуетъ предоставить отдѣльнымъ крестьянамъ возможность выдѣлить состоящіе въ ихъ пользованіи участки общинной земли въ свою неотъемлемую собственность. Въ соотвѣтствіи съ этимъ предположенныя мѣры состоятъ въ слѣдующемъ: 1) передать малоземельнымъ крестьянамъ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ всѣ годныя для земледѣлія казенныя земли; 2) вслѣдствіе недостатка казенныхъ земель для удовлетворенія земельной нужды всей малоземельной части крестьянства купить за счетъ государства отъ частныхъ владѣльцевъ добровольно продаваемыя ими земли; 3) продавать пріобрѣтенныя на счетъ государства земли нуждающимся въ ней малоземельнымъ крестьянамъ по цѣнамъ, доступнымъ для крестьянъ, съ принятіемъ, въ случаѣ надобности, разницы между цѣной, по которой земля пріобрѣтена отъ частныхъ владѣльцевъ, и цѣной, по которой она будетъ предоставлена крестьянамъ, на счетъ общихъ государственныхъ средствъ; 4) установить, что земли, передаваемыя государствомъ малоземельнымъ крестьянамъ, наравнѣ съ надѣльными землями, не могутъ быть продаваемы лицамъ другихъ сословій и что на нихъ не могутъ быть обращены взысканія частныхъ лицъ; 5) увеличить помощь переселенцамъ для переѣзда на новыя мѣста для обзаведенія на нихъ; 6) установить легкій порядокъ продажи крестьянами, желающими переселиться или заняться какимъ-либо земледѣльческимъ промысломъ, принадлежащихъ имъ надѣловъ; 7) улучшить способы землепользованія крестьянъ на принадлежащихъ имъ нынѣ земляхъ посредствомъ разселенія желающихъ, устраненія черезполосности надѣльныхъ земель и соединенія мелкихъ полосъ, находящихся во владѣніи отдѣльныхъ крестьянъ, въ болѣе крупные земельные участки; 8) признать, что въ обществахъ, не производившихъ общихъ передѣловъ земли въ теченіе 24-хъ лѣтъ, земельные участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ, составляютъ ихъ неотъемлемую собственность и что, слѣдовательно, передѣлы земли въ такихъ обществахъ впредь производимы быть не могутъ; 9) предоставить отдѣльнымъ крестьянамъ право выйти изъ общества, производящаго передѣлы земли, и укрѣпить за собою въ свою частную собственность участки общинной земли, сохранивъ за общиной право выкупать земельные участки выходящихъ изъ ея состава, уплативъ имъ ихъ стоимость деньгами; 10) предоставить земельнымъ общинамъ право самостоятельно распоряжаться принадлежащими имъ землями, ограничивъ правительственный надзоръ наблюденіемъ, чтобы общества не нарушали тре-

бованій закона. Кромѣ того, правительство принимаетъ мѣры къ облегченію переселенія крестьянъ въ Сибирь и Среднюю Азію, гдѣ въ распоряженіи государства имѣются обширныя площади плодородной земли. Наконецъ, въ видахъ скорѣйшаго облегченія положенія наиболѣе нуждающейся части крестьянства учреждаются особыя комиссіи изъ мѣстныхъ людей, въ составъ которыхъ войдутъ и крестьяне, выбранные волостными сходами. Комиссіи эти обязаны выяснить наиболѣе нуждающихся и помогать крестьянамъ, а также покупать черезъ крестьянскій земельный банкъ продаваемыя частными владѣльцами земли.

Распространяемое среди населенія убѣжденіе, что земля не можетъ составлять чьей-либо собственности и должна находиться въ пользованіи трудящихся на ней, а потому необходимо произвести принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, правительство признаетъ совершенно неправильнымъ.

Отчужденіе частновладѣльческихъ земель не увеличитъ крестьянскіе достатки, а, наоборотъ, разоритъ все государство и обречетъ само земельное крестьянство на вѣчную нищету и даже голодъ.

Бѣдствіе это произойдетъ по слѣдующимъ причинамъ:

Всей удобной земли въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи имѣется 318 милліоновъ десятинъ. Изъ этого числа 109 милліоновъ десятинъ находятся въ 5 сѣверныхъ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской и Пермской, въ которыхъ земледѣліе не прокормитъ пахаря. Вслѣдствіе долгой зимы, очень короткаго лѣта, а также неплодородія почвы, занятіе земледѣліемъ въ значительной части этихъ губерній невыгодно. Такимъ образомъ, удобныхъ земель въ Европейской Россіи надо считать 209 милліоновъ десятинъ.

Но и эта площадь не можетъ быть сполна обращена подъ земледѣліе, такъ какъ около четвертой части ея, а именно, 56 милліоновъ десятинъ покрыты лѣсомъ.

Свести лѣса было бы безразсудно. Уже теперь многія мѣстности страдаютъ отъ недостатка лѣсовъ. Лѣсъ охраняетъ источники всѣхъ русскихъ рѣкъ; лѣсъ, сохраняя влагу въ почвѣ, противодѣйствуетъ засухѣ, лѣсъ предотвращаетъ образованіе овраговъ. Вырубка лѣсовъ превратила бы наше отечество въ безводную пустыню. Лѣса въ Россіи нужны и для обезпеченія населенія строительнымъ матеріаломъ и топливомъ. Наконецъ, лѣса доставляютъ населенію самые прочные заработки и притомъ преимуще-

ственно зимой, т. е. въ такое время, когда никакихъ другихъ заработковъ въ сельскихъ мѣстностяхъ не существуетъ.

Такимъ образомъ, земель, пригодныхъ для земледѣлія, въ Европейской Россіи находится 153 милліона десятинъ. Изъ нихъ 110 милліоновъ десятинъ уже принадлежитъ крестьянамъ, а именно 91 милліонъ десятинъ надѣловъ и 19 милліоновъ, принадлежащихъ крестьянамъ на правѣ частной собственности, и только 43 милліона принадлежатъ казнѣ, удѣламъ, церквамъ, монастырямъ и частнымъ владѣльцамъ некрестьянскаго сословія.

Слѣдовательно, земли, годной для земледѣлія и не состоящей нынѣ во владѣніи крестьянъ, всего сорокъ три милліона десятинъ. Количество это само по себѣ громадно, но для столь же громаднаго населенія Россіи оно незначительно.

Въ самомъ дѣлѣ, крестьянъ, занимающихся земледѣліемъ, числится въ Европейской Россіи, исключивъ изъ нея перечисленныя выше 5 сѣверныхъ губерній—40 милліоновъ душъ мужскаго пола. Такимъ образомъ, если раздѣлить между крестьянами всѣ не находящіяся въ ихъ пользованіи земли до послѣдней десятины, что, очевидно, невозможно, то и въ такомъ случаѣ на каждую душу мужскаго пола придется всего около одной добавочной десятины земли. Если же право на землю признать и за безземельными крестьянами, которые нынѣ проживаютъ въ городахъ и пожелаютъ возвратиться къ землѣ, то на душу мужскаго пола придется менѣе одной десятины земли.
Такая ничтожная прибавка, очевидно, не улучшитъ положенія крестьянъ. Придется обратиться къ тѣмъ 19 милліонамъ десятинъ, которыя куплены крестьянами въ собственность, для предоставленія ихъ другимъ землевладѣльцамъ, обладающимъ меньшимъ количествомъ земли.

Но раздѣлъ земли, если бы онъ начался, не остановится на этомъ. Въ дѣлежъ, для соблюденія справедливости, поступятъ, наконецъ, и надѣльныя земли, дабы всѣ трудящіеся получили поровну. Послѣдствіемъ же раздѣла всѣхъ земель между земледѣльцами по ровной части будетъ то, что ни одинъ земледѣлецъ не будетъ имѣть имѣть права пользоваться полными четырьмя десятинами земли на душу мужскаго пола. Какъ указано выше, всей земли, пригодной для земледѣлія, 153 милліона десятинъ, крестьянъ же мужскаго пола свыше 40 милліоновъ, а слѣдовательно на каждую душу мужскаго пола приходится менѣе 4-хъ десятинъ земли. Вслѣдствіе всего этого у всѣхъ крестьянъ, владѣющихъ большимъ количествомъ земли, нежели 4 десятины на мужскую

душу, излишекъ придется отобрать и предоставить имѣющимъ меньшее количество земли. Одновременно все населеніе окончательно лишится возможности какимъ бы то ни было образомъ увеличить размѣры своего землевладѣнія, такъ какъ не останется ни одной десятины продажной земли, ни одной десятины, сдаваемой въ аренду. По мѣрѣ же прироста населенія, размѣръ душеваго надѣла будетъ все больше уменьшаться и все менѣе удовлетворять насущные потребности земледѣльца. Вмѣстѣ съ тѣмъ сократятся до ничтожныхъ размѣровъ сельско-хозяйственные заработки крестьянъ вслѣдствіе исчезновенія всѣхъ владѣльческихъ экономій. Заработки эти составляютъ нынѣ весьма значительное подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Особенное значеніе имѣютъ заработки въ годы неурожаевъ. Въ такіе годы не весь крестьянскій трудъ пропадетъ даромъ. Работа крестьянъ, произведенная ими у помѣщиковъ, оплачивается независимо отъ того, получилъ-ли помѣщикъ доходъ отъ земли или не получилъ.

Если вся земля будетъ принадлежать земледѣльцу, то весь его трудъ по обработкѣ пашни при неурожаѣ останется неоплаченнымъ. Въ такіе годы онъ не будетъ имѣть ни хлѣба, ни возможности заработать деньги. Само государство будетъ лишено возности притти на помощь народу во время голода: хлѣба, покупаемаго нынѣ государствомъ для пострадавшихъ отъ неурожая, негдѣ будетъ взять, такъ какъ главная часть продаваемаго на рынкѣ хлѣба поступала изъ владѣльческихъ экономій.

Уничтоженіе частной земельной собственности, въ томъ числѣ и крестьянской, противно прежде всего выгодамъ самого крестьянства. Изъ независимыхъ владѣльцевъ-собственниковъ крестьяне на дѣлѣ обратились бы во временныхъ арендаторовъ земли и жили бы подъ постояннымъ опасеніемъ уменьшенія земельной площади, состоящей въ ихъ пользованіи. При такихъ порядкахъ крестьянамъ пришлось бы являться постоянными просителями передъ тѣми властями, которыя распоряжались бы землей. Сколько при этомъ произошло бы замѣшательствъ, споровъ и даже злоупотребленій. Возможно-ли ожидать, чтобы въ такомъ положеніи кто-либо сталъ добросовѣстно работать на землѣ, вкладывать въ нее тотъ трудъ и тѣ средства, которые необходимы, чтобы извлечь изъ нея должную пользу.

Въ народѣ распространяются слухи, будто правительство не соглашается на принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель, отстаивая выгоды помѣщиковъ. Это не вѣрно. Правительство охраняетъ законныя права всѣхъ и каждаго, но въ дан-

номъ случаѣ полагаетъ, что не землевладѣльцамъ нанесло бы ущербъ принудительное отчужденіе отъ нихъ земель, а самому крестьянству. Землевладѣльцы получатъ за свою землю выкупъ по справедливой оцѣнкѣ, т.-е. превратятъ свое земельное имущество въ деньги, которыя будутъ приносить имъ одинаковый и даже болѣе вѣрный доходъ, нежели хозяйство на землѣ. Пострадаетъ отъ предположенной мѣры земледѣльческое сословіе. Болѣе обезпеченные крестьяне лишатся части своей земли, малоземельные получатъ незначительную прибавку. Все крестьянство лишится заработковъ во владѣльческихъ экономіяхъ и слѣдовательно лишится значительной части получаемыхъ имъ нынѣ денежныхъ средствъ. Такимъ образомъ, мѣра эта ввергла бы все населеніе страны въ безысходную нищету, а въ годы неурожая обрекла бы его на вѣрный голодъ со всѣми его ужасными послѣдствіями.

Русскому крестьянству хорошо извѣстно, какъ во всѣ времена Русскіе Государи заботились о его благосостояніи. По Царскому слову освобождено было все крестьянство отъ крѣпостной зависимости. Когда это допускала государственная польза, крестьянство, по повелѣнію Царя, было надѣлено землей изъ казенныхъ и помѣщичьихъ земель, чего не было сдѣлано ни въ одной странѣ міра. Въ заботахъ объ удовлетвореніи нуждъ крестьянства былъ учрежденъ особый крестьянскій земельный банкъ. Дабы охранить крестьянъ отъ обезземеленія, былъ установленъ законъ, по которому крестьянскія земли не могутъ быть отчуждаемы во владѣніе лицъ другихъ сословій. Наконецъ, въ самое послѣднее время Государь Императоръ повелѣлъ сложить выкупные платежи за земли, предоставленныя крестьянамъ въ надѣлъ, сохранивъ ихъ въ половинномъ окладѣ лишь на одинъ 1906 годъ. Мѣрою этою взимаемые съ земельнаго крестьянства платежи уменьшатся съ 1-го января 1907 года на 90 милліоновъ рублей. Всѣ прошлыя заботы Русскихъ Государей о земельной нуждѣ крестьянства неопровержимо свидѣтельствуютъ, что и въ будущемъ всякія мѣры, направленныя къ этой цѣли и отвѣчающія народной пользѣ, будутъ неуклонно осуществляться исполняющимъ Царскую волю Правительствомъ.

Сообщая нынѣ во всеобщее свѣдѣніе предположенныя имъ мѣры для улучшенія земельнаго быта крестьянъ, правительство подтверждаетъ, что будетъ неуклонно охранять имущественныя права всѣхъ и каждаго, при чемъ полагаетъ, что сохраненіемъ права собственности частныхъ владѣльцевъ на принадлежащія имъ земли земельное крестьянство должно дорожить, ибо если сегодня будутъ нарушены права землевладѣльцевъ и прочихъ сословій, то завтра

могутъ быть нарушены права крестьянъ. Только владѣя землей на неотъемлемомъ правѣ собственности, можетъ трудовое крестьянство обезпечить плоды своего труда и быть ограждено отъ притязаній тѣхъ, которые землей не владѣютъ и ничего общаго съ нею и не имѣютъ. Русское крестьянство должно знать и помнить, что не отъ смутъ и насилія оно можетъ ожидать удовлетворенія своихъ нуждъ, а отъ мирнаго своего труда и постоянныхъ заботъ о немъ Государя Императора».

Дума поняла и оцѣнила по достоинству это сообщеніе.

Самые спокойные элементы въ Думѣ были, такъ сказать, выведены изъ состоянія равновѣсія. Необходимость реагировать на это сообщеніе, реагировать немедленно и энергично сознавалась рѣшительно всѣми.

Прежде всего группой депутатовъ по поводу этого сообщенія было внесено срочное предложеніе слѣдующаго содержанія:

«20-го іюня въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликовано правительственное сообщеніе по аграрному вопросу. Въ виду того, что министерству принадлежитъ лишь исполнительная власть, почему оно можетъ обращаться къ населенію лишь по поводу и на основаніи уже обнародованныхъ законовъ, что, тѣмъ болѣе, ему не предоставляется права обращенія къ населенію съ критикой предложеній законодательной власти и что министерство отнюдь не можетъ претендовать на исключительное единеніе съ Верховной властью послѣ учрежденія Государственной Думы и отождествлять себя съ правительствомъ,—означенное сообщеніе является актомъ незакономѣрнымъ. Но этимъ не исчерпывается вредное вліяніе означеннаго документа. Обращаясь къ его существу, мы видимъ, что широкому оглашенію преданы основы аграрной реформы, находящіеся въ полномъ и явномъ противорѣчіи съ заявленными Государственною Думою предложеніями, и что, не ограничившись этимъ, министерство, въ заключительной части своего сообщенія, подвергло провозглашенныя Думою начала искаженію и критикѣ, въ офиціальномъ документѣ вообще недопустимымъ. Такъ, напримѣръ: указывается, наряду съ передачей крестьянамъ казенныхъ, на покупку добровольно предлагаемыхъ частновладѣльческихъ земель, что можетъ породить сомнѣніе въ твердости установленнаго Думою основанія принудительности отчужденія такихъ земель въ пользу крестьянъ. Одновременно съ трудно исполнимымъ обѣщаніемъ передать купленныя по дорогой цѣнѣ земли за дешевую, съ принятіемъ за счетъ государства убытковъ отъ такой операціи,—ибо общегосударственныя средства доставляются, главнѣйше, все

тѣмъ же крестьянствомъ,—министерство отъ имени правительства объявляетъ о сохраненіи обособленности крестьянскаго сословія, что явствуетъ изъ недопущенія продажи крестьянами земель своихъ лицамъ другихъ сословій, и повсемѣстномъ разрушеніи общиннаго строя, что неизбѣжно внесетъ путаницу въ уже установившіяся понятія народа о необходимости уничтоженія сословій и свободы рѣшенія о сохраненіи общиннаго начала сообразно съ волей отдѣльныхъ селеній. Наконецъ, предостереженія министерства о якобы будущемъ отнятіи у крестьянъ ихъ земель и отчужденіи всей земли въ пользу государства,—являясь, съ одной стороны, совершенно произвольными, съ другой—имѣютъ нескрываемую цѣль—опорочить въ глазахъ населенія работу Государственной Думы по земельному вопросу,—работу, основанную на непремѣнной передачѣ крестьянамъ казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительно отчуждаемыхъ частновладѣльческихъ земель. При такихъ условіяхъ сообщеніе министерства, помимо своей незакономѣрности съ формальной стороны, можетъ при современномъ положеніи государства повести лишь къ обостренію земельныхъ отношеній. Принимая вышеизложенное во вниманіе и сознавая, что такое дѣйствіе министерства задерживаетъ и затрудняетъ работу Думы по земельному вопросу, что, въ свою очередь, не можетъ не отразиться тяжко на населеніи имперіи, мы просимъ Государственную Думу запросить предсѣдателя совѣта министровъ:

1) На какомъ основаніи сдѣлано означенное сообщеніе отъ имени правительства?

2) Приняты-ли мѣры къ тому, чтобы означенное сообщеніе, какъ не исходящее отъ правительства, было немедленно изъято изъ обращенія и опровергнуто въ органахъ печати, его опубликовавшихъ?

3) Сдѣлано-ли имъ распоряженіе о томъ, чтобы подобные акты болѣе не повторялись?»

Заявленіе подписали 116 депутатовъ. На защиту этого предложенія выступилъ г. Кузьминъ-Караваевъ, который подвергъ правительственное сообщеніе уничтожающей критикѣ.

— Что дѣлаютъ министры въ своемъ правительственномъ сообщеніи? Вспомните, оно начинается именемъ Государя Императора и оканчивается тѣмъ же самымъ именемъ. Получается впечатлѣніе, что сообщеніе это излагается волею Государя Императора, волею Верховной власти. Этого прямо не сказано, но впечатлѣніе получается несомнѣнное, тѣмъ болѣе потому, что правительственное сообщеніе изложено въ поражающей категорической формѣ. Пра-

вительство перечисляетъ, какія имъ предполагаются реформы, затѣмъ говоритъ: это суть тѣ мѣры, которыя могутъ удовлетворить земельныя нужды; даже словъ, «по мнѣнію министерства», если мнѣ не измѣняетъ память, тутъ нѣтъ. Въ столь категорической формѣ излагается то, что полемическимъ тономъ говорили съ этой каѳедры Стишинскій и Гурко. Вѣдь это тѣ же самыя слова! Что они могутъ имѣть свое извѣстное сужденіе, это ихъ дѣло, но вѣдь ихъ слова вызвали возраженія. Между тѣмъ, въ правительственномъ сообщеніи, прикрытомъ волею Монарха, объявляется населенію: вотъ какими способами можетъ быть удалена земельная нужда. Наконецъ, чѣмъ «они» кончаютъ,—указаніемъ населенію,—перечнемъ тѣхъ мѣропріятій, которыя принимались во времена существованія неограниченно-самодержавнаго строя и какія принимались мѣры для облегченія условій крестьянства. Такъ, сообщеніе заканчивается: теперь предполагается то-то и то-то,— и крестьянство должно помнить, что оно можетъ найти дѣйствительно удовлетвореніе своихъ потребностей только въ силу исключительныхъ заботъ о немъ Государя Императора. Когда я, человѣкъ уравновѣшенный, не очень уже молодой, все же, не скрою, когда я это читалъ, я впалъ въ состояніе бѣшенства; я иначе не могу назвать того душевнаго состоянія, которое меня охватило при чтеніи этого сообщенія. Это въ конституціонномъ государствѣ министерство противополагаетъ Монарху народное представительство, волю Монарха и его заботы противополагаетъ волѣ и заботамъ всего народа въ лицѣ его представителей! Вѣдь это такое дикое непониманіе, которое дѣйствительно можетъ быть свойственно людямъ абсолютно невѣжественнымъ; но тутъ я увидѣлъ не одно невѣжество. Тѣ, кто писалъ правительственное сообщеніе, очень хорошо понимали, въ какую сторону они направили ударъ: они умѣло и ловко сдѣлали это. Вѣдь это правительственное сообщеніе придетъ на мѣста; они полемизировали съ Государственной Думой и полемизировали именемъ Монарха! Это абсолютно недопустимо. Они говорили: Государственная Дума, пусть она говоритъ, что ей угодно, а рѣшеніе земельной нужды придетъ къ вамъ, но только не отъ Государственной Думы. Это прямой призывъ къ возбужденію населенія къ ниспроверженію существующаго порядка, потому что зачѣмъ же тогда существовать и Государственной Думѣ? Естественно, обсуждая логическимъ путемъ, кто будетъ себя считать неудовлетвореннымъ Государственной Думой, можетъ притти къ требованію ниспроверженія существующаго порядка. Это полный составъ 129-й статьи уголовнаго уложенія, такъ часто примѣняемой

правительствомъ. Я никогда ни съ этой каѳедры, ни вообще въ печати и даже въ жизни не употреблялъ слово «провокація». Но въ данномъ случаѣ, когда я прочелъ это сообщеніе, я увидѣлъ, что нѣтъ границъ, нѣтъ тѣхъ словъ, которыя нельзя было бы употребить по отношенію къ нашему министерству.

Рѣчь г. Кузмина-Караваева была покрыта долго несмолкавшими аплодисментами всей аудиторіи.

По предложенію того же оратора, Дума рѣшила, не ограничиваясь запросомъ, поручить аграрной комиссіи выработать текстъ контръ-сообщенія.

———

Прошло нѣсколько дней, и 4-го іюля аграрная комиссія предложила Думѣ текстъ выработаннаго ею контръ-сообщенія.

Насталъ историческій, роковой день 4-го іюля.

Онъ имѣлъ огромное значеніе для судебъ Думы и всей страны. Онъ явился поворотнымъ пунктомъ въ дѣятельности нашего перваго парламента.

Парламентъ заговорилъ о неизбѣжной необходимости обратиться непосредственно къ народу, къ народнымъ массамъ.

Много спорили о томъ, являлся-ли такой шагъ революціоннымъ или конституціоннымъ, но никто не спорилъ о колоссальной важности этого сообщенія, касающагося самаго больного, самаго страшнаго вопроса въ современной жизни Россіи—вопроса о землѣ.

Контръ-сообщеніе, выработанное аграрной комиссіей, было составлено въ самомъ сухомъ и дѣловомъ тонѣ.

Это было не то, что обычно разумѣютъ подъ словами «воззваніе», «манифестъ».

Сообщеніе не полемизировало съ министерствомъ, оно только возстановляло факты.

Упомянувъ о пожеланіяхъ Думы по аграрному вопросу, выраженныхъ въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, сообщеніе говоритъ: «Но уже 13-го мая министры отвѣтили на это выраженіе воли народныхъ представителей отказомъ признать необходимость принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. Государственная Дума выразила министрамъ свое недовѣріе и немедленно приступила сама къ выработкѣ новаго земельнаго закона».

Затѣмъ сообщеніе приводитъ основанія новаго закона, подчеркиваетъ принципъ обязательнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель и категорически заявляетъ, что отчужденію не подлежатъ

«надѣльныя земли всѣхъ наименованій, *а также и мелкія владѣнія*».

Въ заключеніе сообщеніе говоритъ: «Государственная Дума напоминаетъ, что по манифесту 17-го октября 1905 года никакое предположеніе правительства не можетъ воспріять силу закона безъ одобренія Государственной Думы. Что же касается до принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, то Государственная Дума *отъ сего основанія новаго земельнаго закона не отступитъ*, отклоняя всѣ предложенія, съ этимъ началомъ не согласованныя». Указывая, наконецъ, что только тщательно обдуманный и правильно составленный законъ можетъ дать народу земельное обезпеченіе, «Государственная Дума надѣется, что населеніе будетъ спокойно и мирно ожидать окончанія ея работы по изданію такого закона».

Вотъ вся сущность обращенія къ народу. Какъ видите, это только первый шагъ, по цѣли и тону вполнѣ мирный.

Гг. Мухановъ и Обнинскій знакомятъ аудиторію съ текстомъ этого обращенія. Едва они успѣли кончить, произошло необычайное и знаменательное явленіе, на первый взглядъ, впрочемъ, малозначительное. Депутаты десятками начинаютъ покидать свои мѣста и, перегоняя другъ друга, спѣшатъ къ каѳедрѣ, чтобы записаться въ очередь. Не прошло и пяти минутъ, какъ запись превысила 60 человѣкъ.

Слово предоставляется сибирскому депутату г. Николаевскому. Онъ подводитъ итоги двухмѣсячныхъ работъ Думы.

— Ни одного человѣка не удалось спасти отъ висѣлицы, ни одного человѣка не удалось вырвать изъ тюрьмы—все по-старому. Карикатурное министерство остается у власти и даже позволило себѣ надругаться надъ законодательными прерогативами Думы. Пора этому положить конецъ. Дума должна временно принять исполнительную власть въ свои руки. Народъ и половина арміи стоитъ въ недоумѣніи передъ спокойствіемъ Государственной Думы и только ждетъ!

Г. Николаевскаго смѣняетъ г. Кузьминъ-Караваевъ.

Прослѣдите за рѣчами этого чрезвычайно уравновѣшеннаго и умѣреннаго человѣка, и вы увидите, какъ событія толкали людей влѣво—властно и неудержимо.

Г. Кузьминъ-Караваевъ говоритъ, что шагъ, на который рѣшается Дума, не согласуется съ теоретическимъ конституціонализмомъ, но уже говоритъ о значеніи исключительной минуты,

о необходимости этого шага и согласованности его съ обязательствомъ передъ населеніемъ.

— Этотъ шагъ необходимъ для поддержки авторитета Государственной Думы. Когда насъ народъ посылалъ въ Думу, онъ дѣйствовалъ почти въ молитвенномъ настроеніи.—такъ былъ высокъ авторитетъ Думы. Народу необходимъ авторитетъ,—не авторитетъ штыковъ и пулеметовъ, а нравственный авторитетъ, и только авторитетъ Думы теперь удерживаетъ населеніе. И въ то населеніе, гдѣ еще теплится послѣдняя вѣра,—вѣра въ Думу — искусныя руки вносятъ недовѣріе!

Во имя спасенія страны отъ краха, во имя поднятія авторитета Думы, г. Кузьминъ-Караваевъ рѣшилъ высказаться за обращеніе къ народу отъ лица Думы.

Затѣмъ заговорили представители правой, которые, сознавая значеніе обсуждаемаго предложенія, стараются его отвратить.

Первымъ говоритъ князь Волконскій. Онъ полагаетъ, что предлагаемое обращеніе никакого успокоенія не внесетъ, не можетъ внести. Народъ рѣшитъ, что Дума съ министрами ссорится,—и больше ничего. Г. Волконскому вообще не нравится «выколачиваніе одного авторитета другимъ». Онъ полагаетъ, что лучше не трогать государственной власти.

— Да и толкъ-то какой? Дума напишетъ бумажку, а министры ея не допустятъ.

Г. Волконскій любитъ прикидываться простачкомъ, но отлично понимаетъ, что предлагаемое обращеніе отъ лица Думы народъ можетъ истолковать въ томъ смыслѣ, что надо надѣяться на самого себя.

Если г. Волконскій отдѣлался только недоумѣвающими вопросами и пожиманіемъ плечъ, то г. Скирмунтъ, ярый представитель польскихъ аграріевъ, забралъ глубже и заговорилъ въ рѣзкомъ, почти вызывающемъ тонѣ.

По его мнѣнію, иниціаторы обращенія къ народу «полнымъ ходомъ въѣхали на ложный путь». Въ этомъ обращеніи онъ видитъ только желаніе покончить съ министерствомъ, но «нельзя убивать назойливую муху на чужой щекѣ». Г. Скирмунту очень дороги интересы родины, и онъ очень боится, какъ бы ей не было нанесено удара.

— Разносить министровъ—занятіе пріятное, и министерство, вѣроятно, уже ушло бы, если бы не слишкомъ пылкія и страстныя рѣчи, которыя раздавались съ этой каѳедры, искуственно его не удерживали. Вы хотите разрушить послѣдній призракъ

власти, но лучше теперешняя власть, чѣмъ полное господство анархіи.

Г. Скирмунтъ беретъ на себя смѣлость заявить, что это обращеніе угодно только какой-нибудь партіи, и проситъ «оставить Думу въ покоѣ».

— Обращеніе къ народу внесетъ только большую смуту.

— Невѣрно! Неправда! Довольно!—начинаетъ терять терпѣніе лѣвая.

Г. Скирмунтъ заходитъ такъ далеко, что заявляетъ, что нѣтъ никакой надобности въ «пустыхъ» декларацiяхъ.

Здѣсь уже поднимается шумъ и несутся негодующіе крики: «Довольно!»

Г. Муромцевъ дѣлаетъ оратору замѣчаніе, и тотъ беретъ свои слова обратно. Тогда г. Муромцевъ обращается къ аудиторіи и проситъ ее «сохранять уговоръ»—не мѣшать ораторамъ.

Г. Скирмунтъ произноситъ нѣсколько словъ о необходимости мира и спокойствія и покидаетъ каѳедру.

Рѣчь г. Скирмунта доставила видимое удовольствіе г. Столыпину, одиноко возсѣдавшему въ министерской ложѣ.

Затѣмъ послѣ двухъ ораторовъ, ограничившихся нѣсколькими словами, но въ общемъ высказавшихся противъ обращенія къ народу, слово предоставляется г. Петражицкому. Когда въ Думѣ обсуждалась записка 42-хъ по аграрному вопросу, г. Петражицкій, какъ извѣстно, довольно рѣзко разошелся со своими коллегами по партіи «народной свободы» и нѣсколько приблизился къ польскому коло. На этотъ разъ г. Петражицкій остался вѣренъ принятому направленію. Онъ—противъ обращенія къ народу, считаетъ такое обращеніе шагомъ экстраординарнымъ и отчаяннымъ, и думаетъ, что этотъ шагъ можетъ оказать услугу не Думѣ, а правительству.

Послѣ представителей правой слово предоставляется лидеру «трудовиковъ» г. Жилкину. Онъ ставитъ вопросъ открыто, ясно и просто.

— Необходимо прислушаться къ голосу народа. Дума проявила много осторожности, много мудрой осторожности, но теперь сама жизнь, сама жестокая необходимость приводитъ Думу на новый путь. Г. Жилкинъ съ полной откровенностью заявляетъ, что обращеніе къ народу необходимо въ цѣляхъ организаціи борьбы, необходимо сказать народу: вотъ наши требованія, ты долженъ насъ поддержать. Только борьба приноситъ реальные результаты. Ораторъ напоминаетъ депутатамъ, что эта борьба, эти народныя силы привели ихъ въ парламентъ.

Г. Жилкину долго и шумно аплодируютъ.

Послѣ Жилкина опять говоритъ представитель польскаго коло, кн. Друцкой-Любецкій. Онъ, конечно, противъ обращенія къ народу. Это обращеніе вызоветъ новыя жертвы, а не будь этого обращенія, терпѣливый народъ еще ждалъ бы, долго бы еще ждалъ...

Часовая стрѣлка приближается къ шести. Въ этотъ часъ Дума обычно переходитъ къ запросамъ, но Дума послѣ нѣкоторой пикировки между представителями лѣвой и центра, стоявшихъ за необходимость продлить обсужденіе вопроса, и графомъ Гейденомъ и Стаховичемъ, полагавшими ненужнымъ нарушать обычный порядокъ, подавляющимъ большинствомъ принимаетъ рѣшеніе не закрывать засѣданія, пока вопросъ объ обращеніи къ народу не будетъ рѣшенъ. Дума принимаетъ предложеніе закрыть запись ораторовъ и ограничить рѣчи 5-ю минутами. Объявляется часовой перерывъ. Во время перерыва шли совѣщанія отдѣльныхъ парламентскихъ группъ. Между «кадетами» произошелъ расколъ, который сказался и въ дальнѣйшихъ преніяхъ.

Возобновляется засѣданіе. Несмотря на поздній часъ, думскій залъ полонъ. Г. Столыпина уже нѣтъ. Говоритъ длинный рядъ ораторовъ.

Гг. Сафроновъ и Семеновъ высказываются рѣшительно за необходимость обращенія къ народу въ цѣляхъ организаціи общественныхъ силъ и предотвращенія стихійнаго взрыва.

Депутатъ Езерскій привѣтствуетъ это обращеніе.

Слово предоставляется г. Ледницкому. Онъ говоритъ горячо, красно, съ огромнымъ подъемомъ. Во имя блага народа онъ привѣтствуетъ слова депутата Жилкина и привѣтствуетъ идею обращенія къ народу, ибо страшныя событія, назрѣвающія въ странѣ, требуютъ отъ Думы рѣшительнаго шага. Но текстъ обращенія совершенно не удовлетворяетъ оратора. Онъ находитъ его прямо ничтожнымъ. Нужны иныя, яркія слова, нуженъ призывъ-манифестъ, обращенный къ народу.

На эти слова лѣвая половина зала отвѣтила громкими рукоплесканіями.

Г. Котляровскаго, праваго «кадета», прямо пугаютъ эти слова г. Ледницкаго.

— Не нужно никакого манифеста. Нельзя ломать тактики, а можно и должно ограничиться извѣщеніемъ о ходѣ работъ аграрной комиссіи.

Г. Ледницкій заявляетъ, что онъ говорилъ только отъ своего имени.

Затѣмъ говоритъ г. Рамишвили отъ имени соціалъ-демократической партіи. Текстъ обращенія его, само собою, не удовлетворяетъ, впрочемъ, не весь, а конецъ.

— Конецъ надо выбросить и написать, что народная революція должна исправить и искупить всѣ ошибки.

Отмѣтимъ далѣе важнѣйшіе моменты преній.

Профессоръ Гредескулъ замѣчаетъ, что значеніе предлагаемаго обращенія нѣкоторые чрезвычайно преувеличиваютъ, а другіе, напротивъ, слишкомъ уменьшаютъ, между тѣмъ, это обращеніе просто необходимо. Никто не можетъ быть лишенъ права опровергать взведенныя на него небылицы. По существу предлагаемое обращеніе не выходитъ изъ конституціонныхъ предѣловъ и не является актомъ антиконституціоннымъ.

Нѣсколько ораторовъ, вмѣсто общихъ разсужденій, ссылаются на полученныя ими телеграммы, рисующія грозныя картины аграрныхъ волненій. Принятіе мѣръ является необходимымъ, неизбѣжнымъ, и одною изъ этихъ мѣръ является обращеніе Думы къ народу.

Ксендзъ Сангайло противъ принятія обращенія и призываетъ Думу не сходить съ почвы законности.

Депутатъ Лопасъ заявляетъ, что Дума вовсе не покидаетъ законной почвы,—она просто хочетъ издать разъясненіе, необходимость котораго вызвана правительственнымъ сообщеніемъ.

Депутатъ Мокруновъ находитъ форму этого разъясненія не достаточно рѣзкой и полагаетъ, что обращеніе къ народу должно быть написано болѣе простымъ языкомъ.

Г. Ярцевъ говоритъ о необходимости выразить порицаніе насиліямъ и погромамъ, совершаемымъ крестьянами. Нужно-ли обращеніе къ народу,—г. Ярцевъ опредѣленно не говоритъ.

Графъ Гейденъ полагаетъ, что никакого обращенія къ народу не нужно, народъ, молъ, и безъ того освѣдомленъ о дѣятельности Думы. и такъ какъ въ настоящее время ничего опредѣленнаго по аграрному вопросу Дума сказать не можетъ, то и обращеніе является излишнимъ.

Депутатъ Обнинскій стоитъ за необходимость обращенія, но отнюдь не признаетъ за нимъ «торжественнаго» значенія. Торжественный моментъ еще не наступилъ.

Съ г. Обнинскимъ, въ общемъ, согласенъ и г. Кокошкинъ.

— Правительственное сообщеніе отъ 20-го іюня, при изданіи котораго министерство явно злоупотребило именемъ Монарха, не можетъ быть оставлено безъ отвѣта. Министерство старается втя-

путь Корону въ партійную борьбу. Въ своемъ сообщеніи оно перешло грань, отдѣляющую отвѣтственность политическую отъ отвѣтственности уголовной. Ложное анонимное сообщеніе должно быть опровергнуто.

Такъ какъ цѣлый рядъ ораторовъ отказывается отъ своего слова, а нѣкоторыхъ изъ записавшихся не оказывается въ залѣ, къ одиннадцати часамъ общія пренія были окончены.

Ставится на баллотировку вопросъ: желаетъ-ли Дума перейти къ обсужденію внесеннаго предложенія по частямъ?

Огромнымъ большинствомъ противъ 10—15 человѣкъ правой предложеніе это принимается, и, такимъ образомъ, Дума принципіально высказалась за необходимость обращенія къ народу.

Къ детальному обсужденію текста обращенія Дума обратилась лишь въ слѣдующемъ засѣданіи, которое состоялось 6-го іюля.

———

За день многое измѣнилось. Слухи о роспускѣ Думы становились все упорнѣе и настойчивѣе, хотя въ Думѣ имъ плохо вѣрили. «Кадеты» рѣшили придерживаться болѣе мирнаго пути, и въ этомъ направленіи внесли поправки къ контръ-сообщенію, выработанному аграрной комиссіей.

«Трудовики» остались при прежнемъ взглядѣ на дѣло и защищали его энергично, сильно и опредѣленно.

Они вступили съ «кадетами» въ рѣшительный бой.

Важность вопроса окрылила ораторовъ, и они захватили тему глубоко и серьезно.

«Кадеты» выслали впередъ старика И. И. Петрункевича, который собралъ всю силу и опытъ общественнаго дѣятеля и убѣжденнаго, послѣдовательнаго конституціоналиста. Г. Петрункевичъ выступилъ съ новымъ текстомъ обращенія къ народу, внесеннымъ отъ партіи «кадетовъ». Текстъ этотъ, на первый взглядъ, не очень разнится отъ текста, выработаннаго аграрной комиссіей, но въ немъ есть маленькая вставочка—добавлено, что земля должна быть отчуждена по выкупу. Кромѣ того, текстъ этотъ нѣсколько короче, иначе размѣщаетъ отдѣльныя части и усиленнѣе подчеркиваетъ необходимость для крестьянскаго населенія вѣрить въ мирный порядокъ и мирно ждать. Г. Петрункевичъ предпосылаетъ оглашенію текста небольшую рѣчь. Онъ находитъ, что обсужденіе обращенія къ народу приняло не надлежащее направленіе. Это обращеніе должно носить характеръ разъясненія, не

болѣе того,—и напрасно газеты праваго крыла поспѣшили заявить, будто Дума вступила на революціонный путь. Надо показать, что ни къ захвату власти, ни къ революціонизированію страны Дума отнюдь не стремится. Дѣло обстоитъ просто: правительство само пригласило народъ стать посредникомъ между министерствомъ и Думой, и Думѣ ничего болѣе не остается, какъ объяснить населенію, что министерство вводитъ его въ заблужденіе. Разъясненіе, обращенное къ народу, представляется необходимымъ, и надо настоять, чтобы оно было напечатано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Въ заключеніе г. Петрункевичъ читаетъ текстъ обращенія, выработанный партіей «кадетовъ».

Г. Жилкинъ, отъ имени трудовой группы, протестуетъ.

— Нельзя послѣ того, какъ Дума потратила столько времени на обсужденіе текста, выработаннаго аграрной комиссіей, вносить совершенно новый текстъ, цѣликомъ замѣняющій первый.

Послѣ нѣкотораго спора вопросъ улаживается: г. Петрункевичъ беретъ назадъ свой текстъ съ тѣмъ, чтобы разбить его на части и внести въ видѣ отдѣльныхъ поправокъ. Только послѣ этого Дума переходитъ къ детальному обсужденію текста.

Баллотируется заглавіе. На первый взглядъ, малозначительная вещь, но на самомъ дѣлѣ заглавіе въ данномъ случаѣ имѣетъ важное значеніе. Дума приняла такое заглавіе: «Отъ Государственной Думы». Не сказано къ кому: «къ народу», «къ русскому народу» и т. д., не названо это обращеніе «воззваніемъ», «призывомъ», «манифестомъ», а просто—«Отъ Государственной Думы». Нельзя не отмѣтить попутно маленькаго инцидента. Князь Волконскій проситъ слова по поводу заголовка.

— Вѣдь это воззваніе должно быть напечатано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ?»—иронизируетъ г. Волконскій.—Такъ назовемъ его «правительственнымъ сообщеніемъ».

Колкость довольно грубая и плохо замаскированная.

Затѣмъ Дума переходитъ къ первой части обращенія, какъ разъ къ той, гдѣ говорится о необходимости народу вѣрить въ Думу и въ мирное разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Именно по этому пункту и произошли наиболѣе жаркія схватки между лидерами двухъ самыхъ вліятельныхъ группъ въ Думѣ—г. Жилкинымъ и г. Петрункевичемъ.

Г. Жилкинъ говоритъ съ большимъ подъемомъ, въ сознаніи громадной отвѣтственности, лежащей на немъ, какъ на народномъ представителѣ.

По глубинѣ и силѣ это была едва-ли не лучшая его рѣчь. Онъ прежде всего ставитъ на разрѣшеніе важный, коренной вопросъ.

— Имѣемъ-ли мы, господа, право обращаться къ населенію и увѣрять, что все въ Россіи такъ обстоитъ благополучно и что наша работа, какъ законодательнаго учрежденія, находится въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, что мы сможемъ, на тѣхъ основаніяхъ, которыя были указаны въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, разработать земельный законъ и потомъ его издать, и на этомъ основаніи мы призываемъ населеніе спокойно ожидать? Такого обращенія Государственная Дума дѣлать ни въ коемъ случаѣ не можетъ *(Крики: «Да, вѣрно!»)* по очень многимъ глубокимъ и серьезнымъ причинамъ. Первая причина—это та, что по своему составу Государственная Дума, къ крайнему сожалѣнію, не представляетъ собою народныхъ избранниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Мы знаемъ, что, благодаря уродливому избирательному закону, выборы въ Думу производились такъ, что населеніе не могло представить тѣхъ кандидатовъ, которыхъ оно желало, въ особенности же крестьяне и рабочіе. Во-вторыхъ, чрезвычайно важно,—сама Государственная Дума, съ самыхъ первыхъ дней ея засѣданій, заявила, что никакой правильной, нормальной работы не можетъ быть, пока существуетъ безотвѣтственное министерство и Государственный Совѣтъ, наполовину составленный изъ представителей бюрократіи и наполовину изъ выборныхъ отъ привилегированныхъ слоевъ населенія. Съ этими работниками и ихъ помощниками Государственная Дума ничего сдѣлать не можетъ. Это Государственная Дума сказала раньше, не можетъ этого скрывать и теперь. Въ этомъ смыслѣ министерство стойко и выдержанно продолжаетъ увѣрять какъ Думу, такъ и населеніе, что, дѣйствительно, министры и Государственный Совѣтъ намъ не будутъ помогать въ важныхъ законодательныхъ начертаніяхъ. Вы помните знаменательный день 13-го мая, когда предсѣдатель совѣта министровъ съ этой трибуны сказалъ и тщательно подчеркнулъ фразу, что никакое отчужденіе частновладѣльческихъ земель безусловно допущено не будетъ. Вотъ помощники, съ которыми, въ силу прежнихъ условій жизни, намъ приходится создавать тотъ законъ, который мы призываемъ населеніе мирно и спокойно ждать. Мы знаемъ, что и Государственный Совѣтъ намъ также не поможетъ.

Г. Жилкинъ продолжаетъ:

— При такихъ условіяхъ предлагать населенію, чтобы оно мирно и спокойно ожидало, пока, на основаніи установленныхъ Думой

въ отвѣтномъ адресѣ принциповъ, Дума выработаетъ законопроектъ,—съ нашей точки зрѣнія, невозможно. Мы пе можемъ надѣяться на это и увѣрять населеніе въ томъ, чтобы оно мирно и спокойно ждало. Всѣ мы мирные люди, Государственная Дума—мирное законодательное учрежденіе. Мы пришли сюда для мирной работы. Но не наша вина, если создались такія условія въ русской жизни, что Государственной Думѣ въ мирныхъ, спокойныхъ рамкахъ нѣтъ возможности работать, а населенію спокойно ждать. Доказательствомъ невозможности такой мирной работы является и этотъ проектъ обращенія къ народу. Всѣ самые мирные депутаты изъ партіи «народной свободы», говорятъ, что если бы у насъ была дѣйствительная конституція, если бы правительство не нарушало нашихъ правъ, намъ не было бы нужды обращаться народу, и что это обращеніе съ конституціонной точки зрѣнія неправильно. Совершенно вѣрно. И все же мы выступаемъ на этотъ рѣшительный путь, на который насъ вынуждаютъ итти. Здѣсь указывалось, что само правительство выступило на путь революціонный, издавъ свое сообщеніе. Но я скажу, что это правительственное сообщеніе только маленькій шагъ на революціонномъ пути. Правительство уже давно выступило на путь революціонный—десятки лѣтъ тому назадъ, когда оно твердо устанавливало систему подавленія народа, когда твердо насаждало самовластіе, подавляя всякое освободительное движеніе, пе допуская свободы слова, собраній, покровительствуя эксплоататорамъ и подавляя эксплоатируемыхъ, подавляя все русское населеніе, крестьянство, рабочихъ, интеллигенцію. Теперь, если мы видимъ, что правительство хочетъ твердо отстаивать свои позиціи самовластія, и если, въ то же время, намъ ясно и несомнѣнно, что народъ прозрѣлъ и не можетъ болѣе жить въ рамкахъ старой жизни,—разъ мы все это видимъ, то намъ нечего призывать народъ къ миру и спокойствію. Мы не можемъ обманывать себя, что можетъ наступить время, когда наверху будутъ кроткіе агнцы, а внизу будутъ мирно и спокойно ждать, мы же тѣмъ временемъ будемъ работать, издадимъ аграрный законъ, законъ этотъ будетъ утвержденъ, и все успокоится. Разъ этихъ иллюзій нѣтъ, и мы выступаемъ какъ первый передовой отрядъ борющейся всенародной арміи, то намъ ничего не остается, какъ обратиться къ народу и сказать: мы не забыли, что мы народные представители, и обращаемся прежде всего къ народу: смотри, народъ, дѣло всенароднаго освобожденія въ опасности, смотри,—мы уже теряемъ послѣднюю вѣру, послѣднія силы, и не можемъ мы младенчески

искать благородства тамъ, гдѣ его не было, гдѣ строятъ планы о военной диктатурѣ, отъ тѣхъ, кто всяческими жестокостями старается отстоять свою власть. Надо призывать народъ къ организованной борьбѣ, не къ той борьбѣ, на какую вызываетъ его преступное правительство,—къ борьбѣ путемъ погромовъ, пожаровъ и т. п., а къ борьбѣ сознательной, широко организованной. Люди, выходящіе изъ центра Государственной Думы, говорятъ, что революцію разжигаютъ всѣ мѣропріятія правительства. Совершенно вѣрно. Но я добавлю: не только мѣропріятія правительства, но и всѣ необычайно жестокія условія русской жизни разжигаютъ революціонное движеніе. Это движеніе есть и будетъ, и намъ не остановить стихійнаго размаха революціи. Наша задача не въ томъ, чтобы обращаться къ народу съ призывомъ къ миру и успокоенію, потому что наше слово тутъ будетъ безрезультатнымъ, оно будетъ щепкой, которую отброситъ въ сторону несущійся потокъ. Нѣтъ, намъ необходимо лишь указать, чтобы народъ не выступалъ на путь пугачевщины, чтобы онъ не поддавался провокаціи агентовъ правительственной власти. Если онъ двинется по пути неорганизованному, то тогда одна деревня пойдетъ противъ другой, сильный противъ слабаго, бѣдный противъ богатаго, и будетъ ужасающая анархія, пойдетъ всенародное разложеніе страны. Мы же должны сказать: разъ революція неизбѣжна, разъ борьба неизбѣжна, разъ старая власть не уступаетъ своихъ позицій, разъ мы высланы передовымъ отрядомъ и народъ выдвинулъ насъ на первый планъ, то мы должны указать народу на организованную борьбу. Зачѣмъ такъ пугаться слова «борьба»? Многіе продолжаютъ считать, что революція это есть вооруженное возстаніе, бунтовщическое движеніе. Позвольте еще разъ сказать, что вооруженное возстаніе есть крайняя мѣра, къ которой всякая революція прибѣгаетъ. Революція у насъ была и есть. Она начиналась мирными, сравнительно, дѣйствіями, и потому она захватывала непобѣдимой волной элементы, которые до тѣхъ поръ относились къ освободительной борьбѣ безразлично. Припомните повсемѣстную организацію такъ-называемыхъ нелегальныхъ союзовъ, всероссійскія забастовки и т. д. Мнѣ здѣсь говорятъ, что я напрасно указываю на 17-е октября, что оно достигнуто не революціей, а мирнымъ путемъ. Но какъ разъ этотъ первый завоеванный шагъ на освободительномъ пути достигнутъ прежде всего грандіозной всеобщей забастовкой. Развѣ это спокойствіе и миръ? Путь организаціи союзовъ, забастовки, протесты, требованія—все это путь мирный и въ то же время революціон-

ный. Мирный, если сравнить его съ вооруженнымъ возстаніемъ. До 17-го октября было великое неспокойствіе въ странѣ, было великое негодованіе въ значительной части населенія. И это двинуло на борьбу стройныя массы населенія. Результатомъ явилось завоеваніе 17-го октября. Точно такъ же и теперь, наша главная надежда на великое, святое неспокойствіе народа, на великое народное негодованіе, которое въ концѣ концовъ испепелитъ старое черное зло и водворитъ новый законъ и порядокъ. Пусть не разростается народное возстаніе, пусть на этотъ путь народъ вступитъ только тогда, когда увидитъ самъ, что другихъ средствъ нѣтъ. Но организоваться народу для борьбы въ широкомъ всенародномъ смыслѣ, для достиженія успокоенія въ странѣ—необходимо. Поэтому, вмѣсто двусмысленнаго и опаснаго призыва къ спокойствію и миру, я предлагаю отъ имени трудовой группы поправку въ такомъ смыслѣ: «Государственная Дума выражаетъ увѣренность, что населеніе съ прежнимъ довѣріемъ будетъ относиться къ ея работамъ и обезпечитъ ей своей мощной, организованной поддержкой полную возможность провести начинанія Государственной Думы въ жизнь». Подчеркиваю еще разъ, что только въ связи съ народною мощью Дума можетъ сдѣлать дальнѣйшіе шаги на освободительномъ пути; только съ этой мощною народной поддержкой можно завоевать настоящее народное представительство.

Рѣчь г. Жилкина произвела впечатлѣніе. Г. Петрункевичъ понялъ ея значеніе и выступилъ съ сильной, продуманной рѣчью. При этомъ нельзя не отмѣтить, что г. Петрункевичъ позволилъ себѣ неправильно изложить нѣкоторыя мысли своего противника. Но это было не искаженіе чужихъ словъ, а неправильное освѣщеніе, подъ вліяніемъ субъективнаго впечатлѣнія. Г. Петрункевичъ заявляетъ, что онъ съ великимъ неудовольствіемъ услыхалъ отъ г. Жилкина, что Дума является неправоспособной, и мы являемся фальшивыми народными представителями.

— Съ этимъ я не согласенъ. Если насъ и не весь народъ выбиралъ, то народъ насъ призналъ. . . . .

Послѣднія слова, несомнѣнно, очень удачныя и сильныя, вызвали взрывъ аплодисментовъ. Аплодируетъ и часть «трудовиковъ».

— Мы избранники народа, мы пришли для борьбы и въ борьбѣ почерпнемъ свои силы; мы сказали, что безъ земли и воли не возвратимся. . . . .

— Это значитъ: мы должны употребить всю нашу энергію, всѣ наши силы, чтобы добыть права для народа. Пока мы остаемся

здѣсь, мы представляемъ собою единственную дѣйствительную организацію народа. Я полагаю, что мы должны сохранить ее. Если мы станемъ на тотъ путь, на который насъ здѣсь приглашаютъ, то мы совершенно отклонимся отъ той роли, которая выпала на нашу долю. Предшествующій ораторъ говорилъ, что есть другіе пути. Я позволю себѣ спросить: какіе же это пути? Пути захвата правъ? Но развѣ земельный вопросъ, вопросъ многовѣковой, можетъ быть рѣшенъ путемъ захвата? Развѣ тѣмъ путемъ, что народъ сожжетъ цѣлыя деревни, цѣлые уѣзды, онъ улучшитъ свое положеніе?—Нѣтъ. Упрочитъ онъ свое право?—Нѣтъ. Только законодательнымъ путемъ, только черезъ Государственную Думу можетъ быть рѣшенъ этотъ вопросъ. Мы призываемъ къ спокойствію, но не къ мертвому успокоенію. Мы не предлагаемъ уснуть,—мы этого не говоримъ. Мы говоримъ только, что путь захвата безполезенъ и вреденъ. Намъ говорятъ объ организаціи народа, но я не знаю такого способа организаціи. Если говорить о броженіи, то надо помнить, что оно можетъ принять ужасающую форму, и рисковать судьбой народа, вызвавъ такое броженіе,—невозможно. Я думаю, что не въ интересахъ какой-либо партіи, чтобы народъ безплодно погибалъ и растрачивалъ свои средства. Моментъ для организаціи народной борьбы еще не наступилъ. Можетъ-быть, правительство и доведетъ до этого народъ, заставивъ его убѣдиться, что легальнымъ путемъ нельзя добиться ничего; тогда намъ придется заговорить инымъ языкомъ, тогда уже не придется говорить о нашей неприкосновенности, тогда намъ придется бороться съ властью не съ этой каѳедры, а въ другомъ мѣстѣ. Но я думаю, что такой моментъ еще не наступилъ. Повторяю, можетъ-быть, гг. министры очень скоро приведутъ Россію къ такому положенію, но во всякомъ случаѣ не Дума должна привести ее къ нему. Дума должна до послѣдней минуты держать знамя легальности, борьбы за право не кулакомъ, не штыками и пулеметами, а во имя правъ и посредствомъ правъ. Мы не можемъ обмануть довѣрія народа. До послѣдней степени мы должны держаться законнаго пути, но призывать народъ къ броженію и борьбѣ въ настоящее время, когда мы пользуемся правомъ неприкосновенности, а народъ стоитъ передъ пушками и пулеметами,—немыслимо.

«Кадетскій» центръ устраиваетъ г. Петрункевичу овацію. Казалось, что человѣкъ, что называется, спасъ положеніе. Послѣ рѣчи г. Петрункевича уже не было сомнѣнія, какимъ путемъ пойдетъ большинство Думы при обсужденіи текста обращенія. Тѣмъ не менѣе, «трудовики» не теряютъ надежды.

Слово предоставляется г. Сѣдельникову. Онъ прежде всего считаетъ нужнымъ исправить неточности, допущенныя г. Петрункевичемъ при изложеніи рѣчи г. Жилкина.

— Г. Жилкинъ не говорилъ, что мы фальшивые представители. Онъ только заявилъ, что мы представители неполноправные. Намъ на это отвѣчаютъ, что народъ насъ призналъ. Да, потому, что признать больше было некого, потому что дѣваться ему было некуда, но онъ призналъ не безусловно, а во имя тѣхъ великихъ надеждъ, которыя народъ возлагаетъ на Думу. Эти надежды начинаютъ рушиться, такъ какъ со дня созыва Думы зло не только не уменьшилось, но, напротивъ, увеличилось, и это лучшій показатель нашего безсилія. Мы все говоримъ, и народъ начинаетъ понимать, что нужно что-нибудь другое, кромѣ словъ. Жизнь ломаетъ юридическія рамки, и когда она возьметъ свое,—рамки угодливо приспособятся къ жизни. Слова г. Жилкина были поняты неправильно. Онъ какъ разъ говорилъ противъ пугачевщины и противъ кулака. Мы тоже стоимъ на почвѣ права, но не писанаго, а народнаго, и знаемъ, что безъ поддержки народа мы ничего не достигнемъ. Мы должны разъяснить народу истинное положеніе дѣла.

Послѣ г. Сѣдельникова слово предоставляется гр. Гейдену. На этотъ разъ графа покидаетъ обычная корректность. Сейчасъ только депутатъ Сѣдельниковъ напомнилъ собранію, что г. Жилкинъ ни слова не говорилъ о фальшивыхъ избранникахъ, но графъ Гейденъ повторяетъ, что, по мнѣнію г. Жилкина, члены Думы дѣйствуютъ на основаніи фальшивой довѣренности. Графъ Гейденъ находитъ, что лѣвая сторона, въ лицѣ «уважаемаго товарища Жилкина, хватила черезъ край». Рѣчь «товарища» Жилкина напомнила графу что-то знакомое. Теперь онъ вспомнилъ. Все, что говорилъ г. Жилкинъ, напечатано въ соціалъ-демократическомъ журналѣ, слово въ слово. Это вызываетъ смѣхъ на крайней правой, но графъ Гейденъ такъ и не подтвердилъ и не доказалъ своего заявленія. Онъ находитъ, что лѣвые не раскрываютъ своихъ картъ. Они хотятъ итти рука объ руку съ болѣе спокойными элементами, поскольку это для нихъ полезно, а дойдя до извѣстнаго предѣла, они раскланяются и скажутъ: а теперь вы намъ не нужны. Графъ Гейденъ требуетъ, чтобы карты были раскрыты.

Затѣмъ снова говоритъ рядъ ораторовъ слѣва. Депутатъ Михайличенко, на основаніи наблюденій, сдѣланныхъ во время послѣдней поѣздки на родину, говоритъ, что народъ ждетъ обращенія къ нему Думы. Народъ спрашиваетъ: какъ ему быть, что ему дѣлать? Такое обращеніе, несомнѣнно, внесетъ только успокоеніе. Ораторъ

ссылается на извѣстное обращеніе къ рабочимъ, подписанное 14-ю депутатами. Это воззваніе внесло успокоеніе, способствовало организаціи и спасло много безплодныхъ жертвъ. Г. Михайличенко говоритъ такія простыя, но, въ сущности, страшныя слова. Простой народъ,—онъ ѣсть хочетъ, а хлѣба у него нѣтъ. Онъ знаетъ, что у кого хлѣбъ и власть, тотъ какъ разъ не работаетъ. Смутился народъ,—продолжаетъ ораторъ,—а наши крокодилы на каждый печатный листъ съ вѣстью о Думѣ разѣваютъ пасть. Дума—маякъ для народа, она не должна бояться народа.

Михайличенко поддерживаетъ г. Рыжковъ.

— И мы хотимъ заглушить пожаръ, и мы боимся, что въ гнѣвѣ народъ смететъ все свое достояніе.

Ораторъ отвѣчаетъ графу Гейдену и выражаетъ изумленіе по поводу его пріема, допустимаго развѣ въ послѣдней стадіи предвыборной борьбы партій, но не въ парламентѣ. Онъ очень радъ, что графъ Гейденъ прочелъ соціалъ-демократическую брошюру, но долженъ заявить, что трудовая группа вырабатываетъ свои рѣшенія самостоятельно и независимо отъ тѣхъ или иныхъ теоретиковъ соціалъ-демократіи. Въ заключеніе г. Рыжковъ приводитъ очень дѣльное замѣчаніе, указывая на то, что языкъ выработаннаго обращенія мало доступенъ для простого народа.

Г. Рыжкова смѣняетъ г. Рамишвили. Онъ говоритъ долго, чрезвычайно долго, и совершенно выходитъ изъ рамокъ обсуждаемаго вопроса. Всѣ разсужденія сводятся къ тому, что Государственная Дума только промежуточное звено, а не окончательное завершеніе революціи.

Затѣмъ слово предоставляется г. Жилкину. На выпады графа Гейдена онъ не отвѣчаетъ, а просто возстанавливаетъ точный текстъ искаженныхъ фразъ своей рѣчи.

— Если народъ будетъ только ждать, онъ ничего не получитъ. Надо говорить ему: не спи, но и не увлекайся провокаціей, не иди на путь пугачевщины, организуйся, собирай свои силы.

Нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній пришлось выслушать гг. «кадетамъ» отъ архангельскаго депутата г. Галецкаго.

— Вы, господа, вѣдь не вѣрите въ свои силы. Вы всегда апеллируете къ народу и пугаете народомъ, а сами его боитесь. Вы напоминаете того храбраго человѣка, который всегда носилъ съ собою револьверъ, но никогда его не заряжалъ: носилъ для того, чтобы другихъ пугать, а не заряжалъ, такъ какъ боялся выстрѣла.

Ораторъ образно опредѣляетъ различіе между «кадетами» и «трудовиками» въ ихъ отношеніяхъ къ переживаемому историческому

моменту. Первые говорятъ: «вѣроятно, можетъ-быть», а вторые: «несомнѣнно».

Дума, наконецъ, переходитъ къ баллотировкѣ первой части предложенія. Какъ и слѣдовало ожидать, «кадеты» въ союзѣ съ правой одержали побѣду: поправка г. Петрункевича принята, поправка г. Жилкина—провалилась. Дума, объявивъ засѣданіе безпрерывнымъ до окончательной выработки обращенія къ народу, переходитъ къ обсужденію дальнѣйшихъ его частей. Въ обращеніи имѣется, какъ извѣстно, пунктъ, въ которомъ упоминается о конфликтѣ Думы съ министерствомъ. Слова проситъ г. Стаховичъ. Онъ полагаетъ, что эту часть нужно выбросить. Она имѣетъ второстепенное значеніе, ибо, дескать, народъ вовсе не интересуетъ ссора съ министерствомъ и взаимные споры между Думой и министрами. Г. Стаховичъ самымъ серьезнымъ образомъ и даже въ патетическомъ тонѣ призываетъ Думу «стать выше личныхъ счетовъ». По его мнѣнію, не надо вовсе обращенія. Это шагъ революціонный. Думу могутъ разогнать, и это будетъ ужасно.

Въ срединѣ рѣчи г. Стаховича вся лѣвая покидаетъ залу.

Г. Петрункевичъ энергично протестуетъ противъ ламентацій г. Стаховича.

— Если считаться съ тѣмъ, распустятъ или не распустятъ Думу, тогда работать совсѣмъ нельзя. Надо такъ ставить вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ предпринимать извѣстную мѣру, и только этимъ руководствоваться. Не упоминать въ обращеніи къ народу о министрахъ немыслимо. Вѣдь этотъ документъ является плодомъ «нападенія» ихъ на Думу.

Ораторъ напоминаетъ аудиторіи о томъ величайшемъ позорѣ, который готовятъ министры Россіи.

— Уже идетъ совѣщаніе между Австріей и Германіей, и русскія поля могутъ быть заняты иноземными солдатами. Россія можетъ пасть ниже Турціи. Пока эти люди у власти, насъ ждетъ колоссальная опасность и величайшій позоръ.

При этихъ словахъ залъ задрожалъ отъ аплодисментовъ отъ края и до края. Въ это время часть лѣвой возвращается.

Депутатъ Ишерскій отъ имени соціалъ-демократической фракціи заявляетъ, что такъ какъ предположенный текстъ обращенія къ народу не обличаетъ насильниковъ, то фракція голосуетъ противъ него, и предупреждаетъ, что фракція обратится къ народу съ самостоятельнымъ воззваніемъ.

Аудиторія холодно принимаетъ это заявленіе. Баллотируется рядъ поправокъ. Г. Петрункевичъ отказался отъ самой существен-

ной поправки—отъ внесенія словъ «за справедливое вознагражденіе», мотивируя свой отказъ тѣмъ, что аграрная комиссія еще не рѣшила этого вопроса, а въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь этихъ словъ нѣтъ. «Кадеты» пошли за г. Петрункевичемъ, и, несмотря на протестъ правой, поправка отвергается. Отвергается также поправка, внесенная польскимъ коло.

Уже первый часъ ночи на исходѣ. Въ это время г. Ефремовъ, такъ сказать, подъ шумокъ, предлагаетъ довольно громоздкую поправку, выражающую осужденіе аграрнымъ безпорядкамъ, говорящую о необходимости не прибѣгать къ насиліямъ, уважать право и т. д. Поправка эта отвергается центромъ въ соединеніи съ лѣвой противъ правой. Надо замѣтить, что у Думы имѣлся въ виду спеціальный докладъ по поводу погромовъ помѣщичьихъ усадебъ. Этотъ докладъ былъ уже отпечатанъ и розданъ членамъ Думы.

Послѣ принятія всего обращенія къ народу во второмъ чтеніи, объявляется перерывъ на четверть часа для того, чтобы придать обращенію окончательную редакцію.

Второй часъ ночи на исходѣ... Дума переходитъ къ третьему чтенію.

Скоро три часа ночи. Голосуется предложеніе цѣликомъ. Результатъ баллотировки изумительный. Трудовая группа и польское коло заявили отказъ участвовать въ баллотировкѣ.

Всѣхъ членовъ Думы оказалось налицо 278. Изъ нихъ воздержались отъ голосованія 101 человѣкъ—члены трудовой группы. Участвовало въ голосованіи 177 человѣкъ, изъ которыхъ 124 высказались за принятіе обращенія, а 53 противъ. За принятіе высказались «кадеты» и нѣсколько правыхъ. Гг. Стаховичъ, гр. Гейденъ и другіе «октябристы» голосовали вмѣстѣ съ гг. Рамишвили, Михайличенко и другими соціалъ-демократами, которые стояли противъ принятія предложенія. Это была изумительная картина. Такимъ образомъ, предложеніе принято.

Въ заключеніе г. Петрункевичъ внесъ предложеніе переслать обращеніе министру внутреннихъ дѣлъ для напечатанія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Предложеніе ставится на баллотировку.

На этотъ разъ число воздержавшихся оказалось еще болѣе значительнымъ. Въ голосованіи участвовало только 129 человѣкъ, которые подали голосъ за напечатаніе.

Баллотировка была признана недѣйствительной.

Такимъ образомъ, получилось нѣчто на первый разъ непонятное: при баллотировкѣ самого обращенія къ народу за него было по-

дано 124 голоса, и оно оказалось принятымъ, а при баллотировкѣ предложенія о напечатаніи этого обращенія за него было подано 129 голосовъ, т.-е. на 5 голосовъ больше, и оно оказалось непринятымъ. Но это объясняется тѣмъ, что въ первомъ случаѣ число лицъ, участвовавшихъ въ баллотировкѣ, превышало minimum, необходимый для законнаго состава Думы ($^1/_3$), и во второмъ случаѣ при увеличеніи количества воздержившихся число баллотирующихъ упало ниже этого minimum'а. По этому поводу возникъ споръ.

Г. Муромцевъ указалъ, что въ старыхъ парламентахъ существуетъ правило, въ силу котораго голоса воздержавшихся причисляются къ вотирующимъ «за», но такъ какъ наказъ Думы этого правила еще не установилъ, приходится считать только тѣхъ, кто высказался за или противъ.

Во всякомъ случаѣ, результатъ баллотировки оказался на столько искусственнымъ и неожиданнымъ, настолько подрывающимъ авторитетность принятаго Думой рѣшенія, что произвелъ прямо гнетущее впечатлѣніе.

Онъ не удовлетворилъ никого—ни «трудовиковъ», ни правыхъ, ни «кадетовъ».

На другой день къ этому вопросу уже не возвращались, а на третій Дума была распущена.

XVIII.

Вмѣсто заключенія.

Нить думской жизни оборвалась внезапно... Думу похоронили, и надъ свѣжей могилой поднялся черный столбъ нареканій и обвиненій.

Время и исторія разберутся въ этихъ обвиненіяхъ.

Но среди нихъ есть одно, особенно распространенное.

Оно формулируется въ немногихъ словахъ.

— Дума ничего не дѣлала. Она была неработоспособна.

Да послужатъ предыдущія главы посильнымъ отвѣтомъ на этотъ тяжкій, грубый укоръ.

Эти главы, конечно, не могли охватить жизни Думы во всей ея полнотѣ.

Онѣ говорятъ о Думѣ, какъ о цѣломъ, о работѣ ея общихъ собраній, объ ихъ органической работѣ.

Но, кромѣ органической работы, была и организаторская, которая также потребовала немало труда и времени.

Надо было устроиться въ этомъ новомъ бѣломъ домѣ, надо было выработать внѣшнія нормы и порядокъ работъ, надо было создать наказъ.

Вѣдь до Думы ничего не было сдѣлано, ничего не было приготовлено, вѣдь все надо было создавать вновь, въ новой совершенно непривычной обстановкѣ.

Взять хотя бы наказъ—на первый взглядъ второстепенная, формальная работа, но та же Дума, несмотря на свое короткое существованіе, успѣла показать, что наказъ для правильной дѣятельности парламента имѣетъ важное и существенное значеніе.

И тѣ части наказа, которыя Дума успѣла принять, составленныя умно, цѣлесообразно и умѣло, при большомъ вниманіи къ огражденію интересовъ меньшинства, противъ посягательствъ парламентскаго большинства, могли конкурировать съ наиболѣе совершенными регламентами европейскихъ парламентовъ. Въ этомъ отношеніи первой Думѣ даже особенно посчастливилось: въ ея рядахъ были такіе превосходные знатоки парламентской техники, какъ М. Ковалевскій, Острогорскій, Іоллосъ, Кокошкинъ и самъ предсѣдатель г. Муромцевъ. Этотъ наказъ сразу ввелъ работу Думы въ парламентскія рамки и далъ возможность съэкономить массу времени.

Кромѣ работы общихъ собраній, въ дни и часы перерывовъ между этими собраніями шла напряженная усиленная дѣятельность парламентскихъ комиссій.

Въ послѣднее время было организовано уже 15 комиссій, и онѣ несли на своихъ плечахъ прямо колоссальный трудъ.

Въ 7—8 часовъ вечера кончались занятія въ общихъ собраніяхъ, а уже въ 9 начиналась работа въ комиссіяхъ. Депутаты даже разселились неподалеку отъ Думы, чтобы не тратить времени на переходы или переѣзды. Многіе и послѣ закрытія общихъ собраній не покидали Думы, въ ней и завтракали, и обѣдали и, войдя утромъ въ Таврическій дворецъ, покидали его только ночью, часто даже послѣ полуночи.

И въ будни, и въ праздники до поздней ночи горѣлъ огнями старый Таврическій дворецъ, который нѣкогда зналъ ночные огни только во время роскошныхъ баловъ и потѣхъ.

Для засѣданій комиссій никогда не занимали общаго зала—онъ считался какъ бы неприкосновеннымъ въ часы, когда не было общихъ собраній; въ эти часы бѣлый, высокій залъ, словно дремалъ въ полутьмѣ, объятый истомой послѣ дня тяжелой работы.

Но зато оживали боковыя залы, и вся длинная амфилада комнатъ въ нижнемъ и верхнемъ этажѣ зданія.

Здѣсь и тамъ за длинными столами шла непоказная, мирная, созидательная работа на пользу и благо родины, которой эти люди старались служить усердно и искренно.

Вѣдь помимо законопроектовъ, принятыхъ въ первомъ чтеніи, былъ уже разработанъ рядъ законопроектовъ, къ обсужденію которыхъ Дума не успѣла приступить—о свободѣ печати, о свободѣ союзовъ, реорганизаціи суда, о начальномъ образованіи и т. д.

А сверхъ всей этой работы, въ общихъ собраніяхъ и комиссіяхъ, шли занятія въ партійныхъ организаціяхъ, комитетахъ, группахъ и собраніяхъ.

Положительно изумляться приходится, какъ у людей хватало силъ для такой тяжелой, напряженной работы.

Только высокій подъемъ, только лихорадочное напряженіе давало силы этимъ людямъ. Только горячее желаніе послужить родинѣ и солидарность отдѣльныхъ парламентскихъ группъ помогли сдѣлать такъ много въ такое короткое время.

Необходимость работы органической, созидательной, творческой, ясно и неотступно стояла передъ Думой, особенно въ послѣднюю половину ея дѣятельности.

Случилось такъ, что какъ разъ послѣднее засѣданіе передъ роспускомъ Дума посвятила, такъ сказать, ликвидаціи старыхъ счетовъ: покончила съ Бѣлостокомъ, съ грудой запросовъ, съ отвѣтами г. Макарова. Дума старалась всѣми силами перебраться черезъ кровавые вороха, которые событія наваливали на ея пути, и выбраться на торную дорогу законодательнаго творчества.

И когда широкая дорога мелькнула впереди, Думу распустили.

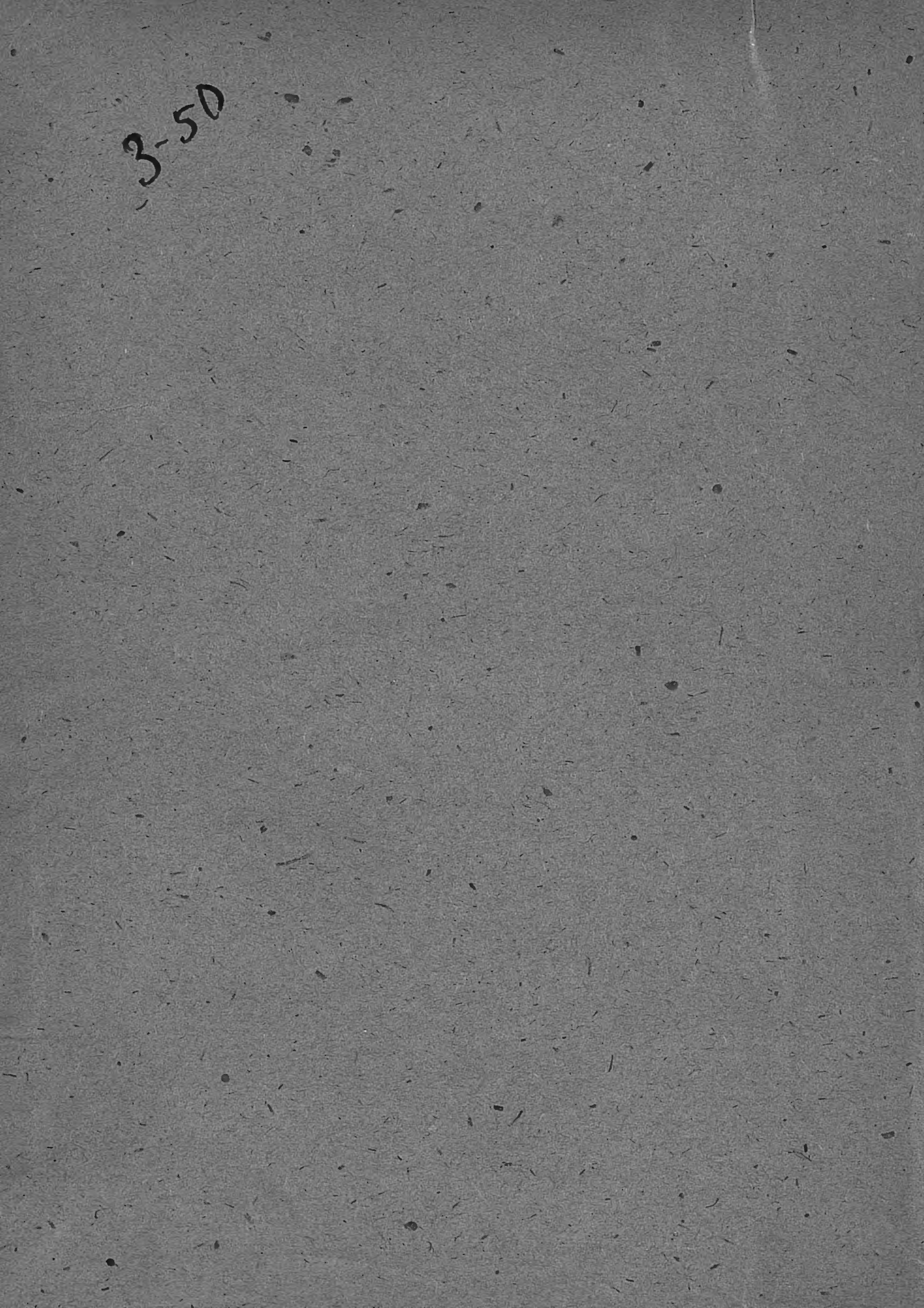
Пусть въ чемъ угодно обвиняютъ Думу, но только не въ томъ, что она не хотѣла работать на благо истерзанной страны, что она «ничего не дѣлала». Нельзя бросить упрека болѣе грубаго и несправедливаго...

Первую Думу похоронили... Но, когда исторія поставитъ надъ ней свой памятникъ, она начертаетъ на надгробномъ камнѣ безсмертныя слова великаго поэта:

... Не пропалъ ихъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленіе!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

3-50

